

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2021

№ 4

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Университет Северной Британской Колумбии, Канада

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Хлыновская-Рокхилл*, Кембриджский университет, Великобритания, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Northern British Columbia, Canada

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Khlinovskaya Rockhill*, University of Cambridge, UK, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (Д.А. Функ)	6
--------------------------------	---

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУКОТКИ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

(отв. ред. специальной темы номера – В.Н. Давыдов, А.А. Ярзуткина)

Давыдов В.Н., Ярзуткина А.А. Введение: многоликая Чукотка	12
Грэй П.А. «О вкусе хлеба мы уже забыли»: обеспечение чукотского села в постсоветский период	21
Клоков К.Б. Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно	37
Ватэ В. Возвращение к чукотским духам	55
Давыдова Е.Н., Давыдов В.Н. Микроинфраструктура подсобного хозяйства на Чукотке: яранги, контейнеры и теплицы	76
Ярзуткина А.А. Овощ(олене)водство в чукотском селе Ваеги	94

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*(отв. ред. специальной темы номера –
П. Куприянов, Н. Ломакин, В. Склез, А. Соколова)*

Куприянов П.С., Соколова А.Д. Забыть и вспомнить: память о советском прошлом в современных исследованиях	112
Янковская Г.А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации	119
Маслинская С.Г. Забыть, чтобы вспомнить (память о пионерах-героях в XXI веке)	138
Секушина Ю.А. Воображая прошлое, преображая настоящее: культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления	160

MISCELLANEA

Харитонов В.И. COVID-19 и вакцинация: «чипируют» или «убивают»?	183
Харевич В.М., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Техника скола в начале верхнего палеолита: экспериментальные критерии выделения различных типов отбойников (по материалам стоянок долины р. Толбор, Северная Монголия)	206
Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрок в эпоху Уйгурского каганата	229

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мамонтова Н.А. Геовласть, экстрактивизм и вертикальные территории: эссе о «геологическом повороте» в социальной антропологии (на примере работ Э. Повинелли и К. Юсофф)	249
Трынкина Д.А. Границы и эксклюзионизм в современном японском обществе	261
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	272
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	274

CONTENTS

Funk D.A. Editor's note	6
--------------------------------------	---

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF CHUKOTKA: THE VIEW OF RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCHERS

(Guest editors V.N. Davydov, A.A. Yarzutkina)

Davydov V.N., Yarzutkina A.A. Introduction: the many faces of Chukotka	12
Gray P.A. "We have forgotten the taste of bread": provisioning in a Chukotkan Village after state socialism	21
Klokov K.B. Ethnocultural landscape of the Chukchi village of Meynypilgyno	37
Vate V. Revisiting Chukchi spirits	55
Davydova E.N., Davydov V.N. Household microinfrastructure in Chukotka: yarangas, containers and greenhouses	76
Yarzutkina A.A. Horticulture and reindeer husbandry in the Chukchi village of Vayegi	94

FORGETTING AND REMEMBERING: MEMORY OF THE SOVIET PAST IN CONTEMPORARY STUDIES

(Guest Editors P. Kupriyanov, N. Lomakin, V. Sklez, A. Sokolova)

Kupriyanov P.S., Sokolova A.D. Forgetting and remembering: memory of the Soviet past in contemporary studies	112
Yankovskaya G.A. Adverse effects of Soviet hydropower projects: formats and practices of memorialization	119
Maslinskaya S.G. To forget to remember (memory of pioneer-heroes in the XXI century)	138
Sekushina Y.A. Imagining the past, transforming the present: cultural recycling of the Soviet past in the discourse of conscious consumption	160

MISCELLANEA

Kharitonova V.I. COVID-19 and Vaccination: Do They "Chip" or "Kill"?	183
Kharevich V.M., Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Chipping techniques in the Early Upper Paleolithic: experimental criteria for identifying different types of chippers (based on materials from the settlements of the Tolbor River Valley, Northern Mongolia)	206
Konstantinov N.A., Seregin N.N. Kuraika-2 funeral-memorial complex (South-Eastern Altai): new materials for the history of the Turks in the era of the Uigur Kaganate	229

REVIEWS

Mamontova N.A. Geo-power, extractivism and vertical territories: an essay on the "geological turn" in social anthropology (on the example of the works of E. Povinelli and K. Yusoff)	249
Trynkina D.A. Boundaries and exclusionism in contemporary Japanese society	261
ABOUT THE AUTHORS	272
INFORMATION FOR AUTHORS	274

DOI: 10.17223/2312461X/34/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Завершается девятый год жизни нашего журнала. Начав с проб и ошибок в 2013 г., с поиска своего особенного и узнаваемого профиля, в последние четыре года «Сибирские исторические исследования» стали, условно, антропологическим журналом, в котором *антропология* понимается максимально расширительно, как минимум в соответствии с боасовской тетрадой (социокультурная антропология, биологическая, или физическая, антропология, лингвистическая антропология и археология).

В Российском рейтинге *Science Index* по тематике «История. Исторические науки», начав с 42-го места по итогам 2015 г., в 2018–2020 гг. журнал закрепился в первой пятерке, а в 2019 г. даже занимал первую строчку рейтинга. Сходная динамика по данным того же рейтинга в категории «Комплексное изучение отдельных стран и регионов»: в 2018–2020 гг. журнал занимает здесь первое-второе места.

Удалось закрепить позиции журнала и в базе *Scopus*, в рейтингах которой (как внутренних, так и сторонних, в частности Scimago) наш журнал устойчиво, начиная с 2016 года, индексируется на уровне Q2, а по итогам оценок 2020 года оказался даже в числе топ-журналов уровня Q1.

С 2020 г. журнал стал индексироваться в Web of Science. Согласно Journal Citation Indicator (JCI), в категории «история» журнал «Сибирские исторические исследования» входит в Q2.

Вряд ли все эти оценки были бы возможны без профессиональной работы всех сотрудников редколлегии журнала и рецензентов, всех тех, кто максимально строго относится к научной оценке поступающих в портфель текстов, всех, кто ищет сильных авторов для журнала, а также, разумеется, без самих авторов, которые уже, кажется, привыкли к особенностям нашего журнала, в котором решения о публикации текста надо ждать порой год–полтора, если не дольше.

Издание нашего журнала на базе ТГУ, как мне видится, является важной, но по большому счету лишь одной из составляющих успеха развития современной антропологической мысли в Томске, который, надо признать, всегда славился добротной этнографией. На базе мегапроекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», которым мне посчастливилось руководить в 2013–2017 годах, родились не только журнал «Сибирские исторические

исследования» в его новой специализации, но и Лаборатория социально-антропологических исследований (<http://lsar.tsu.ru/ru/>), а затем, в конце 2017 г., и кафедра антропологии и этнологии (<http://history.tsu.ru/node/5912>). Из недр этого проекта вышел и интеллектуально насыщенный Томский антропологический форум 2016 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2016/>) и 2018 годов (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2018/>). Как знак признания локальных успехов в развитии нашей дисциплины можно рассматривать и право на проведение очередного Конгресса антропологов и этнологов России в 2021 г.: это был самый масштабный конгресс за всю историю КАЭР, в его работе приняли участие более двух тысяч российских и зарубежных ученых (<https://aaer.co/xiv-%D0%BA%D0%B0%D1%8D%D1%80/>).

Все сказанное не означает, что совсем нет проблем. Их много, но они являются совсем не локальными, а характерными в целом для социокультурной антропологии (этнологии) в России. По-прежнему сложно осуществлять набор на образовательные программы в ситуации, когда в стране нет профессии антрополога. Довольно просто присуждать любые ученые степени описательным диссертациям с близким к нулю научным уровнем, но чрезвычайно сложно выстраивать диалог с теми, кто призван оценивать качество ярких диссертационных работ и кто – будучи наделен правом принимать финальное решение – не слышит и, хуже того, не понимает и не стремится понять язык современной аналитически насыщенной социокультурной антропологии.

Чрезвычайно актуальной проблемой остается оценка качества нашей научной продукции. Тут, кстати, скорее не о «зачетных» жанрах публикаций надо думать, задавая пустые вопросы типа «что важнее – книга или статья?», а о том, как обеспечить высокое качество рецензирования рукописей «на входе» (внутреннее двойное слепое рецензирование) и «на выходе» (рецензирование текстов уже после их издания). Год от года, как ни странно, все сложнее становится решение проблемы смены поколений и, соответственно, сохранения молодых талантов в науке при почему-то безусловном сохранении почетных и до неприличия хорошо оплачиваемых sinecur в институтах и вузах, что в целом сказывается на замедлении темпов развития науки. Список болевых точек можно продолжать.

Очень надеюсь, что мы с помощью наших авторов сможем выйти на качественное, глубокое обсуждение как теоретических, так и институциональных проблем современной мировой и российской антропологии. Возможно, для этого придется не ограничиваться привычной периодичностью, а перейти на 6 номеров в год. Планы такие есть.

Следующий год ожидается не менее тематически и теоретически насыщенным, чем год уходящий. В планах обсуждение человеческого потенциала, современного старообрядчества, памяти и забвения, культурного наследия, взаимодействия людей с нечеловеческими сущно-

стями, экспертных возможностей антропологов и ряда иных тем, которые будут по большей части рассматриваться на сибирских материалах, но не только. И, разумеется, мы будем по-прежнему регулярно публиковать обзоры и рецензии на значимые антропологические книги.

От лица редколлегии журнала и от себя лично благодарю всех коллег, авторов и рецензентов, а также сотрудников Издательства Томского государственного университета, участвовавших в создании журнала все предшествующие годы. Уверен, что журнал *Сибирские исторические исследования* будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

The ninth year of the life of our journal is coming to an end. Having started with trial and error in 2013, with the search for its special and recognizable profile, in the last four years *Siberian Historical Research* has certainly become an anthropological journal in which anthropology is understood as broadly as possible, at least according to the Boas's four-field approach, which brings together sociocultural anthropology, biological, or physical, anthropology, linguistic anthropology and archaeology.

In the Russian *Science Index* ranking (RSI) for "History. Historical Sciences" category, having started from 42nd place in 2015, the journal was consolidated in the top five in 2018-2020. In 2019 it even occupied the first line of the ranking. Similar dynamics were observed for the RSI's category "Comprehensive Study of Selected Countries and Regions": in 2018-2020, the journal ranked first and second here.

We also managed to consolidate the journal's position in the *Scopus* database, where in both, internal and external, in particular, Scimago, ratings, our journal has been steadily indexed at the Q2 level since 2016, and according to the results of 2020 assessments it even ranked among the top journals at the Q1 level.

Since 2020, the journal has been indexed in Web of Science. According to the Journal Citation Indicator (JCI), in the category "History" the journal *Siberian Historical Research* is in Q2.

It is unlikely that achieving all these high marks would have been possible without the professional work of all the members of the editorial board and reviewers, all those who are most rigorous in their scientific evaluation of the submitted texts, all those who look for strong authors for the journal, and, of course, without the authors themselves, who know they will have to wait for over a year, if not longer, for their papers to be properly evaluated and published.

In my view, the publication of our journal on the basis of TSU is an important but not the only aspect of the successful development of modern anthropological thought in Tomsk, which has always been known for good ethnography. The mega-project "Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity," which I was lucky enough to lead in 2013-2017, served as a basis for many important initiatives: the journal *Siberian Historical Research* in its new specialization, the Laboratory of Social Anthropological Research (<http://lsar.tsu.ru/ru/>), and then,

in late 2017, the Department of Anthropology and Ethnology (<http://history.tsu.ru/node/5912>). The intellectually rich Tomsk Anthropology Forum of 2016 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2016/>) and 2018 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2018/>) also saw its beginnings in this mega-project. The right to hold the Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in 2021 can also be considered as a sign of recognition of local successes in the development of our discipline: it was the largest congress in the history of CAER, with more than two thousand Russian and foreign scientists participating in its work (<https://aaer.co/xiv-%D0%BA%D0%B0%D1%8D%D1%80/>).

However, all that does not mean that we have no problems. We have many problems, yet they do not seem to be local at all, but rather are typical for sociocultural anthropology (ethnology) in Russia as a whole. It is still difficult to enrol in educational programs in the country where anthropology does not exist as a profession. It is easy enough to award any academic degrees to descriptive dissertations with close to zero scientific level, but it is extremely difficult to build a dialogue with those who are called upon to evaluate the quality of excellent dissertations and who, being empowered to make the final decision, do not hear and, worse, do not understand or seek to understand the language of contemporary analytically rich sociocultural anthropology. Evaluating the quality of our scientific production remains an extremely urgent problem. Here, by the way, we should rather think not about "creditable" publication genres, asking empty questions such as "which is more important - the book or the article?", but about how to ensure high quality reviewing of manuscripts "at the entrance" (internal double-blind reviewing) and "at the exit" (reviewing texts after they are already published). It seems strange, but year by year it is becoming more and more difficult to solve the problem of generational change and, accordingly, of preserving young talents in science while for some reason unconditionally preserving honorable and obscenely well-paid sinecures in institutes and universities, which in general contributes to the slowdown of scientific development. The list of painful issues could go on and on.

I very much hope that, with the help of our authors, we will be able to reach a high-quality in-depth discussion of both the theoretical and institutional problems of contemporary World and Russian anthropology. This may require us to go beyond the usual four issues a year as early as next year. We have such plans.

Next year is expected to be no less thematically and theoretically rich than the previous year. We plan to discuss human potential, contemporary old believers, memory and oblivion, cultural heritage, human interaction with non-human entities, anthropological expertise, and a number of other topics that will be addressed using mostly Siberian materials, but not only. And, of course, we will continue to publish regular reviews and critiques of significant anthropological books.

On behalf of the editorial board and myself, I would like to thank all the colleagues, authors, reviewers, and the staff of Tomsk state university publishing house who have participated in the creation of the journal in preceding years. I am sure that the journal *Siberian Historical Research* will continue to successfully develop in the future.

Dmitriy Funk

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУКОТКИ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

(отв. ред. специальной темы номера –
В.Н. Давыдов, А.А. Ярзуткина)

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/2

ВВЕДЕНИЕ: МНОГОЛИКАЯ ЧУКОТКА*

Владимир Николаевич Давыдов,
Анастасия Алексеевна Ярзуткина

Аннотация. Рассмотрены основные направления современных социально-антропологических исследований Чукотки и затронут вопрос об интеграции сложившихся подходов. Представлены работы российских и зарубежных авторов, базирующиеся на результатах исследований, проведенных в разных местах Чукотского полуострова. Показана конкретная локальная специфика, подчеркивающая уникальность каждого из изучаемых поселений. Освещены процессы, происходящие как в хозяйстве, так и в ритуальной сфере. Авторы фокусируются на динамической, не статичной перспективе. Основная задача данной подборки статей – представить ключевые процессы, которые в течение последних 30 лет меняют повседневность локальных сообществ Чукотки.

Ключевые слова: Чукотка, Арктика, коренные народы, интеграция знаний, социальная антропология, этнография

Исследования Чукотки сыграли важнейшую роль в становлении и развитии российской этнографии, а также зарубежной культурной и социальной антропологии. О Чукотке и ее обитателях накоплены объемные этнографические материалы, требующие нового осмысления в контексте современных научных подходов. Одной из задач предлагаемой подборки статей выступает интеграция собранных за последние 30 лет социально-антропологических и этнографических данных о Чукотке. В публикуемых статьях представлены результаты исследований зарубежных (В. Вате, П. Грей) и российских (К.Б. Клоков, А.А. Ярзуткина,

* Подборка статей подготовлена в рамках гранта РФФИ «Этноэнциклопедия чукотской культуры», проект № 19-09-00268 (рук. А.А. Ярзуткина) и частично в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Е.А. и В.Н. Давыдовы) ученых, полученные в ходе продолжительной полевой работы в рассматриваемом регионе. Статьи базируются на материалах, собранных авторами в конкретных местах Чукотского полуострова: с. Амгуэма (В. Вате, Е.А. и В.Н. Давыдовы), с. Снежное (П. Грей), с. Ваеги (А.А. Ярзуткина), с. Мейныпильгыно (К.Б. Клоков). Каждая из работ показывает локальную специфику, подчеркивая уникальность того или иного изучаемого села.

Проводимые на Чукотке исследования последних лет посвящены широкому спектру проблем и включают следующие основные направления: исследования мобильности и технологий (Головнёв и др. 2018; Перевалова, Куканов 2019), инфраструктуры (Давыдов, Давыдова 2021), праздников и ритуалов (Vaté 2005, 2013; Yashchenko 2013; Опарин 2015; Ярзуткина 2020), локальных знаний (Крупник 2000; Коломиец, Крупник 2020), культурных и политических трансформаций (Kerttula 2000; Gray 2005), языковых процессов (Vakhtin 1998; Вахтин 2000; Пупынина 2013), проблем идентичности и модернизации (Thompson 2005, 2009; Schweitzer et al. 2005), этнокультурного и социального развития коренных народов Чукотки (Коломиец 2012), практик жизнеобеспечения (Klokov 2018), питания и снабжения (Yamin-Pasternak et al. 2014; Давыдова 2019), употребления алкоголя и торговли (Ярзуткина 2011, 2017). Следует также обратить внимание на труды исследователей из числа коренных жителей, сформировавших новую ветвь работ, написанных с позиции инсайдеров и посвященных широкому спектру проблем (Нувано 2008; Вуквукай 2012; Куликова 2016; Голбцева 2017; Кавры 2017).

В 1990-е гг. Чукотку активно изучали иностранные ученые. Именно их работы стали своего рода постсоветской классикой, которая сыграла большую роль в процессах интеграции знания. В результате появления публикаций и установления научных контактов возникает новый диалог между российскими и зарубежными исследователями, в чем-то сопоставимый с взаимодействием в рамках Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции в конце XIX – начале XX в. Синтез различных подходов, базировавшихся на интенсивных полевых исследованиях, привел к качественному скачку в рамках антропологии и этнографии.

На современном этапе исследования Чукотки являются результатом сотрудничества между российскими и иностранными учеными, а сложившиеся теоретические подходы оказывают взаимное влияние друг на друга. И в данном контексте целесообразным становится не столько вопрос «Кто владеет сибирской этнографией?» (Grey et al. 2003), а проблема того, какой набор знаний формирует исследовательскую перспективу и каким образом производятся знания. В настоящее время важно видеть процесс создания антропологических знаний о конкретных регионах, таких как Чукотка, именно в контексте единого процесса

интеграции научных исследований. Важно не просто осознавать вклад предшествующих поколений в изучение отдельных регионов, но постоянно переосмысливать его, сопоставляя с новыми данными. Другими словами, изучение истории науки должно выступать важнейшей задачей современных антропологических и этнографических исследований.

Создание системного взгляда на происходящие в науке процессы возможно только совместными усилиями ученых. Проблема осмысления вклада сибирской антропологии в науку стала одним из ключевых направлений международной конференции «*Anthropology of Siberia in the Late 19th and 20th Centuries: Re-assessing the contribution of a 'marginal' field*», прошедшей 10–12 марта 2021 г. в Халле (Германия) и организованной Институтом социальной антропологии Общества Макса Планка (Германия), CNRS (Франция), Институтом этнологии и антропологии РАН (Россия) и Университетом Гамбурга (Германия).

Одной из задач данной конференции как раз и было осмысление различных перспектив при изучении конкретных тем: шаманизма, взаимодействия человека с окружающей средой или человека с животными. Были затронуты вопросы формирования научных школ. На сегодняшний день актуальной задачей является выработка комплексного подхода к проблемам истории антропологии Севера и Сибири. Не менее важным представляется синтез знаний в рамках изучения отдельных регионов Северной Евразии.

Сибирские антропологические исследования в России претерпевают сейчас существенные дисциплинарные преобразования (Vakhtin 2020: 60). Современная наука требует новых методов исследования, а также способов обнародования, публикации полученных данных; и сама этнография, которая раньше ассоциировалась больше с прошлым, все отчетливее становится наукой будущего (Головнёв 2021). На данный момент большое значение имеют визуализация и популяризация знаний. Именно поэтому современные проекты, посвященные коренным малочисленным народам, все чаще обращаются к классическим формам – атласам, энциклопедиям, но выполненным на новом уровне, в интерактивном ключе. И здесь важно не просто взаимодействие с аудиторией и потребителями этих продуктов. Значима реакция представителей самих коренных сообществ и интеграция их видения в процесс производства и публикации знаний об исследуемых группах. Примером может служить запущенный в 2021 г. межинститутский проект создания интерактивного атласа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, разрабатываемого в рамках государственного задания по заказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и представляющего собой многоуровневую базу данных о жизни и культуре коренных малочисленных народов; атлас включает три синхронических слоя: эт-

нополитический, этнолого-антропологический и лингвистический (Ректор РГГУ 2021).

Атласы и труды энциклопедического плана всегда занимали значимое место в истории этнографии Сибири (Левин, Потапов 1956, 1961). Тем не менее сейчас стоит задача адаптации классических форм к требованиям современности. Иными словами, для энциклопедических трудов, словарей, обобщающих изданий требуются новые способы подачи информации. Сама же этнографическая наука весьма адаптивна, и вследствие общественных, технологических и методологических сдвигов она регулярно обновляется в рамках разных концепций и школ (Головнёв 2021).

На базе Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова при поддержке РФФИ реализуется проект «Этноэнциклопедия чукотской культуры» (рук. А.А. Ярзуткина). Данное исследование направлено на выявление и фиксацию локальных вариантов традиций, обычаев, взаимодействий. В его рамках фиксируются как традиционные элементы, сохраняющиеся с древности, так и современные, например обычаи празднования государственных праздников, в которых всегда, так или иначе, присутствует национальный компонент. То же самое касается других аспектов культуры: отношений, семьи, одежды, пищи. Каждое чукотское село – это носитель своей особенной культуры. Все они различаются: в каждом за последние шесть-семь десятков лет после формирования, путем объединения стойбищ или небольших прибрежных поселений сложились свои уникальные черты, свой исключительный социум. За эти годы сменилось несколько поколений, и можно утверждать, что их представители сформировали богатую локальными особенностями культуру своего села. Почему каждое из них аккумулирует – иногда незаметные на первый взгляд – локальные отличия? Сельские пункты территориально разбросаны по Чукотке, между ними практически нет никакого организованного сообщения. Отмечаются лишь редкие случаи общения жителей разных сел, например когда имеется водное сообщение или используются снегоходы, вездеходы и другая техника. Таким образом, в каждом чукотском селе складывается самобытная культура. Представить локальные нюансы и различия – одна из главных задач публикуемой серии статей.

На многие из вопросов, поставленных авторами, пока нет ответов. Большинство описанных исследователями проблем остаются актуальными для жителей полуострова: снабжение пищевыми продуктами, дефицит инфраструктуры, дотационность многих отраслей хозяйства, получение и распределение различного рода ресурсов. В статьях показано, что местные жители выработали целую систему технологий, позволяющую компенсировать недостаток товаров, материалов, пищевых продуктов (П. Грей), свежих овощей (А.А. Ярзуткина).

В последние годы Чукотка оказалась в эпицентре изменений, которые не только повлекли за собой изменения материальности, но и повлияли на социальные отношения (П. Грей), а также отношения с ландшафтом (К.Б. Клоков) и представления о духах (В. Вате). Многоплановые отношения с окружающей средой нашли отражение в фольклорных сюжетах и обрядовых практиках, продолжающих существовать в новых условиях (К.Б. Клоков, В. Вате).

Различные проекты на Чукотке реализуются не в изоляции, они взаимосвязаны между собой и действуют как своего рода тандемы, например овощеводство, которое внутренне взаимосвязано с оленеводством (А.А. Ярзуткина), а также дороги и сооружаемые местными жителями хозяйственные постройки (Е.А. Давыдова, В.Н. Давыдов). Анализируемые в текстах связи не всегда будут очевидны для внешнего наблюдателя. Таковы, например, отношения между ярангой и металлическим контейнером, выступающими в связке с имеющейся в регионе инфраструктурой – дорогами, по которым осуществляется снабжение (Е.А. Давыдова, В.Н. Давыдов).

Все публикуемые статьи рассматривают конкретную локальную специфику, подчеркивая уникальность каждого из изучаемых поселений. Причем, как показано авторами, локальные формы часто бывают результатом смешения различных этнических моделей освоения людьми пространства, времени и ресурсов (К.Б. Клоков). В статьях освещены процессы, происходящие как в хозяйственной, так и в ритуальной сфере. Авторы фокусируются на динамической, не статичной перспективе. Основная задача данной серии статей – обсудить ключевые процессы, которые на протяжении последних 30 лет меняют повседневность локальных сообществ Чукотки.

Источники

Ректор РГГУ Александр Безбородов представил проект создания интерактивного атласа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Сайт Российского государственного гуманитарного университета. 22.09.2021. URL: <https://www.rsuh.ru/student/news/rektor-rggu-aleksandr-bezborodov-predstavil-proekt-sozdaniya-interaktivnogo-atlasa-korennykh-malochi/>.

Литература

- Вахтин Н.Б. Язык сиреникских эскимосов: Тексты, грамматические и словарные материалы. Munchen: Lincom-Europa, 2000.
- Вуквукай Н.И. Декоративно-прикладное искусство на Чукотке: история и перспективы развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 139–146.
- Голбцева В.В. Праздничные и жертвенные блюда у чукчей и эскимосов // Праздничная и обрядовая пища народов мира. М.: Наука, 2017. С. 249–270.
- Головинёв А.В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.
- Головинёв А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.

- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А. Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // *Этнография*. 2021. № 1 (11). С. 25–49.
- Давыдова Е.А. Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 2. С. 143–161.
- Кавры В.И. Род белого медведя. Белый медведь в культуре коренных жителей Чукотки. СПб.: [б. и.], 2017.
- Коломиец О.П. О некоторых аспектах социального развития коренных народов Чукотки // *European Social Science Journal*. 2012. № 11 (1). С. 270–280.
- Коломиец О.П., Крупник И.И. (отв. ред.) Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 г.). М.: PressPass, 2020.
- Крупник И.И. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. М.: Институт Наследия, 2000.
- Куликова И.В. Олень – в языке, жизни и душе чукчей. СПб.: Лема, 2016.
- Левин М.Г., Потапов Л.П. (отв. ред.) Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Левин М.Г., Потапов Л.П. (отв. ред.) Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Нувано В.Н. Обряд погребального сожжения у ваежских чукчей // *Тропой Богораза*. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия, 2008. С. 230–234.
- Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Перевалова Е.В., Куканов Д.А. Нарта: старые технологии и новые материалы (Чукотка, Ямал, Кольский полуостров) // *Кунсткамера*. 2019. № 3 (5). С. 106–118.
- Пупынина М.Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9, № 3. С. 245–260.
- Ярзуткина А.А. Обряд благодарения реки у чукотских оленеводов: описание, генезис, семантика // *Вестник СВФУ*. 2020. № 4 (20). С. 12–18.
- Ярзуткина А.А. Приюты, рейды, десанты: практики сосуществования жителей с алкоголем в чукотских селах. Стратегии минимизации проблемы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 6, ч. 2. С. 137–143.
- Ярзуткина А.А. Торговля в традиционной культуре коренных народов Чукотки: коммуникативный аспект // *Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы*. Пенза; Москва; Минск: Социосфера, 2011. С. 168–187.
- Gray P. The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Gray P., Vakhtin N., Schweitzer P. Who owns Siberian Ethnography?: A Critical Assessment of a Re-Internationalized Field // *Sibirica*. 2003. Vol. 3 (2). P. 194–216.
- Kerttula A.M. Antler on the Sea. The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. Cornell: Cornell University Press, 2000.
- Klovov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017 // *Arctic Anthropology*. 2018. Vol. 55 (2). P. 117–133.
- Schweitzer P., Vakhtin N., Golovko E. The Difficulty of Being Oneself: Identity Politics of “Old Settler” Communities in Northeastern Siberia // *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. P. 135–151.
- Thompson N.S. The Nativeness of Settlers: Constructions of Belonging in Soviet and Contemporary Chukotka: Doctoral thesis. Cambridge: University of Cambridge, 2005.
- Thompson N.S. Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier. Vancouver: UBC Press, 2009.
- Vakhtin N.B. Endangered Languages in Northeast Siberia: Siberian Yupik and other Languages of Chukotka // *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhanc-*

- ing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge / ed. E. Kasten. Münster: Waxmann Verlag, 1998. P. 159–173.
- Vakhtin N.B. Transformations in Siberian Anthropology: an insider's perspective // *World Anthropologies* / ed. by G.L. Ribeiro and A. Escobar. London: Routledge, 2020. P. 49–68.
- Vaté V. Maintaining Cohesion through Rituals: Chukchi Herders and Hunters, a People of the Siberian Arctic // *Senri Ethnological Studies*. 2005. Vol. 69. P. 45–68.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North* / ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford, 2013. P. 183–199.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55, № 5. P. 619–646.
- Yashchenko O. Why are Lorino and Sireniki so Different? Exploring Communities through Festivals, Language Use and Subsistence Practices in Contemporary Chukotka: MA Thesis. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2013.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Introduction: Many-faced Chukotka

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/2

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@yandex.ru

The work on the volume of article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19-09-00268).

Abstract. The introductory article to the collection of published on the pages of this issue papers examines the main directions of modern socio-anthropological research in Chukotka and discusses on the issue the existing approaches' integration. The selection contains works by Russian and foreign authors, based on research conducted in different parts of the Chukotka Peninsula. Each of them shows specific local features, emphasizing the uniqueness of every of the studied settlements. The articles describe the processes taking place both in the economy and in the ritual sphere. The authors focus on dynamic, non-static perspective. The main task of this collection is to present the key processes that have changed the daily routine of local communities in Chukotka over the past 30 years.

Keywords: Chukotka, Arctic, indigenous people, integration of knowledge, social anthropology, ethnography

References

- Davydov V.N., Davydova E.A. Proekty razvitiia infrastruktury na Chukotke: ispol'zovanie resursov zhiteliami natsionalnykh sel [Infrastructure Development Projects in Chukotka: The Use of Resources by the Dwellers of the National Villages], *Etnografiia*, 2021, vol. 1(11), pp. 25–49.
- Davydova E.A. Kholodil'nik, sol' i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke [Refrigerator, Salt, and Sugar: Technologies of Getting and Processing Food in Chukotka], *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, 2019, vol. 2, pp. 143–161.
- Golbtseva V.V. Prazdnichnye i zhertvennye bluda u chukchei i eskimosov [Festive and Sacrificial Meals of Chukchis and Eskimos]. In: *Prazdnichnaia i obriadovaia pishcha narod-*

- ov mira* [Festive and Ceremonial Food of the Peoples of the World]. Moscow: Nauka, 2017. P. 249–270.
- Golovnev A.V. Novaia etnografiia Severa [New Ethnography of the North], *Etnografiia*, 2021, vol. 1(11), pp. 6–24.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Gray P. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Gray P., Vakhtin N., Schweitzer P. Who owns Siberian Ethnography?: A Critical Assessment of a Re-Internationalized Field, *Sibirica*, 2003, vol. 3(2), pp. 194–216.
- Kavry V.I. *Rod belogo medvedia. Belyi medved' v kulture korennykh zhitel'ei Chukotki* [Clan of Polar Bear. Polar Bear in the Culture of the Indigenous People of Chukotka]. St. Petersburg: [without publishers], 2017.
- Kerttula A.M. *Antler on the Sea. The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East*. Cornell: Cornell University Press, 2000.
- Klovov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017, *Arctic Anthropology*, 2018, vol. 55(2), pp. 117–133.
- Kolomiets O.P. O nekotorykh aspektakh sotsial'nogo razvitiia korennykh narodov Chukotki [Some Aspects of Social Development of the Indigenous Peoples of Chukotka], *European Social Science Journal*, 2012, no. 11(1), pp. 270–280.
- Kolomiets O.P., Krupnik I.I. (eds.) *Prikladnaia etnologia Chukotki: narodnye znaniia, muzei, kul'turnoe nasledie (K 125-letiiu poezdki N.L. Gondatti na Chukotskii poluostrov v 1895 g.)* [Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage (To the 125th Anniversary of N.L. Gondatti's Trip to the Chukotka Peninsula in 1895)]. Moscow: Publishing house "PressPass", 2020.
- Krupnik I.I. *Pust' govoriat nashi stariki. Rasskazy aziatskikh eskimosov-iupik. Zapisi 1975–1987 gg.* [Let our Old People Speak. Tales of the Asian Yupik Eskimos. Records of 1975–1987]. Moscow: Institut Nasledii, 2000.
- Kulikova I.V. *Olen' – v yazyke, zhizni i dushe chukchei* [Reindeer – in the Language, Life and Soul of Chukchis]. St. Petersburg: Lema, 2016.
- Levin M.G., Potapov L.P. (eds.) *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Levin M.G., Potapov L.P. (eds.) *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1961.
- Nuvano V.N. Obriad pogrebal'nogo sozheniia u vaezhskikh chukchei [The Rite of Burial Burning among the Vaiezh Chukchis. In: *Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [By the Path of Bogoraz. Scientific and Literary Materials]. Moscow: Institut Nasledii, 2008, pp. 230–234.
- Oparin D.A. *Variativnost' sovremennogo ritual'nogo prostranstva Novogo Chaplino i Sirenikov, Chukotka* [Variability of the Modern Ritual Space of Novoe Chaplino and Sireniki, Chukotka]: Diss. ... Cand. of Hist. Sciences. Moscow: Moscow State University, 2015.
- Perevalova E.V., Kukanov D.A. Narta: starye tekhnologii i novye materialy (Chukotka, Yamal, Kol'skii poluostrov) [Sledges: Old Technologies and New Materials (Chukotka, Yamal, Kola Peninsula)], *Kunstkamera*, 2019, vol. 3(5), pp. 106–118.
- Pupynina M.Iu. Chukotskii iazyk: geografiia, govory i predstavleniia nositelei o chlenenii svoei yazykovoi obshchnosti [Chukchi Language: Geography, Dialects and Ideas of Native Speakers about the Division of their Linguistic Community], *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniï*, 2013, vol. 9(3), pp. 245–260.
- Schweitzer P., Vakhtin N., Golovko E. The Difficulty of Being Oneself: Identity Politics of "Old Settler" Communities in Northeastern Siberia. In: *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / ed. E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005, pp. 135–151.

- Thompson N.S. *The Nateness of Settlers: Constructions of Belonging in Soviet and Contemporary Chukotka*. Doctoral thesis. Cambridge: University of Cambridge, 2005.
- Thompson N.S. *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia's Arctic Frontier*. Vancouver: UBC Press, 2009.
- Vakhtin N.B. Endangered Languages in Northeast Siberia: Siberian Yupik and other Languages of Chukotka. In: *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge* / ed. E. Kasten. Münster: Waxmann Verlag, 1998, pp. 159–173.
- Vakhtin N.B. *Iazyk sireniskikh eskimov: teksty, grammaticheskie i slovarnye materialy* [The Language of the Sirenik Eskimos: Texts, Grammar and Vocabulary Materials]. München: Lincom-Europa, 2000.
- Vakhtin N.B. Transformations in Siberian Anthropology: An Insider's Perspective. In: *World Anthropologies* / ed. G.L. Ribeiro and A. Escobar. London: Routledge, 2020, pp. 49–68.
- Vaté V. Maintaining Cohesion through Rituals: Chukchi Herders and Hunters, a People of the Siberian Arctic, *Senri Ethnological Studies*, 2005, vol. 69, p. 45–68.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. In: *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North* / ed. D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford, 2013, pp. 183–199.
- Vukvukai N.I. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo na Chukotke: istoriia i perspektivy razvitiia [Arts and Crafts in Chukotka: History and Development Perspectives], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2012, vol. 1, pp. 139–146.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste, *Current Anthropology*, 2014, vol. 55(5), pp. 619–646.
- Yarzutkina A.A. Torgovlia v traditsionnoi kulture korennykh narodov Chukotki: kommunikativnyi aspekt [Trade in the Traditional Culture of the Indigenous Peoples of Chukotka: the Communicative Aspect]. In: *Traditsionnaia i sovremennaia kul'tura: istoriia, aktual'noie polozenie, perspektivy* [Traditional and Modern Culture: History, Current Situation, Perspectives]. Penza; Moscow; Minsk: Nauchno-izdatelskii tsentr «Sociosfera», 2011, pp. 168–187.
- Yarzutkina A.A. Priiuty, reidy, desanty: praktiki sosushchestvovaniia zhitelei s alkogolem v chukotskikh selakh. Strategii minimizacii problem [Shelters, Raids, Landings: Practices of Coexistence of Residents with Alcohol in Chukchi Villages. Problem Minimization Strategies], *Istoricheskaja i socialno-obrazovatelnaia mysl'*, 2017, vol. 9(6/2), pp. 137–143.
- Yarzutkina A.A. Obriad blagodarenii reki u chukotskikh olenevodov: opisanie, genezis, semantika [The Rite of Thanksgiving to the River among the Chukchi Reindeer Herders: Description, Genesis, Semantics], *Vestnik SVFU*, 2020, vol. 4(20), pp. 12–18.
- Yashchenko O. Why are Lorino and Sireniki so Different? Exploring Communities through Festivals, Language Use and Subsistence Practices in Contemporary Chukotka: MA Thesis. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2013.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/3

«О ВКУСЕ ХЛЕБА МЫ УЖЕ ЗАБЫЛИ»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧУКОТСКОГО СЕЛА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Пэтти А. Грей

Аннотация. Через призму этнографии исследуются изменения в потреблении пищевых продуктов на Чукотке в 1990-е гг., а также анализируется то, как эти изменения повлияли на социальные отношения в одном селе в тундре. При этом подчеркивается, что постсоциалистические модели потребления на Крайнем Севере России противоречили общепринятым ожиданиям в отношении пищевых предпочтений коренных народов. Статья посвящена оленеводам, коренным жителям, потребление которых обычно ассоциировалось с «традиционными» пищевыми продуктами. В советский период они привыкли к еде, которая была доступна при государственном социализме и поставлялась совхозом. При капитализме свободный рынок таких продуктов был урезан. Это вынудило оленеводов искать в тундре те «традиционные» продукты, любовь к которым им приписывали; однако во многих случаях они сами не потребляли их, а продавали или обменивали на основные пищевые продукты, поставляемые совхозом. В то время как некоторые сторонние наблюдатели провозгласили «возвращение к традиционному существованию» в тундре, оленеводы жаловались на полное разрушение моральной экономики, которую они считали само собой разумеющейся. Таким образом, их собственные ожидания от перемен не оправдались вследствие образования глобального продовольственного рынка и установления рыночных отношений.

Ключевые слова: потребление, мировой рынок, моральная экономика, обеспечение, оленеводы, совхозы, государственный социализм, традиционные пищевые продукты

Введение

В статье с этнографических позиций исследуются изменения в потреблении пищи, а также в социальных отношениях, связанных с едой, в одном из сел на Чукотке. В фокус авторского внимания попадает самый трудный период – конец 1990-х гг., когда стремительные социальные и экономические изменения, в том числе реорганизация совхозов Чукотки, вылились в ощутимую нехватку продуктов питания. Объектом исследования была знаковая часть населения Чукотки – оленеводы, которые, как принято считать, ведут традиционный образ жизни и предпочитают употреблять в пищу натуральные продукты. Если бы у

* Перевод статьи выполнен в рамках проекта № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ. Перевод с англ. – Я.Ю. Моисеенко под ред. А.А. Ярзуткиной.

нас была возможность запечатлеть модель питания в постсоциалистических тундровых селах Чукотки в 1990-х гг. вне какого-либо контекста, это могло бы подтвердить общепринятое предположение: действительно, оленеводы, за малым исключением, питались олениной и тундровыми растениями. Однако беседы с ними о еде выявили их разные диетические предпочтения, а также опасения в отношении продовольственной безопасности. Эти люди, долгое время являвшиеся наемными работниками и получавшие зарплату, видели в постоянно нарастающем дефиците продуктов питания причину некоего морального упадка, который был для них столь же удручающим, как и сама нехватка продуктов. Данный феномен стал своеобразной призмой, через которую люди интерпретировали изменения, происходящие вокруг них.

Коренные народы и натуральные продукты

Образ жизни оленеводов, как и других коренных жителей, часто романтизируется как русскими, так и иностранцами, что обычно проявляется в представлениях о моделях потребления пищи. В 1990-е гг. это отчетливо прослеживалось в многочисленных статьях в газете «Крайний Север», выходившей в Анадыре, административном центре Чукотского автономного округа. Коренные жители ассоциировались с натуральными продуктами, и в рацион оленеводов, как предполагалось, входила в основном оленина, а также некоторое количество рыбы, ягод, грибов и кедровых орехов. Может показаться само собой разумеющимся предположение, что если коренные жители Чукотки занимались такими традиционными видами деятельности, как охота и собирательство, то эти практики они унаследовали от своих предков, и что «традиционного образа жизни» они придерживались добровольно. Возможно, они тем самым даже возрождали образ жизни, который долгое время подавлялся советским режимом (Пика, Прохоров 1994: 102).

Такие предположения действительно могли бы быть верны, если бы они были сделаны в отношении коренных жителей Аляски, которые живут всего в нескольких сотнях километров от Чукотки, за Беринговым проливом. Будучи лишенными доступа к натуральным продуктам из-за бюрократических постановлений об охоте и рыбалке со стороны государства, активисты коренных народов Аляски вложили много энергии в пропаганду позитивного общественного восприятия традиционно добываемых продуктов, настаивая на важности таких продуктов для сохранения самобытности коренных жителей Аляски и поддержания их здоровья (Thornton 1998; Dombrowski 2007; Wesner 2015). Тем не менее, по иронии судьбы, их соседи на российской стороне Берингова пролива имели совершенно иные представления о том, какие продукты должны составлять их основной рацион и являются наиболее

полезными для них. Их модель обеспечения была совершенно другой. Термин «обеспечение» используется здесь в том же значении, что и в работе испанского антрополога Сюзанны Нароцки: «...это сложный процесс, где должны приниматься во внимание производственные, распределительные, потребительские отношения и где способы получения товаров и услуг определяются исторически. Обеспечение также позволяет определить социальную дифференциацию, конструирование определенных значений и идентичностей и воспроизводство социальной и экономической системы в целом» (Narotzky 2005: 78).

Когда дело касалось продовольствия, у чукчей всегда были стойкие ожидания в отношении того, к каким продуктам питания они будут иметь доступ, даже если живут в самых отдаленных уголках тундры.

Село в фокусе эксперимента

Несмотря на то, что Чукотка является наиболее удаленным от Москвы регионом, он стал одним из первых, где проходила коллективизация, и его развитие осуществлялось с особым рвением. Чукотка стала в некотором роде полигоном для развертывания экспериментальной политики. Идея, казалось, заключалась в следующем: если что-то начнет работать на Чукотке, в этом «далеком и суровом крае», как его часто называют, это работает где угодно. Вследствие этого советские планировщики продвигали свою политику и стратегию на Чукотке наиболее рьяно: темпы коллективизации должны были быть более стремительными, совхозы – больше и разнообразнее, чем где бы то ни было, олени стада – многочисленнее (Забродин 1979: 189–191). В результате на Чукотке были созданы самые большие и продуктивные оленеводческие стада во всей стране, оленеводство превратилось в основной вид деятельности для большинства совхозов (Диков 1989; Леонтьев, б.д.). В 1970-х гг. поголовье оленей на Чукотке достигало почти 580 тыс. голов (Gray 2004).

Первоначально коллективизация оленеводческих хозяйств Чукотки и повышение производительности труда были задуманы, чтобы сформировать постоянный источник пищи для местных работающих заключённых: в то время, когда приезжие стали во много раз превосходить по численности коренных жителей, их основной рацион также составляла оленина. В.И. Устинов, зоотехник Магаданского управления землепользования, утверждал, что оленеводы Чукотки должны стремиться к увеличению производства продуктов питания для населения, а также к тому, чтобы обеспечивать сырьем легкую промышленность. Также он настаивал на увеличении поголовья оленей до 683 тыс. голов к 1960 г., что было невообразимой цифрой, которая так и не была достигнута (Устинов 1956: 6).

Село Снежное оказалось «в эпицентре» бурного освоения Чукотки. Первый совхоз в регионе был основан в 1929 г., что не вписывалось в

типичную схему коллективизации на Севере, он с самого начала создавался не как колхоз, а как совхоз. Снежное — одна из немногих экспериментальных станций на Русском Севере (Друри 1989: 4). Село находится в западной тундре Чукотки, на южном берегу реки Анадырь. Когда я приехала туда в 1990-е гг., в селе не было асфальтированных дорог и вообще никаких внешних дорожных развязок. Транспортировка в село и обратно осуществлялась с помощью речной баржи, вездеходом или вертолетом (в редких случаях), а зимой по замерзшей реке проходила ледовая дорога. Население Снежного в то время составляло чуть менее 400 человек, из которых более 75% были представителями коренных народов (в основном чукчи, чуванцы, эвены); русские составляли всего около 16% населения. В селе не было других производственных (и каких-либо ещё) предприятий, кроме совхоза, да и тот был вынужден преодолевать немалые трудности.

В 1990-е гг. основным занятием совхоза было оленеводство, хотя в прошлом его деятельность была более разнообразной: включала рыболовство, охоту и содержание небольшого стада молочного скота. В совхозе работало более половины местного населения. Крошечное село было лишь частью социального ландшафта Снежного; более широкий контекст включал еще две мобильные бригады оленеводов, которые находились на расстоянии сотен километров от села (количество таких бригад достигало двенадцати, однако с момента введения программы приватизации оленеводческие стада стали сокращаться (Gray 2000; Krupnik 2000)). Вся территория совхоза, включая тундровые оленьи пастбища, составляла около 3 млн га. Однако большинство жителей проживали недалеко от сельского центра; многие опасались уходить слишком далеко в тундру.

Моральная экономика распределения еды

Несмотря на географическую удаленность Чукотки, когда-то она была неотъемлемой частью советского социалистического мира. Существенные дотации со стороны государства дали возможность воспроизвести высокую культуру социализма даже на уровне села: в Снежном были оборудованы библиотека, дом культуры, поликлиника и детский сад (Gray 2004). В советское время рабочих кормили в коммунальной столовой, а снабжение сельского магазина не сильно отличалось от московского: в нем можно было купить свежий хлеб, молочные продукты, фрукты, овощи, мясо, чай, печенье, конфеты, а также фасованные товары из социалистических стран. Этот пищевой рацион был доступен не только жителям села; продукты доставляли еженедельными вертолетами даже в удаленные тундровые оленеводческие бригады.

Распределение пищевых продуктов в селе и за его пределами было обязанностью директора совхоза, при этом следить за тем, чтобы ос-

новые продукты питания доходили до всех работников совхоза, считалось сферой его личной моральной ответственности. Директор совхоза руководил не только хозяйственным сектором, он был начальником и большинства других сельских предприятий. В конце концов, совхоз был центром жизнедеятельности села – фактически совхоз и село на Чукотке были единым целым, как и по всей России. Антрополог Кэролайн Хамфри даже придумала термин «тотальный социальный институт» (англ. total social institution) для описания этого феномена (Humphrey 1995: 7), в то время как социолог Саймон Кларк писал следующее: «Советское предприятие – это не просто экономический институт, но и основная единица советского общества, и высшая основа социальной и политической власти» (Clarke 1992: 7). Жители Снежного напомнили мне об эффективности системы обеспечения совхозов. Они рассказывали о свежих яблоках, которые можно было купить в сельском магазине круглый год. Люди, живущие на тундровой оленеводческой базе, рассказывали о вертолетах, груженных большим количеством еды, в том числе молоком, растительным маслом, печеньем, огромными банками сладостей для детей. Они хвастались, что даже отправляли обратно хлеб, если он оказывался недостаточно свежим, и сигареты, если они приходили немного промокшими.

Реорганизация и предполагаемая приватизация совхозов на Чукотке коренным образом изменили эту моральную экономику. Предприятия, не связанные напрямую с хозяйственным производством, такие как школы, учреждения культуры, сельский магазин, были выведены из состава совхоза. Социальные услуги, которые когда-то предоставлял совхоз, теперь были переданы в другие учреждения или делегированы сельской администрации. Предположительно, это позволило совхозу сосредоточиться на производстве. Программа приватизации в России была пропитана неолиберальной риторикой: декларировалось, что права частной собственности физических лиц будут защищены, это будет стимулировать предпринимательство и предоставит индивидуальные экономические возможности всем гражданам (Wedel 1998). Однако тому, как это на самом деле происходило в отдаленных районах страны, уделялось мало внимания. Иногда реализация этих программ напоминала театр абсурда. Например, один из заместителей директора совхоза сказал мне с усмешкой, что у него и его жены остались приватизационные ваучеры. Его жене пришлось долго рыться в кучах семейных вещей, к которым давно никто не прикасался, прежде чем она смогла их достать. Заместитель директора сказал, что эти ваучеры никуда не годятся и он оставил их себе только для того, чтобы когда-нибудь показать своим внукам. Один из них он подарил мне, на память.

Развал

Идея о том, что коренные жители Чукотки снова станут «хозяевами» оленьих стад, «вернут себе» исконные земли, а сами «вернутся к традиционным формам ведения хозяйства», поначалу была встречена с ажиотажем (Krupnik, Vakhtin 2002: 16). Героические профили начинающих предпринимателей из числа коренных народов публиковались в газетах. На самом деле все оказалось иначе. В некоторых случаях жители сел, не принадлежащие к коренным народам, приватизировали стада северных оленей, немедленно их забивали, продавали мясо за деньги, а затем возвращались на материк к другим делам. Некоторые совхозники, чья работа не требовала от них пребывания в тундре, приватизировали все совхозное имущество и создали себе небольшие подворья прямо в селе. Большинство местных оленеводов предпочитали оставаться в коллективе, а не действовать самостоятельно в качестве предпринимателей. Но одна бригада, состоявшая примерно из двадцати оленеводов, отделилась в 1992 г. под руководством своего бригадира, волевого чукчи.

Эта небольшая группа предпринимателей должна была стать полностью самодостаточной: вести переговоры об условиях рынка, по поводу поставок, транспортировки и доступа к рынкам сбыта либо с директором основного совхоза (который остался неизменным), либо с независимыми торговцами. Между тем другие условия, к примеру увеличение поголовья диких оленей, привели к сокращению поголовья домашних оленей (Nuvano 2003; Etylin, Nuvano 2009). Самостоятельное оленеводческое предприятие просуществовало всего около года, когда его участники отказались от этой затеи и снова присоединились к основному коллективу. Отколовшийся бригадир позднее стал директором реорганизованного совхоза и оставался на этой должности много лет.

Несмотря на такую стабильность в руководящем составе, совхоз боролся за выживание. Программа приватизации серьезно ударила по Снежному. Без государственных субсидий, которые всегда поддерживали экономическую активность оленеводства, совхоз не справился даже с этой прямолинейной экономической задачей. Следствием приватизации в Снежном (и во многих других подобных селах) стал как экономический, так и социальный коллапс. Долгосрочные государственные субсидии больше не поступали; это означало, что сотрудникам совхоза не из чего было платить заработную плату. Ко времени моего первого визита в Снежное в 1996 г. совхозники уже несколько лет не получали денег за выполненную работу. Зарплата по-прежнему рассчитывалась на бумаге, соответственно, никто не отменял и различные вычеты из нее: проценты в пенсионный фонд, подоходный налог, снижение зарплаты, если работник был бездетным, отчисления на паи оленей.

ны и основные продукты питания, предоставленные в совхозном магазине. Многие сотрудники на самом деле были в долгу перед совхозом и не смогли бы отказаться от работы, даже если бы захотели – до тех пор, пока они каким-либо образом не погасили бы свой долг. Работники других структур (например, сельской администрации) испытывали некоторые задержки в выплате денег, но это случалось не так часто, и задержки не были такими продолжительными, как у работников совхозов. Все это привело к растущему неравенству: в селе зарождалась классовая дифференциация, что особенно огорчало жителей. Когда-то они чувствовали себя могущественной силой в советской экономике, а теперь стали бессильны даже в своем селе.

По мере того как российская экономика вступала в кризис после коллапса 1990-х гг., практика распределения пищевых продуктов была радикально пересмотрена. Возник дефицит основных продуктов, одновременно с этим на полках магазинов в городах Чукотки стали появляться новые импортные товары из Азии и Северной Америки. Жители Снежного делали все возможное, чтобы сводить концы с концами и обеспечивать себя и свои семьи. Необрабатываемые земли, окружавшие село, были для них бесценным источником ягод, грибов, кедровых орехов, а также различных корней и листьев. Жители села также могли ловить рыбу в реке Анадырь и добывать дичь в тундре, хотя многое из того, что они добывали таким образом, считалось браконьерством. Но каждый из них чувствовал моральное право на тундру и ее продукты.

Некоторые жители использовали землю в селе или на окраине в личных целях (независимо от того, была ли она официально выделена им или нет). Некоторые сажали возле своих домов небольшие огороды; другие строили теплицы; одна семья в селе держала дойную корову – это была единственная корова, оставшаяся от молочного предприятия совхоза, приватизированного этой семьей. Другая семья приватизировала молочный сепаратор и, таким образом, имела монополию на вторичные продукты переработки молока, которое они, в свою очередь, могли покупать у семьи, владевшей коровой, на деньги, которые они получали от продаваемых ими молочных продуктов. Большинство фермеров-садоводов приезжали из других регионов России и стран бывшего СССР; подавляющее большинство чукчей и других коренных народов занимались оленеводством либо работая напрямую со стадами, либо являясь членами семей оленеводов. Как сказал мне один из них, оленеводы не умеют заниматься садоводством, да и вообще, как они могли выращивать что-то в селе, когда они столько времени кочевали в тундре, переходя с места на место?

Когда я была на одной из оленеводческих баз в тундре, я наблюдала, как жители проводили инвентаризацию последней поставки припасов, доставленных вездеходом, который также привез и меня к ним в гости (рис. 1).

Рис. 1. Поставка продуктов на месяц. Оленеводческая бригада села Снежное. 1996 г.
Фото автора

Людей беспокоило, хватит ли им этих запасов до следующей поставки, учитывая то, что предсказать сроки поставок становилось все труднее. Настроение было мрачным. Позднее, вернувшись в Анадырь, я случайно увидела письмо редактору региональной газеты «Крайний Север», подписанное шестнадцатью жителями Снежного, часть из них была оленеводами, с которыми я познакомилась. Тон письма соответствовал настроению бесчисленных разговоров о еде, которые мне довелось случайно услышать или в которых я участвовала в ходе своего визита в село. Вот несколько выдержек из этого письма:

«Уважаемая редакция газеты “Крайний Север”! Обращаются к вам оленеводы совхоза “Анадырский”... Дело в том, что вот уже в течение трех лет в бригады не поставляются необходимые продукты питания, боеприпасы. А если завозятся, то их едва хватает на месяц. А в летний период, когда в тундре находятся дети оленеводов, продукты не удастся растянуть и на неделю. Во время летней кампании оленеводы питаются только мясом, а вместо чая пьют бульон... Тундровики не получают заработную плату. Отпускники, не получив своих денег, вынуждены возвращаться на работу. Матерям по несколько месяцев не выплачивается единовременное пособие на детей. На центральной усадьбе оленеводы, чтобы достать продукты питания, выкручиваются кто как может, о вкусе хлеба мы уже забыли... А в заключение письма,

уважаемая редакция, мы хотели бы спросить у заинтересованных лиц: как нам жить дальше?» (Кергинкау и др. 1996).

В этом письме ярко выражено мнение авторов о нарушениях в области моральной экономики, которую они привыкли воспринимать как должное. Оно также выражает ощущение людей, будто ошибки еще поправимы и что жители тундры имеют право требовать от властей каких-то действий, но эти установки скоро также начнут разрушаться. Особенный интерес представляют жалобы оленеводов на то, что в их рацион входит только мясо; это их не удовлетворяет – им нужен хлеб.

Два года спустя, когда условия на Чукотке еще больше ухудшились, я получила личное письмо, которое перекликалось с жалобами оленеводов. Письмо было от чукотской коллеги по исследовательскому институту в Анадыре, которая сопровождала меня в моей первой поездке в Снежное в 1996 г. Сейчас она жила в своем родном селе Ваеги, так как недавно родила сына. Она написала следующее:

«Патти, ты знаешь, какой самый ценный и дорогой продукт в любом доме? Хлеб. Да, хлеб. Хлеб и еще раз хлеб. Если в доме есть он, то это настоящий праздник, это значит, что жизнь хороша и жить хорошо. Это праздник, даже если в доме нет ничего, кроме хлеба и чая. Сейчас мне кажется, что я никогда в жизни не перестану радоваться появлению хлеба на столе. Для меня это не то чтобы самая вкусная еда на столе, это самый главный продукт, без которого ты будешь голодный. Для меня сейчас хлеб – это главная цель каждого дня».

Далее она описала сложный процесс, который было необходимо пройти, чтобы получить хлеб в сельском магазине: он распределялся по записи, с использованием определенной суммы кредита, что давался покупателям в начале месяца (Krupnik, Vakhtin 2002: 12). Эта система была доступна только бюджетникам, чьи зарплаты могли задерживаться, но со временем все равно выплачивались. Поскольку сотрудники совхоза годами не получали зарплату, магазин отказывал им в кредитовании. Моя коллега беспокоилась о своих братьях, сестрах и матери – все они работали в совхозе; она написала, что берет хлеб из магазина от имени пяти семей. В ее пересказе, позиция магазина по данной проблеме была созвучна ответу на вопрос, поставленному в конце письма из Снежного: «Живи как хочешь».

Продовольственный коллапс

Когда я вернулась в Снежное в 1998 г., я воочию увидела то, что моя коллега описывала в своем письме. Ситуация стала безвыходной: знакомые встречались все реже, а вокруг еды, казалось, строился каждый разговор. По мере того как производственная деятельность в совхозе резко сократилась, директор совхоза все больше времени проводил

вдали от села, в квартире в Анадыре. Он говорил, что ведет переговоры о кредитах и субсидиях в рамках различных федеральных программ поддержки. К тому времени, как я приехала в Снежное, директор отсутствовал несколько месяцев – по причине того, будто он закупает партию основных продуктов питания для сотрудников совхоза. Никто не знал, когда он вернется, и те, у кого были родственники среди оленеводов, ушедших в тундру, беспокоились, что там заканчивается еда. Поскольку я была одной из последних, кто прибыл из Анадыря, многие люди спрашивали меня, когда вернется директор совхоза. Информации по этому вопросу у меня было не больше, чем у них самих, а постоянные размышления о том, когда он приедет, напомнили мне пьесу Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» – опять же театр абсурда.

Тем сельчанам, которые больше не работали в совхозе, дышалось немного легче, так как они могли легко получить продукты в сельском магазине (рис. 2) в кредит, как описала моя коллега в своем письме.

Рис. 2. Магазин в селе Снежное. 1998 г. Фото автора

Но никто не верил, что сотрудники совхоза когда-нибудь смогут выплатить долг магазину. Для них единственным источником наличных денег были члены их семей, которые получали пенсию по возрасту, или социальное пособие для матерей-одиночек, или выплаты по инвалидности. Если такого варианта у них не было, единственным спосо-

бом получить продовольствие оставалась «отоварка» – процесс, когда совхоз выдает эквивалент зарплаты единожды в месяц в виде продуктов. Совхозу приходилось самостоятельно закупать продукты для «отоварки» (директор не мог просто приобрести продукты в сельском магазине), и запасы часто были непродуманными. В любом случае выделяемых продуктов не хватало на целый месяц. Я часто сталкивалась с людьми, которые «затягивали пояса»: например, выпекали хлеб без масла, пили чай без сахара, а витамины были вынуждены искать в банках с консервированными овощами, которые, по-видимому, были произведены еще в советские времена (в селе был большой и хорошо укомплектованный склад, где хранились старые консервы, и некоторые жители села умели договариваться с хранителем склада по поводу доступа к ним). Я также столкнулась с первыми сообщениями о детях, крадущих еду в селе, – об этом мне с тревогой сообщили знакомые.

Нехватка привычных, необходимых продуктов питания побуждала все большее и большее число семей заниматься натуральным хозяйством: собирательством, рыбной ловлей и охотой. Охота была редкостью, так как требовалось иметь ружье, патроны и лицензию, чтобы заниматься этим на законных основаниях. Мясо северного оленя можно было достать из «холодильника» совхоза – ледяной пещеры, вырезанной в вечномёрзлом грунте; но каждый взятый оттуда килограмм списывался со счета получателя в совхозе, что приводило к еще большей задолженности. Таким образом, по возможности сельчане старались раздобыть «бесплатное мясо», охотясь на дикого оленя или лося. Рыбалка была более простым делом, но все же требовалось иметь крючки и леску или рыболовную сеть и лодку. Мне рассказывали, что каждое лето люди тонули при попытке установить снасти, так как пользовались дырявыми лодками и самодельными плотами.

Собирательством мог заниматься кто угодно в любое время, поэтому это была самая распространенная форма самообеспечения, свидетелем чего я была сама. Грибы, кедровые орехи, съедобная зелень и несколько видов ягод обычно имелись в изобилии в этом районе. Во время своего визита в 1996 г. я участвовала в массовых мероприятиях по сбору и заготовке припасов (это было еще и совмещение полезного с приятным: сельские жители наслаждались данным неторопливым процессом, а также предвкушали удовольствие, которое они получают зимой от этих вкусных заготовок). В 1998 г. местные жители действовали еще более решительно: вместо веселых компаний люди выходили на улицу поодиночке или парами, а так как растения вокруг села были давно обобраны, собирателям приходилось отваживаться на то, чтобы забираться дальше, тем самым подвергаясь риску столкнуться с медведями. Немногие из собранных продуктов были сохранены на зиму: они либо сразу употребля-

лись в пищу, либо продавались местным жителям, у которых были наличные, либо обменивались на основные пищевые продукты.

Свежесобранные дары природы попадали на рынки в городах Чукотки, в том числе в Анадыре, и нескольким предприимчивым людям удалось сыграть роль посредников в этом деле. Фактически сам директор совхоза попытался взять на себя эту роль с разрешения областного управления сельского хозяйства. В начале сентября, так и не появившись в селе, он издал по радио приказ, в котором вводилось новое правило: каждый мог приносить в совхозный магазин ягоды и кедровые орехи, а взамен получать основные пищевые продукты. Была установлена цена за килограмм, исходя из которой рассчитывалось количество продуктов, которые можно получить взамен. Я говорила со многими жителями села об этой новой политике. Некоторые категорически отказались принимать участие в данной инициативе из принципа: так, одна женщина заявила, что ни за что не станет унижаться перед совхозом. Другие сделали сбор кедровых орехов и ягод своим постоянным занятием; я иногда встречала знакомых, возвращавшихся из совхозной лавки после «торговли», и они торжественно демонстрировали мне «добытые» там продукты.

Наблюдая за тем, как разворачивались события в течение первых двух недель сентября, я часто заглядывала в магазин совхоза, чтобы узнать, какие продукты люди могут там купить. В первый день была доступна только мука. Через неделю с низовьев реки прибыла небольшая лодка с доставкой. Осмотр привезенных ею продуктов показал, что прибыли только шоколадные батончики, банки дорогого импортного варенья, торты, упакованные под пластиковыми крышками, и пакеты Zukо (чилийский порошковый напиток, который в дальнейшем был снят с продажи из-за опасности для здоровья). Через несколько дней совхоз разместил объявление о наличии в магазине сухого молока, арахиса, сухофруктов, консервированного лосося, хотя на следующий день сухофрукты из списка вычеркнули. Через пять дней прибыла баржа с очередной доставкой, и помимо всего прочего в магазине появились российская колбаса, американские хот-доги, растительное масло, макароны, шоколадное печенье и южнокорейская лапша рамэн.

15 сентября (а пятнадцатое число обычно было днем ежемесячной «отоварки») мне сообщили, что никто не раздает основные пищевые продукты в совхозе. Потом, через три дня, когда я пила чай со знакомым, в комнату вбежала его сестра и, тяжело дыша, проговорила, что в совхозе идет «отоварка». Она помчалась за своей порцией еды, а мой знакомый задержался; через десять минут его сестра вернулась и сообщила, что приехал директор совхоза и резко закрыл «отоварку», отчитав продавца магазина за то, что он «разрешал местным торговать ягодами и кедровыми орехами в обмен на еду». Эта новость встревожила и

моего знакомого, и его сестру: она была одной из самых активных в сборе ягод и кедровых орехов для продажи в совхозном магазине и явно ожидала, что все равно получит ежемесячный паек. Вместо этого она внезапно осознала, что директор совхоза больше не собирается выполнять взятое им на себя моральное обязательство – кормить своих сотрудников.

Обсуждение

Мельком брошенный взгляд на быстрые социальные изменения позволил увидеть лишь самую вершину айсберга. Мне довелось наблюдать за тем, как осуществлялись долгосрочные структурные изменения системы совхозов, которая уже и без того была радикально преобразована. Вследствие первой реорганизации, в 1992 г., поголовье оленьих стад по всей Чукотке резко сократилось и большинство совхозов осталось без средств производства. Практика обмена продуктов в магазине в Снежном, о чем я узнала позднее, стала обычным явлением – такова была региональная политика, это было не просто нововведение одного директора совхоза в Снежном. Новый тип совхозного магазина должен был возродить дореволюционную факторию, которую когда-то считали худшим проявлением грабительского капитализма на Русском Севере. Совхоз, который когда-то был ярким маяком социалистического производства продуктов питания, теперь был отдан на сырьевое разграбление капиталистам.

С. Нароцки пишет: «Власть, способность людей или институтов принимать решения, оказывающие влияние на средства к существованию других людей, является решающим элементом в цепочке обеспечения продовольствием» (Narotzky 2005: 81–82). Далее исследовательница утверждает, что три важных фактора формируют способность людей действовать в любом контексте: системы обеспечения; системы власти и господства; системы культурного значения, включая чувства идентичности и принадлежности. Стенания оленеводов «вкус хлеба мы уже забыли» находятся на пересечении этих трех факторов. Критические слова оленеводов Снежного относительно тех изменений, что они пережили, показывают, что там, где социализм был «традиционным» образом жизни для нескольких поколений (система культурного значения), внезапная необходимость опираться на натуральные продукты питания (новая форма обеспечения) ощущалась как навязанный сверху кризис (старая система власти и господства, вооружившаяся новой стратегией). В разгар этого разворачивающегося кризиса жители Снежного вспоминали те дни, когда они потребляли товары международного социалистического рынка, которые доставляла им эффективная (хотя и затратная) советская распределительная система. Вместо

того, чтобы довольствоваться лишь местными пищевыми продуктами, они предпочитали сочетать в балансе продукты разного происхождения; однако такое меню стало для них недостижимым. Когда местная экономика начала подвергаться влиянию глобального капитализма, жители начали разговаривать «о еде», вызывая тем самым к моральной экономике, которая, по их мнению, должна была регулировать социальные отношения в селе. Они чувствовали, что все это ускользает от них.

Источники

- Thornton T.F.* Alaska Native Subsistence: A Matter of Cultural Survival // Cultural Survival online. September 1998. URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/alaska-native-subsistence-matter-cultural-survival>.
Wesner C. Traditional Foods in Native America, Part IV: A Compendium of Stories from the Indigenous Food Sovereignty Movement in American Indian and Alaska Native Communities. Atlanta GA: Native Diabetes Wellness Program, Centers for Disease Control and Prevention, 2015. URL: <https://www.cdc.gov/diabetes/ndwp/traditional-foods>.

Литература

- Диков Н.Н.* История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989.
Друри И.В. Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки (Магадан). 1989. Т. XVI. С. 3–14.
Забродин В.А. Северное оленеводство. М.: Колос, 1979.
Кергинкау М., Тымрик И., Поольгин Н., Поольгин О., Платонов А., Чупрова В. и др. «Мы забыли вкус хлеба!..» // Крайний Север. 1996. 17 дек. С. 5.
Леонтьев В.В. Особенности культурно-хозяйственного развития народностей Чукотки на современном этапе (1958–1967 гг.). Магадан: Сибирское отделение АН СССР, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Лаборатория археологии, истории и этнографии, б.д.
Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на российском Севере. М.: МНЭПУ, 1994.
Устинов В.И. Оленеводство на Чукотке. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1956.
Clarke S. Privatisation and the Development of Capitalism in Russia // New Left Review. 1992. № 1/192. P. 3–27.
Dombrowski K. Subsistence Livelihood, Native Identity and Internal Differentiation in South-east Alaska // Anthropologica. 2007. Vol. 49, № 2. P. 211–229.
Etylin V.M., Nuvano V.N. Monitoring Wild Reindeer in Western Chukotka // Rangifer: Special Issue. 2009. № 18. P. 37–38.
Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // Polar Research. 2000. Vol. 19, № 1. P. 31–38.
Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Twentieth Century: In the Image of the Soviet Economy // Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North / ed. by D. Anderson and M. Nuttall. Oxford: Berghahn Books, 2004. P. 136–153.
Humphrey C. Introduction. Surviving the Transition: Development Concerns in the Post-Soviet World / ed. by D. Anderson and F. Pine; Special Issue // Cambridge Anthropology. 1995. Vol. 18, № 2. P. 1–12.
Krupnik I.I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival during the Time of Crash // Polar Research. 2000. Vol. 19, № 1. P. 49–56.

- Krupnik I.I., Vakhtin N.B. In the “House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996 // *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / ed. by E. Kasten. Berlin: D. Reimer, 2002. P. 7–43.
- Narotzky S. Provisioning // *A Handbook of Economic Anthropology* / ed. by James G. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005. P. 78–93.
- Nuvano V.N. Domestic and Wild Reindeer in the Chukchi Peninsula // *Reindeer Pastoralism among the Chukchi*. Chukotka Studies No. 1 / ed. by K. Ikeya. Osaka: National Museum of Ethnology, 2003. P. 1–19.
- Wedel J. Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998. New York: St. Martin’s Press, 1998.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

“We Have Forgotten the Taste of Bread”: Provisioning in a Chukotkan Village after State Socialism

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/3

Patty A. Gray, PhD, Freelance Scholar and Editor. E-mail: pattyagray@tutamail.com

The translation of the article from English into Russian was carried out within the framework of the project No. 19-09-00268 “Ethno-encyclopedia of the Chukchi culture”, implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Abstract. This article ethnographically explores changes in food consumption in Chukotka in the 1990s, and how these changes affected social relations in one tundra village. In the process, it highlights ways that postsocialist consumption patterns in the Russian Far North defied common expectations about the food preferences of indigenous people. The article focuses on reindeer herders, indigenous inhabitants who were commonly associated with “traditional” subsistence foods. During the Soviet period, they had become accustomed to foods that were readily available under state socialism and supplied by the *sovkhoz*; under free market capitalism, such foods became scarce. This matter forced reindeer herders to search in their tundra environment for those classic subsistence foods that they supposedly relished; in many cases, they did not consume them, but rather sold them or traded them for staple foods supplied by the *sovkhoz*. While some outside observers heralded a “return to traditional subsistence” in the tundra, these reindeer herders complained of a complete breakdown of the moral economy they had taken for granted. Thus, their own expectations became frustrated by changes favoring market relations and the global food market.

Keywords: consumption, global market, moral economy, provisioning, reindeer herders, *sovkhoz*, state socialism, traditional subsistence foods

References

- Clarke S. Privatisation and the Development of Capitalism in Russia, *New Left Review*, 1992, 1/192, pp. 3–27.
- Dikov N.N. *Istoriia Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dni* [The History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Mysl, 1989.
- Dombrowski K. Subsistence Livelihood, Native Identity and Internal Differentiation in Southeast Alaska. *Anthropologica*, 2007, vol. 49, no. 2, pp. 211–229.
- Druri I.V. Kak byl sozdan pervyi olenesovkhoz na Chukotke [How the First Reindeer Farm in Chukotka was Created], *Kraevedcheskie zapiski*, Magadan, 1989, vol. XVI, pp. 3–14.
- Etylin V.M., Nuvano V.N. Monitoring Wild Reindeer in Western Chukotka, *Rangifer*: Special Issue, 2009, no. 18, pp. 37–38.

- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 31–38.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Twentieth Century: In the Image of the Soviet Economy. In: *Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North* / Ed. by D. Anderson and M. Nuttall. Oxford: Berghahn Books, 2004, pp. 136–153.
- Humphrey C. Introduction. Surviving the Transition: Development Concerns in the Post-Soviet World / Ed. by D. Anderson and F. Pine; Special Issue, *Cambridge Anthropology*, 1995, vol. 18, no. 2, pp. 1–12.
- Kerginkau M., Tymrik I., Poolgin N., Poolgin O., Platonov A., Chuprova V. and others. “My zabyli vkus khleba!..” [“We Have Forgotten the Taste of Bread!..”], *Krainii Sever*, 1996, 17 December, p. 5.
- Krupnik I.I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival during the Time of Crash, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 49–56.
- Krupnik I.I., Vakhtin N.B. In the “House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996. In: *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / Ed. by E. Kasten. Berlin: D. Reimer, 2002, pp. 7–43.
- Leontiev V.V. *Osobennosti kul'turno-khoziaistvennogo razvitiia narodnostei Chukotki na sovremennoe etape (1958–1967 gg.)* [Peculiarities of the Cultural and Economic Development of the Peoples of Chukotka at Present Time (1958–1967).] Magadan: Sibirskoe otdelenie AN SSSR, Severo-Vostochnyi kompleksnyi nauchno-issledovatel'skii institut, Laboratoriia arkhologii, istorii i etnografii, no date.
- Naratzky S. Provisioning. *A Handbook of Economic Anthropology* / Ed. by James G. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005, pp. 78–93.
- Nuvano V.N. Domestic and Wild Reindeer in the Chukchi Peninsula. In: *Reindeer Pastoralism among the Chukchi. Chukotka Studies* / Ed. by K. Ikeya. Osaka: National Museum of Ethnology, 2003, No. 1, pp. 1–19.
- Pika A.I., Prokhorov B.B. *Neotraditsionalizm na rossiiskom Severe* [Neotraditionalism in the Russian North]. Moscow: MNEPU, 1994.
- Ustinov V.I. *Olenevodstvo na Chukotke* [Reindeer Husbandry in Chukotka]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1956.
- Wedel J. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998*. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Zabrodin V.A. *Severnoe olenevodstvo* [Northern Reindeer Husbandry]. Moscow: Kolos, 1979.

УДК 39+911

DOI: 10.17223/2312461X/34/4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЧУКЧЕЙ СЕЛА МЕЙНЫПИЛЬГЫНО*

Константин Борисович Клоков

Аннотация. Изучение этнокультурных ландшафтов – это активно разрабатываемое научное направление на стыке этнологии и гуманитарной географии. Культура, как активная социоформирующая сила, структурирует пространство обитания своих носителей – географический ландшафт, открывая в нем новые контексты и смыслы, которые, в свою очередь, активно влияют на культурогенез. Рассмотрены структура и изменения этнокультурного ландшафта, сформировавшегося в ходе освоения южно-тундрового прибрежно-лагунного природного комплекса, расположенного на берегу Берингова моря, локальным социумом села Мейныпильгыно. В 2016–2019 гг. автор провел там неформальные и полужформальные интервью, наблюдал обрядовые практики и записал фольклорные тексты, связанные с природным ландшафтом. В формировании ландшафта участвовали чукчи-оленоводы и оседлые рыболовы-кереки. Теперь они слились в одно локальное сообщество и занимают в ландшафте общую экологическую нишу. Площадь освоенного ландшафта и количество используемых биоресурсов за последние десятилетия сильно сократились. Этнокультурная устойчивость сообщества поддерживается за счет сохранения культурных кодов. Важнейший из них – обрядовые практики, с которыми связаны и фольклорные традиции. В символической форме они отражают отношения людей как с тундровыми, так и с водными экосистемами. Сохранение и воспроизводство культурных кодов поддерживают равновесие в ландшафте, с ним можно связать и восстановление – хотя и в очень ограниченных масштабах – утерянного здесь 20 лет назад оленеводства. Таким образом, ментальные компоненты культурного ландшафта не исчезают, а трансформируясь, продолжают организовывать и направлять деятельность местного сообщества.

Ключевые слова: культурный ландшафт, чукчи, кереки, традиционное природопользование, оленеводство, рыболовство, обряды, жертвоприношение, культурные коды

Введение

Взаимоотношения социума и ландшафта – область интереса как гуманитарных, так и естественных наук. Культура, как активная социоформирующая сила, структурирует пространство, заставляя своих носителей преобразовывать вмещающий их географический ландшафт, формируя в нем новые контексты и открывая новые смыслы, которые, в

* Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект № 18-18-00309) (рук. В.Н. Давыдов).

свою очередь, активно влияют на саму культуру. Ландшафт становится не только ландшафтом природы, но и «ландшафтом задач» (taskscape), ареной и результатом совместного творчества природы и человека (Ingold 2000: 189–208).

Задача этой статьи – рассмотреть структуру и эволюцию этнокультурного ландшафта, сформировавшегося в ходе освоения южно-тундрового прибрежно-лагунного природного комплекса локальным социумом – населением расположенного на берегу Берингова моря чукотского села Мейныпильгыно.

Термины «культурный ландшафт» и «этнокультурный ландшафт» в научной литературе интерпретируются по-разному (Культурный ландшафт... 2003). Мы понимаем этнокультурный ландшафт как культурный ландшафт, сформированный конкретной этнотерриториальной общностью с однородным или смешанным этническим составом. Такой ландшафт представляет собой результат взаимодействия человека и природы на определенной территории. Он обладает целостностью, структурой и содержит в себе как природные, так и культурные компоненты (Андреева 2014: 17–18; Стрелецкий 2019).

Материалы

В 2016–2019 гг. в селе Мейныпильгыно Чукотского автономного округа автор провел неформальные интервью по традиционному природопользованию и записал фольклорные тексты, связанные с природным ландшафтом. Кроме того, были проведены наблюдения и фотофиксация ряда чукотских обрядов (Klokov 2018). Для количественной оценки использования биоресурсов был проведен анкетный опрос 25 семей с вопросами о количестве полученной продукции (рыбы, дичи, ягод, грибов и т.п.), результаты которого сопоставлены с данными Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги переписи... 1929; Klokov 2019). Использованы также тексты, полученные от мейныпильгынского филиала региональной общественной организации любителей чукотского языка «Чычеткин вэтгав», и ряд публикаций (Леонтьев 1983; Рагтываль 1986; Кытгаут-Тынетегина 2016).

Теоретические подходы и методология

В литературе имеется несколько достаточно полных обзоров основных подходов к изучению культурного ландшафта в России и зарубежных странах (Рагулина 2004; Калуцков 2008; Стрелецкий 2019). Такие подходы оказались продуктивными также в этнологии и этнической экологии (Ямсков 2003; Krupnik et al. 2004). Методология автора опирается в первую очередь на географические представления о структуре

культурного ландшафта как природно-культурного комплекса, состоящего из нескольких природных и этнокультурных «слоев» (Калуцков 2008). Каждая культурная традиция формирует в нем свои материальные и ментальные слои. Возникновению каждого слоя соответствуют определенные историко-географические условия.

Эти представления можно дополнить концепцией культурных кодов. Культурный код – это разновидность культурного текста, если под словом «текст» понимать не только письменное сообщение, но любой объект: произведение искусства, вещь, обычай и т.д., рассматриваемый как носитель информации. По определению Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» (Гудков, Ковшова 2007: 9).

Культурным текстом может быть последовательность слов, действий или ряд имеющих символический смысл предметов. Соответственно, выделяют три типа культурных кодов: вербальный, акционный и предметный (Толстой 1995: 23; Гудков 2004: 39). В традиционном природопользовании представлены все три типа, так как каждая последовательность действий, связанная с использованием биоресурсов, символически нагружена. При освоении ландшафта его отдельные части входят в состав ментального мира человека, формируя один из базовых кодов культуры.

История формирования этнокультурного ландшафта

Изучаемый ландшафт сформировался из двух расположенных рядом ландшафтов с разными моделями освоения пространства, времени и ресурсов – чукотского тундрового и керекского прибрежного. Их объединение шло несколько десятилетий и было связано с доминирующим влиянием русского социума.

Кереки жили в маленьких сезонных поселениях на побережье Наваринского полуострова (в 50–100 км к северу от современного местоположения села), а также в районе озер Пекульнейского и Ваамочка. В 1927 г. здесь было 30 керекских домохозяйств (124 человека). Типичное керекское поселение состояло из 1–2 землянок и 1–3 яранг. В каждом домохозяйстве было от 1 до 5 собачьих упряжек, байдара, рыболовная сеть, многие имели винтовку для охоты на морского зверя. За год одно хозяйство добывало в среднем по 1 644 кг лососей (в основном нерки и гольца) и по 75 кг сельди. Добывали моржей и тюленей 2/3 семей. Морских птиц, гнездящихся на скалах мыса Наварин (птичьи базары которого насчитывают сотни тысяч гнезд), ловили специальными сетями (Итоги переписи... 1929; Klovov 2019).

Кочевые чукчи-оленоводы заселили эту местность, мигрировав со стадами своих оленей с севера из-за реки Анадырь (Лебедев, Симченко

1983). В 1927 г. в их составе было 41 домохозяйство из 206 человек с 9 528 оленями (в среднем 232 оленя на домохозяйство). Между чукчами и кереками шла меновая торговля (Итоги переписи... 1929; Klovov 2019).

В годы коллективизации кереки были переселены на равнину, в более удобное для рыбного промысла место, туда, где сейчас находится Мейныпильгыно. Туда же сселяли и переведенных на оседлость кочевых чукчей.

Третьим этническим компонентом местного населения стали русские, основная масса которых приехала в Мейныпильгыно в 1960–1980-е гг. К 1989 г. за счет миграций и естественного прироста число жителей села выросло до 633, при этом доля чукчей снизилась до 62%, а кереков – до 0,5%. Часть кереков, по-видимому, записали как чукчей. В 1990-х гг. большая часть русских выехала. В селе осталось около 400 человек, из них 85,5% – чукчи. Кереками себя больше не называет никто.

Село стоит у берега моря в 200 км к югу от Анадыря. Дорог к нему нет. Рейсовый вертолет летает 2–3 раза в месяц. Рядом находятся нерестилища крупнейшей на Чукотке популяции нерки (тихоокеанского лосося). Велики ресурсы и других ценных рыб. Рыболовством занято практически все население. Достаточно двух-трех месяцев интенсивной рыбалки, чтобы обеспечить себя пищей и скромным заработком на год. По данным моего анкетирования, средний годовой улов составил около 460 кг на семью, примерно 2/3 его были использованы для питания, а 1/3 – для продажи. Другие важные виды природопользования – сбор ягод и грибов (им заняты почти 90% семей), а также охота на гусей и уток (около 40% семей). Собирают яйца чаек и других птиц 25% чукотских семей.

Особенности хозяйственного освоения ландшафта

Природный ландшафт имеет сложную структуру. Он охватывает материковые тундры, расположенные частично в горах, частично на приморской равнине, и прибрежную часть акватории Берингова моря. Пресноводная гидросистема состоит из приморских лагун, озер, соединяющих их протоков и стекающих с гор речек. Два крупнейших озера – Ваамочка и Пекульнейское – соединены протокой (местное название – Первая речка), на берегу которой стоит село. Протока тянется на 30 км вдоль моря и отделена от него песчаной косой. Рыба, идя на нерест, входит в протоку через ее «устье». Зимой эта часть моря не замерзает, но в воде образуются комья льда. Волны постепенно замыывают устье, загромождая его смешанным со льдом песком и гравием. Чтобы помочь рыбе, мейныпильгынцы каждую весну прокапывают косу лопатами. Вода быстро устремляется в небольшой прокоп и образует большую промоину шириной до 400 м и глубиной до 3–4 м. В последние годы

вместо лопат устье прорывают с помощью принадлежащего одному из жителей бульдозера. Если устье оставить закрытым, нерест задержится, пока вода сама не прорвет косу (что может и вообще не произойти), поэтому мейныпильгынцы прорывают устье уже десятки лет по собственной инициативе и собственными силами.

Вошедшая в Первую речку нерка становится добычей жителей села, ее лов продолжается около месяца. Берег протоки разделен на семейные участки, на каждом стоит небольшой балок и вешала для пойманной рыбы. Осенью около села ловят сига, а зимой – корюшку и навагу. Рыбы много, но продать ее некому, а вывезти невозможно. Лишь небольшие посылки с икрой передают через пассажиров вертолета для продажи в Анадырь. Некоторые любители выезжают на моторных лодках на расстояние до 40 км, чтобы ловить гольца и хариуса в озерах и речках.

Другие ресурсы моря – тюлени (ларга) и морские птицы – почти не используются. Ларга летом заплывает в Пекульнейское озеро, а осенью, когда замерзает протока, не может из него выплыть. Чтобы попасть в море, тюлени переползают через песчаную косу. В это время их можно добыть даже без ружья, ударом дубины или куска железной трубы. В прошлом мясом ларги кормили ездовых собак. Теперь их нет, но кое-кто из чукчей еще добывает одну-две ларги за год. Яйца морских птиц (в основном чаек) собирают мало и только вблизи села.

Ресурсы тундрового ландшафта представлены оленьими пастбищами, дикорастущими растениями (ягоды, грибы, дикий лук и др.) и охотничьими животными. В советское время основной ценностью тундры были пастбища. В мейныпильгынском совхозе «Дружба» в конце 1970-х гг. насчитывалось до 16 тыс. оленей. Еще больше – до 20 тыс. оленей – было в соседнем с юга селе Хатырка. Пастбища «Дружбы» простирались на 150 км вдоль моря и почти на 100 км вглубь тундры. У каждой из семи бригад были свои традиционные стоянки, для них выбирали не только удобные, но и красивые места. Сейчас их можно обнаружить по кругам из камней, которые остаются там, где стояли яранги. Пожилые чукчи помнят и любят эти места, где прошли их детство и юность.

С 1991 г. совхозы Чукотки были реорганизованы в акционерные общества, а затем – в муниципальные предприятия. Оставшись после рыночных реформ без господдержки, они быстро растеряли свой хозяйственный потенциал. Положение населения граничило с голодом, и почти все олени были забиты. Кочевание прекратилось, тундра опустела. В Мейныпильгино оленей не осталось совсем, но в соседней Хатырке удалось сохранить три сотни оленей и через несколько лет довести их поголовье до шести тысяч.

Глядя на успех соседей, мейныпильгынцы тоже захотели восстановить оленеводство. Инициатором стала семья потомственных оленеводов – Чейвытегиных. Несколько бывших оленеводов поехали работать

в Хатырку, чтобы восстановить опыт работы с оленями. В 2015 г. Анатолий Чейвытегин и его сестра зарегистрировали фермерские хозяйства и, получив гранты на развитие бизнеса, приобрели 600 оленей в селе Канчалан, расположенном в 300 км к северу от Мейныпильгыно. Однако во время перегона все олени были уничтожены волками и браконьерами. Через год фермерам удалось получить еще один грант и приобрести 300 оленей в Хатырке. С 2018 г. эти олени выпасались в 15–20 км от Мейныпильгыно. Увеличить размер стада пока не удается, оленей забивают только для питания и ритуалов.

В итоге в сфере местного хозяйства остался лишь участок приморской равнины в окрестностях села. За его пределами мало кто бывает. Лишь одна чукотская семья – отец и сын – месяцами живут в тундре, рыбача и охотясь в десятках километров от села. Еще несколько русских охотников ездят зимой на снегоходах далеко в горы за снежными баранами. А в 10–15 км от села в тундре много людей: весной здесь охотятся на гусей и уток, летом собирают ягоды и грибы.

Культурный ландшафт сузился, но сохранил свою многоплановость, в нем продолжают действовать модели поведения, характерные для экологической этики многих северных народов (Сирина 2008: 121–126). Пример этого – перекапывание песчаной косы, чтобы пропустить на нерест рыбу, которое можно сопоставить с привычкой охотников-эвенков расчищать завалы на таежных речках (125). Хранителями экологических традиций стали бабушки и дедушки, которые выросли в тундре и теперь передают потомкам свои воспоминания о ней как о доме, в котором они жили. При этом события прошлого, связанные с тем или иным местом, накапливаются и сохраняются в ландшафте (126). Он воспринимается как многомерное живое единство, населенное видимыми и невидимыми существами, общение с которыми происходит через обряды, жертвоприношения, а также путем прямого диалога – через словесные обращения и песни (пример такого диалога с птицами приведен ниже). Эти многоплановые отношения с ландшафтом нашли отражение в фольклорных текстах и обрядовых практиках, некоторые из них мы здесь рассмотрим.

Ментальные слои и культурные коды ландшафта

Записанные мною тексты включают чукотские исторические предания, сказки, воспоминания о прошлом, главным образом о жизни в советский (совхозный) период, воспоминания детства, истории об отдельных ярких людях, о домашних (олень, собака) и диких животных, а также мистические истории о духах.

Большая часть преданий не соотносятся с освоенным в настоящее время пространством и сравнительно мало известна. Однако две леген-

ды прямо связаны с расположенными около села возвышенностями: Заводской сопкой и горой Колдун, которые формируют визуальный облик ландшафта. С Заводской сопки открывается захватывающий вид на село, море, окруженную остроконечными горами приморскую равнину, множество крупных и мелких озер, речек и проток. Чукотское имя горы – *Ыттыимтинэй* – состоит из корней трех чукотских слов: собака, груз или ноша, гора. Смысл понятен, если учесть, что в прошлом пастухи при перекочевках переносили щенков на своей спине. По преданию, бездетная семья нашла на этой горе логово собаки, в нем среди щенков лежал новорожденный мальчик с собачьими ушами. Так в бездетной семье появился ребенок, а гора получила свое название (ПМА: ТДТ).

Чукотское название горы Колдун – *Экэней* – переводится как «плохая гора» или «страшная гора». С ней связано предание о наполовину зарытом в землю человеке, который постепенно поворачивается с востока на запад и которого надо время от времени поворачивать обратно на восток (ПМА: ТДТ). Гора, расположенная в некотором отдалении, имеет красивые очертания и доминирует над селом. С ней связан ряд местных примет о погоде. Обе горы постоянно на виду у всех жителей, у их подножия расположены основные места рыбалки, охоты, сбора грибов и ягод.

Еще одна гора – Пекульней – возвышается над Пекульнейским озером. У нее острый каменистый гребень, напоминающий *пекуль* – чукотский женский нож. В прошлом у ее подножия были стоянки двух оленеводческих бригад. Впечатляет вид горы с рейсового вертолета – его видят все, кто прилетает в Мейныпильгыно или улетает из него. Предание (ПМА: ТДТ) повествует, что на этой горе чукчи оборонялись от врагов – кидали в них сверху острые камни. Из-за этого вершина горы свободна от камней, а на склонах их, наоборот, много.

Самая активная часть природного ландшафта – животные. Им посвящено много фольклорных текстов, обзор которых может стать содержанием отдельной статьи. Приведем здесь небольшой текст, посвященный птицам¹.

Людей нашего поселения считают островным народом. Действительно, вокруг нашего села много воды: море, три реки, озера. Это правда, что мы живем как островитяне. Богата наша земля многообразными птицами и зверями. Всюду в тундре, когда идешь по берегам тундровых рек, встречаешь разнообразных птиц. К лету они прилетают к нам обратно издалека, домой на наш остров. Некоторые из них улетают очень далеко, но все равно возвращаются обратно домой. Это журавли, лебеди и разные другие птицы. Первый раз весной, когда увидишь прилетевших домой тундровых журавлей, им нужно петь песни. Они этому радуются, начинают пританцовывать в такт песне.

Есть у нас такая песня: «кылей-кылезэй, къымниничуй» (в переводе это значит «танцуй в такт песне»). В этой песне люди повторяют голоса птиц. Журавли радуются, когда мы поем им эту песню. Они в такт нашей песне танцуют на одной ноге, машут крыльями, идут, вытягивая шею, в такт песне. В это время к ним иногда можно подойти близко, метров на 30–40.

Мистическое измерение ландшафта имеет широкий спектр: от преданий, где история смешивается с мистикой, до рассказов, основанных на личном опыте. Чаще всего они связаны с горами и водоемами. Личный мистический опыт обычно касается общения с духами местности и душами умерших предков. Кроме того, от кереков современным жителям села перешли два священных места, которые называются *камак* (Леонтьев 1983). Проходя мимо них, люди оставляют приношение. Духов кормят также, проходя или проезжая мимо могилы, при остановке на новом месте и возвращении на старую стоянку. Ритуал таких приношений следует (в сильно урезанном виде) культурному коду, который в полном объеме реализуется во время праздников (см. ниже). Я наблюдал его и при ритуальном забое оленей из стада Анатолия Чей-вытегина (рис. 1).

Рис. 1. Поение оленя водой после ритуального забоя. Фото автора

Он включает шесть действий: жертву надо поймать арканом; забить (проткнуть ножом); напоить (полить водой, в которую обычно кладут ивовые веточки); вырезать место, куда вошел нож; разрезать то, что было вырезано, на мелкие кусочки; разбросать эти кусочки во все стороны света, кроме запада. Предельно возможное сокращение ритуала – просто положить то, что приносится в жертву, на землю. Это может быть что-то совсем простое, например кусок хлеба или сигарета, но желательно класть что-то новое, целое, не разрезанное. За отсутствием такового может быть принята любая жертва. Чтобы другие знали, что это жертва, и не брали ее, поперек кладется палочка. Принося жертву, человек обращается к кому-то конкретному (к покойнику, тундре, солнцу, луне и т.д.). О чем он просит, рассказывать не принято. Просьба формулируется в общей форме, например: «Чтобы все нормально было», или более конкретно: «Я тебе это даю и прошу что-то в обмен».

Из такой практики следует, что каждый случайно обнаруженный в тундре предмет может быть принесенной кем-то жертвой, поэтому его нельзя поднимать с земли. В случае необходимости его взять, нужно оставить замену. Например, если нашел и взял с собой нож, нужно вырезать нож из дерева и положить на то же место.

Если человек забыл принести жертву, на стоянке в тундре с ним может случиться что-то необычное, что может его напугать. Можно услышать голоса, увидеть тени, может погаснуть огонь и другое – таким образом духи напоминают о себе.

В Мейныпильгыно чукчанки старших поколений с детства усвоили все особенности кочевой жизни, включая и ритуальные практики. Женщина – хозяйка яранги и хранительница очага. Перед праздником она добывает огонь с помощью антропоморфной доски *гыр-гыр* (рис. 2) и инструментов, которые хранятся и передаются по наследству. Старшая женщина в семье хранит также *тайныквыт* (рис. 3) – связку ритуальных предметов – охранителей яранги². *Гыр-гыр* и *тайныквыт* – примеры материальных (предметных) культурных кодов, а ритуал добывания огня – пример акционального культурного кода.

Сохранение *тайныквыт* означает продолжение жизни яранги. Их сейчас сохраняют 11 семей, есть они также в музее при детской школе искусств. Это дает возможность школе ставить свою ярангу и участвовать в проведении праздничных обрядов. В семьях хранятся также деревянные шесты и *рэтэм* – сшитое из оленьих шкур покрытие для яранги. *Рэтэм* часто заменяют брезентом. Сохранять *тайныквыт* важнее, чем *рэтэм* и шесты, так как последние можно сделать из подручных материалов, а *тайныквыт* заменить нельзя. Акциональный культурный код чукчеволеноводов включает их обрядовые праздники. Полный годовой цикл состоит из более чем десяти праздников (Нувано 2020). В Мейныпильгыно помнят и частично выполняют обряды трех важнейших из них.

Рис. 2. Набор для ритуального добывания огня. Фото автора

Рис. 3. Тайныквыт – ритуальные предметы – охранители яранги. Фото автора

Первый – *Кильвэй* – отмечается в мае в связи с появлением у оленей новорожденных телят. Его справляют 6–8 семей. В тундре рядом с селом на 1–2 дня ставят яранги. Некоторые семьи ставят только треноги из трех центральных шестов яранги (*тэврит*), что символически обозначает всю ярангу.

Второй праздник – *Ваамкоранмат*. *Ваам* по-чукотски – «река, вода»; *коранмат* (другой вариант произношения – *каанмат*) означает

«забой оленей». Его отмечают в начале июня, когда вскрываются реки. После *Ваамкоранмата* мужчины-оленоводы уходили со стадом оленей на летние пастбища и на два месяца расставались со своими семьями. Во время праздника проводили ритуальный забой нескольких жирных оленей, чтобы обеспечить свои семьи мясом на два месяца вперед. Когда оленеводство исчезло, ритуальный забой заменили простым обрядом, в котором оленя замещают бусинки. На веточку ивы, около 30 см длиной, или травинку надевают две бусинки и захватывают ее маленьким арканом из тонкой кожи, как живого оленя. Когда оленя забивают, он трепыхается, поэтому веточку или травинку тоже двигают, как будто олень шевелится (ПМА: ВСМ).

Третий, самый главный праздник чукотских оленеводов – *Вылгыкоранмат* (*Вылгыкаанмат*), по-русски – «День молодого оленя» (подробнее см. Кузнецова 1957; Klokov 2018). Название связано с тем, что во время праздника традиционно проводится забой молодых оленей, чтобы получить шкуры с тонкой шерстью. Раньше он отмечался, когда оленеводы возвращались с летовки в стойбище и встречались со своей семьей после двухмесячной разлуки. Я наблюдал и фотографировал этот праздник в 2016 г., в нем участвовали четыре яранги семей бывших оленеводов и яранга детской школы искусств. Праздник включал почти полный цикл обрядов, описанный В.Г. Кузнецовой (1957), кроме забоя живых оленей. Вначале был проведен обряд очищения всех собравшихся дымом добытого трением огня. Затем – изгнание злых духов стрелой из ритуального лука. Потом обращались к силам природы и кормили их. Заранее разложенную по площадкам ритуальную кашу из щавеля бросали в юго-восточном направлении с возгласами: «О–гэй! О–гэй!». Обращения следовали в определенном порядке: сначала к силам внешней неодушевленной природы (солнцу, луне и др.), затем к живой природе – оленям и рыбам, потом к захоронениям предков и к самим предкам. Далее следовали жертвоприношения. Живых оленей заменяли их маленькие фигурки, слепленные из ритуальной щавелевой каши с веточками вместо рогов (рис. 4). Использование фигурок, когда нет необходимости забивать животных, – древняя чукотская традиция (Богораз 1939: 72). Кроме символических оленей в жертву принесли сушеных лососей (рис. 5), считавшихся «братьями» оленей (ПМА: ОВЕ). В конце праздника всех угощали ритуальной кашей из щавеля с ягодами.

Таким образом, в начале обряда производилось кормление сил неодушевленной природы, затем – одушевленной в лице оленей и рыб, а в конце – людей. На следующий день были спортивные соревнования и выступления фольклорных ансамблей. В это время некоторые семьи провели еще свои семейные обряды, но уже в узком кругу.

Рис. 4. Ритуальные фигурки, заменяющие живого оленя во время жертвоприношения, и деревянные доски со щавелевой кашей для кормления сил природы. Фото автора

Рис. 5. Начало жертвоприношения лосося – «брата» оленя: жертва поймана арканом. Фото автора

Заключение

С экологической точки зрения эволюцию этнокультурного ландшафта за последние сто лет можно представить так. В 1920-е гг. сообщество кереков занимало экологическую нишу приморских ландшафтов, где источником биоресурсов были популяции мигрирующих животных, связанных с морем: анадромных рыб, тюленей и морских птиц. Кочевые чукчи осваивали тундровые ландшафты, где основной поток биологической энергии шел по пищевым цепям от продуцентов – кормовых растений к консументам первого порядка – домашним оленям, а от них уже к человеку. Эти взаимосвязи закодированы в праздничных обрядах оленеводов.

Теперь чукчи и керекы слились в одно сообщество, занимая в ландшафте общую экологическую нишу. Ресурсная емкость этой ниши сильно уменьшилась. Обширные оленьи пастбища выпали из использования, а потребление водных биоресурсов сократилось в разы. С 1927 по 2017 г. число домашних оленей сократилось с 9,5 тыс. до 300 голов, а вылов рыбы в среднем на семью – примерно в 5 раз. Несмотря на это, система природопользования остается устойчивой из-за высокой концентрации биоресурсов – нерестовых популяций нерки и других рыб.

Этнокультурная устойчивость сообщества поддерживается за счет сохранения культурных кодов, важнейший из которых – обрядовые практики. С ними связаны семейное хранение местных святынь и фольклорные традиции. Теперь, когда около села появилось, хотя и небольшое, стадо домашних оленей, вербальные и акциональные культурные тексты соединились с материальными. В жертву вновь стали приносить живых оленей. Кроме того, в селе сохраняется практика похоронного обряда со сжиганием тел умерших в тундре. Его описание – тема отдельной статьи.

Традиционную культуру, внешним образом проявляющую себя в обрядах и фольклоре, можно рассматривать как содержательное (ментальное) ядро этнокультурного ландшафта (Андреева 2014: 18). Это культурные коды, связывающие людей с природой и обуславливающие их укорененность в ландшафте. В методологическом плане включение культурных кодов в модель этнокультурного ландшафта позволяет проследить циркуляцию этноландшафтной информации. Эта информация, которая обычно фиксируется исследователями как традиционные знания, фольклор или экологическая этика, извлекается социумом из окружающего ландшафта и проходит в его ментальные структуры. На ее основе трансформируются существующие и возникают новые культурные тексты и коды. Через них этноландшафтная информация воздействует на стереотипы поведения людей, оказывая тем самым влияние на природопользование и структуру этнокультурного ландшафта.

Такой ее круговорот позволяет говорить о совместном творчестве человека и природы, о многообразных связях этнической общности и вмещающего ее ландшафта.

Культурный код оленеводческих обрядов, которые совершались даже после утраты оленеводства, отражает полноту взаимосвязей локального социума со своим ландшафтом. В символической форме он включает все компоненты окружающей природы. Участники ритуалов обращаются к силам природы – небу, солнцу, луне, воде и другим – как в словесной форме, так и в форме подношений. Подношения разбрасываются в направлении разных сторон света. Здесь закодированы и пространственные отношения, так как одна из сторон света (западная) считается темной и в большинстве случаев в ходе обряда игнорируется. Более конкретно выглядят обращения к тундре и ее растениям, которые дают пищу оленям. Они закодированы многократным использованием во время ритуалов ивовых веток с листьями. Пучки таких веток используются при постановке яранг. Последние перед праздником должны быть обязательно переставлены на новое место и установлены по определенным правилам. Из веточек ивы делаются рога для маленьких фигурок оленей, которые заменяют во время обряда отсутствующих живых животных. Затем эти веточки разрезаются на мелкие кусочки, которые заменяют куски мяса оленя, а в случаях, когда участники обряда должны быть помазаны свежей оленьей кровью, вместо крови используют сырую ивовую кору. Тушу забитого оленя укладывают на подстилку из ветвей ивы. В воду, которой поят убитого оленя (или его «заместителя»), кладут ивовые листья. Используют ветки и листья ивы и в ряде других случаев.

Следующая знаковая фигура в этой последовательности – олень, который участвует в обрядах как живое животное или через своих «заместителей». Замещать его могут *porat* (колбаса из оленьих кишок), или маленькие фигурки, слепленные из ивовой каши, или ивовые веточки, или сушеный лосось, выступающий в роли его «брата», а при крайнем упрощении обряда – бусинки, шарики бисера (за исключением бусинок красного цвета). Центральной фигурой в этом тексте остается олень. Завершает ритуал трапеза, во время которой куски оленьего мяса или замещающих их щавелевую кашу и рыбу съедают люди. Вербализирует этот текст чукотская поговорка «Тундра кормит оленей, а олени кормят нас». Символически в такой трапезе объединены все компоненты ландшафта, его духи и люди. Последние, съедая ритуальную порцию мяса оленя, соединяются с ним не только телесно, но и символически, через духовную субстанцию. Поскольку олень выкормлен тундрой и представляет с ней одно целое, люди таким образом соединяются и со всей природой – ландшафтом тундры (Лебедев, Симченко 1983). Включив в ритуал наряду с оленем его «брата» – лосося, мейныпиль-

гынцы расширили культурный код, соединяясь через него не только с миром тундры, но и с миром моря, т.е. со всей природой, воплощенной в местном ландшафте. Таким образом, сохранение культурных кодов обеспечивает равновесие в ландшафте. С ним можно связать и восстановление здесь – хотя и в очень ограниченных масштабах – оленеводства. Здесь так же, как и у других северных народов (Сирина 2008: 133–134), традиционные ментальные ценности не исчезли, а трансформируясь, продолжают организовывать и направлять деятельность местного сообщества.

Примечания

¹ Текст И.С. Етылыкута «*Пынылтэлыльын ытлыкай Кээкыну*» на чукотском языке входит в рукописный сборник *Кырымэн ытыяатъё*. Вып. 4. Мейныпильгыно: Филиал РОО «Чычеткин этгав», 2013. С. 7. Переведен с чукотского его автором.

² О семейных святынях Мейныпильгыно см. статью Р.М. Рагтываль (1986).

Источники

Полевые материалы автора (ПМА)

ТДТ – тексты, записанные со слов Татьяны Дмитриевны Тыгритваль.

ВСМ – сведения об обряде записаны со слов Валерии Сергеевны Масаловой.

ОВЕ – сведения об обряде записаны со слов Ольги Вячеславовны Елянто.

Литература

Андреева Е.Д. Фольклор. Культурный ландшафт. Этнокультурная идентичность // Фольклор и этнокультурная идентичность. М.: РИИИ, 2014. С. 17–23.

Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Ч. II.

Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Гудков Д.Б., Ковишова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Итоги переписи северных окраин Дальневосточного Края (1926–1927) с приложением карты северных окраин ДВК. Благовещенск: [б. и.], 1929.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. Т. 2. Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXV. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 263–326.

Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: МГУ, 2003.

Кытгаут-Тынетегина Е.И. Фольклор Беринговского района. СПб.: Лема, 2016.

Лебедев В.В., Симченко Ю.Б. Ачайваамская весна. М.: Мысль, 1983.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983.

Нувано В.Н. Годовой хозяйственный цикл ваежских оленеводов в 1984–1986 гг.: ретроспективный взгляд // Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие. М.: PressPass, 2020. С. 35–57.

Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.

- Рэгтываль Р.М. Мейныпильгынская коллекция семейных святынь. Краеведческие записки. Вып. 14. 1986. С. 170–191.
- Сирина А.А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 121–138.
- Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 48–78.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: Сб. статей. М.: МГУ, 2003. С. 62–77.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Dkill. London: Routledge, 2000.
- Klokov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinyopilgyno Village, 2016–2017 // Arctic anthropology. 2018. Vol. 55, № 2. P. 115–131.
- Klokov K.B. Evolution of the Subsistence Pattern of Indigenous Population of the Coast of Southern Chukotka: Energy and Resources Aspects // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 302: 4th International Scientific Conference Arctic: History and Modernity / Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012077
- Krupnik I., Mason R., Horton T. (eds.) Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations. Wash.: Smithsonian National Museum of Natural History, 2004.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

The ethno-cultural landscape of the Chukchi village of Meynypilgyno

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/4

Konstantin B. Klokov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences; Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The article is written under the research project No. 18-18-00309 (Principal Investigator V.N. Davydov), supported by the Russian Science Foundation (RNF).

Abstract. The study of ethno-cultural landscapes is an actively developed research area at the interface of ethnology and human geography. Culture is an active socio-forming force which structures human habitat and opens in geographical landscape new contexts and meanings, which, in turn, actively influence culture. The article considers structure and evolution of ethno-cultural landscape formed in the course of development of the southern tundra coastal-lagoon ecosystem by the local community of the Meynypilgyno village on the Bering Sea coast. In 2016-2019, the author conducted informal and semi-formal interviews there, observed ritual practices and recorded folklore texts related to the natural landscape. Chukchi reindeer herders and sedentary Kerek fishermen were involved in the shaping of the landscape. Now they have merged into one local community and occupy a common ecological niche in the landscape. The used landscape area as well as the amount of used biological resources have greatly decreased during the last decades. The ethno-cultural sustainability of the community is maintained through the preservation of cultural codes. The most important of these are ritual practices, associated with folklore traditions. In symbolic form, they reflect people's relationship with both tundra and aquatic ecosystems. The preservation of the cultur-

al codes maintains the balance in the landscape. It can also be linked to the restoration of the reindeer herding that was lost here 20 years ago. In this way, the mental components of the cultural landscape do not disappear, but, transforming themselves, continue to organize and guide the activities of the local community.

Keywords: cultural landscape, Chukchies, Kereks, traditional nature management, reindeer husbandry, fishing, ceremonies, sacrifice, cultural codes

References

- Andreyeva E.D. Fol'klor. Kul'turnyi landshaft. Etnokul'turnaia identichnost' [Folklore. Cultural Landscape. Ethnocultural Identity]. In: *Fol'klor i etnokul'turnaia identichnost'* [Folklore and Ethnocultural Identity]. Moscow, 2014, pp. 17–23.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religii* [Chukchi. Religion]. Part II. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1939.
- Gudkov D.B. Edinitsy kodov kul'tury: problemy semantiki [Units of Codes of Culture: The Problems of Semantics]. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 26. Moscow: MAKSS Press, 2004, pp. 39–50.
- Gudkov D.B., Kovshova M.L. *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovariu* [Body Code of the Russian Culture: Materials for the Dictionary]. Moscow: Gnozis, 2007.
- Iamskov A.N. Etnoekologicheskie issledovaniia kul'tury i kontseptsii kul'turnogo landshafta [Ethno-Ecological Studies of Culture and the Concept of Cultural Landscape]. In: *Kulturnyi landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniia*. Moscow: MGU, 2003, pp. 62–77.
- Ingold T. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2000.
- Itogi perepisi severnykh okrain Dal'nevostochnogo Kraia (1926–1927)* [Results of the Census of the Far East Territories of the Russian North (1926–1927)]. Blagoveshchensk: [Without publisher], 1929.
- Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi khronograf, 2008.
- Klovov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017, *Arctic Anthropology*, 2018, vol. 55(2), pp. 115–131.
- Klovov K.B. Evolution of the Subsistence Pattern of Indigenous Population of the Coast of Southern Chukotka: Energy and Resources Aspects. In: *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 302: 4th International Scientific Conference Arctic: History and Modernity / Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012077
- Krupnik I., Mason R., Horton T. (Eds.) *Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations*. Washington: Smithsonian National Museum of Natural History, 2004.
- Kulturnyi landshaft: teoreticheskie i regionalnye issledovaniia* [Cultural Landscape: Theoretical and Regional Studies]. Moscow: MGU, 2003.
- Kuznetsova V.G. Materialy po prazdnikam i obriadam amguemskikh olennykh chukchey [Materials on Holidays and Rituals of Amguema the Reindeer Herding Chukchis]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik. T. 2. Trudy Instituta etnografii im. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia*, Vol. XXXV. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957, pp. 263–326.
- Kytgaut-Tynetegina E.I. *Fol'klor Beringovskogo raiona* [Folklore of the Beringovsky District]. St. Petersburg: Lema, 2016.
- Lebedev V.V., Simchenko Iu.B. *Achaivaamskaia vesna* [Achaivaam Spring]. Moscow: Mysl, 1983.
- Leontiev V.V. *Etnografiia i fol'klor kerekov* [Ethnography and Folklore of Kereks]. Moscow: Nauka, 1983.

- Nuvano V.N. Godovoi khoziaistvennyi tsikl vaiezhskikh olenevodov v 1984–1986 gg.: retrospektivnyi vzgliad [Annual Economic Cycle of Vaegi Reindeer Breeders in 1984–1986: A Retrospective View]. In: *Prikladnaia etnologiiia Chukotki: narodnye znaniia, muzei, kul'turnoe nasledie*. Moscow: PressPass, 2020, pp. 35–57.
- Ragtyval R.M. Meinyipil'gynskaia kollektsiia semeinykh sviatyn' [Meinyipilgyno Collection of Family Shrines], *Krayevedcheskie zapiski*, 1986, vol. 14, pp. 170–191.
- Ragulina M.V. *Kul'turnaia geografiia: teorii, metody, regional'nyi sintez* [Cultural Geography: Theories, Methods, and Regional Synthesis]. Irkutsk: Izdatel'stvo Instituta geografii SO RAN, 2004.
- Sirina A.A. Chuvstvuiushchie zemliu: ekologicheskaiia etika evenkov i evenov [Sensing the Earth: Ecological Ethics of the Evenkis and Evens], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 2, pp. 121–138.
- Streletskii V.N. Kontsept kul'turnogo landshafta v mirovoi kul'turnoi geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretatsii [The Concept of Cultural Landscape in Global Cultural Geography: Scientific Origins and Modern Interpretations], *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty*, 2019, vol. 1(36), pp. 48–78.
- Tolstoi N.I. *Iazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Popular Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/5

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧУКОТСКИМ ДУХАМ¹

Виржини Ватэ

Аннотация. Понимание духов у чукчей ставит перед антропологами извечную проблему. Анализируя классические исследования Владимира Богораза, можно заключить, что для чукчей многие духовные сущности имеют строгие очертания и за ними зафиксированы определенные имена. Не так давно Филипп Дескола и Рене Виллерслев включили в свои теоретические построения те различия, которые В. Богораз проводил между разными категориями духов. Мой полевой опыт на Чукотке, напротив, привел меня к выводу, что у чукчей характеристики духов не так хорошо упорядочены, как предполагалось в работах этих авторов. В этой статье я хочу показать, что у чукчей восприятие духов амбивалентно, оно отражает отношение людей к земле и оленям. Я утверждаю, что то, как чукчи выстраивают отношения с оленями, тундровым пространством и духами, во многом зависит от того, как олени, тундра и духи относятся к домашнему очагу.

Ключевые слова: духи, обряды, олень, земля, одомашнивание, очаг, огонь, чукчи

Понимание духов среди чукчей – народа северо-востока Сибири, «традиционно» разделенного на оленеводов и охотников на морских млекопитающих – ставит перед антропологами извечную проблему. При чтении классических исследований В. Богораза (Bogoras 1904–1909, 1910–1913; Богораз 1900) создается впечатление, что для чукчей многие духовные сущности имеют строгие очертания и определенные имена, зафиксированные за ними. Недавно Ф. Дескола (Descola 2013) и Р. Виллерслев (Willerslev 2011) приняли для своих теоретических построений те же различия, которые В. Богораз проводит между разными категориями духов. На основании того, как Ф. Дескола понял В. Богораза, он приходит к выводу, что чукотское разграничение двух типов духов – *кэлы* (множественное число *кэльэт*) и *вагыргын* (множественное число *вагыргыт*)² – указывает на то, что чукчи придерживаются переходного положения между анимизмом и аналогизмом, двух из четырех возможных онтологий, которые ученый описывает (наряду с натурализмом и тотемизмом) в своей работе: чукчи занимают промежуточное положение между анимистами Северной Америки и аналогистами Бурятии (Descola 2013: 366–377). Точно так же Р. Виллерслев ссылается на В. Богораза и В. Йохельсона (Jochelson 1908) и идентифицирует *вагыргын* как «Высшее Существо», которое он называет «ани-

мистическим верховным богом» (Willerslev 2011: 517), несмотря на свою предыдущую критику в отношении В. Богораза о «создании им идеальной модели “пантеона духов” коренных народов» (Willerslev 2004: 399). Это позволяет Р. Виллерслеvu сформулировать свою теорию «анимистической перспективной зависимости от Высшего Существа» (Willerslev 2011: 520) (обсуждение взглядов этих двух авторов см. в Vaté, Eidson 2021).

Мой опыт полевой работы на Чукотке, напротив, привел меня к выводу, что у чукчей характеристики духов не так хорошо упорядочены, как предполагалось в указанных выше работах. Вместо этого, вслед за Ф. Лограном с соавторами (Laugrand et al. 2000, 2002: 39), и по аналогии с инуитскими *Туурнгаит*, я считаю, что для чукчей, известных своей «семейной» формой шаманизма (Bogoras 1904–1909: 413–415), духи являются гибкими и неоднозначными категориями, у которых есть много региональных и семейных вариаций. Другими словами, чукотские духи – это в значительной мере сущности со множественными и неопределенными формами и особенностями. Этот аргумент я буду развивать далее, основывая свои размышления на данных, которые мне удалось собрать в разных местах на Чукотке в период с 1994 по 2018 год. В своей аргументации я буду ссылаться на работу В. Богораза, когда это освещает мои материалы и мою аргументацию, представляя критическое переосмысление его работы. Конечно, это стремление перечитывать В. Богораза критически не мешает нам признавать его уникальные достижения. Как отмечал И. Крупник (Krupnik 1996: 39), «результатом работы Богораза для Джезуповской экспедиции стало восемь монографий: трехтомная этнография чукчей, том по чукотской мифологии и четыре тома по фольклору и языкам других местных народов». И это действительно уникальный по объему материал (ср. с еще более восторженными оценками в: Freed et al. 1988: 20).

Один из вопросов, лежащих в основе этого перечитывания классических работ по этнографии начала двадцатого века: как мы можем сегодня использовать удивительный материал, собранный В. Богоразом и В. Иохельсоном более века назад? Их монографии – между прочим, крайне увлекательные – остаются сегодня основным источником справочной информации для ряда современных авторов, среди которых есть те, кто не располагает более глубокими знаниями о северо-востоке Сибири. Возможно, большие перемены, повлиявшие на жизнь в Сибири за последнее столетие, делают проблематичным использование этих ранних источников без обращения к более поздним. При чтении трудов В. Богораза и В. Иохельсона (без учета более поздней литературы) может сложиться впечатление, будто чукотская жизнь статична, высечена в камне. Нет сомнений в том, что некоторые расхождения между данными В. Богораза и моими собственными вытекают из нескольких де-

сятилетий атеистической политики советской власти. Хорошо известно, что советская политика повлияла на состояние национальных языков и сохранение традиционных знаний коренных народов. И последующие десятилетия привнесли дальнейшие изменения.

Однако я бы сказала, что использование монографий В. Богораза и В. Иохельсона требует внимательного отношения не только к меняющемуся историческому контексту, но и к внутренним противоречиям, существующим в этих классических текстах (см. также Vaté, Eidson 2021). Я убеждена, что некоторые расхождения между материалом В. Богораза и моим собственным также связаны с методологическими различиями в подходах к исследованию духов. При более внимательном рассмотрении текста можно увидеть, что В. Богораз и другие авторы имели тенденцию создавать четкую космологическую основу из разрозненных представлений, которые на самом деле не настолько систематически организованы. В отношении северо-востока этот тезис также присутствует в более ранней работе Р. Виллерслева (Willerslev 2004: 399). В другом контексте Д.А. Функ (Функ 2005: 25–27) тоже заметил эту тенденцию к обобщению некоторыми авторами в процессе анализа телеутских и шорских материалов по шаманству.

Стремясь переосмыслить позицию классических авторов, исследователи Сибири и Севера предложили новые подходы к теме изучения духов. Например, ссылаясь на А. Гелла (Gell 1998, 1999), А. Халемба (Halembe 2005) исследует онтологию духов на Алтае, анализируя локальные представления «окультизма» местных жителей. Опираясь на феноменологические подходы и недавние исследования в области когнитивной науки, Р. Виллерслев (Willerslev 2004) утверждает, что юкагирские знания о духах основаны на повседневной деятельности – охоте и сновидениях. В этой статье я хочу показать, что у чукчей восприятие духов амбивалентно, оно отражает отношение людей к земле и оленям. Я стремлюсь доказать, что то, как чукчи выстраивают взаимодействие с оленями, землей и духами, во многом зависит от того, как олени, земля и духи относятся к домашнему очагу. Именно в этом контексте я проанализирую черты *кэ́льэ́т*, которых часто называют – локально и в научных публикациях – «злыми духами».

Кто такие *кэ́льэ́т*?

Как показывает мой опыт работы на поле, *кэ́льэ́т* – те духи, о которых люди говорят чаще всего. Кажется, *кэ́льэ́т* всегда находились в центре внимания чукчей. Так было и в прошлом, о чем свидетельствуют частые ссылки на *кэ́льэ́т* в монографии В. Богораза (1904–1909) и в его сборнике чукотских мифов (1900, 1910–1913). Это верно и для сегодняшнего дня, когда многие повседневные проблемы – дурные пред-

чувствия, плохие сны и несчастья – явно приписываются *кэлъэт*. Примечательно, что обращение в христианство в последние десятилетия не привело к исчезновению представлений о *кэлъэт*: новообращенные по-прежнему верят, что духи могут оказывать на них негативное влияние, особенно если в своей христианской жизни эти люди продолжают «кормить» ритуальные объекты (см. Vaté 2009: 46).

Монография В. Богораза, основанная на полевых исследованиях, содержит много подробностей о социальной жизни *кэлъэт*. Считается, что *кэлъэт* ведут образ жизни, аналогичный человеческому: они живут в яранге (по-чукотски: *яран'ы*) – куполообразной палатке, сделанной путем натягивания на деревянный каркас чехла из оленьей шкуры; имеют семью, детей, оленей и собак (Bogoras 1904–1909: 294). *Кэлъэт* живут за счет охоты на людей, они считают человека «маленьким тюленем» (Bogoras 1904–1909: 294). *Кэлъэт* не имеют определенного размера, могут принимать разные формы, хотя большую часть времени они невидимы для человеческого глаза (Bogoras 1904–1909: 295). Во время моих собственных полевых исследований мне говорили, что собаки с пятнами вокруг глаз обладают способностью увидеть этих духов. У *кэлъэт* тоже есть собаки. Если шаман поймает *кэлы*, последний должен принести в жертву шаману одну из своих собак, чтобы тот освободил его, точно так же как люди приносят своих собак в жертву духам, чтобы вылечить от болезни (Bogoras 1904–1909: 296).

Считается, что *кэлъэт* несут ответственность за гибель людей. Они особенно любят поедать человеческую печень, а также почки и сердце (Bogoras 1904–1909: 295) – эти же органы ценят чукчи, вырезая их у северного оленя и морских млекопитающих. Как показала Р. Амайон (Hamayon 1990) в своем анализе сибирского шаманизма, считается, что смерть от болезней можно отсрочить, если использовать «заменители» и накормить ими духов. В этих целях чукча может зарезать оленя или собаку и предложить их духу взамен себя. Другой способ избежать пожирания *кэлъэт* – добровольно уйти из жизни, если человек чувствует, что его время пришло (Hamayon 1988; Vaté 2003).

Считается, что *кэлъэт*, будучи связанными со смертью, шьют себе одежду из кусков человеческой погребальной одежды, которую обычно разрывают во время ритуала и оставляют на месте погребения человека. Они сшивают эти обрывки нитью из человеческих жил, подобно тому, как люди шьют свою одежду нитками из оленьих жил (Bogoras 1904–1909: 294). Кроме того, *кэлъэт* проводят гадание с человеческим черепом, как люди – с черепом животного (Bogoras 1904–1909: 295).

***Кэлъэт* – амбивалентные духи**

В. Богораз создает типологию духов, пытаясь, вероятно, связать собрание выявленных им взглядов воедино. Он выделяет три основные

категории *кэльэт*: 1) «злые духи», в том числе болезни; 2) «кровожадные каннибалы»; 3) «духи которые прилетают на зов шамана и помогают ему» (Богораз 1939: 12; Bogoras 1904–1909: 291–302). Однако в ходе применения этой классификации в материалах исследователя возникают некоторые противоречия. Например, хотя он упоминает, что духи – хозяева мест (называемые *этын*) также считаются *кэльэт* (Bogoras 1904–1909: 285, 290), он не включает их в свою типологию. Если внимательно присмотреться к тексту В. Богораза, становится ясно, что сами категории пересекаются, что он и сам признает: «*Kelet могут быть разделены на три класса, более или менее различные, но все же нередко переплетающиеся взаимно*» (Богораз 1939: 12). И далее: «*Переход от одного разряда kelet к другому имеет постепенный и почти незаметный характер*» (Богораз 1939: 18).

Одним из важных критериев, который использует В. Богораз для определения этих духов, является их «злой» аспект. Такие русские названия, как «баба яга» или «чертики», которые иногда используются сейчас для обозначения *кэльэт*, действительно, отсылают к их «плохой» сущности. В. Богораз говорит, что есть две категории духов: «хорошие», называемые *вагыргыт*, и «плохие», называемые *кэльэт* (Bogoras 1904–1909: 290). Но это нарочито категоричное разделение иногда приводит к тому, что В. Богораз начинает противоречить самому себе. *Кэльэт*, оказывается, тоже можно назвать *вагыргыт*³ (Bogoras 1904–1909: 290), т.е. деление на «плохое» и «хорошее» теряет смысл. Действительно, анализ приводимой исследователем терминологии не раскрывает понятий «плохо» или «хорошо». Насколько я знаю, этимология самого термина *кэлы* неизвестна⁴. *Вагыргын* происходит от слова *вак*, что можно перевести как «быть», «жить», «находиться». С суффиксом *-гыргын* слово *вагыргын* означает «что существует», «что есть», «существо» или «сущность». В. Богораз (1904–1909: 303) пишет: «Существительное *va'irgin* означает “существование”, “бытие”, “образ жизни”, “действующую силу”, “сущность”». В этом смысле *вагыргыт* представляют собой общую и расплывчатую категорию сущностей, которые мы, западные исследователи, называем «духами». В любом случае, терминология сама по себе не дает никаких оснований противопоставлять *вагыргыт* и *кэльэт* как различные по своей сути⁵.

Однако В. Богораз придерживается этой бинарной классификации несмотря на то, что его информанты не только не делали явного различия между духами, но и, похоже, подчеркивали их двойственность. То, как исследователь представляет свои данные, свидетельствует о предвзятости в этом вопросе. Он пишет: «Однако иногда все виды духов, вредных или безвредных, называют *кэльэт*, но, строго говоря, такое использование термина неверно. Тот, кто говорит правильно, различит, по крайней мере, два отдельных класса сверхъестественных существ –

вредный *ke'le*, или злой дух, и доброжелательный *va'irgin*» (Bogoras 1904–1909: 290).

Вместо того чтобы принять во внимание предоставленную ему информацию и признать двойственность чукотских духов, В. Богораз как будто сомневается в том, что его информанты достаточно осведомлены. По этой причине Р. Виллерслев (Willerslev 2004: 399) упрекает В. Богоразу в том, что он искал чистоту изначального прошлого чукотской культуры, которая лучше всего сохранилась среди шаманов – «носителей древних духовных знаний». В другом отрывке В. Богораз снова смешивает этнографические данные с личными комментариями: «Много раз после коллективного жертвоприношения, совершенного людьми, мало осведомленными в духовных вопросах, я задавал им вопрос, кому была принесена жертва. Ответ был таков: “Кто знает: может быть, *va'irgin*, может быть, *ke'le* (чук.: *Qo!*, *vairgêti*, *kalagti*)”. Оба имени звучали как данные существам, дружественным человеку, потому что ни один чукча открыто не сознается в том, что жертва была принесена злему духу, кроме совсем уже экстраординарных обстоятельств» (Bogoras 1904–1909: 290).

Таким образом, люди склонны объединять *кэльэт* и *вагыргыт*. Они не противопоставляют их друг другу, а настаивают на их двойственности. Анализ практики, свидетельств и мифов подтверждает эту двойственную позицию *кэльэт*. Например, в одном из рассказов говорится, что в прежние времена люди и *кэльэт* не были врагами, а жили вместе в гармонии в одном поселении и вместе охотились на морских млекопитающих (Bogoras 1904–1909: 335; более позднюю версию см. Weinstein 2018: 225–226). После охоты люди отдавали *кэльэт* печень убитых животных. Но однажды охотник, решивший больше не делить печень с *кэльэт*, убил сына семьи *кэльэт*. По возвращении с моря охотник отдал родителям-*кэльэт* печень их сына, как будто это была их доля добычи, посланная вперед с охоты их сыном, который должен был вернуться позже. На следующий день, когда они уже съели печень, родители-*кэльэт* поняли, что произошло на самом деле. Они убежали от людей и стали невидимыми. Следовательно, конец гармонии, которая когда-то существовала между людьми и *кэльэт*, – это вина людей. Не желая делиться печенью морских млекопитающих, люди теперь сталкиваются с атаками *кэльэт* на их собственную печень. Духи, даже если они по сути своей не «плохие», вызывают опасения из-за их двойственности. Даже если они могут быть полезны, человек всегда знает, что они способны причинить и вред.

Вместо того чтобы пытаться провести новую классификацию духов, я подойду к вопросу об этой амбивалентности, пытаясь понять ее основу. На основе моих материалов и с помощью другого подхода к данным Богораз я хочу показать, что один из ключей к пониманию амбивалентности ду-

хов – изучение их отношения к огню домашнего очага⁶. Я также стремлюсь доказать: чтобы понять отношение людей к духам, нужно сопоставить его с отношением людей к земле и оленям. Как подчеркивает информант В. Богораза, *кэльэт* ассоциируется как с «нечеловеческим пространством», так и с «дикими» или «не домашними» животными. «Шаманские “духи”... принадлежат к *бездомному* миру, говорят чукчи, как и *дикие животные*. Нелегко *заманить их в человеческие дома и приручить*, даже частично» (курсив мой; Bogoras 1904–1909: 301). Далее я объясню, что подразумевается под «нечеловеческим пространством» («бездомным миром») и «дикими» животными.

Отношение к земле

Чукчи-оленоводы не делят пространство строго и постоянно на человеческое и нечеловеческое⁷. Скорее, эти кочевники воспринимают тундру как некий континуум, в котором они живут в отношениях со всеми видами сущностей. Однако живущие в тундре чукчи, которые часто меняют места своих стоянок, выделяют то пространство, которое становится для них временным пристанищем. Они живут, временно «присваивая» пространство с помощью определенных практик, в которые входит соблюдение правил, касающихся строительства и организации яранги (см.: Vaté 2006). Следует подчеркнуть, что «присвоение» территории чукотскими оленеводами не является необратимым: это непрерывный процесс, в ходе которого статус пространства пересматривается каждый раз, когда люди прибывают на новую стоянку.

Не имея строгих границ, оленеводы делят пространство на две главные составляющие. Первое пространство, называемое *ярэн*⁸, или *ратагын*, включает территорию примерно в несколько километров вокруг яранги, место стоянки, его непосредственное окружение и пастбища северных оленей (кроме времени перегона стада на летовку). Второе пространство, превосходящее первое по площади и окружающее его, называется *нутэнут* – «земля», «территория», также переводится как «тундра». Ближе к морю это пространство называется *эмнун* – «тундра», а также «суша» (Венстен 2018, т. 3: 491) или *ан'к'ачормын* – «берег» или «море» (Vaté 2006).

Я понимаю *ратагын* как пространство, находящееся под влиянием домашнего огня, очага яранги. Поскольку термины, используемые для определения этого пространства, имеют ту же основу, что и термин «дом», называть это пространство «домашним» представляется уместным. Покинув пространство *ратагын* во время перегона стада на летние пастбища (*к'оральатык*) в середине июля, олени и пастухи возвращаются в него в конце августа, и женщины встречают их окуриванием, возвращая тем самым под защиту огня, таким образом реинтегрируя их, так скажем, в человеческую сферу. Чаще всего эти окуривания прово-

дятся хозяйкой дома или дочерью семьи. Перед тем, как мужчина войдет в ярангу, жена или дочь берет немного *кэнъут* (*Cassiope tetragona*), которую она зажигает от огня, разведенного в яранге заранее для приготовления чая (в условиях тундры можно издалека увидеть, что мужчины возвращаются). Женщина проходит с *кэнъут* в руке перед пастухами (рис. 1). Некоторые люди говорят, что делают это для того, чтобы защититься от духов и избавиться от болезней. Оленей окуривают в первый день ритуала *н'энриръун*, который проводится в конце августа (см. Vaté 2013). Рано утром, после того как стадо прибыло на территорию возле яранг, зажигается костер перед дверью яранги (входом в *чоттагын*, главную часть яранги). Через некоторое время на огонь кладут кусочек земли. При этом образуется много дыма, иногда его тянет в сторону стада (рис. 2).

Рис. 1. Девушка встречает своих братьев, вернувшихся с летнего выпаса оленей, и окуривает их горячей веткой *кэнъут*. Амгуэма, лето 1997 г. Фото автора

Рис. 2. Окуривание во время ритуала *Н'энриръун*. Амгуэма, сентябрь 2005 г. Фото автора

Человек, который слишком долго находится вдали от домашнего огня, может утратить свои человеческие качества (это тема повести Юрия Рытхэу «Тэрыкы»⁹ [Рытхэу 1980]). Таким образом, территория «человека» определяется как пространство, которое взаимодействует с огнем домашнего очага. Это взаимодействие не статично, оно не имеет постоянного эффекта, и его необходимо регулярно подтверждать и/или усиливать, особенно во время ритуалов.

Отношение к оленям

На Чукотке олени могут быть как домашними, так и дикими. В чукотском языке это различие находит выражение в использовании двух разных терминов: *к'оран'ы*, означающего домашнего оленя, и *ылвылю*, обозначающего дикого северного оленя. Однако, несмотря на это, казалось бы, четкое категориальное различие, граница между двумя типами оленей также может быть гибкой. Действительно, следует подчеркнуть, что одомашнивание, особенно одомашнивание северного оленя, – это непрерывный процесс (Digard 1990). Чукотские пастухи постоянно борются за то, чтобы удержать свое стадо, олени из которого всегда готовы убежать и/или следовать за миграциями диких оленей, когда те находятся поблизости.

Одомашнивание оленей достигается благодаря применению комплекса знаний, соответствующих всему образу жизни. Эти знания включают приобретение не только технических навыков (наблюдательность, языковые навыки, умение управлять стадом и выбирать места, благоприятные для оленей, и т.д.), но и символических навыков (Vaté 2007). Отчасти одомашнивание оленей достигается за счет символических действий, совершаемых с помощью ритуалов (см., напр. Vaté 2005). Центральное значение для процесса одомашнивания оленей имеет очаг яранги.

С домашним огнем связано множество запретов, нарушение которых сказывается на здоровье оленей. Например, запрещено раскачивать котел, подвешенный на цепи над огнем, поскольку движения котла назад и вперед могут «заразить» стадо, и олени могут разбежаться. Интересно, что однажды котел двигался так над огнем, пока я варила мясо, и хозяйка мне сказала: «Успокой!», – точно так же как сказали бы пастухам в том случае, если бы олени нервничали. Доски, используемые чукчами для разжигания огня во время ритуалов, антропоморфны: это блоки из дерева, имеющие «голову» и «тело», их используют, вызывая огонь трением, применяя для этого лук с закрепленным на концах кожаным ремешком и деревянную дрель. Эти ритуальные доски призваны усилить процесс одомашнивания, утвердив через очаг связь, которая существует между людьми и оленями. Точно так же Т. Ингольд,

цитируя В. Иохельсона (Jochelson 1908), отмечает со ссылкой на коряков, что «огонь <...> заряжает домашнее стадо» (Ingold 1986: 271). В Амгуэме называют эти доски *милгыт*. Этот же термин применяется для обозначения спичек. Согласно В. Богоразу (1904–1909: 350), они называются *qa'a-mê'lhimêl* (к'аамэлгымэл), т.е. имеют тот же корень, что и *милгы/мэлгы* (слово со значением «огонь»), к которому добавляется приставка *к'аа*, означающая «олень». Это имя подчеркивает символическую связь, существующую между огнем и оленем.

Кроме того, интересно отметить, что как домашний северный олень может одичать, так и дикого северного оленя можно приручить. Мне рассказали о человеке, который смог приручить диких оленей, натирая их ноздри пеплом от костра. Этот феномен еще раз иллюстрирует роль домашнего огня в процессе одомашнивания (см. также Vakhtin, в печати).

Духи и огонь

Основываясь на двух предыдущих выводах: 1) пространство тундры «присваивается» человеком в значительной степени благодаря влиянию огня домашнего очага; 2) одомашнивание оленей поддерживается, в частности, благодаря ритуалам, которые усиливают взаимодействие между оленями и домашним огнем, я хочу вернуться к отношениям между людьми и *кэльэт*. Моя гипотеза состоит в том, что для чукчей *кэльэт*, строго говоря, не злые существа. Скорее, они представляют собой некую инаковость. Эти существа воплощают нечеловеческое в высшей степени¹⁰, они находятся за пределами «человеческого» пространства, ограниченного огнем домашнего очага. Я бы сказала, что *кэльэт* не относятся к категории, которая включает людей, домашнее пространство и домашних животных, таких как олени и собаки. Утверждаю, что амбивалентность *кэльэт* можно понять со ссылкой на два момента: во-первых, «домашняя» территория – это не зафиксированная раз и навсегда область, но область, «присваиваемая» людьми каждый раз, когда они строят ярангу на новом месте; во-вторых, оленей не приручают на всю жизнь, ведь те могут легко убежать и стать частью дикого стада. Точно так же *кэльэт* – это духи, которые живут за пределами человеческой территории и неподконтрольны (большую часть времени) человеку (даже если в рассказах присутствуют такие ситуации, когда *кэльэт* можно обмануть или убить (см., например, Weinstein 2018: 211–212)).

Это одна из причин, почему *кэльэт* в монографии В. Богораз ассоциируются с чем-то «диким». «*Kelet* принадлежат дикой местности¹¹, – говорят шаманы, – так же, как и любое дикое животное. В этом причина того, что они ускользают от нас. *Kelet* обладают этой застенчивостью дикого животного в высшей степени. Придя по зову шамана, они приносятся и фырчат, и, наконец, как барабанная дробь затихает,

они возвращаются в свободное пространство дикой природы» (Bogoras 1904–1909: 416).

В этом отношении я бы сказала, что определяющей чертой *кэльт* является отсутствие у них взаимодействия с домашним огнем. По словам В. Богораз (Bogoras 1904–1909: 292–293), а также моих информантов, *кэльт* часто описывают как живущих за пределами человеческой территории. Люди отмечают, что риск встречи с *кэлы* увеличивается в ходе выездов за пределы населенных пунктов. В. Богораз пишет: «В пределах чукотской земли *kelet* живут на пустынных местах, далеко от людских поселений. Там они нападают на одиноких прохожих, ловят или невидимо пристают и следуют за ними до человеческого жилья, где для них всегда найдется богатая добыча. Они прячутся в ямки, в расщелины скал или в трещины льда и оттуда нападают на неосторожных путников, пожелавших напиться воды из проруби или заснувших на голой земле» (Богораз 1939: 13).

Эти описания согласуются с теми, что я слышала во время полевых исследований. Риск столкнуться с *кэлы* в не обжитых человеком областях особенно велик для более уязвимых людей, таких как беременные женщины: *кэлы* могут войти им в утробу, съесть их ребенка и родиться вместо последнего. Это одна из причин, по которой беременным женщинам не разрешается покидать населенные пункты и в одиночку ходить «в тундру».

Однако В. Богораз упоминает тот факт, что некоторые духи, как говорят, постоянно живут в яранге. Они известны как «домашние» духи и зовутся *яравагыргыт* (*яра-* от *яран'ы* «дом» и *вагыргыт* «сущности» – см. выше; у В. Богораз – *ya'ra-va'irgit* (1904–1909: 318). В. Богораз противопоставляет *яравагыргыт* и *кэльт*, но эти два «вида» духов имеют общие черты. Например, и те и другие боятся мочи. В этом отношении, полагаю, *кэльт* соотносятся с *яравагыргыт* так же, как «дикий» олень (*ылвылю*) с «домашним» оленем (*к'оран'ы*). Почему бы не предположить, что упомянутые В. Богоразом «домашние» духи были когда-то «дикими», но затем были интегрированы в «домашнее» пространство посредством ритуалов и окуливания? Чтобы развить это сравнение с северным оленем, мы могли бы отметить следующий интересный факт: подобно тому, как важенки иногда оплодотворяются дикими оленями, домашние духи женского пола, как говорят, имеют тайные отношения с *кэльт*¹² (Bogoras 1904–1909: 318–319).

Во время своих полевых исследований я, как и Р. Виллерслев (см. Willerslev 2011: 518), никогда не встречала терминов *вагыргыт* или *яравагыргыт*. Тем не менее информанты упоминали духов, живущих в непосредственной близости от людей. Упомянутые духи не кажутся ни дружелюбными, ни враждебными по отношению к людям как таковым. Считается, что духи, живущие в непосредственной близости от людей,

постепенно развивают с ними сбалансированные отношения. Кажется, они наказывают людей только в тех случаях, когда последние не следуют предписаниям: например, домашние духи могут шуметь ночью, если люди оставляют котлы открытыми или если они не кладут камень в огонь, как обычно положено. Вот почему меня однажды «отругали» за то, что я, раздевшись перед сном, не сложила свой *кэркэр* (женскую одежду) должным образом. Мне сказали, что *кэлы* может забраться в мою одежду и заразить ее, принеся болезнь. *Кэльэт*, похоже, уважают общественный порядок и придерживаются правил. Иногда кажется, что представления чукчей о *кэлы* смешиваются с представлениями о «домовом» – духе, который, согласно верованиям русского крестьянина, обитает в избе. О домовых чукчи слышали от приезжих.

Если яранга или дом брошены людьми, если духи в них остаются голодными и их отношения с людьми больше не укрепляются с помощью домашнего огня, то такие духи имеют репутацию недружелюбных по отношению к людям. Люди боятся духов, не имеющих отношения к домашнему очагу. Одинокие и голодные духи называются *кэльэт*. До сих пор люди избегают приближаться к пустому дому или брошенной яранге (Bogoras 1904–1909: 318; Vaté, Eidson 2021).

Умерших, находящихся вне человеческого мира, иногда также считают *кэльэт*. Как и *кэльэт*, умершие являются амбивалентными существами. Они могут быть полезны – например, они появляются во сне, чтобы помочь пастухам найти потерявшихся оленей. Они могут быть опасны, если вдруг захотят забрать с собой людей, которые им особенно дороги. Чукчи крайне озабочены этой опасностью. Вот почему после смерти члена семьи необходимо надлежащим образом провести обряды разделения: нужно дать понять умершему, что он (она) больше не является частью мира живых людей. Интересно, что заключительным элементом похорон, которые я наблюдала в тундре, был проход по костру, разожженному из углей, взятых из домашнего очага, что еще раз подчеркивает роль домашнего огня в защите людей от духов.

Наконец, представления о *кэлы* очень тесно связаны с представлениями о волке – животном, противоположном по своей сути одомашненной собаке. На самом деле для чукчей волки и *кэльэт* считаются равнозначными. Пастухи, например, говорят, что нельзя сердиться на волков, убивших оленей, ведь то, что они отняли, будет возвращено в большем количестве. Мне рассказали историю о старушке, с которой я жила в канчаланской тундре в 1999 году: однажды волки убили многих ее новорожденных телят, но она не жаловалась; и люди говорили, что в следующем году у нее родилось много телят. И. Вдовин (1977: 132) вспоминает аналогичное свидетельство барона фон Майделя по этому поводу¹³. Когда волки убили много оленей, пока пастух болел, фон Майдель ожидал, что хозяин сильно расстроится. Но барон был удивлен, услы-

шав, как хозяин сказал, что заплатил то, что был должен духам, и что теперь они оставят его в покое. Раньше чукчи не ели оленей, убитых волками. Можем ли мы предположить, что это означало бы для них отобрать нечто, что принадлежит духам?

Отношение к волкам и *кэльэт* иногда регулируется одним и тем же поведением: нельзя им что-то обещать и отступать от своего слова. В одном из мифов, собранных В. Богоразом, упоминается, как человек, рассердившись на волков, потерял все, что у него было. В отчаянии он велел волкам забрать всех его оленей (Богораз 1900: 56). Точно так же, если кто-то выразил желание умереть добровольной смертью, он не может изменить свое мнение: *кэльэт* отомстят другому члену семьи (см.: Богораз 1900: 52–58; Vaté 2003).

Вещи, защищающие человека от *кэльэт*

Так как одной из характеристик *кэльэт* является то, что они являются преимущественно воплощением нечеловеческого, с ними можно бороться не только с помощью домашнего огня, но и с помощью орудий, созданных человеком, которые, разумеется, тесно связаны с домашним хозяйством. Важная забота чукчей — это «закрыть дорогу» духам. Охрана нужна либо на месте стоянки, либо за ее пределами. В самом деле, *кэльэт* также может посягать на человеческую территорию, особенно если люди не соблюдают правила надлежащего поведения, как отмечалось выше.

Некоторые предметы повседневного использования обладают способностью защищать людей от *кэльэт*. Снеговывивалка (*тивичгын* или *тивийгын*), например, защищает от двух главных врагов чукчей — духов и снега (важно счищать снег с яранги до того, как он растает и стены намокнут; в случае их намокания яранга обледенеет, и люди внутри замерзнут). По этой причине люди никогда не забывают брать с собой в дорогу снеговывивалку. Вернувшись с похорон, чукчи кладут ее на порог яранги (или на порог дома в селе), чтобы умерший не смог попасть внутрь. Аркан (*чаат*) или инструменты, используемые для развязывания узлов (*инэтричгын*), также могут быть полезными против духов. *Инэтричгын* может обезвредить духа, «развязав» ему суставы. Во время сна в тундре пастухи иногда окружают себя арканом для защиты.

Наконец, основным отпугивающим средством, способным защитить людей от духов, является человеческая моча, и ночной горшок, в который она обычно попадает. Ночной горшок (*э'чуулгын*) — очень важный предмет повседневной жизни в тундре. Женщины пользуются им в течение дня, пока они находятся на территории стойбища; и мужчины, и женщины используют его по ночам, когда яранга закрыта. Горшок также играет очень важную роль в защите яранги. Когда люди покидают

ярангу, они обычно ставят (пустой) ночной горшок на подушку полога – внутренней палатки, где люди спят (по-чукотски называемой *ёрон'ы*, рис. 3).

Рис. 3. Горшок на подушке не позволяет духам проникать в полог в отсутствие людей. Амгуэма, лето 1997 г. Фото автора

Когда женщины днем заняты снаружи – например, когда они разделывают оленей на участке в некотором отдалении от палатки, – они оставляют ночной горшок возле спящих младенцев, чтобы защитить их. Человеческая моча – самое действенное средство против духов. Одна женщина, к которой по каким-то причинам регулярно «приходила» по ночам ее покойная подруга, рассказала мне, что она смогла избавиться от нее, поставив ночной горшок с мочой своей маленькой дочери рядом с кроватью (все это происходило в ее квартире в селе). Она сказала, что видела, как покойная растворяется в горшке. Эта способность мочи отталкивать духов тем более интересна в свете того факта, что домашние олени, в отличие от духов, очень любят мочу. Человеческая моча фактически используется для привлечения обученных ездовых оленей. В некотором смысле моча также играет важную роль в обозначении домашнего пространства и создании связи с оленями. Важность этой связи подтверждается наличием на одной из ритуальных связок (*тайн'ыквыт*), которую я видела, особого пузыря для мочи, используемого для привлечения обученных дрессированных оленей, называемого *к'ор'ачоолгын*, «ночной горшок для северного оленя» (о ритуальных связках *тайн'ыквыт* подробно см. Vaté, 2021).

Заключение

Некоторые недавние исследовательские интерпретации понимания чукотских духов (Willerslev 2011; Descola 2013) основаны на представлении о четких различиях между разными их видами, в частности на разграничении «доброжелательных» *вагыргыт* и «злых» *кэльэт*, которое впервые было предложено В. Богоразом (1904–1909 и др.). Однако данные, которые я представляю здесь, ставят под сомнение предположения, лежащие в основании подобных интерпретаций.

В этой статье я попыталась ближе подойти к чукотскому пониманию духов, сопоставив отношения между человеком и духом с отношениями людей к тундровому пространству и оленям – отношениями, которые по своей природе амбивалентны. По сути своей тундровое пространство и олени не являются ни «дикими», ни «домашними» – или, вернее сказать, они несут в себе потенциал стать и тем и другим. В то время как тундровое пространство временно «присваивается» человеком через социально регулируемое использование, которое включает, в частности, создание человеческого жилища вокруг домашнего огня, одомашнивание оленей также стало возможным благодаря сохранению символической связи, существующей между животными, людьми и огнем домашнего очага. Когда чукчи говорят о *кэльэт*, они обычно имеют в виду сущности, определяющиеся инаковостью, находящиеся вне влияния домашнего огня. Домашний очаг вместе со всем, что он представляет, защищает людей от этой потенциально враждебной инаковости или трансформирует её в менее угрожающие формы. Таким образом, для чукчей сущность духов амбивалентна и изменчива, во многом так же, как и отношения, которые люди устанавливают с оленем и тундровым пространством.

Примечания

¹ Эта статья представляет собой обновленную, отредактированную и переведенную версию статьи, опубликованной в 2007 г. под названием «The Kély and the Fire: An Attempt at Approaching Chukchi Representations of Spirits» in F. Laugrand and J. Oosten (eds), *Nature of Spirits in Aboriginal Cosmologies*, Quebec: Les Presses de l'Université Laval. Я благодарю Фредерика Лограна и Дени Диона за то, что они позволили мне включить в данную статью переработанные и переосмысленные отрывки из этой более ранней публикации. Я также благодарю Анастасию Ярзуткину и Владимира Давыдова за приглашение опубликовать свой текст в этом номере, Джона Эйдсона за терпеливое и внимательное чтение и редактирование английской версии статьи и Дмитрия Функа и Владимира Давыдова за помощь в работе над русским вариантом текста. Полевые исследования проводились при поддержке Французского полярного института Поля-Эмиля Виктора (IPEV) и Института социальной антропологии им. Макса Планка. Наконец, я хочу выразить бесконечную благодарность и признательность всем людям, которые помогали мне и приветствовали меня на Чукотке все эти годы. Перевод статьи выполнен в рамках проекта № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры», реализуемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Перевод с англ. – Я.Ю. Моисеенко, А.А. Ярзуткина. Я также благодарю их за перевод.

² Эти термины имеют разное написание в разных источниках: *ke'le* / *ke'let* и *va'irgin* / *va'irgit* в работе В. Богораза (1904–1909), *kelb* / *kelet* и *vaergyb* / *vaergyb* в работе В. Богораза (1939) (исправленный перевод части II (Bogoras 1904–1909)). Descola (2013) и Willerslev (2011) используют написание В. Богораза (1904–1909). Если эти слова не из цитат, я использую современное написание чукотского языка, в основном я ссылаюсь на Ш. Венстена (2018).

³ «Слово *vaergyb* (мн. *vaergyb*) обозначает просто ‘существо’, так что *kelet* могут быть тоже названы этим именем» (Богораз 1939: 11).

⁴ Единственный существующий для чукчей этимологический словарь дает для *кэлы* (цитируется как основа * *kelēhə* / * *kalahə*) совершенно неудовлетворительный перевод – «злой дух» (Мудрак 2000: 68). Вероятно, такой перевод был основан на материалах В. Богораза.

⁵ Такое понимание *вагыргын* как очень общего термина для всего, что существует, похоже, подтверждается заявлением одного из информаторов Р. Виллерслева: «Вы смотрите вокруг, и все, что вы видите, олени, снег, небо и солнце – все это *Va'irgin*» (Willerslev 2011: 518).

⁶ Другой аспект этой амбивалентности состоит в том, как именно люди относятся к духам, это представление о необходимости обмена. Когда дух правильно накормлен, он не может доставить проблем. Вопрос обмена – важный вопрос, но здесь он подниматься не будет, поскольку сам по себе заслуживает отдельной статьи.

⁷ Я говорю о тундровой жизни. Однако следует отметить, что каждая семья, которая до сих пор занимается оленеводством и у которой есть яранга (именно таких чукчей я называю «проживающими в тундре»), также имеет квартиру или дом в селе. Но я не обсуждаю здесь использование сельского пространства (более подробно данный аспект см. Давыдова, Давыдов 2021).

⁸ Я узнала об этом термине в 2004 г. от одного оленевода. Термин отсутствует в словаре Ш. Венстена (Венстен 2018) и не был известен людям, с которыми я разговаривала при подготовке первой редакции этой статьи. Однако в недавних разговорах мне сообщили, что термин *ратагын* имеет такое же значение. Оба термина связаны со словом *яран'ы*. – жилище. Согласно В. Богоразу (1937: 58), корень *jara* или *-ra* встречается в терминах, относящихся к дому, а также к семье (*rajьrьп* – сейчас пишется *ройьрьп*).

⁹ *Тэрык*, *тэрэтык* означает «царапать кожу, содрать кожу» (Инэнликэй 1987: 115; Инэнликэй, Молл 1957: 139). *Тэрыкы* также является одним из терминов, используемых для перевода слова «дикий» на чукотский язык в (Инэнликэй 1987: 185), но не в (Скорик 1941).

¹⁰ Идея *par excellence* (по преимуществу) выражена по-чукотски морфемой *-лыг*. Чукчи обозначают себя этнонимом *Лыгьоравэ́тльан*, «те люди (*о'равэ́тльан* “человек”), которые явно (*оран'* “открыто”) стоят (*вэ́тляк* “вставать на дыбы”) по преимуществу (*лыг-*).

¹¹ В русском переводе В. Богораза (1939: 107) *wilderness* («дикая местность») заменена на слово «тундра». В этом случае мы можем предположить, что чукотский термин был *эмнун'*, что согласуется с моей аргументацией (см. выше объяснение значений различных пространств).

¹² Вязка дикого северного оленя с самкой домашнего оленя высоко ценится у чукчей. В. Богораз упоминал об особых заклинаниях, совершаемых для привлечения самцов (1900: 1–7). Интересно, что часть заклинания, направленного на дикого оленя, звучит так: «моего дыма запах понюхай», тем самым снова подчеркивается роль огня и окуривания в процессе одомашнивания зверя (Богораз 1900: 2, см. также Vakhtin, в печати).

¹³ В 1865 и 1868–1879 годах барон фон Майдель (1835–1894) руководил экспедициями, целью которых было улучшить знания о традициях обмена и торговли между коренными народами, чтобы заставить их платить ясак (Вдовин 1965: 232).

Литература

- Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1937.
- Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора собранные в колымском округе. Труды Якутской экспедиции. Отдел III. Т. XI. Ч. III. СПб.: Издание императорской Академии Наук, 1900.
- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Ч. II.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии Чукчей. М.; Л.: Наука, 1965.
- Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. музея антропологии и этнографии, XXXIII. Л.: Наука, 1977. С. 117–171.
- Венстен Ш. Чукотско-французско-англо-русский словарь. Анадырь; СПб.: Лема, 2018.
- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Микроинфраструктура подсобного хозяйства на Чукотке: яранги, контейнеры и теплицы // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 72–89.
- Инэнликэй П.И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. Л.: Просвещение, 1987.
- Инэнликэй П.И., Молл Т.А. Чукотско-русский словарь. Л.: Просвещение, 1957.
- Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Рытхэу Ю. Тэрыкы // Современные легенды. Л.: Сов. писатель, 1980. С. 89–172.
- Скорик П.Я. Русско-чукотский словарь для чукотской начальной школы. Л.: Наркомпрос РСФСР, 1941.
- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005.
- Bogoras W. Chukchee Mythology. Vol. XII of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VIII of The Jesup North Pacific Expedition, edited by Franz Boas. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co, 1910–1913.
- Bogoras W. The Chukchee. Vol. XI of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VII of The Jesup North Pacific Expedition, edited by Franz Boas. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co, 1904–1909.
- Descola Ph. Beyond Nature and Culture / translated by J. Lloyd; Foreword by Marshall Sahlins. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Digard J.-P. L'homme et les animaux domestiques. Anthropologie d'une passion. Paris: Fayard, 1990.
- Freed S.A., Freed R.S., Williamson L. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) // American Anthropologist. 1988. Vol. 90 (1). P. 7–24.
- Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon, 1998.
- Gell A. The Art of Anthropology. London: The Athlone Press, 1999.
- Halemba A. The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. London; New York: Routledge, 2005.
- Hamayon R. Compensations posthumes. Deux pratiques de la mort volontaire en Sibérie // Psychologie médicale. 1988. Vol. 20-3. P. 439–440.
- Hamayon R. La chasse à l'âme, esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien. Nanterre: Mémoires de la Société d'Ethnologie, 1990.
- Ingold T. The Appropriation of Nature. Essays on Human Ecology and Social Relations. Manchester: Manchester University Press, 1986.
- Jochelson W. The Koryak. Vol. VI of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VII of The Jesup North Pacific Expedition, Franz Boas, ed. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co, 1908.

- Krupnik I.* The 'Bogoras enigma'. Bounds of Cultures and Formats of Anthropologists // Vaclav Hubinger (ed.). Grasping the Changing World. Anthropological Concepts in the Postmodern Era. London; New York: Routledge, 1996. P. 35–52.
- Laugrand F., Oosten J., Trudel F.* Hunters, Owners and Givers of Light: The Tuurngait of South Baffin Island // *Arctic Anthropology*. 2002. Vol. 39 (1-2). P. 27–50.
- Laugrand F., Oosten J., Trudel F.* Representing Tuurngait // *Memory and History in Nunavut*. 2000. Vol. 1. P. 17–44.
- Vakhtin N.* On Domestication, Permanent and Temporary: qoranjə, əlwelu, and akwəqor // *Études Inuit Studies*. 2022. Vol. 45 (1-2) (forthcoming).
- Vaté V.* “La tête vers le lever de soleil”: Orientation quotidienne et rituelle dans l'espace domestique des Tchouktsches éleveurs de rennes (Arctique sibérien) // *Etudes mongoles, sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2006. Vol. 36–37. P. 61–93.
- Vaté V.* Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // Wishart R.P., Vaté V. (eds.). *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. New York; Oxford; Berghahn, 2013. P. 183–199.
- Vaté V.* Kilvêi: the Chukchi Spring Festival in Urban and Rural Contexts // Erich Kasten (ed.). *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. P. 39–62.
- Vaté V.* Le rituel de mort volontaire: Rendre l'âme pour perpétuer la vie // *Chemins d'Etoiles*. 2003. Vol. 10. P. 55–61.
- Vaté V.* Redefining Chukchi Practices in Contexts of Conversion to Pentecostalism (Russian North) // *Christian Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and the Technologies of Faith* / ed. by M. Pelkmans. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 39–57.
- Vaté V.* Savoirs et représentations du renne // *Études Inuit Studies*. 2007. Vol. 31 (1-2). P. 273–286.
- Vaté V.* Vera's tain'ykvyt and other stories of ritual strings. Constructing and deconstructing religion among Chukchi reindeer herders (northeastern Siberia) // *Nomad lives. From the Prehistoric Times to Present Day* / ed. by A. Averbouh, N. Goutas, N. Mery, Coll. *Natures et sociétés*. Paris: Publications scientifiques du MNHN, 2021. P. 505–523.
- Vaté V., Eidson J.* The Anthropology of Ontology in Siberia – a Critical Review // *Anthropologica*. 2021. Vol. 63(2) (forthcoming).
- Weinstein Ch.* Tradition orale tchouktsche. Imaginaire d'un peuple du Grand Nord. Tome premier: rites, incantations, mythes. Paris: L'Harmattan, 2018.
- Willerslev R.* Frazer Strikes Back from the Armchair: A New Search for the Animist Soul // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2011. Vol. 17(3). P. 504–526.
- Willerslev R.* Spirits as 'ready to hand'. A phenomenological analysis of Yukaghir Spiritual Knowledge and Dreaming // *Anthropological Theory*. 2004. Vol. 4(4). P. 395–418.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Revisiting Chukchi Spirits*

Siberian Historical Research – Sibirske Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/5

Virginie Vaté, Centre National de la Recherche Scientifique / Groupe Sociétés, Religions, Laïcités, EPHE/PSL University (France). E-mail: virginie.vate-klein@cncrs.fr

The translation of the article from English into Russian was carried out within the framework of the project No. 19-09-00268 “Ethno-encyclopedia of the Chukchi culture”, implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Abstract. Understanding spirits among the Chukchi presents anthropologists with a perennial challenge. In the classic studies of Vladimir Bogoraz, one gets the impression that, for Chukchi, many spiritual entities have well-defined outlines and are given fixed names. More recently, Philippe Descola and Rane Willerslev have adopted the clear-cut distinctions that Bogoraz makes among various categories of spirits in formulating their respective grand theories. My experience in the field, on the contrary, has led me to conclude that, among Chukchi, the characteristics of spirits are not as nicely ordered as has been suggested in the works of these authors. In this contribution, I approach Chukchi understandings of spirits by comparing human-spirit relation to the relations of humans to the land and to the reindeer – relations which are inherently ambivalent. I argue that the way Chukchi construct their relationship to reindeer, to the land, and to spirits depends in large part on how reindeer, land, and spirits relate to the domestic hearth.

Keywords: spirits, rituals, reindeer, land, domestication, hearth, fire, Chukchi

References

- Bogoras W. *Chukchee Mythology*. Vol. XII of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VIII of The Jesup North Pacific Expedition, ed. by Franz Boas. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co, 1910–1913.
- Bogoras W. *The Chukchee*. Vol. XI of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VII of The Jesup North Pacific Expedition, ed. by Franz Boas. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co, 1904–1909.
- Bogoraz V. *Luoravetlansko-russkii (chukotsko-russkii) slovar'* [Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) Dictionary]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1937.
- Bogoraz V. *Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora sobrannye v kolymskom okruge. Trudy Yakutskoi ekspeditsii*. Otdel III. T. XI. Ch. III [Materials for the Study of the Chukchi Language and Folklore Collected in the Kolyma District. Proceedings of the Yakutsk Expedition. Section III. Volume XI. Part III]. St. Petersburg: Izdanie imperatorskoi Akademii Nauk, 1900.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religii* [Chukchi. Religion]. Ch. II. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1939.
- Davydova E.A., Davydov V.N. Mikroinfrastruktura podsobnogo khoziaistva na Chukotke: iarangi, konteynery i teplitsy [Household microinfrastructure in Chukotka: yarangas, containers and greenhouses]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2021, vol. 4, pp. 72–89.
- Descola Ph. *Beyond Nature and Culture* / Translated by J. Lloyd; Foreword by Marshall Sahlins. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Digard J.-P. *L'homme et les animaux domestiques. Anthropologie d'une passion*. Paris: Fayard, 1990.
- Freed S.A., Freed R.S., Williamson L. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902), *American Anthropologist*, 1988, vol. 90(1), pp. 7–24.
- Funk D.A. *Miry shamanov i skazitelei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov*. M: Nauka, 2005.
- Gell A. *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon, 1998.
- Gell A. *The Art of Anthropology*. London: The Athlone Press, 1999.
- Halemba A. *The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion*. London; New York: Routledge, 2005.
- Hamayon R. Compensations posthumes. Deux pratiques de la mort volontaire en Sibérie, *Psychologie médicale*, 1988, vol. 20-3, pp. 439–440.
- Hamayon R. *La chasse à l'âme, esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*. Nanterre: Mémoires de la Société d'Ethnologie, 1990.

- Inenlikei P.I. *Slovar' chukotsko-russkii i russko-chukotskii* [Dictionary Chukchi-Russian and Russian-Chukchi]. Leningrad: Prosveshchenie, 1987.
- Inenlikei P.I., Moll T.A. *Chukotsko-russkii slovar'* [Chukchi-Russian Dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie, 1957.
- Ingold T. *The Appropriation of Nature. Essays on Human Ecology and Social Relations*. Manchester: Manchester University Press, 1986.
- Jochelson W. *The Koryak*. Vol. VI of Memoirs of the American Museum of Natural History. Reprint from Vol. VII of The Jesup North Pacific Expedition, Franz Boas, ed. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert&Co, 1908.
- Krupnik I. The 'Bogoras enigma'. Bounds of Cultures and Formats of Anthropologists. In: Vaclav Hubinger (ed.). *Grasping the Changing World. Anthropological Concepts in the Postmodern Era*. London; New York: Routledge, 1996, pp. 35–52.
- Laugrand F., Oosten J., Trudel F. Hunters, Owners and Givers of Light: The Tuurngait of South Baffin Island, *Arctic Anthropology*, 2002, vol. 39(1-2), pp. 27–50.
- Laugrand F., Oosten J., Trudel F. *Representing Tuurngait, Memory and History in Nunavut*, 2000, vol. 1, pp. 17–44.
- Mudrak O.A. *Etimologicheskii slovar' chukotsko-kamchatskikh iazykov* [Etymological Dictionary of the Chukchi-Kamchatka Languages]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Rytheu Iu. Teryky. In: *Sovremennye legendy*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1980, pp. 89–172.
- Skorik P.Ia. *Russko-chukotskii slovar' dlia chukotskoi nachal'noi shkoly* [Russian-Chukchi dictionary for the Chukchi primary school]. Leningrad: Narkompros RSFSR, 1941.
- Vakhtin N. On Domestication, Permanent and Temporary: qoraŋə, əlwelu, and akwəqor, *Etudes / Inuit / Studies* 45 (1-2) (forthcoming).
- Vaté V. "La tête vers le lever de soleil": Orientation quotidienne et rituelle dans l'espace domestique des Tchouktches éleveurs de rennes (Arctique sibérien), *Etudes mongoles, sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2006, vol. 36–37, pp. 61–93.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. In: Wishart R.P., Vaté V. (eds.). *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. New York; Oxford; Berghahn, 2013, pp. 183–199.
- Vaté V. Kilvê: the Chukchi Spring Festival in Urban and Rural Contexts. In: Erich Kasten (ed.). *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005, pp. 39–62.
- Vaté V. Le rituel de mort volontaire: Rendre l'âme pour perpétuer la vie, *Chemins d'Etoiles*, 2003, vol. 10, pp. 55–61.
- Vaté V. Redefining Chukchi Practices in Contexts of Conversion to Pentecostalism (Russian North). In: *Christian Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and the Technologies of Faith* / ed. by M. Pelkmans. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009, pp. 39–57.
- Vaté V. Savoirs et représentations du renne, *Etudes / Inuit / Studies*, 2007, vol. 31(1-2), pp. 273–286.
- Vaté V. Vera's tain'ykvyt and other stories of ritual strings. Constructing and deconstructing religion among Chukchi reindeer herders (northeastern Siberia). In: *Nomad lives. From the Prehistoric Times to Present Day* / ed. by A. Averbouh, N. Goutas, N. Mery, Coll. Natures et sociétés. Paris: Publications scientifiques du MNHN, 2021, pp. 505–523.
- Vaté V., Eidson J. The Anthropology of Ontology in Siberia – a Critical Review, *Anthropologica*, 2021, vol. 63(2) (forthcoming).
- Vdovin I.S. *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the History and Ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchei [Chukchi religious cults]. In: *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Cultural Monuments of the Peoples of Siberia and the North (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]: Sbornik muzeia antropologii i etnografii, XXXIII. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 117–171.
- Weinstein Ch. *Chukotsko-frantsuzsko-anglo-russkij slovar'*, Anadyr; SPB.: Lema, 2018.

-
- Weinstein Ch. *Tradition orale tchouktche. Imaginaire d'un peuple du Grand Nord*. Tome premier: rites, incantations, mythes. Paris: L'Harmattan, 2018.
- Willerslev R. Frazer Strikes Back from the Armchair: A New Search for the Animist Soul, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2011, vol. 17(3), pp. 504–526.
- Willerslev R. Spirits as 'Ready to Hand'. A Phenomenological Analysis of Yukaghir Spiritual Knowledge and Dreaming, *Anthropological Theory*, 2004, vol. 4(4), pp. 395–418.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/6

МИКРОИНФРАСТРУКТУРА ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЧУКОТКЕ: ЯРАНГИ, КОНТЕЙНЕРЫ И ТЕПЛИЦЫ*

Елена Андреевна Давыдова,
Владимир Николаевич Давыдов

Аннотация. В статье представлены результаты исследования авторов в Иультинском районе Чукотского автономного округа в 2017–2019 гг. общей продолжительностью полгода. Основным фокусом выступает используемая местными жителями инфраструктура, а также практики ее адаптации для решения повседневных задач. Авторы рассматривают яранги, контейнеры и теплицы, бытующие в селе Амгуэма, как встраиваемые и легко замещаемые модули, позволяющие оперативно расширить возможности местных жителей в контексте их хозяйственной деятельности. Подобные материальные объекты представляют собой «инфраструктурные плагины», которые функционируют в тандеме с «большими программами», реализуемыми на Чукотке крупными инфраструктурными проектами. Яранги, контейнеры и теплицы, соответствующие принципам многозадачности действий и полифункциональности вещей, помогают местным жителям поддерживать свою относительную автономность, давая возможность производить и накапливать ресурсы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности местных домохозяйств.

Ключевые слова: подсобное хозяйство, ресурсы, снабжение, инфраструктура, Чукотка, Арктика

Чукотка является территорией, где на протяжении десятилетий активно реализуются различные проекты развития инфраструктуры. Здесь строятся дороги и возводятся дома, сооружаются порты, создаются сети магазинов, гостиницы, предприятия с передовыми технологиями, такие как оленеубойные пункты, промышленные теплицы или мясокомбинаты. Повседневность местных жителей постоянно трансформируется под воздействием создания, функционирования и разрушения такого рода объектов. Данная статья продолжает научную дискуссию, все чаще поднимаемую в последнее время по поводу характера влияния инфраструктурного развития российской Арктики на социальную динамику, культуру, мобильность, идентичность местных сообществ (см.: Humphrey 2005; Schweitzer, Povoroznyuk, Schiesser 2017; Vakhtin 2017; Головнёв, Куканов, Перевалова 2018).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры».

Инфраструктурные проекты не реализуются в изоляции. Как правило, одновременно функционирует целый ряд инициатив. Как уже было показано в антропологических исследованиях инфраструктуры, само осуществление определенного проекта нередко является результатом его дополнения целой серией начинаний, а также «встраивания» одного проекта в другие (Star 1999: 381; Bowker, Star 2000: 35). Именно благодаря «стыковке» различных проектов местное население способно реализовывать свои повседневные задачи. Однако в данной статье мы покажем, что не только сами инфраструктурные проекты, реализуемые крупными акторами, образуют между собой каскадные тандемы (Давыдов, Давыдова 2021). Мы утверждаем, что путем встраивания инфраструктур в местные инициативы большие проекты дополняются микроинфраструктурой села, создаваемой по большей части самими местными жителями. В целом функционирование инфраструктурных проектов напоминает использование плагинов в компьютерных программах. Мы развиваем метафору плагинов Б. Латура (Latour 2005), вводя термин «инфраструктурный плагин», с целью концептуализации практик создания и использования местными жителями ряда материальных объектов, позволяющих увеличить спектр возможных способов взаимодействия людей с уже имеющейся инфраструктурой. Вместе с тем «инсталлирование» таких плагинов в повседневную жизнь возможно именно благодаря наличию «основных программ», т.е. самих инфраструктурных объектов. Аргументация будет построена на анализе трех кейсов, центральным звеном каждого из которых выступают определенные материальные предметы, а именно яранга, контейнер и теплица. Прослеживая связи между бытованием в селе данных архитектурных объектов и инфраструктурными элементами, такими как дорога, порт, оленеубойный пункт, магазины, жилые дома, старые колхозные постройки, мы покажем механику функционального расширения возможностей использования созданной в рамках государственных проектов инфраструктуры.

Контекст исследования: основная инфраструктура

Данная статья является результатом полевого исследования, проведенного авторами в Иультинском районе Чукотского автономного округа в 2017–2019 гг. общей продолжительностью полгода. Полевая работа состояла из трех экспедиционных выездов в различные сезоны. Исследования велись в национальных селах Амгуэма и Нутэпэльмен, в районном центре – поселке городского типа Эгвекинот, а также в оленеводческих стоянках в тундре. Все названные места связаны между собой: между их жителями существуют родственные, дружеские, профессиональные связи, поэтому люди постоянно перемещаются между

поселками, районным центром и оленеводческими бригадами. Особенностью современных практик мобильности является увеличение количества маятниковых перемещений между всеми этими локациями, позволяющими местным жителям оперативно восполнять недостатки централизованного снабжения.

Иультинский район является площадкой, где было реализовано и апробировано сразу несколько крупных инфраструктурных проектов. Инновационным для региона стало строительство Иультинской дороги в 1946–1951 гг. силами заключенных Чукотстройлага. Эта автомобильная дорога протяженностью 200 км связывает морской порт Эгвекинот на побережье Берингова моря с континентальной частью Иультинского района Чукотского автономного округа. Изначально дорога доходила до ныне упраздненного поселка Иультин, существовавшего за счет добычи олова. Трасса проектировалась как продолжение Северного морского пути (СМП) и была ориентирована на двустороннее движение: с одной стороны, завоз строительных материалов, товаров и продовольствия, с другой – вывоз полезных ископаемых и продуктов местных колхозов. Государство инвестировало средства в реализацию данного проекта не только с целью решения транспортных и снабженческих задач, но и для осуществления контроля над данными территориями. До начала 1950-х гг. местные оленеводы отказывались вступать в колхоз, некоторые из них прятались в тундре со своими стадами от советской власти. Трасса облегчала доступ членов партии к хозяйствам амгуэмских оленеводов. Кроме того, символически Иультинская трасса транслировала определенную идеологию (Humphrey 2005): она показывала и продолжает показывать могущество государства, осваивающего отдаленные и труднодоступные места. После распада Советского Союза сократилось финансирование и состоянию дороги стали уделять меньше внимания. Однако в последние годы власти снова начали направлять средства на ее поддержание: были отремонтированы первые несколько километров трассы, ведущие из Эгвекинота в аэропорт, а также установлены интеллектуальные системы освещения (Интеллектуальные системы 2020). Тем не менее сегодня ряд участков дороги требует значительной реконструкции. В частности, на автомобиле по трассе можно доехать только до 157-го км. Многие линии электропередач отключены, дома бывших баз и поселков заброшены.

Тем не менее Иультинская трасса продолжает играть важную роль в жизни местных сообществ. Она является доминирующим каналом мобильности и занимает ключевое место в повседневных практиках местных жителей. Об этом, в частности, говорит традиция называть населенные пункты, а также обозначать месторасположение людей, животных, объектов по километражу дороги. Например, отправляясь в Эгвекинот, местные жители говорят, что едут «на первый»: районный центр располагается в

начале трассы, т.е. на первом километре. Когда рассказывают о месторасположении стада какой-либо бригады, также нередко используют в качестве пространственных ориентиров трассу и расположенные на ней объекты, отмечая, что бригада находится на том или ином километре. При этом люди и олени могут располагаться далеко от дороги, по правую или левую сторону от нее, однако часть пути к оленеводческим стоянкам зачастую проходит именно по трассе. Километр, где делают поворот в тундру, указывается в качестве места их расположения.

Выше была отмечена инфраструктурная развитость Иультинского района. Однако важно уточнить, что сам район, в том числе и благодаря трассе, не является однородным в плане инфраструктуры. Так, оленеводческое село Амгуэма, находясь на 91-м км Иультинской дороги, т.е. в двух часах езды от районного центра на машине или автобусе¹, «стянуло на себя», как говорят местные жители, многие ресурсы. В частности, сюда был переведен центр колхоза из берегового села Нутэпэльмен, воспринимаемого местными жителями как удаленное. Именно в Амгуэме развернулось крупное жилищное строительство и получили развитие коммунальные службы. Транспортная доступность позволила обеспечить несколько серий строительства новых зданий в селе. В 1970–1980-е гг. в Амгуэме были построены двух-, трех- и четырехэтажные блочные дома. В начале 2000-х гг. деревянные одноэтажные дома были заменены коттеджами, построенными по канадской технологии. Строительство подобных типовых зданий, называемых местными жителями «коттеджами Абрамовича», осуществилось во многих национальных селах Чукотки, но особенность Амгуэмы состоит в том, что подобные постройки снабжены канализацией, центральным отоплением и водой. Не все села Чукотки имеют подобные «удобства». В 2018 г. в Амгуэме был сдан в эксплуатацию новый жилой 12-квартирный дом для семей оленеводов (Жители Лорино и Амгуэмы 2018).

Наличие дороги явилось дополнительным аргументом в пользу строительства неподалеку от села оленеубойного пункта. Еще в советское время на 94-м км трассы существовал забойный пункт, в 2000-е гг. здесь же был построен современный оленеубойный пункт по финской технологии. Наличие дороги в тандеме с забойным пунктом позволило наладить производство и сбыт оленины через порт поселка Эгвекинот в Анадырь – столицу Чукотского автономного округа.

Как было отмечено, Иультинская трасса облегчает завоз товаров и продовольствия, прежде всего в Амгуэму, где в пяти магазинах представлен относительно широкий ассортимент. Прилавки магазинов береговых сел Нутэпэльмен и Ванкарем имеют более скромный вид. Однако и они отчасти заполняются продукцией, привезенной наземным транспортом, вездеходами и ТРЭКОЛами², а значит, часть пути товары проходят все по той же Иультинской дороге.

Яранги в селе

Впервые мы оказались в Амгуэме в декабре 2017 г. На улицах поселка было безлюдно: мороз и пурга концентрировали жизнь людей в домах и квартирах. Местные жители, узнав о нашем намерении приехать к ним еще раз, рекомендовали нам спланировать свой визит на лето. По их словам, нам должно было быть интереснее именно в этот период года. Одним из доводов стало обещание увидеть традиционные яранги, устанавливаемые рядом с селом в летний сезон. И действительно, приехав в Амгуэму во второй раз в июле 2018 г., из окна квартиры, где нас поселили, мы сразу увидели живописную картину: силуэты яранг, расположенных на берегу реки Амгуэмы. Буквально на второй день своего пребывания в селе мы оказались в гостях в одной из яранг. По случайному стечению обстоятельств в ней вскоре оказалась делегация из США. Ученые и представители индигенных сообществ Аляски участвовали в организованной Фондом дикой природы конференции по проблемам сохранения популяции белого медведя, проходившей в Эгвекиноте. По окончании научного мероприятия для гостей Чукотки была подготовлена культурная программа, включавшая выезд в национальное оленеводческое село с целью демонстрации элементов традиционной культуры чукчей. Центральной составляющей этого визита стало посещение яранг, хозяева которых встречали гостей, угощая их приготовленным на очаге горячим чаем и лакомствами традиционной кухни: жареными лепешками, китовым жиром, строганиной из рыбы и оленины, костным мозгом оленя. Насладившись общением и вкусной пищей, члены делегации в скором времени отправились обратно в районный центр.

Благодаря существованию Иульгинской дороги, т.е. доступности Амгуэмы, в этом месте происходит процесс коммодификации чукотской культуры. В рамках него места и элементы национальной культуры превращаются в объект потребления. Во-первых, все важные гости районного центра, как правило, вывозятся в село местными властями, а посещение яранг является основной целью таких визитов. Во-вторых, в село и на места стоянок оленеводческих бригад регулярно прибывают туристы из других городов и стран, в частности, мы встречали путешественников из Москвы и Франции (Амгуэма – чукотское село 2017). В-третьих, в Амгуэме проводятся праздники, такие как День коренных народов и «Эракор» – гонки на оленьих упряжках, на которые приезжают гости из районного центра, Анадыря, других сел и даже туристы из более отдаленных мест (см.: Ярмарка оленеводов «Эракор»). Традиционные чукотские жилища на берегу Амгуэмы превратились в обязательное место посещения приезжающих в село гостей. Яранги создают имидж традиционности, придавая селу особый колорит.

Первое впечатление от наблюдения яранг подталкивало нас к выводу, что практика возведения яранг в селе является стратегией местного сообщества, направленной на экзотизацию образа культуры коренных жителей для внешнего наблюдателя. Однако изначальное понимание яранг как туристического объекта постепенно изменилось в процессе нашего пребывания в Амгуэме. Достаточно отметить, что туристы в скором времени уехали, яранги же остались, а местные жители продолжали в них приходить и заниматься своими делами, не ориентируясь на внешних наблюдателей. Более того, мы увидели, что хозяева устанавливаемых яранг нередко сопротивлялись взгляду на их жилое пространство как на объект потребления. Однажды произошло недопонимание между одним из путешественников и хозяйкой яранги. Опытный турист, приехавший на Чукотку самостоятельно, зашел в ярангу и стал фотографировать ее изнутри. Хозяйка, находившаяся снаружи и занимавшаяся своими делами, не заметила мужчину, но, услышав щелчки фотокамеры, она сразу же зашла внутрь и поинтересовалась у гостя, почему он не спросил разрешения на фотосъемку у хозяев. Женщина была недовольна и рассердилась на туриста. Рассказывая об этом происшествии и объясняя свои чувства, она предложила нам поставить себя на ее место, т.е. в ситуацию, когда в дом заходят неизвестные люди и начинают в нем фотографировать: «Может быть, здесь не прибора-но или лежат какие-то личные вещи!», – возмущалась она.

Вначале мы полагали, что в Амгуэме летом 2018 г. было установлено всего три яранги. Однако впоследствии мы увидели четвертую, расположенную прямо в селе рядом с коттеджем и контейнерами ее хозяев. Данная семья проживает на окраине села, занимая последний дом одной из улиц. Такое пространственное расположение дает им преимущество, позволяя поставить ярангу у своего дома. С одной стороны, как будет показано далее, нахождение яранги в непосредственной близости от других жилых и хозяйственных построек делает удобным ее использование, с другой стороны, помогает избежать взаимодействия с назойливыми туристами.

Спустя несколько недель нашего пребывания в Амгуэме мы увидели, что есть еще и пятая яранга. Она располагалась, как и первые три традиционные постройки, на берегу Амгуэмы, но в некотором отдалении от села, и не была заметна. Благодаря рельефу местности, из самого села ее было не разглядеть. Сделав это «открытие», мы с помощью местных жителей познакомились с хозяйкой и попросили у нее разрешения посетить ярангу. Женщина любезно согласилась и пригласила нас прийти на следующий день. В ходе разговора выяснилось, что она специально устанавливает свою ярангу на некотором удалении от села. Безусловно, дорога этой женщины от дома до яранги занимает больше времени, чем путь остальных владельцев яранг. Но она говорит, что

привыкла и не видит недостатка в чуть более продолжительной пешей прогулке. Напротив, женщина считает удаленность яранги от села большим преимуществом, благодаря которому к ней никто, кроме знакомых, не ходит и не отвлекает от работы. Хозяйка пошутила о назойливости туристов, намекая и на наше любопытство.

Таким образом, мы вполне отчетливо увидели, что коммодификация традиционного жилища чукчей является периферийным процессом и явно не выступает основной причиной возникновения практики установки яранг в селе в теплое время года. Показательно, что на наш вопрос о времени возникновения данной практики информанты отвечали: она существовала изначально, т.е. с момента основания села. Местные жители говорят, что в момент строительства домов в селе некоторые люди продолжали жить в ярангах. Не стремились они их разбирать и после того, как дома были построены. Фактически практика расширения пространства хозяйственной деятельности за счет яранг лежала в основе создания села. Его первые жители – оленеводы – ставили здесь яранги и использовали их вместе с домами. Так делают и некоторые современные жители Амгуэмы. Информанты также рассказывали, что в 1990-е гг. яранги устанавливали на берегах озер, расположенных неподалеку от села.

Подобное использование стационарных и мобильных жилищ в населенных пунктах наблюдалось и у других оленеводческих групп. Например, на Северном Байкале эвенки использовали дополнительные постройки вместе с бревенчатыми домами (Шубин 1963: 182). В Олекминском районе Республики Саха (Якутия) пожилые эвенки-оленьеводы до сих пор используют конические мобильные постройки в непосредственной близости от изб в летнее время в качестве помещения для приготовления пищи (ПМА 2013). На Ямале же, например, распространилась стратегия использования «дачных чумов» (Яптик 2020).

Можно сделать вывод, что установка яранг в селе (рис. 1) не новое явление, направленное исключительно на привлечение туристов, а практика, позволяющая жителям прежде всего организовать свою хозяйственную деятельность предпочтительным для них способом. Яранги следует отнести к материальным формам подсобного хозяйства, наряду с используемыми теми же людьми металлическими контейнерами и теплицами, о которых речь пойдет в других разделах статьи. Данные строения воплощают собой два важных принципа, пронизывающих местные способы ведения хозяйства: многозадачность действий и полифункциональность вещей. А.В. Головнёв раскрыл эти принципы на примере мобильности кочевников тундры (Головнёв 2017). Жители северных сел реализуют похожие стратегии и в населенных пунктах.

В частности, установка яранги является деятельностью, преследующей сразу несколько целей.

Рис. 1. Яранга в окрестностях села Амгуэма. Июль 2018 г. Фото В.Н. Давыдова

Во-первых, данная практика необходима для сохранения покрышек традиционных жилищ. Ряд местных жителей – как правило, вышедших на пенсию бывших оленеводов – являются владельцами собственных родовых яранг. В течение холодного времени года их составные части могут храниться в контейнерах и сараях. Но длительное нахождение яранг в собранном виде плохо влияет на их сохранность и качества. Яранга – мобильное жилище, при использовании оленеводами данная конструкция постоянно пребывает в действии и движении. Для сохранности яранги ее обязательно надо разбирать, просушивать, а также ремонтировать. Кроме того, люди, их яранга и вещи, ее наполняющие, считаются неразрывно связанными. В.Г. Богораз даже относил ярангу к семейным святыням (Богораз 1939). И действительно, часто несколько ее деталей (деревянные шесты) являются очень старыми и передаются из поколения в поколение. В этой связи некоторые амгуэмцы, прекратившие кочевать в тундре, предпочли сжечь свои семейные яранги, а также все принадлежавшие им ритуальные предметы. По словам информантов, яранга и все ее содержимое, в том числе культовые вещи, должны участвовать в жизни людей и обрядовой деятельности. Иначе, по представлениям местных жителей, домашние духи, принадлежащие этой яранге, не только перестанут помогать своим хозяевам, но и начнут вредить им. Таким образом, установка яранг и временное их использование – необходимые условия для сохранения самих жилищ и благополучия их хозяев.

Во-вторых, яранги позволяют существенно расширить площади для ведения подсобного хозяйства, дают возможность не ограничиваться территориями, непосредственно примыкающими к домам. В ярангах выделывают шкуры, кроют и шьют. Заниматься «мехатурой» (так местные жители называют шкуры оленей и изделия из них) в квартирах и домах неудобно и хлопотно: шерсть разносится по полу, шкуры плохо сохнут, и для этих целей не хватает площадей. Хозяйки четырех яранг

занимались изготовлением меховых изделий как для своих родственников-оленоводо-в, уходящих в тундру, так и на продажу. Одна из женщин рассказала, что она даже шила одежду под заказ в Москву.

Яранги используются для приготовления пищи: в них сушат мясо и рыбу над очагом, ферментируют различные традиционные блюда – например, *қэмэйғырын*³ или *вытвыт*⁴. Конечно, высушить оленину можно и на крыльце своего коттеджа, однако сами информанты признаются, что вкус у нее будет совсем другой, нежели у мяса, высушенного в яранге, пропитавшегося запахом тундры и очага. Показательно, что местные жители при приготовлении сушеного мяса или рыбы в селе подчас используют соль, чтобы избежать пресного вкуса. По словам информантов, при готовке в яранге пищевая добавка не требуется, блюдо получается ароматным и вкусным само по себе.

Яранга также используется в качестве места употребления пищи, в том числе приготовленной в коттедже или квартире. Однажды мы участвовали в трапезе, проходившей в квартире, и нам была предложена чукотская еда: *porat*⁵ и *натъёт*⁶. Последнее блюдо было ферментированным и издавало несколько специфический, резкий, даже для местных жителей, запах. Женщины, организовавшие застолье, отметили, что в яранге запаха не чувствуется, так как воздух тундры и очага его поглощает. Таким образом, место потребления пищи влияет на восприятие ее вкуса. Видимо, по этой же причине семья, установившая свою ярангу рядом с коттеджем, нередко организовывала застолья в ней, приглашая друзей и родственников.

Яранги также используются для хранения вещей. Например, один из хозяев хранит в своей яранге рыболовные снасти, одежду и обувь, а также нарты. Отправляясь на рыбалку к реке, он по пути заходит в ярангу, переодевается и берет орудия лова. Это позволяет использовать ярангу вместо рыболовецкого балка.

Яранга – это еще и пространство для проведения досуга с детьми, семьей, друзьями. Характерно, что в двух ярангах на перекладинах были подвешены детские качели. Яранги редко используются для ночлега, даже не во всех из них были установлены *пологи*⁷. Однако иногда люди ночевали в ярангах. Так, одна женщина оставалась на ночлег по выходным со своими внуками.

Наконец, установка яранг позволяет организовать «дисплей» для сторонних наблюдателей, демонстрирующий и утверждающий аутентичность образа жизни местного сообщества, тем самым привлекая туристов, порой с прагматическими целями. В частности, на официальных праздниках чиновники, заходя в яранги, дарили местным жителям подарки, некоторые владельцы яранг становились проводниками туристов в путешествиях по тундре, получая возможность подработки.

Таким образом, яранга как материальный объект является полифункциональной. Таковой она предстает в тундре, таковой она остается, будучи установленной в селе. Но если у оленеводов она является основным местом проживания, домом, то в Амгуэме ее функции можно сопоставить с функциями других конструкций, используемых местными жителями. Далее мы сравним яранги и контейнеры и на конкретных примерах из полевой работы покажем, что данная микроинфраструктура села расширяет возможности, предоставляемые большими инфраструктурными проектами.

Контейнер у яранги

Типичной частью пейзажа оленеводческих стоянок являются яранги и меховые палатки, а неперенной составляющей ландшафта арктических поселений стали металлические контейнеры (Давыдов, Давыдова 2021). Они, как и яранги в Амгуэме, являются элементом микроинфраструктуры подсобного хозяйства. Более того, как мы покажем далее, контейнеры и яранги дополняют и взаимозаменяют друг друга.

Одна из обладательниц яранг, расположенных рядом с селом, мечтала установить контейнер рядом с традиционным жилищем. Такое расположение хозяйственных построек было бы очень удобно для деятельности этой женщины. В яранге она в основном выделывает шкуры, из которых впоследствии шьет одежду и обувь для своих родственников, работающих в тундре. «Мехатуру» держат, как правило, в контейнерах, где она лучше всего сохраняется. Женщине было бы удобно заниматься изготовлением меховых вещей в яранге и складывать их сразу в близстоящий контейнер. Оба строения обладают такими характеристиками, как мобильность и модульность. Но показательно, что в этом примере контейнер оказывается даже более мобильным, чем жилище кочевников: именно он должен переместиться к берегу реки, а не наоборот. Безусловно, контейнер испортит экзотический вид стоящих на берегу реки яранг. Но для местных жителей важнее оказывается расширение возможностей подсобного хозяйства и «достраивание» необходимой им инфраструктуры, происходящее посредством (ре)комбинации модулей. Модульность является важнейшей характеристикой хозяйства кочевых сообществ Арктики (Головнёв и др. 2018). Таким образом, яранга и контейнер (сарай) – это хозяйственные строения, дополняющие друг друга. При этом оба расширяют жилое пространство домов и квартир и используются для выполнения различных видов хозяйственной деятельности, а также хранения вещей.

Как было сказано, одна семья уже реализовала мечту упомянутой женщины, установив ярангу в непосредственной близости от дома и хозяйственных построек (рис. 2).

Рис. 2. Яранга рядом с блоком контейнеров в с. Амгуэма. Июль 2018 г.
Фото В.Н. Давыдова

Насколько мы могли наблюдать, ее хозяйка в меньшей степени погружена в работу со шкурами. Но она, будучи многодетной матерью и уже бабушкой, устраивает в яранге застолья, на которых собирается ее большая семья, и принимает гостей. Женщине удобно приготовить часть блюд в коттедже, часть – в яранге, а затем принести пищу к очагу, накрыв небольшой стол. Следует отметить, что сараи и контейнеры, так же как и яранги, могут использоваться для организации приготовления и приема пищи на свежем воздухе. Мы несколько раз наблюдали, как местные жители жарят мясо на мангалах вблизи своих хозяйственных строений – гаражей и контейнеров. Рядом с ними порой ставят столы и скамейки для отдыха. Контейнеры иногда адаптируют под копильни, а в Нутэпэльмене некоторые жители сделали на их основе бани, обшив изнутри досками.

Таким образом, яранга и контейнер находятся не только в отношениях дополнения (как в случае со шкурами), но и в отношениях взаимозаменяемости. Приведем еще один пример. Контейнеры и сараи местные рыбаки используют вниз по течению реки Амгуэмы недалеко от села, чтобы оставлять в них моторы и рыболовные снасти. Как уже отмечалось, в яранге тоже хранят вещи, необходимые для рыбалки, т.е. некоторые предметы, обычно оставляемые в контейнере или сарае, могут держать и в яранге. Однако для нас стало неожиданностью, что вещи, принадлежащие яранге, тоже могут оказаться в контейнере.

Владельцы одной из яранг, муж и жена, довольно трепетно и с большим уважением относящиеся к традиционным верованиям и ритуалам чукчей, соблюдают некоторые обряды, верят в духов, чтут мудрость своих предков. Яранга для чукчей значит больше, чем просто жилое пространство. Исследователи Чукотки уже показали, что мобильное жилище чукчей является местом, где осуществляется ритуальная

деятельность, а также одним из акторов этих ритуалов (Vaté 2013: 198). Очаг, ритуальные предметы, такие как огнивные доски, деревянные чашки для жертвоприношений, фигурки духов-охранителей и др., считаются принадлежащими к какой-то конкретной яранге. Все вместе они заботятся о благополучии людей, хозяев этой яранги, и о процветании их стада. Вещи из одной яранги ни в коем случае нельзя приносить в другую ярангу, т.е. в другое домохозяйство. В этой связи, оказавшись в яранге упомянутой семьи, мы невольно стали искать глазами обрядовые предметы, принадлежащие жилищу. Однако их не было видно. Мы поинтересовались у хозяина, есть ли у них такого рода «святыни». Оказалось, что они хранятся в металлическом контейнере. Информант сказал, что их «духам вполне хорошо в контейнере», так как они «правильно с ними обращаются», оказывая им положенные почести. Подобное перемещение ритуальных объектов не противоречит традиционным взглядам местных жителей, поскольку они не были отнесены в другой дом и семью. Они остались в том же домохозяйстве, под присмотром членов семьи, которой они принадлежат, но были перемещены из одной хозяйственной постройки в другую.

На наш взгляд, яранги и контейнеры можно назвать «плагинами» созданных в рамках государственных проектов типовых форм жилья местных жителей. Квартиры и коттеджи несколько ограничивают привыкших к большей свободе тундровиков. Подобные расширения позволяют им создавать собственные мобильные постройки, перемещая их по мере необходимости на новые и более удобные места. Посредством этих строений местные жители увеличивают свои возможности, а также «достраивают» необходимую им инфраструктуру. Коттеджи и квартиры, имея множество преимуществ и удобств (канализация, водопровод, ванна, отопление), не могут быть использованы для большого количества видов деятельности, привычных, желаемых и даже порой необходимых для местных жителей, как, например, выделка шкур, приготовление традиционных блюд, рыбалка и т.д. Не могут они и в полной мере обеспечить традиционных вкусов приготавливаемых в них пищевых продуктов.

Возможности использования жилищной инфраструктуры расширяются за счет создания и поддержания микроинфраструктуры села. Кроме того, яранги, превращаясь в объект потребления для туристов и других гостей Амгуэмы, функционируют как инфраструктурные плагины Иультинской трассы, являющейся каналом мобильности, по которому и приезжают многочисленные гости оленеводческого поселка и осуществляется снабжение. Описанные выше «расширения» в виде дополнительной микроинфраструктуры, принимающей форму туристических объектов, или хранилища, или места отдыха и т.д., возможны только при наличии базового проекта, а также его поддержания за счет

официальных властей и усилий местных жителей, поскольку многие проекты никогда не были бы реализованы, если бы их не поддерживало государство (Эткинд 2020: 59).

Теплица в гараже

Еще одна инновация, появившаяся на Чукотке в советский период, а сейчас являющаяся обычной частью пейзажа ряда населенных пунктов, – парник, типичная постройка, олицетворяющая дачное и приусадебное хозяйство в других регионах России. Расположены теплицы как в непосредственной близости у домов и коттеджей, так и на некотором удалении от жилых помещений в хозяйственной части поселка, где сконцентрированы сараи, гаражи и контейнеры.

В контексте Чукотки парник имеет свои особые черты. Прежде всего это использование стратегии гибридизации или сращивания парников с другого рода постройками – гаражами, сараями, контейнерами. Все вместе они составляют конгломераты построек, позволяющие совмещать большое количество практических функций. Местные жители довольно изобретательны в поиске как материалов, так и форм. Теплицы нередко выстраиваются как часть своеобразных теплично-гаражных комплексов, которые позволяют за счет общих стен экономить топливо для обогрева, а также необходимые строительные материалы. Нередко за стенкой теплицы располагается гараж или сарай.

В селе Амгуэма можно наблюдать большое количество разнообразных теплиц, построенных из подручных материалов (рис. 3). Более того, функции парника может выполнять любая другая постройка, обладающая необходимыми характеристиками. Например, для выращивания растений в селе Амгуэма местные жители приспособили остекленную веранду здания администрации, а также коридор, соединяющий здание школы и интернат. Для этих же целей используются подоконники на окнах. В основном в Амгуэме выращивают огурцы, помидоры и зелень.

Материалы для строительства теплиц зачастую являются экспериментальными: используются остатки старых конструкций, заброшенная государством инфраструктура (например, столбы расположенной вдоль Иультинской трассы линии электропередач и старые здания). Данные материальные объекты используются и в качестве топлива. Из-за климатических условий парники на Чукотке необходимо отапливать. Большинство теплиц обогревается печками-буржуйками, нередко самостоятельно изготовленными из металлических листов, железных бочек. Для строительства и утепления парников применяются заменяемые во время планового ремонта части действующих инфраструктурных объектов: «Теплотрассу разбирают в этом году, и в прошлом году тоже

разбирали. Старую минвату выкидывают, я ее забрал, использовал, стены утеплял». Большинство теплиц в Амгуэме покрыты стеклом. Для этого используются старые оконные рамы. В обиход постепенно входят и новые материалы: в частности, местные жители стали использовать для теплиц поликарбонат, начали обшивать их металлопрофилем.

Рис. 3. Парник в с. Амгуэма. Фото Е.А. Давыдовой

Первоначально теплицы строились приезжими, местными учителями, работниками колхоза и ремонтниками дороги, которые таким образом стремились восполнить недостаток снабжения свежими овощами. Сейчас парники в Амгуэме содержат и представители коренного населения.

Некоторые жители выращивают растения на продажу и даже возят их из Амгуэмы в районный центр Эгвекино́т. По словам одного из информантов, спрос на овощи есть всегда, несмотря на то что в самом районном центре также много теплиц. Во-первых, они есть не у каждого; во-вторых, овощи местного производства дешевле и считается, что они лучшего качества. Как отмечает информант, то, что продается в местных магазинах, «на гидропонике все, никакое – хоть помидор, хоть огурец, вода водой, да еще и отравиться можно». Доставка местной продукции в районный центр осуществляется по Иультинской трассе.

Овощи и зелень в местных теплицах выращиваются в земле, собранной в тундре. Как говорят овощеводы, эту землю практически не надо удобрять, так как она представляет собой мощную органическую смесь.

Информанты утверждают, что в течение нескольких лет ее можно только поливать. Далее возможно удобрение различными биологическими субстанциями: рыбой, оленьей кровью, пищевыми отходами. В советское время, когда существовало животноводство, почву в теплицах удобряли навозом.

Благодаря теплицам у местных жителей есть возможность самостоятельно выращивать дефицитные «свежести», не всегда доступные в местных магазинах. Отапливаемые теплицы используют с ранней весны до поздней осени. Это позволяет местным жителям быть менее зависимыми от перебоев с поставками пищевых продуктов. Теплицы на Чукотке дают первый урожай уже весной. Значит, в момент, когда прошлогодний запас привезенных свежих овощей закончился, а новый привоз далеко впереди (через несколько месяцев), местные жители восполняют недостаток свежих продуктов с помощью теплиц. Такого рода хозяйственная деятельность в обход временных циклов снабжения сел с материка, а также из Анадыря обладает своей собственной логикой и темпоральностью. Овощи в теплицах собираются весной-летом, а осенью, когда происходит резкое уменьшение количества солнечных дней, жители переключаются на овощи, доставленные во время летнего завоза, или же полностью исключают их из своего рациона.

Сами же парники, как было показано, появились во многом благодаря более крупному инфраструктурному проекту, встраиваясь в него наподобие «плагинов». Они не существуют отдельно от трассы. По дороге не только поставляются стройматериалы, вывозится часть амгуэмского урожая, но и сама связанная с дорогой заброшенная инфраструктура много лет служит источником материалов и топлива, необходимых для возведения, ремонта и отопления теплиц.

Выводы

Инфраструктурные плагины и связанные с ними многозадачность действий и полифункциональность вещей (Головнёв и др. 2018) помогают местным жителям поддерживать свою автономность. Современное чукотское домохозяйство, таким образом, состоит из целого набора построек, которые мыслятся как единое целое, позволяющее вмещать не смешиваемые с другими домохозяйствами предметы и изображения духов-хранителей. Помещаемые в металлический контейнер «духи» продолжают выполнять свои функции, а вынимаемая из контейнера яранга не просто служит «расширением» пространства подсобных помещений, но и позволяет сохранять благополучие семьи, обеспечивая ее хозяев новыми возможностями, а также позволяя почувствовать оттенки вкуса традиционных блюд, по-иному ощущаемые в современных коттеджах и квартирах. В отдельных случаях различные строения мо-

гут быть расположены близко друг к другу. В основном же они находятся в разных частях села, что дает их хозяевам возможность менять контекст своего присутствия.

Инкорпорация новых элементов не противоречит традиционным представлениям, но позволяет воспроизводить их в новом контексте. Яранги не только позволяют транслировать символы традиционной культуры внешним наблюдателям, но и создают хорошую возможность приобщения местных детей к традиционным формам. Яранги становятся пространством детских игр и воспитания. Они не являются прямым аналогом дачной инфраструктуры, поскольку свойственные ей функции в чукотском селе фактически реализуются в нескольких местах. Широкое использование парников позволяет самостоятельно восполнить недостаток снабжения, производя дополнительные пищевые продукты. Таким образом, рассмотренные в данной статье объекты микроинфраструктуры села помогают местным жителям поддерживать свою относительную автономность, давая возможность производить и накапливать ресурсы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности местных домохозяйств.

Примечания

¹ Два раза в неделю из Амгуэмы в Эгвекинот и обратно ходит рейсовый автобус (вахтовка). Амгуэмцы активно его используют для поездок в районный центр.

² Название «ТРЭКОЛ» происходит от слов «Транспорт ЭКОЛогический».

³ *Кэмейрын* – чукотское блюдо, приготовляемое из сушеных или вымоченных листьев ивы, смешанных с содержимым оленьего желудка. Данную массу оставляли ферментироваться до наступления морозов. Ели зимой в мороженом виде (ПМА 2017–2019).

⁴ *Вывыт* – сильно разваренный и тщательно растертый руками до состояния теста щавель (ПМА 2017–2019).

⁵ *Рорат* – колбаса из оленьего мяса (ПМА 2017–2019).

⁶ *Натъёт* – чукотское блюдо: обжаренные на костре и впоследствии ферментированные в оленьей крови копыта и губы оленя (ПМА 2017–2019).

⁷ *Полог* (это не чукотское слово, хотя сейчас чукчи сами его используют) – меховой мешок в форме прямоугольного ящика, повернутого к полу открытой частью, в котором люди спят и отдыхают (Богораз 1991: 102–108).

Источники

Амгуэма – чукотское село с самыми красивыми северными сияниями // Блог Евгения Басова. 03.11.2017. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/265534.html>

Жители Лорино и Амгуэмы стали владельцами новых квартир // Сайт информационного агентства «Чукотка». 01.02.2018. URL: https://prochukotku.ru/news/actual/zhiteli_lorino_i_amguemy_stali_vladeltsami_novykh_kvartir_5159

Интеллектуальные системы освещения установят на дороге «Эгвекинот – Мыс Шмидта» // Сайт информационного агентства «Чукотка». 04.03.2020. URL: https://prochukotku.ru/news/actual/intellektualnye_sistemy_osveshcheniya_ustanovyat_na_doroge_egvekinot_mys_shmidta_10336

ПМА 2013 – Материалы полевых исследований В.Н. Давыдова в Олекминском районе Республики Саха (Якутия), апрель-май 2013 г. Полевой дневник.

- ПМА 2017–2019 – Материалы полевых исследований Е.А. Давыдовой и В.Н. Давыдова в Иультинском районе Чукотского автономного округа, 2017–2019 гг. Полевые дневники.
- Ярмарка оленеводов «Эракор». Этнотур на Чукотку зимой // Сайт туристической компании «RussiaDiscovery». URL: <https://www.russiadiscovery.ru/tours/v-gostyakh-u-olenevodov-chukotki-/>

Литература

- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Часть II. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Головнёв А.В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2(55). С. 6–15.
- Головнёв А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Давыдов В.Н., Давыдова Е.А. Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // Этнография. 2021. № 1(11). С. 25–49.
- Шубин А.С. Современное эвенкийское село. Исследования по истории Бурятии // Труды комплексного научно-исследовательского института. 1963. № 11. С. 179–188.
- Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Янттик Е.С. «Дачный» чум как стратегия хозяйственной деятельности ненцев Ямала // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 16–23.
- Bowker G.C., Star S.L. Sorting Things out: Classification and its Consequences. London: MIT Press, 2000.
- Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2005. № 11 (1). P. 39–58.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory: Oxford University Press, 2005.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, № 1. P. 58–85.
- Star S.L. The Ethnography of Infrastructure // American Behavioral Scientist. 1999. № 43 (3). P. 377–391.
- Vakhtin N.B. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? // Sibirica. 2017. № 16 (3). С. 1–13.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Household microinfrastructure in Chukotka: yarangas, containers and greenhouses

Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/6

Elena A. Davydova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: elenav0202@gmail.com

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint Petersburg, Russian Federation), Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19-09-00268)

Abstract. The article presents the results of a six-month fieldwork in the Iul'tinskii raion of the Chukotka Autonomous Okrug in 2017-2019. The focus is the infrastructure used by local people, as well as the practices of adapting it to perform everyday tasks. The authors consider the yarangas, containers and greenhouses used in the village of Amguema as “embedded” and easily replaceable modules that quickly expand the capabilities of local people in the context of their economic activities. Such material objects play the role of “infrastructure plug-ins” which function in tandem with “major programs” – large infrastructural projects being implemented in Chukotka. Yarangas, containers and greenhouses, which are consistent with the principles of multitasking and multifunctionality of things, help local people maintain their relative autonomy, enabling them to produce and accumulate resources necessary to support livelihoods of local households.

Keywords: household, resources, supply, infrastructure, Chukotka, Arctic

References

- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religii* [Chukchis. Religion]. Part II. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 1939.
- Bogoraz V.G. *Material'naia kul'tura chukchei* [Chukchi Material Culture]. M.: Nauka, 1991.
- Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things out: Classification and its Consequences*. London: MIT Press, 2000.
- Davydov V.N., Davydova E.A. Proekty razvitiia infrastruktury na Chukotke: ispol'zovanie resursov zhiteliami natsional'nykh sel [Infrastructure Development Projects in Chukotka: The Use of Resources by the Dwellers of the National Villages]. *Etnografiia*, 2021, Vol. 1(11), pp. 25-49.
- Etkind A. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The Nature of Evil: A Cultural History of Resources]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Golovnev A. V. Arkticheskii etnodizain [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2017, Vol. 2 (55), pp. 6–15.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. Arktika: atlas kochevykh tekhnologii [The Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2005, Vol. 11(1), pp. 39–58.
- Iaptik E.S. “Dachnyi chum kak strategii khoziaistvennoi deiatel'nosti nentsev Iamala [“Dacha” Choom as a Strategy of the Yamal Nenets' Economy]. *Kunstkamera*, 2020, Vol. 1(7), pp. 16-23.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press. 2005.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North. *The Polar Journal*, 2017, Vol. 7(1), pp. 58–85.
- Shubin A.S. Soveremennoe evenkiiskoe selo [Contemporary Evenki Village]. *Issledovaniia po istorii Buriatii. Trudy kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 1963, Vol. 11, pp. 179–188.
- Star S.L. The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioral Scientist*, 1999, Vol. 43(3), pp. 377-391.
- Vakhtin N.B. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? *Sibirica*. 2017. № 16(3). C. 1-13.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. Ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, and V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013, pp. 183–199.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/7

ОВОЩЕ(ОЛЕНЕ)ВОДСТВО В ЧУКОТСКОМ СЕЛЕ ВАЕГИ*

Анастасия Алексеевна Ярзуткина

Аннотация. В отличие от оленеводства, овощеводство на территории Чукотки является экзотическим видом деятельности. Арктические территории считаются малопригодными для земледелия из-за экстремального климата и многолетней мерзлоты. Овощеводство в открытом грунте на Чукотском полуострове практикуется в двух поселениях из сорока пяти. Одно из таких – чукотское село Ваеги. В статье показано, как коренные жители Чукотки, бывшие оленеводы, приспособились к выращиванию картофеля, капусты и других овощей; как кочевники переходят к практикам оседлости и как меняются их представления о календарных циклах и ритуалы. Для многих жителей произошла гибридизация хозяйственных практик. Экономические причины и изменившиеся пищевые привычки сделали овощеводство и оленеводство одинаково важными для выживания в селе.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, земледелие, оленеводство, коренные жители, Чукотка, Арктика

Введение

Впервые попав в оленеводческое село Ваеги, я удивилась, увидев село овощеводов: передо мной предстали огороженные домики на сваях, чукчанка в белом платке, срезающая капустные листья на своем огороде, и бывшие оленеводы с детьми и внуками, убирающие картофель на придомовых участках (рис. 1). Для Чукотского полуострова такая картина действительно необычна. Арктические территории считаются малопригодными для земледелия из-за экстремального климата и многолетней мерзлоты. Соответственно, хозяйство на большей части Чукотки является либо присваивающим: охота и рыболовство, либо традиционным для Крайнего Севера – оленеводство. Растениеводство на Чукотке является экзотическим видом деятельности, и выращивание овощей в открытом грунте практикуется только в двух поселениях из сорока пяти – в селах Марково и Ваеги, расположенных на юге Чукотского автономного округа в районе Майн-Анадырского междуречья.

Чукотское село Ваеги изначально считается оленеводческим: большинство жителей в советский период были заняты выпасом оленей в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры» и частично в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

кочевом хозяйстве и проживали в оленеводческих стойбищах. В настоящее время только около двух десятков жителей села Ваеги ведут кочевой образ жизни – работают в тундре в трех оленеводческих бригадах. Оленеводство относится к традиционным видам хозяйствования на Чукотке (см., например: Народы Чукотки) и позиционируется в качестве одного из признаков национальной идентичности чукчей (Головнёв, Куранов, Перевалова 2018: 28; Аничкова 2019: 36–49). Переход к оседлости связывается с «насильственной коллективизацией», отбиранием оленей и «обрусением». Воспоминания о жизни в тундре рядом с оленями романтизированы: даже никогда не кочевавшие коренные жители считают тундру своим домом, а связь чукчи и оленя – основой жизни. Подобный дискурс характерен и для жителей села Ваеги. При этом повседневные разговоры ваежцев, по моим наблюдениям, касаются в основном картошки.

Рис. 1. Бывший оленевод с внуками убирает картофель на своем участке в селе Ваеги, сентябрь 2019 г. Фото автора

Очевидный парадокс: мироощущение людей и как они себя позиционируют, не совпадает с тем, что они делают. Каким образом кочевые представления о мире уживаются с оседлостью? Как занятие овощеводством изменило ритм жизни оленеводов? Основываясь на ма-

териалах, полученных мной в ходе поездок в село Ваеги в 2006 и 2019 гг., я постараюсь ответить на эти вопросы. С этой целью я представляю современные кейсы, которые покажут внутреннее единство и противоречие двух различных систем организации жизни коренных жителей.

Источники и контекст

По сравнению с подробно и многократно описанным чукотским оленеводством (Grau 2000; Головнёв и др., 2018 и др.), а также традиционными хозяйственными занятиями ваежских чукчей (Вдовин 1962; Нувано 2008; Нувано 2021 и др.) овощеводство на Чукотке почти не привлекало исследователей. В своих трудах по истории и культуре чукчей ученые ограничивались общими фразами о том, что «овощеводство получило некоторое развитие» (Вдовин 1965: 372) или что «в новых отраслях хозяйства Чукотки занято в основном приезжее население» (История и культура... 1987: 183). Этнографы не относили овощеводство к традиционным для коренных жителей занятиям (Народы Северо-Востока... 2010), а потому отсутствуют описания земледельческого календаря или способов выращивания овощей в особых условиях Чукотки. Данная статья восполнит пробел в описании современных практик ведения хозяйства, в частности овощеводства, в селе Ваеги.

Этнографические материалы представляют собой наблюдения и интервью с жителями села Ваеги, оленеводами, сотрудниками муниципальной администрации и сельхозпредприятия. Определенная информация была получена от общения с ваежцами, которое я поддерживала после отъезда из села посредством телефонной связи и мессенджеров.

В ссылках на полевые материалы соблюдается анонимность: имена жителей изменены, но указываются реальные пол, возраст и национальность информанта. Этническая принадлежность фиксировалась со слов самих собеседников¹. Для того чтобы продемонстрировать беспокоящую людей моральную дилемму, а также предоставить слово самим жителям села, в тексте приводятся цитаты из интервью, отредактированные для удобства читателя, но при этом с сохранением авторской оценки и характерных речевых оборотов.

Село Ваеги расположено на левом берегу реки Майн на площади примерно 1 кв. км в Анадырском районе Чукотского автономного округа. Сообщение с районным центром – пос. Угольные Копи – и окружным центром – г. Анадырь – осуществляется исключительно авиатранспортом дважды в месяц. В летнее время по реке ходит баржа, доставляющая топливо и товары. Зимой жители сообщаются по зимней дороге с селом Марково.

Согласно данным администрации сельского поселения Ваеги, численность населения составляет около 450 человек, из которых предста-

вителей коренной национальности – 393 человека (285 – чукчи, 70 – ламуты, 31 – чуванцы, 5 – коряки, 2 – юкагиры), представителей других национальностей² – 66 человек.

Инфраструктура села включает несколько предприятий и учреждений, в том числе муниципальное сельскохозяйственное предприятие (МУП СХП) «Ваежское», направлениями деятельности которого являются оленеводство, растениеводство и молочное животноводство. Институционализированное земледелие – выращивание овощей в рамках деятельности сельхозпредприятия – соседствует в селе с семейным овощеводством. На личных приусадебных участках жители выращивают капусту, картофель, свеклу и морковь в открытом грунте. Некоторые семьи имеют теплицы, в которых высаживают огурцы, помидоры и зелень. В селе имеется несколько многоквартирных двух- и трехэтажных домов. Жители квартир, переехавшие из старых деревянных домов, обычно сохраняют последние в качестве «дачи», чтобы иметь участок земли.

Гибридизация практик

Село Ваеги в месте своего современного расположения было образовано в 1951 г. путем слияния двух других поселений и колхозов (Шарыпова 2017: 99–100; Нувано 2021: 146). Его создание ознаменовало окончание сложно проходившей в этих местах коллективизации. Село стало центральной усадьбой нового колхоза, одним из направлений которого, помимо оленеводства, было растениеводство (ГА ЧАО 1935–1951: 60). Помощь в неизвестном для местных жителей виде деятельности оказывали агрономы, проводившие в соседнем селе Марково эксперименты по выращиванию овощей в вечной мерзлоте³. Однако местные условия вносили свои коррективы в процесс организации растениеводства. Знания о порядке выращивания овощей, принесенные приезжими из центральных районов страны русскими, чаще всего «не работали» в местных условиях. Ваежский агроном Маркс Татарченко на одном из заседаний сельского совета в 1951 г., описывая ситуацию с «подъемом целины» в Ваегах, сетовал на отсутствие навоза, а также на недостаток сельхозинвентаря, в частности лопат, для подготовки поля под посевы (ГА ЧАО 1949–1953: 91). Бывшие кочевники постепенно привыкали к новому для них хозяйствованию, по-своему решая вопросы с удобрением почвы, инструментарием и другими трудностями полярного земледелия.

Ваежцы приспособили для выкапывания картофеля куски оленьих рогов и в настоящее время успешно пользуются этим инструментом (рис. 2). Местные жители утверждают, что это самая удобная копалка, так как она не повреждает клубень. У всех работниц сельхозпредприятия, участвующих в уборке картофеля, я заметила такие рога-копалки –

личный инструмент, которым они пользуются на своем огороде. В оленеводческом хозяйстве использование подобного инструмента не наблюдалось. Раньше рога оленя складывались в кучи и являлись предметом ритуальных практик во время обрядов, в дальнейшем рог был использован жителями как удобный инструмент для выкапывания корнеплодов в новой земледельческой практике. Предмет получил новую функциональность, которая стала возможна благодаря гибридизации двух видов хозяйственной деятельности.

Рис. 2. Уборка картофеля. В качестве картофелекопалки местные жители используют кусок оленьего рога. Село Ваеги, сентябрь 2019 г. Фото автора

Почвы в районе села Ваеги хотя и более приспособлены для земледелия, однако относятся к тундровым: периодическое промерзание и оттаивание замедляет химические и биологические процессы в почве. В связи с этим для успешного роста и созревания овощей требуется создание плодородного слоя путем удобрения земли на посевных площадях. В 1953 г., через два года после основания села, в Ваегах появилась небольшая колхозная ферма из двух коров (Шарыпова 2017: 189;

ПМА. Людмила, ж., 1943 г. р., ламутка). Молочное животноводство существует в Ваегах и сейчас, и это последняя ферма, сохранившаяся на Чукотке после потрясений 90-х гг. XX в. *«Навоз на Чукотке – блатной товар. Мы не можем убрать коров – тогда погибнет растениеводство. К нам из Марково за навозом приезжают, и на него очень много чего меняю: масло машинное, запчасти, много чего. Любые услуги в Марково можно за навоз получить. А так, если есть лишний, мы тонну за шесть тысяч рублей продаем населению»* (ПМА. Андрей, м., 1960 г. р., русский, сотрудник администрации МУП СХП «Ваежский»).

Коровьего навоза для удобрения полей и приусадебных участков не хватало. В советское время, когда отопление домов было печным, колхозников обязывали с сентября собирать золу и сдавать в колхозную контору. *«Хранится зола в кладовой конторы в углу или под амбаром (на сваях) или же закрывается в бочках. Оплата за 1 центнер золы – 4 трудодня. Было собрано золы 3 тонны и как удобрение внесено на 6 га пашни»* (ГА ЧАО 1935–1951: 24–25). После появления центрального отопления важным удобрением полей и приусадебных участков в Ваегах стала рыба. Это удобрение используется жителями и сейчас, так как коровий навоз местного сельхозпредприятия не всегда доступен по цене и зачастую его не хватает. С конца июля выловленную в реке Майн рыбу складывают в железные бочки, установленные на краю участка. В течение теплого сезона рыба киснет, затем к зиме замораживается и в таком виде стоит до следующего лета. За несколько дней до начала посадки удобрение из рыбы оттаивает, и его распределяют по полю (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка; Андрей, м., 1960 г. р., русский; Светлана, ж., 1964 г. р., ламутка; Ольга, ж., 1972 г. р., чукчанка).

Важным событием, определяющим хозяйственный и социальный ритмы села, является ежегодное наводнение. Оно происходит в конце мая – начале июня после разлива реки Майн и продолжается от одной до двух недель. Подвалы, погреба и приусадебные участки затапливаются. В зависимости от уровня воды для передвижения по селу используются лодки либо высокие резиновые сапоги. Люди, дома которых оказываются подтопленными, переезжают к родственникам на время сезонного наводнения либо перебираются на чердак. Разливы и затопление полей были одной из самых больших проблем для растениеводства. Учитывая сроки разлива, посадки «подстраиваются» под время после схода воды. Согласно архивным данным, начинающие овощеводы пришли к этому опытным путем. В 1951 г. картофель высадили к 8 июня, но участок затопило. *«Высаженные клубни пришлось выкопать. Удалось спасти, то есть выкопать, 5 соток, и этот картофель вновь посадили 16 июня»* (ГА ЧАО 1935–1951: 26). Однажды посаженный до наводнения картофель смыло с поля, и его собирали в заводях после схода воды (ПМА. Елена, ж., 1953 г. р., чукчанка).

Постепенно складывался локальный сельскохозяйственный календарь села Ваеги. С середины апреля начинается яровизация картофеля: в специальном помещении раскладывают семена на полки с отверстиями, и они прорастают там до посадки. В частных домах картофель раскладывают в холодных сенах на полках или помостах. Капусту для рассады высевают в домах или теплицах в начале мая и к концу мая пересаживают в парник. Высадку капусты и посадку картофеля в открытый грунт начинают после схода воды от наводнения – в середине-конце июня, после удобрения почвы. *«Однажды садили 25 июня. Долго вода была. Картошка-то успела созреть, но была не очень хорошей»* (ПМА. Ирина, ж., 1982 г. р., чукчанка). Морковь высаживают в деревянные короба высотой 50–60 см, заполненные землей. *«Если ее высадить прямо на участке, то будет мелкой, а в коробах морковь вырастает длинной и крупной»* (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка).

До уборки урожая картофельные кусты дважды окучивают и пропалывают. Капусту поливают. Уборка картофеля и свеклы начинается в первой декаде сентября, капусту собирают ближе к началу октября. Картофель после уборки раскладывают на специальные деревянные помосты, приподнятые над землей на 30–80 см, для просушки и проветривания. Затем отделяют семенной картофель, который предназначен для посадки на следующий год. С сентября до апреля картофель хранится в овощехранилище или в личных погребах.

Этот календарь привнес новую темпоральность в жизнь жителей села: с одной стороны, он был основан на природных ритмах, с другой – связан с «совхозным» режимом организации труда⁴. Люди вспоминали, что к посадке, уборке и прополке картофеля руководство совхоза привлекало всех жителей, независимо от рода занятий и возраста: учителей, школьников, пенсионеров (Шарыпова 2017: 189). Новый календарь «включился» в ритм жизни сельчан. В настоящее время жители также принимают добровольное участие в коллективных практиках, связанных с овощеводством. При этом руководители всех сельских учреждений считают нормой отсутствие сотрудника на рабочем месте, когда наступило время посадки или уборки урожая на личном огороде.

«Картофельная» кочевка

Полеводческий сезон, длившийся в Ваегах с апреля по сентябрь, фактически совпадал с активным временем в оленеводстве. Несмотря на смешивание и универсализацию колхозного труда, у оленеводов фактически не было опыта в растениеводстве. Пожилой информант рассказывал, что в 70-х гг. XX в. он прожил в бригаде 8 лет, ни разу не выезжая в село. При этом его жена, работница совхоза, проживающая

большую часть года в Ваегах вместе с детьми, иногда направлялась на посадку и уборку картофеля и капусты. Своего личного огорода семья не имела (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча). В кризисные 90-е гг. XX в., когда привычные схемы поступления пищевых продуктов изменились, а денежных средств для покупки еды не было или не хватало, люди начали искать способы получения продуктов и товаров другим путем (Грей 2021). Если постоянно проживающие в селе семьи, в основном русские, ламутские и чуванские, имели свои огороды еще до наступления кризиса, то большинство чукчей и тех, кто долгое время работал в тундре, вынуждены были осваивать эту новую для себя область хозяйства.

Родители Нины, с которой я познакомилась в 2019 г., всю свою жизнь проработали оленеводами. В 90-х гг., когда Нина (1986 г. р.) и ее сестра были детьми, мать Нины переехала в село в свой небольшой домик. Матери Нины, чтобы прокормить себя и детей, пришлось огородить вокруг дома участок и научиться выращивать картофель. Наши информанты того же возраста, что и мать Нины, которой ко времени моего приезда уже не было в живых, рассказывали о своем первом опыте посадок: *«Огородов не было, да. Прямо вот идешь, улица. Раз – дом стоит, сам себе... Как научились? Смотрим: ага, так, так. Русских же много было в селе. Они сажали. Я, во-первых, у сестры двоюродной видела. У нее муж был русский. Ну, а потом уже там... Ну, как-то вот... Видели, как надо обрабатывать, как высаживать. Спрашивали»* (ПМА. Елена, ж., 1956 г. р., чукчанка).

Сейчас Нина работает круглый год в оленеводческой бригаде МУП СХП «Ваежский» и иногда приезжает в село, где живет ее дочь – ученица третьего класса местной школы. Обычно Нина старается приехать ко времени посадки и уборки картофеля. Производственный календарь сельхозпредприятия предполагает выезд в тундру на корализацию сразу после уборки урожая в селе. В начале октября Нина на «совхозном» вездеходе планировала уехать обратно в свою бригаду.

Как выяснилось, подобным образом в село «кочуют» и другие женщины, работающие в бригаде⁵. Выезд и возвращение в тундру чаще всего окказиональны, но эти выезды подстраиваются под овощеводческий календарь. На время посадки и уборки огорода женщины, как правило, берут отпуск. Новый способ получения пищевых продуктов в селе повлиял на возникновение новых схем перемещения кочевников. Эти изменения можно сравнить с трансформацией мобильности у эвенков Северного Байкала, описанной В.Н. Давыдовым. Новые формы мобильности являются следствием объединения различных темпоральных режимов (Давыдов 2018). Учитывая то, что у кочевников время и пространство слитны (Головнёв и др. 2018: 344), появление новых центров перераспределения ресурсов изменило стратегии использования про-

странства (Давыдов 2018). Овощеводство повлияло на изменение практик мобильности: кочевники стали подстраивать «ареалы» кочевков под возможности перемещения в село в определенные периоды времени, связанные с сельскохозяйственным календарем.

Оплачиваемый отпуск тоже является ресурсом в этой схеме: он позволяет не прерывать стабильное поступление денежных средств в то время, когда женщины не находятся на своем рабочем месте – в оленеводческой бригаде.

В этот раз Нина из-за задержки с транспортом приехала в село позже обычного. Еще до ее приезда я наблюдала, как дочь Нины, ее сестра Наташа и племянники, ученики второго класса, убирали картофель на участке Нины. Ко времени приезда женщины в село картофель уже лежал на помосте для просушки. Сестра Нины живет в квартире, но у нее есть свой участок на краю села, где Наташа высаживает немного картофеля. Ее заработная плата позволяет выращивать картофель только «на еду». Картошка в селе является не только пищевым ресурсом, но и источником дополнительных денежных средств. В частности, Нина примерно треть собранного картофеля сгрузила в мешки и отправила в погреб. Часть его она планировала забрать с собой в оленеводческую бригаду. Оставшаяся часть предназначалась для дочери, которая живет у сестры Нины, и для питания во время пребывания Нины в Ваегах. Остальной картофель был «на продажу».

МУП СХП «Ваежский», кроме выращивания собственных овощей, закупает картофель у населения, получая за это субсидию⁶. Региональные органы власти с помощью доплат муниципальным организациям пытаются таким образом стимулировать систему заготовки овощной продукции, выращенной в личных подсобных хозяйствах. В 2019 г. картофель у ваежцев закупали по 110 рублей за 1 кг, при этом в магазине и ларьке сельхозпредприятия он стоил 75 рублей за 1 кг⁷. Оленеводство вместе с овощеводством являются для Нины способом получения ресурсов для выживания. Это пример того, как люди используют весь набор возможностей: переходя к новому занятию, сохраняют прежнее, меняя ритмы мобильности и подключая социальные связи. Занятие овощеводством «встроилось» в кочевой образ жизни Нины и других женщин-олeneводоv из Ваег. В случае срыва сроков «картофельного» кочевания, как это произошло в 2019 г., когда Нина опоздала на уборку урожая, на помощь приходят родственники, постоянно проживающие в селе. Нина привезла сестре мясо оленя, это был ее вклад в обеспечение семьи и негласная оплата уборки картофеля.

У мужчин-олeneводоv наличие или отсутствие огорода зависит от конкретной ситуации. Если муж работает в тундре, а жена с детьми живет в поселении, то работы в огороде и выращивание овощей ложатся на нее. Организация жизни в селе еще с самого его основания предпо-

лагала гендерное разделение и приоритет женщин в растениеводстве. В своих воспоминаниях очевидец событий пишет: *«Мужчины занимались оленеводством... Ламутские мужчины занимались охотой на пушиного зверя зимой, а летом рыболовством... Оставшиеся в селе женщины впервые... стали заниматься овощеводством, растили лук-батун, огурцы, капусту, картофель»* (Шарыпова 2017: 189). Гармоничность хозяйства чукчей всегда предполагала различные формы деятельности мужчин и женщин при их согласованном чередовании и взаимном дополнении (Головнёв и др. 2018: 68). Различия в мобильности и вариантах освоенного пространства между мужчинами и женщинами в описываемых условиях также направлены на формирование общего натурального ресурса для комплексного питания семьи: мужчина в стойбище ответствен за мясо, женщина в селе – за овощи.

В случае, когда оленевод одинокий, на его участке делают посадки родственники, и часть урожая они могут отправить ему в тундру или продать, а затем отдать деньги. Те же оленеводы, кто не имеет участка или родственников, способных работать на нем, обменивают овощи на оленьё мясо, передавая его с оказией или во время приезда в село в отпуск. Также я зафиксировала случай, когда одному оленеводу, вернувшемуся после лечения из районного центра, часть заработной платы сельхозпредприятие выплатило картофелем и свеклой. В итоге он пытался продать овощи, чтобы иметь деньги для приобретения в магазине товаров и спиртного.

В оленеводческие бригады на лето иногда приезжают родственники оленеводов из села. В основе этой практики – поддержание связей для обеспечения пищевой безопасности (food security). Бывшие оленеводы перемещаются на время в тундру, устанавливая тем самым связь между двумя различными локальностями (село – стойбище) и поддерживая социальную связь с действующими оленеводами. Результатом этих связей является доступ к ресурсам тундры, необходимый для выживания в селе.

Периоды отъезда из тундры ограничиваются временем после посадки картофеля и до начала сбора урожая. Как оказалось, люди, выезжающие в тундру, выращивают в основном только картофель, так как за другими овощами в течение лета они ухаживать не могут. Возвращаясь в село, летние тундровики собирают урожай и затем с «совхозным» вездеходом в течение осени и зимы отправляют оленеводам понемногу овощей. Взамен они получают из тундры оленьё мясо. В настоящее время обмена между оленеводами и морзверобоями трансформировались и уже не существуют в описанной в классических этнографических трудах форме. Появились другие варианты обмена, но смысл этих обменов – кооперация людей, практикующих различные формы хозяйства и имеющих различные продукты и предметы, – сохранился.

«Кымчек-қоранмат не делаем!»: диффузия обрядностей

С чукотского языка на русский *кымчек-қоранмат* можно перевести как «жертвенный убой оленей, посвященный картофелю»⁸. Это была шутка моей собеседницы Марины в ответ на вопрос о том, совершают ли в Ваегах какие-либо обряды, направленные на увеличение урожая. *«Нет, этого не делаем. Мы же оленеводы, у нас свои обычаи, Килвэй, вот еще несколько в течение года»*, – сказала Марина, выдергивая с грядки свеклу.

Во время пребывания в селе Ваеги мне все же удалось зафиксировать две небольшие традиции, связанные с плодородием. Так называемое шевеление направлено на защиту первых всходов и связано с земледельческой магией. *«После посадки [картофеля], когда росточек появляется, самый-самый первый, надо его “пошевелить”»* (ПМА. Ирина, ж., 1982 г. р., чукчанка). *«Первый раз говорят “пошевелили”. Когда посадили [овоци], там землю чуть-чуть пошевелить надо. Как будто она... Это вот так как-то... Все говорили, и мы так. Куда? Вот сегодня надо пошевелить. Вот так вот. Принято так»* (ПМА. Елена, ж., 1956 г. р., чукчанка).

После уборки урожая существует обычай «кормить» землю: *«У меня отец так делал... Все, убрали картошку – и он идет кормить. Жир берет и кладет в землю. Олений жир. Как бы землю кормит. Я тоже сейчас так делаю. Чтобы на следующий год все хорошо было. Картошка была»* (ПМА. Валентина, ж., 1959 г. р., чукчанка). Подобное взаимодействие с объектами природы и духами, которые населяют пространство, характерно для чукчей. В данном случае «старый» обычай приобрел новую окраску.

Ситуация с обрядовой сферой в селе Ваеги оказалась похожей на описанную К. Клоковым в селе Мейныпильгыно: несмотря на отсутствие оленей, бывшие оленеводы продолжают выполнять в селе ритуалы, характерные для оленеводческого цикла (Klokov 2018). Обрядность, связанная с поддержанием жизни и благополучия сообщества оленеводческого стойбища, частично переместилась в село. Из перечисленных исследователем и уроженцем села Ваеги В. Нувано праздников и обрядов, проводившихся в прошлом ваежскими оленеводами в течение года (Нувано 2021), я зафиксировала четыре похожих ритуальных действия. Согласно обобщенной информации от местных жителей, в селе проводятся весенний Килвэй, летний Ваамқанмат / Ваамқоранмат, осенний Ваамқоранмат и зимний сборный праздник Пэгытти. Также в августе в селе проводят обряд первой рыбы Кыннэвэт (Ярзуткина 2021).

Многие жители села так или иначе связаны с людьми из оленеводческих бригад и общаются с ними посредством рации в течение года. Однако время проведения обрядов не соотносится с событиями в оле-

неводстве – например, с реальным забоем оленей. Обрядовый календарь кочевников и оседлых жителей села различается, но осмысливается как единая оленеводческая культура. Бывшие оленеводы говорят: «...мы примерно же знаем, когда нужно проводить, вот и идем» (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча); «...наблюдаем за природой и вот знаем, когда нужно покормить, поблагодарить» (ПМА. Светлана, ж., 1966 г. р., чукчанка).

Праздник *Килвэй* институционализировался еще в советское время и проводится в конце апреля по сценарию сотрудниками местного Дома культуры на площади перед администрацией. Жертвоприношение «заменителей» оленя (белой бусины и оленьей колбасы *porat*), а также некоторые локальные особенности, такие как обход детьми по часовой стрелке всех присутствующих с криками «аув-аув», разбрасывание ими кусочков мяса с костным маслом и заячьего пуха, включены в сценарий праздника⁹. Остальные обряды совершаются отдельно семьями или родственными группами, в которые могут входить не только чукчи, но также ламуты и чуванцы.

Праздник *Пэгытти*, в прошлом посвященный «кормлению» звезды Альтаир в созвездии Орла и совершаемый в день зимнего солнцестояния (Богораз 2011: 77), проводится в селе Ваеги некоторыми родственными группами 1 января. Обряд *Ваамқоранмат* также проводится семейными и родственными группами два раза в год и привязан к ледоходу и ледоставу на реке. Как сказал один из наших информантов, обряд совершают, «как только река начинает кочевать» (ПМА. Владимир, м., 1950 г. р., чукча). Знаковыми в процессе всех трех обрядов являются приготовление и разбрызгивание каши из оленьей крови, жертвоприношение «заменителей» оленя (*porata*, сушеной кишки, *юколы*, бусин, тюленьей шкурки), «кормление» домашних святынь, пускание модели лодочки по реке, вынесение из дома огня, бега и раздача призов.

Обряды, наполненные символическими действиями, имели большое значение в тундре, в оленеводческом стойбище: они были вплетены в комплекс приручения и сохранения оленей и защиты одомашненного пространства (Вате 2021). Там функция ритуала была тесно связана с хозяйством. Имелся целый набор символических действий, направленных на достижение хорошего «урожая» оленей. В селе этот комплекс обрядов и праздников, относимых ваежцами к оленеводческим, трансформировался, но сохранился, по мнению К. Клокова, для того, чтобы обеспечить равновесие в ландшафте и организовать местное сообщество (Клоков 2021). С этнографической точки зрения получилась путаница: приоритетными видами хозяйственной деятельности являются овощеводство и рыболовство, а ритуальный цикл «перекочевал» в село из оленеводства. Фактически же символические действия смешались с хозяйственными. Одна из жительниц Ваег сказала: «Надо обязательно

[обряды] делать... Если всё соблюдать будешь, то всё будет – и в огороде, и везде. Главное – все соблюдать. И благодарить надо. Природа все дает» (ПМА. Светлана, ж., 1966 г. р., чукчанка). Полифункциональные обряды и ритуальные действия, практикуемые в стойбище, в условиях села сохранили задачу поддержания благополучия сообщества, в том числе за счет обеспечения плодородия земли и успеха в овощеводстве.

Ваежская антиномия: вместо заключения

Перед самым моим отъездом из села Ваеги, когда картофель складывали в погреба на хранение и люди готовились к сбору урожая капусты, один бывший оленевод, с которым мы вместе ходили в местное овощехранилище, сказал мне: *«Знаешь, когда я смотрю на всю эту картошку, на всю эту кучу, я представляю, что это олени; большое-большое стадо оленей»* (рис. 3).

Рис. 3. Овощехранилище в селе Ваеги после уборки картофеля.
2019 г. Фото автора

В его словах одновременно были и печальное сожаление и гордость. Эта противоречивость наблюдалась во всем. Но вместе с тем было некое органичное единство: овоще(олене)водство стало для Ваег особым способом организации жизни. Оленеводы «кочуют» из тундры в село, чтобы посадить и убрать картофель. Сельчане, часть года проводящие в стойбищах, подстраивают свои ритмы кочевания–оседлости и перемещения тундра–село под овощеводческий календарь. Между оленеводами и овощеводами существуют незримые связи и вполне «зримые» обмены. Оленеводческие жертвоприношения влияют на будущий урожай овощей. Все это демонстрирует пример единства изначального противоречия кочевого и оседлого. В условиях удаленности и труднодоступности, связанных с этим дефицита продуктов и ограничения возможностей люди ищут новые способы обеспечения пищевыми продуктами, «встраивая» их в имеющуюся инфраструктуру (см.: Давыдова, Давыдов 2021).

Климатические условия и почва позволили ваежцам производить пищевой ресурс способом, недоступным для жителей других поселений. При отсутствии традиции люди освоили овощеводство, находя оптимальные пути для производства необходимого пищевого ресурса. Рискованное из-за климатических условий земледелие сосуществовало с рискованным из-за социально-экономических потрясений оленеводством. В настоящее время ни тот ни другой вид хозяйствования не способен полностью обеспечить потребности людей. За счет объединения у жителей появилось больше возможностей автономизации – производства необходимого пищевого ресурса вне зависимости от перебоев внешнего снабжения и его недостатков. Гибридность форм хозяйствования явилась результатом потребности людей в пищевой безопасности. Противоречивые по своей сути и взаимоисключающие формы организации жизни – оленеводство и овощеводство – оказались в Ваегах одинаково важными.

Примечания

¹ В частности, в статье указывается национальность «ламут». Ваежских эвенов обижает этническое название «эвен», и они считают более правильным называться ламутами. Идентичность человека фиксировалась исключительно с его слов.

² Под другими национальностями в муниципалитете числятся русские, калмыки, украинцы, буряты, казахи, якуты, алтайцы, татары, немцы.

³ С 30-х гг. XX в. на Чукотке работал Марковский опытный пункт Института полярного земледелия.

⁴ Множественные темпоральности описаны у Н.В. Ссорина-Чайкова (Ssorin-Chaikov 2017)

⁵ Я познакомилась еще с одной женщиной – Анной, 1972 г. р., работницей другой бригады, приехавшей в село чуть позже Нины. У нее также имеется свой огород, за которым следят ее родственники, постоянно проживающие в Ваегах. Поводом для приезда стала уборка урожая.

⁶ Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 01.04.2015 № 205 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии на возмещение затрат на закупку у населения картофеля и овощей» (в ред. от 20.12.2018 № 423).

⁷ Картофель входит в перечень социально значимых продуктов на Чукотке, и его стоимость в муниципальных торговых предприятиях фиксированная, а именно она не должна превышать 75 рублей за 1 кг. Расходы на закупку и доставку картофеля, в случае если они превышают фиксированную цену, компенсируются предприятию из муниципального бюджета.

⁸ *Кымчек, кымчекылгын, кымчекын* – съедобный корень, картофель (Молл, Инэнликэй 2005: 60; Венстен 2018: 687). Слово «*қоранмат*» употреблено по аналогии с обрядами «*Ваамқоранмат*» (чук. букв. «забой реке», «убой оленя реке, воде»). Основой употребляемого в нашем случае слова «*қоранмат*» является *қоранматык/қаанматык* – «убивать оленя»; *қоранмык/қаанмык* – «убить оленя (для кого-либо)» (Молл, Инэнликэй 2005: 67, 71).

⁹ По моим наблюдениям, сценарии популярных праздников, таких как Килвэй, Пэгытти, Тиркитаарон, организуемых в сельских и поселковых домах культуры, различаются в деталях. Наличие тех или иных элементов зависит от конкретных сотрудников, которые проводят данные мероприятия, от опыта их участия в обрядах, проводимых в тундре. Часто эти люди на свое усмотрение включают/исключают какие-то элементы.

Источники

- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3а. Протоколы Ваегского сельского совета депутатов трудящихся Марковского района. 1949–1953 гг.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 24. Экономическая справка Анадырской земэкспедиции МСХ РСФСР к проекту землеустройства колхозов Марковского района. 1935–1951 гг.
- Полевые материалы автора (ПМА). Ваеги, июль 2006, август–сентябрь 2019.
- Народы Чукотки // Официальный сайт Ассоциации коренных народов Чукотки. URL: <http://www.narodychukotki.ru/index.php/component/content/article/8-novosti/257-istoriya-assotsiatsii-kmnch.html>

Литература

- Аничкова О.М. Последний якорь идентичности. Современные оленеводы на Чукотке // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 2. С. 36–49.
- Богораз В.Г. Чукчи: религия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- Вате В. Возвращение к чукотским духам // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 55–75.
- Вдовин И.С. Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сборник. М.: Издательство АН СССР, 1962. Т. IV. С. 153–164.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965.
- Венстен Ш. Чукотско-французско-англо-русский словарь. Т. 1. Анадырь; Санкт-Петербург: Лема, 2018.
- Головнёв А.В., Куканов Д.А., Первалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Грей П.А. «О вкусе хлеба мы уже забыли»: обеспечение чукотского села в постсоветский период // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 21–36.
- Давыдов В.Н. Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северном Байкале // Этнография. 2018. № 2. С. 46–66.

- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Микроинфраструктура подсобного хозяйства на Чукотке: яранги, контейнеры и теплицы // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 76–93.
- История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / под общ. ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987.
- Клоков К.Б. Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 37–54.
- Молл Т.А., Инэликей П.И. Чукотско-русский словарь. СПб.: Просвещение, 2005.
- Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010.
- Нувано В.Н. Традиционный хозяйственный цикл ваежских оленеводов: 1980-е – начало 2000-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 2(30). С. 145–154.
- Нувано В.Н. Этнотерриториальная группа «ваежские чукчи» // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт наследия – ГЕОС, 2008. С. 78–84.
- Шарыпова А.Н. Чукотка – судьба моя. СПб.: Лема, 2017.
- Ярзуткина А.А. Обряд первой рыбы у некоторых групп чукчей // Проблемы современного социокультурного пространства: вызовы и риски: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2021. С. 13–15.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // Polar Research. 2000. Vol. 19, No. 1. P. 31–38.
- Klokov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017 // Arctic Anthropology. 2018. Vol. 55, № 2. P. 117–133.
- Ssorin-Chaikov N.V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago, 2017.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Vegetable and reindeer husbandry in the Chukotka village of Vaegi

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/7

Anastasiia A. Yarzutkina, Chukotka branch of North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19-09-00268)

Abstract. Unlike reindeer husbandry, vegetable farming is an exotic activity in Chukotka. Arctic lands are considered unsuitable for growing crops due to permafrost and extreme climate conditions. On the Chukchi Peninsula, open-field vegetable farming is practiced only in two out of 45 settlements. One of these settlements is the Chukchi village of Vaegi. This article examines how the indigenous people of Chukotka, former reindeer herders, have adapted to growing potatoes, cabbage and other vegetables. The transition of nomadic communities to a settled lifestyle is analysed along with changes in their perception of calendar cycles and rituals. For many residents, a hybridization of economic practices is observed. Economic reasons and changed dietary habits have made vegetable and reindeer husbandry equally important to the survival of the village.

Keywords: economic practices, agriculture, reindeer husbandry, indigenous people, Chukotka, Arctic

References

- Anichkova O.M. Poslednii iakor' identichnosti. Sovremennye olenevody na Chukotke [The Last Anchor of Identity. Modern Reindeer Herders in Chukotka], *Tradicionnaia kul'tura*, 2019, vol. 20, no 2, pp. 36–49.
- Bogoraz V.G. *Chukchi: religiia* [Chukchi: Religion]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011.
- Davydov V.N. Strategii ispolzovaniia prostranstva i rezhimy avtonomnosti: otnosheniia evenkov i gosudarstva na Severnom Baikale [Strategies for Using Space and the Regime of Autonomy: Relations between the Evenks and the State on Northern Baikal]. *Etnografiya*, 2018, vol. 2, pp. 46–66.
- Davydova E.A., Davydov V.N. Mikroinfrastruktura podsobnogo khoziaistva na Chukotke: iarangi, konteynery i teplitsy [Household Microinfrastructure in Chukotka: Yarangas, Containers and Greenhouses], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021, vol. 4, pp. 76–93.
- Golovniiov A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: an Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Gray P.A. «O vkuse hleba my uzhe забыли»: obespechenie chukotskogo sela v postsovetsskii period ["We have already forgotten about the taste of bread": provision of the Chukotka village in the post-Soviet period], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 21–36.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 31–38.
- Istoriia i kul'tura chukchei. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Chukchi History and Culture. Historical and Ethnographic Essays]. Ed. A.I. Krushanov. Leningrad: Nauka, 1987.
- Klovov K. Substitution and Continuity in Southern Chukotka Traditional Rituals: A Case Study from Meinypilgyno Village, 2016–2017, *Arctic Anthropology*, 2018, vol. 55(2), pp. 117–133.
- Klovov K.B. Etnokulturnyi landschaft chukchei sela Meinypilgyno [Ethnocultural Landscape of the Chukchi of the Village of Meinypilgyno], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 37–54.
- Moll T.A., Inenlikei P.I. *Chukotsko-russkii slovar* [Chukchi-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2005.
- Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia]. Ed. E.P. Bat'ianova, V.A. Turaev. Moscow: Nauka, 2010.
- Nuvano V.N. Etnoterritorialnaia gruppа «vaezhskie chukchi» [Ethno-Territorial Group "Vayezhsky Chukchi"]. In: *Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [Along the path of Bogoraz. Scientific and literary materials]. Moscow: Institut nasledii – GEOS, 2008, pp. 78–84.
- Nuvano V.N. Traditsionnyi hoziaistvennyi tsikl vaezhskikh olenevodov: 1980-e – nachalo 2000-h gg. [The Traditional Economic Cycle of the Vayeg's Reindeer Herders: 1980s – early 2000s], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Istoricheskie nauki*, 2021, vol. 8 (2(30)), pp. 145–154.
- Sharypova A.N. *Chukotka – sudba moia* [Chukotka is my Destiny]. St. Petersburg: Lema, 2017.
- Ssorin-Chaikov N.V. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2017.
- Vate V. *Vozvrashchenie k chukotskim duham* [Revisiting Chukchi Spirits], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2021 vol. 4, pp. 55–75.
- Vdovin I.S. Vaezhskie chukchi [The Vayeg Chukchis]. *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographical Volume]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 1962, pp. 153–164.

-
- Vdovin I.S. *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow: Nauka, 1965.
- Vensten S.H. *Chukotsko-francuzsko-anglo-russkii slovar* [Chukchi-French-English-Russian Dictionary], vol. 1. Anadyr; SPb.: Lema, 2018.
- Yarzutkina A.A. Obriad pervoi ryby u nekotorykh grupp chukchei [The Rite of the First Fish among some Groups of Chukchi]. In: *Problemy sovremennogo sotsiokul'turnogo prost-
ranstva: vyzovy i riski* [Problems of Modern Socio-Cultural Space: Challenges and
Risks]: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Astrahan': Izd. dom
«Astrahanskii universitet», 2021, pp. 13–15.

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*(отв. ред. специальной темы номера –
П. Куприянов, Н. Ломакин, В. Склез, А. Соколова)*

УДК 304.2

DOI: 10.17223/2312461X/34/8

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Павел Сергеевич Куприянов,
Анна Дмитриевна Соколова

Аннотация. Введение к специальной теме номера посвящено памяти и забвению в современных исследованиях. В подборку вошли статьи участников конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», которая прошла 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 г. онлайн на базе Института экологии и антропологии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Рассмотрены основные подходы к изучению феномена забвения. Дана краткая характеристика публикуемых статей.

Ключевые слова: память, забвение, советское, культурный ресайклинг

Данный блок статей составлен по результатам работы конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», которая прошла 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 г. онлайн на базе Института экологии и антропологии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук**. Эта конференция задумывалась нами помимо прочего как площадка для разговора о забвении и была призвана восполнить ощутимый недостаток исследовательской дискуссии по этой теме. Хотя данная идея была открыто сформулирована в информационном письме, а информация о конференции имела большой отклик, и мы получили около 200 заявок, подавляющее большинство из них, к нашему удивлению, не было сфокусировано на забвении. Они были связаны с проблематикой памяти и (или) воспоминаний, но забвение как таковое, хотя и присутствовало в докладах, крайне редко оказывалось в центре внимания. Этому может быть несколько объяснений.

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

** С материалами конференции можно ознакомиться на сайте <http://oblivionconf.tilda.ws/>

Во-первых, возможно, мы плохо сформулировали свой замысел. Во-вторых, можно допустить, что такое отсутствие интереса к проблематике забвения — отличительная черта отечественного мемориального дискурса. Наконец, очень вероятно, что причина кроется в специфике самого предмета. Нисколько не исключая первых двух версий, мы все же склоняемся к тому, что проблема в самом феномене забвения.

В самом деле, разговор о забвении сегодня может выглядеть неожиданным. Мемориальный бум, начавшийся в гуманитарных и социальных науках в последние десятилетия прошлого века, кажется, пока не думает прекращаться, и более того, распространяется далеко за академические пределы, давно захватив публичную сферу. Эти общие тенденции в полной мере относятся и к России, где в последние годы можно наблюдать неугасающий интерес, озабоченность, а порой и одержимость (пользуясь термином А. Ассман) памятью. Возникают все новые и новые цифровые архивы воспоминаний, разнообразные образовательные проекты — школы, мастерские и лаборатории по работе с семейной и локальной памятью и наследием, создаются государственные и частные музеи, направленные на сохранение памяти о тех или иных событиях и явлениях, городские пространства насыщаются памятными знаками — от табличек «Последнего адреса» до новых скульптурных мемориалов. Вдоль автотрасс появляются билборды с указанием мест значимых исторических событий. Отдельные проекты вроде Бессмертного полка, возникнув как низовая инициатива небольшой группы активистов, стремительно приобретают исключительное общественное значение и становятся всенародными. Наконец, вокруг наиболее проблемных явлений отечественной истории (таких как Великая Отечественная война или сталинские репрессии) продолжаются «войны памяти» между разными общественными группами, институтами и государством, порой имеющие серьезные институциональные последствия. Одним словом, память очевидно является актуальной и чувствительной темой, уверенно присутствующей в общественно-политической повестке. И на этом фоне тема забвения выглядит неуместной, курьезной, а то и провокационной.

Однако все эти мемориальные инициативы очевидным образом направлены на сохранение/возрождение/защиту памяти — иными словами, на борьбу против/противостояние/предупреждение забвения и беспамятства. Стало быть, сама озабоченность памятью косвенно свидетельствует об актуальности забвения (как ее главной и насущной угрозы). В этом смысле время памяти оказывается одновременно и временем забвения.

На этот парадокс в свое время указывал Пол Коннертон. Отметив бесконечное производство книг и статей по культурной памяти, он уподобил его «постоянно нарастающей лихорадке» и говорил в связи с

этим об окружающей нас культуре *гипермнезии*. В то же время, обращаясь к различным сферам современной жизни (от производственных отношений до потребительских практик), он обнаруживал, что забвение неизменно присутствует и по-разному проявляется в каждой из них, и приходил к выводу, что «мы живем в *пост-мнемонической*, забывающей культуре» (курсив наш. – П.К., А.С.) (Connerton 2009: 146).

Неразрывная связь забвения и памятования устойчиво осмысливается разными авторами как очевидная базовая оппозиция, встроенная в язык и определяющая мышление: одно всегда противоположно другому (Ассман 2019: 12, 191). При этом подавляющее большинство работ, исследующих память, посвящены лишь одному из двух членов оппозиции – памятованию. Забвение удостоивается специального внимания гораздо реже. К тому же в этом противопоставлении оно привычно рассматривается как негативный полюс: память – это хорошо, а забвение – плохо.

Возможно, по этой причине разговор о забвении часто направлен на его реабилитацию. Этот «оправдательный» дискурс имеет довольно давнюю традицию и включает две линии рассуждения. Первая состоит в том, что именно забывание представляет собой нормативный модус существования человека и общества, тогда как памятование – напротив, является исключением, требующим специальных условий и усилий. Апологию забвения как механизма, обеспечивающего функционирование и развитие, обычно возводят к Ф. Ницше и его эссе 1874 г. «О пользе и вреде истории для жизни» (Сафронова 2019: 151), но нередко упоминают и гораздо более ранних авторов, отмечавших необходимость избавления от излишнего знания и отбора информации, таких как М. Монтень (Ассман 2019: 41–42) или Ф. Рабле (Connerton 2008: 65). Эта идея о естественности и функциональности забвения дополняется отрицанием его безусловно негативной оценки: авторы приводят примеры «позитивного», «конструктивного», «хорошего» забвения, такого, которое помогает обществу преодолевать травматичные события, достигать консенсуса после разобщения, формировать новую идентичность, забвения, которое служит основой для художественного творчества и интеллектуальных инноваций (Connerton 2008: 61–62; Ассман 2019: 51–59).

Попытки отделить «хорошее» забвение от «плохого», закрепив специальные категории за тем и другим, отражают общее стремление типологизировать забвение, выделив его виды, формы, фигуры, техники. Настойчивость, с которой эта интеллектуальная процедура раз за разом осуществляется разными авторами даже в лаконичных теоретических текстах (Auge 2004; Connerton 2008), выглядит как отчаянная попытка рационального освоения странного и противоречивого феномена.

Похоже, тем же объясняется обилие тропов и метафор, к которым прибегают исследователи для описания забвения. Здесь можно встре-

тить самые разные образы, от горизонта и морского берега до чердака и магазина. Забвение может уподобляться отмиранию клеток в живом организме (Ассман 2019: 28), а может – ...чиханию (Connerton 2008: 65–66). Обращаясь к образу сада, М. Оже находит сходства забвения не только с удалением сорняков и обрезкой растений, но и с самой трансформацией растения в процессе жизненного цикла, усматривая в цветке «забвение семени» (Auge 2004: 17). А. Ассман в своей книге «Формы забвения» то и дело возвращается к барочной эмблеме «*Periit Pars Maxima*» («Наибольшая часть утрачивается») с изображением «дождя знаний», изливающегося из книги и лишь частично попадающего в сосуд с узким горлом – с помощью этого образа исследовательница описывает разные аспекты рассматриваемого феномена (Ассман 2019: 13, 25–26, 39, 175). Такая метафоричность текстов про забвение, редкая для академического повествования, конечно, придает им особую выразительность и одновременно, как нам представляется, свидетельствует о недостаточности аналитического языка для полноценного описания исследуемого феномена. Забвение как будто «ускользает» от рационального схватывания, и неэффективность стандартных аналитических инструментов заставляет исследователей обращаться к художественным средствам.

Словом, при всей своей актуальности забвение оказывается довольно сложным для анализа и описания предметом, и это обстоятельство, вероятно, не в последнюю очередь объясняет непопулярность данной проблематики у исследователей, в том числе, у участников нашей конференции. Вместе с тем неотделимость забывания от памятования (кажущаяся или действительная) делает воспоминание не только ширмой, скрывающей забвение от исследовательского взгляда, но и ключом, открывающим доступ к нему (и это еще одна метафора).

Опираясь на наблюдения предшественников и поддерживая сложившуюся метафорическую традицию, можно представить забывание и воспоминание как единый универсальный *механизм фильтрации и отбора* информации, при котором оба упомянутых действия составляют фактически один общий процесс: всякое воспоминание (чего-то одного) есть по необходимости забвение (чего-то другого); восстанавливая в памяти одни события и факты, мы автоматически опускаем/игнорируем/отбрасываем другие. А это значит, что воспоминание может многое рассказать и о забвении.

Такая концептуализация ставит в центр внимания сам процесс отбора и сортировки информации. Каковы принципы работы этого механизма? Как происходит этот отбор? Какие факторы – культурные, социальные, коммуникативные, политические, психологические и другие – определяют, что и как будет «вспомнено», а что – забыто? Как конкурируют между собой разные фильтры, как выстраиваются прио-

ритеты, как согласуются разные версии отобранного материала? Это те вопросы, которые объединяют представленные ниже статьи.

Алейда Ассман замечает, что наиболее продуктивно исследовать процесс забвения в двух фазах: забывания и воспоминания, «когда нечто погружается в забвение или же возвращается из него» (Ассман 2019: 25). Статьи, вошедшие в настоящую подборку, вполне соответствуют данному подходу: они посвящены тому, как наши современники вспоминают советское прошлое, тому, как однажды забытое по той или иной причине вновь приобретает актуальность.

В каждом из представленных текстов проявляются разные функции и разная прагматика забвения и воспоминания. **Галина Янковская** анализирует память о советских гидроэнергетических проектах и сосредоточивает свое внимание на тех аспектах их реализации, которые находились вне публичного обсуждения в советское время, но вспоминаются и приобретают особую актуальность в наши дни. Речь идет о таких негативных последствиях гидростроительства, как затопление территорий, изменение ландшафта, массовые переселения и разрушение историко-культурного наследия. Сегодня для разговора об этом «неудобном прошлом» используются такие современные практики, как экологический и политический активизм или экологический туризм и развитие территорий. Таким образом, вспоминаемое «советское», по сути, создается заново, получает голос, воплощается в новые формы активизма, не мыслимые в советское время.

Обращение к советскому часто служит средством продвижения нового через актуализацию или оправдание старого. Такого рода использование прошлого имеет в некотором смысле взаимно противоположную прагматику. Так, **Светлана Маслинская**, анализируя причудливые трансформации советских текстов о пионерах-героях в современной культуре, показывает, как в последние два десятилетия на фоне новой волны интереса к военной героике происходит возрождение культа детского героизма, оторванного, однако, от ритуального контекста советского периода. Мы видим, как через возвращение памяти о пионерах-героях отдельные элементы советского дискурса вновь становятся востребованными, но уже в измененном виде: современные образы пионеров-героев теряют прежнюю достоверность и обретают эпические черты.

Юлия Секушина исследует совсем иной опыт обращения к советскому прошлому: в центре ее внимания то, как советские бытовые привычки, связанные часто с естественными ограничениями периода жесткого дефицита, переосмыслиются в контексте современного дискурса осознанного потребления. Она показывает, как в ходе адаптации памяти о советских повседневных и хозяйственных практиках в рамках современной парадигмы zero-waste, советское прошлое десемантизирует-

ся, деполитизируется и в конечном счете переизобретается, чтобы быть включенным в актуальную повестку и стать частью принципиально нового явления.

Случаи использования, переосмысления, переизобретения прошлого, разбираемые в последних двух статьях, рассматриваются авторами сквозь призму популярной концепции культурного ресайклинга (Luehrmann 2005). Адаптируя это понятие к своему материалу, Юлия Секушина предлагает понимать его как концептуальную рамку, помогающую «объяснить, что люди делают с “ненужным” или “отвергнутым” прошлым». Нам представляется, что в такой интерпретации понятие ресайклинга может быть распространено не только на героическую детскую литературу или экопривычки, но и на некоторые другие кейсы, анализируемые в данной подборке. Да и в целом идея концептуализации памяти через понятие ресайклинга представляется, во-первых, очень созвучной предложенной «механической» модели забывания/вспоминания, а во-вторых, весьма конструктивной и плодотворной, главным образом, потому что предлагает видеть в воспоминании не реконструкцию, не восстановление утраченного в прежнем виде, а его пересборку, осуществляемую «под актуальные запросы», в соответствии с нынешними обстоятельствами и потребностями. Наконец, сама по себе весьма образная идея ресайклинга не может не стать источником новых метафор, описывающих ускользающее забвение.

Литература

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Auge M. Oblivion / translation Marjolijn de Jager. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
- Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71.
- Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009.
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El // Religion, State and Society. 2005. № 33 (1). P. 35–56.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

Forgetting and Remembering: Memories of the Soviet Past in Contemporary Research
Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya
DOI: 10.17223/2312461X/34/8

Pavel S. Kupriyanov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru

Anna D. Sokolova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadsokolova@gmail.com

The research was supported by the Russian Science Foundation's project No 19-78-10076.

Abstract. The paper is an introduction to the special issue on memory and oblivion in modern research. The selection of papers includes proceedings of the conference “To Forget and to Recall: Forms and Boundaries of Soviet Memory”, which took place on 1, 3, 5 and 6 February 2021 online on the basis of the IEA RAS and MSSSES. This paper examines the main approaches to the study of oblivion and provides a brief description of the articles included in the selection.

Keywords: memory, oblivion, soviet, cultural recycling

References

- Assmann A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Compiled, translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Safronova Iu.A. *Istoricheskaiia pamiat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical Memory: An Introduction: A Study Guide]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019.
- Auge M. *Oblivion* / Translation Marjolijn de Jager. London and Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
- Connerton P. Seven types of forgetting, *Memory Studies*, 2008, no. 1, pp. 59–71.
- Connerton P. *How Modernity Forgets*. Cambridge University Press, 2009.
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El, *Religion, State and Society*, 2005, no. 33(1), pp. 35–56.

УДК 304.2

DOI: 10.17223/2312461X/34/9

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКИХ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ: ФОРМАТЫ И ПРАКТИКИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ*

Галина Александровна Янковская

Аннотация. Рассматривается современная ситуация с коммеморацией негативных последствий гидроэнергетических проектов, реализованных в советской и современной России (изменение ландшафта, массовые переселения, затопление территорий, разрушение историко-культурного наследия). В ряде регионов, столкнувшихся в свое время с проблемами такого рода, в первые десятилетия XXI в. формируется новая мемориальная культура. Для нее характерны следующие форматы и тенденции: персональный пассионарный активизм, трансрегиональные взаимодействия и групповые проекты; визуальное обозначение затопленных территорий и культовых построек в форме памятных знаков и сооружений; поддержка мемориальных проектов со стороны государственных структур, благотворительных фондов, религиозных организаций; монетизация мемориальных инициатив за счет их трансформации в объекты туристического интереса, включение мест затоплений в индустрию экономики впечатлений. В коммеморацию последствий гидроэнергетических проектов вовлекаются представители современного искусства, для которого характерен интерес к вопросам коллективной памяти и забвения. Широкая доступность цифровых инструментов позволяет включаться в мемориальную работу непрофессиональным историкам, свидетелям и их потомкам. Интернет-площадки становятся для мемориальных сообществ местом памяти и коммуникации.

Ключевые слова: ГЭС, зона затопления, Камское море, мемориальная культура, советские Атлантиды, мемориальные сообщества

XX столетие может быть названо не только веком советского эксперимента, но и веком гидроэнергетики. В этот век в разных странах и регионах было построено более 45 тыс. крупных плотин. Они возводились для водоснабжения городов, орошения сельскохозяйственных земель, бытового и промышленного использования, выработки электроэнергии, для регулирования водного режима рек, направленного на сглаживание половодья и паводков. Плотины также изменяли конфигурацию и положение русел рек, влияли на доступ людей к водным ресурсам, оказывая в итоге значительное воздействие на их жизнь и окружающую среду (Плотины и развитие 2009: 10). Гидростроительство и сегодня является востребованным вариантом решения проблем энергодефицита во многих

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

странах, в том числе и в России. Поэтому вопрос о гуманитарных, социальных и экологических аспектах гидроэнергетических проектов остается актуальным. Строительство гидроэлектростанций сопровождается трансформациями ландшафтов, вынужденными миграциями населения. При строительстве искусственных гидросистем и водохранилищ неизбежно происходит затопление обжитых районов, а также безвозвратные утраты археологических памятников и другого историко-культурного наследия. Меняется идентичность жителей территорий, испытавших столь радикальное антропогенное воздействие.

Социальная и культурная история электричества неотделима от вопросов иерархии и власти, от политического измерения технологий. Право на свет (подключение к электросетям, иллюминацию событий и территорий) нередко определяется имущественным и социальным статусом, местом в системе политической иерархии, символическим весом человека, сообщества, группы. Политически и социально детерминированными оказываются и процессы забывания/памятования о технологических зачистках территорий и массовых затоплениях обжитых районов при возведении ГЭС.

В СССР информация об этих аспектах гидростроительства длительное время не допускалась к публичному/медийному обсуждению, цензурировалась, засекречивалась. Идеи покорения природы, приоритета государственного интереса над интересами человека наполняли советский дискурс «укрощения рек» во имя строительства социализма. В символическом мире позднего советского общества антитезой этой риторике и символом конфликта «власть vs человек», «технологическая модернизация vs традиция» стала повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой», опубликованная в 1976 г. (Разувалова 2015; Рябов 2020). Критическая рефлексия о цене гидроэнергетики стала публичной.

1980-е – первая половина 1990-х гг. – период жесткой критики последствий строительства ГЭС, в первую очередь с точки зрения экологической повестки (Залепухин 2018). По неполным данным, за 1988 г. было опубликовано 60 текстов различного характера, за 1989 г. – 152, за январь–апрель 1990 г. – 54 работы по этой проблематике. Более половины из них звучали резко критически (История Гидропроекта 2000: 315). Крайней формой осуждения последствий строительства больших гидроэнергетических плотин становится полное отрицание каких-либо позитивных сторон этих проектов. Так, слоган «Реки – источник жизни, а не электричества» объединяет негационистов гидроэнергетики вокруг интернет-портала «Плотина.Нет» (Плотины и развитие... 2009). В консервативно-монархических сообществах критику ГЭС порой соотносят с социалистическим экспериментом в целом, сравнивают советские гидроэнергетические проекты с варварством и социальной катастрофой (Иго-рев).

Конфликт интересов жителей затопляемой территории и интересов государства сегодня усугубляется еще и интересами большого бизнеса. Не случайно корпорация «Русгидро» в своих учебно-методических изданиях фактически воспроизводит советский дискурс экономической целесообразности и эффективности гидроэнергетики. В корпоративных публикациях на тему возведения ГЭС однозначно отдается приоритет интересам государства, которое, по мнению авторов таких текстов, в советский период «имело возможности концентрировать финансовые и трудовые ресурсы на строительстве сверхмощных объектов, быстро решать вопросы с выделением земель под зону затопления и переселением большого количества людей» (Слива 2014: 296). В риторике большого бизнеса грандиозность задач комплексного переустройства речных систем вновь затмевает собой истории людей, пострадавших от реализации этих планов.

Тема утраты малой родины и вынужденного в связи с гидростроительством переселения по-прежнему остается актуальной для многих жителей России. Реалии переселенческих историй, связанных со строительством Богучанской ГЭС, например, послужили исторической канвой для романа «Зона затопления» Р. Сечина, который противопоставляется/сопоставляется с повестью В. Распутина (Сенчин 2015; Ковтун 2017). Метафора Атлантиды (Волжской, Камской, Ангарской, Обской и т.д.) стала тропом повествований о последствиях строительства ГЭС (Кузнецов). В разных российских регионах по разным сценариям и с разной степенью интенсивности актуализируется тема забвения или невнимания к антропологическим аспектам больших гидроэнергетических проектов, судьбам вынужденных переселенцев.

Далее рассматриваются некоторые форматы пробуждения памяти о затопленных территориях в современном российском обществе, выявляются практики памятования о переселенческом опыте людей, выселенных из родных мест в результате гидростроительства.

Зоны затопления: регионы и локусы

Драма затопления населенных территорий коснулась жителей многих регионов СССР и современной России. Проблемы, порожденные необходимостью очистки территорий будущих водохранилищ при возведении ГЭС, имеют трансрегиональный характер.

Так, при строительстве ДнепроГЭСа в начале 1930-х гг. было затоплено 16 тыс. га земель, на которых располагались 56 населенных пунктов. При формировании Рыбинского водохранилища был полностью затоплен город Молога, частично ушли под воду города Весьегонск, Мышкин, Пошехонье, Череповец. Общее количество переселенцев в Ярославской области составило не менее 130 тыс. человек. С 1936 по 1941 г. в этой области были переселены жители 545 населенных пунк-

тов (Кузнецова). На дне «Рыбинского моря» оказались около 100 храмов и часовен и три монастыря.

В зону затопления Куйбышевского водохранилища попали Ставрополь-на-Волге (Тольятти) и Спасск-Татарский (Болгар), 587,3 тыс. га земельных угодий, 293 населенных пункта, в том числе 18 городов и рабочих поселков и 275 сельских поселений (Бурдин 2005, 2018: 201).

Крепость Саркел (Белая Вежа) – хазарский, позже русский город-крепость на реке Дон в 1952 г. был затоплен при строительстве Цимлянского водохранилища. В зону подтопления попали 164 станиц и хуторов, к началу 1952 г. были переселены 15 750 домохозяйств, затоплены десятки религиозно-культовых объектов, значимых археологических памятников и ценных виноградников. Итогом переселения стал распад старообрядческих общин, изменение традиционного уклада жизни в целом (Матишов, Савельева 2019).

В Сибири в 1960-е гг. в зоне затопления водохранилища Братской ГЭС оказалось около 100 деревень и 16 200 индивидуальных хозяйств из 12 районов (Рябов 2014а: 226–230), в ходе строительства Иркутской ГЭС было переселено 17 тыс. человек, зона затопления Обского моря Новосибирской ГЭС затронула около 43 тыс. человек из 59 населенных пунктов (31 из них, включая город Бердск, попал под затопление полностью).

В тот же период «Красноярское море» похоронило под своими водами 132 населенных пункта. Под воду ушли одни из первых русских поселений в Сибири – Караульный и Абаканский остроги. Водохранилищем было затоплено 120 тыс. км² сельскохозяйственных земель, переселено около 60 тыс. человек.

В Прикамье (ныне – Пермский край) в результате введения в эксплуатацию Камской и Воткинской ГЭС появилось «Камское море», континентальный регион в результате строительства каскада ГЭС получил выход к пяти морям и «морские» нефтепромыслы. При этом под воду ушло полностью или частично около 300 населенных пунктов, включая строгановские города-поселки Чермоз, Добрянка, Ильинское, Дедюхин, Майкор, Пожва, Пыскор и др. (Глушков 2019).

Приведенные выше сведения позволяют оценить масштаб произошедшего¹. Но несмотря на то, что негативные последствия гидростроительства испытали на себе сотни тысяч жителей различных регионов Советского Союза, эта проблематика длительное время была периферийным сюжетом российской мемориальной культуры. Ситуация меняется на протяжении последних 20 лет. Социальные последствия гидростроительства исследуются в рамках академической истории, получают новые толкования в музейных нарративах, порождают историко-культурный активизм и репрезентируются в цифровых проектах. Постоянное звучание темы в публичном пространстве создает

условия для пробуждения и формирования коллективных мемориальных представлений, активизирует мемориальные сообщества и медийных посредников. В этой разноректорной активности прослеживаются несколько тенденций.

Мемориальный активизм: персональные проекты и взаимодействия

Сбор свидетельств является отправной точкой развития мемориальных инициатив. Популярны самостоятельная архивная эвристика (Деревни...), систематизация данных и картирование, привязка найденных свидетельств к современным картам (Карта затопленных деревень 2021). Драйверами историко-культурного активизма по поводу «советских Атлантид» часто являются местные жители, ощутившие потребность в работе с памятью места.

Владимир Черников, энтузиаст, увлеченный разысканием следов территорий, скрытых под водами Красноярского водохранилища, так описывает момент, когда он ощутил потребность включиться в работу по созиданию памяти о затопленных поселениях: «К концу дня мне с трудом удалось добраться до места, где когда-то стоял Абаканский острог, – старое село Краснотуранское... Темень: только я и свет велосипедного фонаря. А подо мной – трёхсотлетняя история. Зацепило! Я отправил волновавшимся за меня СМС, получил от них восторженные отзывы и неожиданно понял, что это именно то дело, которому можно посвятить жизнь» (Погребенные волнами 2015). Установка памятных знаков и другие шаги, направленные на преодоление забвения о затопленном поселении, дают этому мемориальному активисту ощущение сопричастности к процессу восстановления социальной справедливости (по его убеждению, ушедшие имеют право на память о себе) и исторической преемственности.

Импульс к разворачиванию мемориальной активности нередко происходит из аффективного воздействия исторического памятника. Анон Тукаева, основательница благотворительного фонда «Крохино» утверждает, что именно глубинный эмоциональный контакт с полузатопленным храмом послужил основой для ее дальнейших действий по его сохранению и ревитализации (История не должна уйти под воду... 2021).

Помимо ярких персональных проектов сегодня проявляют себя и консолидированные мемориальные инициативы. Во многих из них прослеживается стремление преодолеть региональные границы. Уже упомянутая А. Тукаева выразила эту тенденцию следующим образом, размышляя о Шекснинском водохранилище: «Такие же истории произошли в Московской, Тверской, Ивановской областях, Башкирии, Татарстане, а уж Сибирь – непочатый край для исследований. Можно го-

ворить о том, что на месте практически каждого водохранилища, образованного в XX или нынешнем веках, жили люди, строились семьи, была своя культура. Это массовая история» (Воспоминания были болезненными... 2021).

Реализованные под эгидой фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”» проекты служат наглядным тому свидетельством. С 2010 г. Фонд занимается сохранением и консервацией церкви Рождества Христова в деревне Крохино, сохранившейся при наполнении Шекснинского водохранилища. Несколько лет сотрудники фонда и волонтеры записывали рассказы бывших жителей Крохино и окрестных деревень, собирали архивные и иные свидетельства. Виртуальный музей, созданный по результатам этой деятельности, стал цифровым местом памяти и площадкой для коллабораций, как это произошло в рамках выставки «Незатопленные истории». В ней приняли участие центральные, региональные, государственные и частные музеи, поделившиеся данными и материалами о переселениях при строительстве гидроэлектростанций. Выстраивание таких коммуникативных сетей становится программной задачей команды фонда: «Крохино – главный символ и маяк ушедшего под воду Белозерья. Однако мы идем дальше, увеличивая масштаб и не забывая о судьбе других территорий» (Музей незатопленных историй...).

Память и крест

Зона затопления ассоциируется в рассматриваемых мемориальных инициативах с местом гибели, безвозвратного ухода. Не случайно одной из форм визуализации памяти о населенных пунктах и культовых зданиях, ушедших под воду, становится установка поминальных крестов. Так, о покоящихся на дне Красноярского водохранилища 18 церквях и селах напоминают пять крестов и два памятных знака. В Пермском крае в 2016 г. появился поклонный крест в знак памяти о церквях, уничтоженных в связи со строительством Камской ГЭС.

В 2010-е гг. проекты, связанные с памятью о зонах затопления, нередко получают поддержку в том случае, если вписываются, патристически-религиозный контекст, что отвечает интенциям современной российской исторической политики. Установка памятных крестов, надписей, бакенов, арт-объектов трактуется в этой связи как «восстановление исторической правды и справедливости в отношении культового зодчества» (Бурдин 2013).

Эти проекты поддерживаются также Русским географическим обществом, одной из специализаций которого является подводная археология. В частности, при поддержке Русского географического общества известный эксперт по проблематике последствий гидроэнергетического

строительства Е.А. Бурдин провел серию экспедиций, нацеленных на восстановление памяти о затопленных населенных пунктах Ульяновской и Саратовской областей, о политике советских властей в отношении культового зодчества. В частности, им были записаны воспоминания одного из старожилов с. Триуши, в которых фиксировались сохранившиеся только в памяти этого свидетеля имена ответственных за снос храма и применяемые ими «технологии» зачистки территорий будущего водохранилища: «Чтобы снести церковь, власти придумали объективную причину: сфотографировали церковь, а к объективу приклеили волос. Когда фотографию распечатали, в стене зияла огромная трещина. Решение было принято – снести церковь. В 1954 г. перед заполнением водохранилища ее разрушили» (Бурдин 2013: 138).

Ревитализация памяти об исчезнувших приходах, монастырях в современной России происходит путем вовлечения в религиозную жизнь сохранившихся храмов. Пример тому – Калязинская колокольня, простоявшая в воде почти половину века. С начала 2000-х гг. она восстанавливается силами местного православного прихода. В 2007 г. в ней прошло первое богослужение, в 2016 г. установили колокола. Она стала итоговой точкой маршрута Верхневолжского крестного хода. Сейчас колокольня находится на балансе Тверского государственного объединенного музея. Перевод в категорию наследия, поставленного на баланс государственных музейных институций, сегодня также является распространенной практикой преодоления забвения и формирования коллективной памяти об утраченных территориях.

Память как социокультурный проект и туристически привлекательный объект индустрии впечатлений

Коммеморативная активность вокруг затопленных территорий получает государственную поддержку и финансирование посредством грантовых конкурсов, государственных программ, образовательно-просветительских инициатив, включения затопленных объектов и территорий в список историко-культурного наследия, охраняемого государством, или же в государственные программы развития регионально-го туризма.

В 2010-е гг. многие низовые инициативы по сохранению исторической памяти о территориях и людях в зонах затопления выигрывают гранты бюджетных фондов. В частности, такую поддержку получил едва ли не самый медийно успешный проект «История и наследие водных путей Белозерья» благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”», о котором уже шла речь выше (История и наследие...).

Исследовательские работы школьников – еще один формат проработки темы прошлого. Как правило, ребенок реализует проект совместно со взрослыми членами семьи; в ходе семейных путешествий, разговоров, разбора семейных фотоархивов происходит межпоколенческая коммуникация. О чем свидетельствует, к примеру, научный журнал для школьников «Старт в науке», где опубликована статья ученицы 4-го класса об исчезновении деревень в ходе заполнения Камского водохранилища. Из текста можно понять, что конкурс связал воспоминаниями и путешествиями поколения бабушек, родителей и внуков. Воспроизводя рассказ о том, как территория бывшего горного города Дедюхина, старого Усолья и поселков Лёнва и Веретия со всеми жилыми домами и соляными варницами ушла под воду, автор мини-исследования персонализировал, «одомашнивает» драму прошлого: «В настоящее время память о городе Дедюхин сохранилась в названии острова Дедюхинский у северной окраины Березников вблизи левого берега Камы. Жители были переселены в Березники, большая часть – в район Абрамово и на улицу Лёнвинская. Мои прапрабабушка Ольга Родионовна и прапрадедушка Алексей Гаврилович жили в доме на этой улице» (Альметова 2018). В такого рода конкурсах детьми нередко воспроизводятся мемориальные нарративы взрослых, транслируется их травматический опыт.

Что касается известного с начала XVII в. города Дедюхин, то его история закончилась в середине 1950-х гг. В числе последних построек, еще некоторое время сохранявшихся на его территории, был монументальный Христорождественский собор (1732 г.), не вошедший в тот момент в список памятников, охраняемых государством. Затопление ему прямо не угрожало, однако в 1953 г. была создана комиссия по ликвидации объекта, и год спустя собор был взорван и полностью разрушен (Цыпуштанов 2016). Прошло почти 60 лет, и в 2011 г. приказом Росохранкультуры был зарегистрирован уникальный объект культурного наследия «Дедюхин горный город» в государственном реестре памятников истории и культуры народов России. Адрес памятника: Пермский край, пригородная зона г. Березники, левый берег р. Кама, цепь островов севернее автодороги Усолье.

Столь парадоксальное решение – поставить на учет находящиеся под водой руины – было принято в связи с тем, что эти территории вошли в большой проект по повышению туристической привлекательности региона «Усолье Строгановское», поддержанный властями Пермского края. По этому проекту помимо реставраций, реконструкций объектов культурного наследия и создания индустрии гостеприимства с помощью виртуальной реальности будут воссозданы Дедюхин и Лёнва. Аварийные объекты будут превращены в архитектурный «парк руин» под открытым небом (Орлова 2020). Этот пункт плана заслуживает особого внимания.

Память в руинах

Ушедшие под воду территории часто не оставляют после себя видимых материальных свидетельств. Немногочисленные руины, такие как колокольня в Калязине или храм-маяк в Крохино, становятся триггерами памяти. В европейской культурной традиции не всякая развалина – руина. Руина представляет собой результат символической трансформации развалин в символ утраченного времени и исчезнувшего мира. Аттрактивность, «удовольствие» от руин, когда-то подмеченная Роуз Маколей, опирается среди прочего на эстетический эффект разрушения/острашения. Руины заявляют о подспудном присутствии прошлого в настоящем (Шенле 2018).

Планируемый «парк руин» в прикамском Усолье следует векторам развития публичных пространств в современных мегаполисах. Он предлагает не новодельные реконструкции, но консервацию текущего состояния заброшенности, образ которой будет постоянно напоминать о случившемся. В этой же логике планируется и дальнейшая работа по укреплению и консервации церкви в Крохино: не будет реконструкции-новодела, а сберегаемый от дальнейшего разрушения остов церкви останется как напоминание о пережитом.

Мемориальные сообщества

Формальные и неформальные объединения переселенцев, их родственников и потомков, которые осознают себя как мемориальное сообщество, играют существенную роль в работе памяти о затопленных территориях. Сообщества институционализируются, конструируют мемориальные ритуалы, места памяти, порождают нарративы. Сообщество-долгожитель такого типа – землячество мологжан – сложилось еще в СССР, оформилось в 1972 г. и было проявлением позднесоветского исторического активизма, поворота к истории в общественных настроениях и практиках (наряду с созданием ВООПИИК, конструированием советской геральдики, празднованиями юбилеев городов). Землячество мологжан и сегодня остается уникальным примером сохранения памяти об исчезнувшем городе и крае. Чтобы сохранить память о Мологе, в Рыбинске в 1995 г. был открыт Музей Мологского края, позиционирующий себя как «единственный в мире музей затопленных территорий» (Музей Мологского края...). Землячество инициирует и разрабатывает интернет-ресурсы, туристические маршруты, документальные и художественные фильмы о Мологе, поддерживает движение «Прости, Молога».

Другим примером может служить «Кежемское землячество», которое с 1997 г. объединяет тех жителей русских старожильческих поселе-

ний Приангарья, для кого прощание с родиной растянулось на несколько десятилетий строительства Богучанской ГЭС (Кежемское землячество). Поскольку переселение из обжитых районов для представителей этого сообщества памяти – совсем недавняя история (прощание с селом Кежда состоялось в 2009 г.), его участники пользуются современными медийными средствами критики действий власти и бизнеса. Переселенческие нарративы полны не только рассказов о традициях и этнокультурных особенностях этой группы, но и историй о коррумпированных представителях администрации, об искусственном завышении стоимости жилья и прочих экономических махинациях в ходе переселений при строительстве ГЭС (Новости Сибири 2019).

Арт-проект как формат публичной истории

Характерная черта мемориальных проектов 2010-х гг. – обращение к практикам современной культуры, паблик-арта, художественного высказывания. Современное искусство в целом в 2000–2010-е гг. переживает мемориальный, архивный поворот, обращаясь к проблематике коллективной памяти, забвения, амнезии, «невидимости» (Roelstraete 2009; Фостер 2015; Вепрева 2018). Концептуальность, характерная для актуальных художественных практик, побуждает к рефлексии, проектному способу художественного высказывания.

Характерным в этом отношении является проект «Росписи затопленных деревень» частного музея «Рыбинские рыбы». Команда искусствоведов собрала образцы орнаментов из деревень затопленной Молого-Шекснинской низменности. Авторы проекта ездили на обмелевшие участки водохранилища, знакомились с частными и музейными коллекциями. Итогом стал брендбук Мологи, серия арт-объектов в местах проживания переселенцев.

В Иркутской области сохранением памяти о затопленных территориях занимается музыкальный коллектив «Затопленные песни», созданный по инициативе Александра Рогачевского. Ансамбль формирует «звуковую дорожку» памяти, в его активе экспедиции по деревням Прибайкалья, студийные альбомы, фестивали и концерты, на которых звучит аутентичная музыка русской старожильческой культуры Приангарья.

Визуальным высказыванием на тему памяти затопленных территорий стал проект художницы – уроженки Перми А. Андриевской. Город Пермь, в черте которого находится плотина Камской ГЭС, сейчас расположен не на берегах Камы, как это было до 1950–1960-х гг., а на берегах Камского и Воткинского водохранилищ, появившихся в результате больших советских проектов гидростроительства. Однако память о вынужденных переселениях, отчуждениях земель и других последствиях строительства ГЭС не входит в актуальную повестку регио-

нальной мемориальной культуры. Эти сюжеты здесь глубоко периферийные, мало представленные в публичном пространстве. На выставке «На маяк: форма и политика света» (2017 г.) в музее современного искусства PERMM А. Андржиевская попыталась привлечь внимание к этим сторонам местной истории с помощью инсталляции «Камское море». На дне аквариума находятся в мутной взвеси макеты жилых строений, микропредметы ушедшей жизни. «Вода прибывает, выливаясь за край аквариума, – это непрерывная катастрофа, которая происходит здесь и сейчас», – инсталляция побуждает зрителя к прочтению событий прошлого как катастрофы (Куроптев). Она также побуждает к действию, к тому, чтобы хотя бы зафиксировать высказывания свидетелей. Инсталляция была дополнена аудиозаписями воспоминаний жителей и рабочих, которые строили ГЭС. Но эта художественная инициатива не получила продолжения, и тема негативных последствий гидростроительства в Прикамье так и не зазвучала. Одно из многочисленных доказательств тому – непредставленность Перми в вышеупомянутом сетевом проекте «Незатопленные деревни», который, казалось бы, должен был объединить все территории, на которых велось строительство крупных ГЭС.

Заключение

Мы «вспоминаем» то, что актуально для нас сейчас, подчеркивал А. Мегилл (Мегилл 2009: 160). В таком случае применительно к рассмотренному материалу встает вопрос о том, какие факторы обусловили сегодняшний всплеск интереса к российским «Атлантидам», и что, напротив, сдерживало коммеморацию в предыдущий период?

Одним из барьеров формирования памяти о негативных последствиях гидростроительства советской эпохи было то обстоятельство, что для поколения свидетелей драматические предвоенные события отодвигалась на второй план более значимым испытанием – Великой Отечественной войной. На фоне страданий и горя военного времени переселение в ходе заполнения Рыбинского водохранилища уже не казалось столь страшной трагедией². В ряде воспоминаний прямо говорится о том, что, скорее всего, «Великая Отечественная война своей бедой отодвинула от внимания людей на второй план разговоры об утраченной родине, что осталась на дне Рыбинского моря» (Климина).

Однако масштаб преобразований и новые возможности для индустриально-урбанистического развития, которые открывались в ходе строительства ГЭС, создавали эффект «электрического возвышенного», позволявшего переживать чувство превосходства, подчинения природы человеку, прорыва к прогрессу (Никифорова 2016: 50). Водохранилища стали для многих населяющих их берега жителей предметом гордости:

вокруг этих искусственных морей сложились рекреационные зоны, возникли производства, изменившие потенциал территорий и повседневность. Дети, ставшие свидетелями процессов заполнения водохранилищ, сегодня говорят о пережитом ими чувстве радости и удивления перед великим чудом «обретения моря»: «Его ждали – наше море, вот не было его, и вдруг разольется, и не понимали, чего это взрослые вздыхают и плачут» (Климина).

Для советских «строек века» и «строек коммунизма», каковыми провозглашались возводящиеся ГЭС, был характерен взрывной рост численности мигрантов – людей, приехавших на строительство из других мест в первом поколении. Очевидно, для них уходящая под воду старина была чужой и не самой значимой. Технооптимизм, футуристическая риторика великих пространственных экспериментов позднего советского общества также не способствовали мемориальному активизму в отношении негативных последствий гидроэнергетических проектов.

Поворотным моментом в активизации интереса к «советским Атлантидам», как представляется, стал рубеж нового тысячелетия, когда в условиях нового технологического перехода складываются новые форматы коммуникации общества и прошлого. «Ретротопия» (Бауман 2019), «ретромания», презентистский режим вечно актуального прошлого создают ситуацию, в которой проблемы идентичности человека, группы, сообщества напрямую соотносятся с темами утраченного наследия. Сама категория наследия становится все более значимой в социальных коммуникациях. В этот же период во многих странах, в том числе и в России, активно утверждается и развивается публичная история.

Существенно меняется ситуация с доступностью исторических материалов, касающихся советского гидроэнергетического строительства. Большая часть гидроэнергетических каскадов и водохранилищ создавалась в послевоенный период, и до недавнего времени многие архивные документы об этих процессах не были доступны исследователям. В 2010-е гг. с фондов снимаются грифы секретности, и в итоге появляются исследования, которые вводят этот массив материалов в пространство научных и публичных дискуссий. Одновременно массово доступными становятся цифровые инструменты, позволяющие активнее развиваться гражданской науке и культуре участия, а непрофессиональным историкам вести документальный поиск, заниматься 3D-реконструкциями, многослойными картами, цифровыми коллекциями эгодокументов.

Важным фактором, стимулирующим проекты по работе с образами прошлого, является необходимость развития рынка туристических услуг и брендинга территорий. При этом ряд инициатив, направ-

ленных на пробуждение исторической памяти о зонах затопления, опирается на концептуальные подходы и технологии креативных индустрий и экономики впечатлений. Память трансформируется в инфотеймент и коммерческое предложение, в рамках которого, например, становится возможным говорить о затонувшей Мологе в готической стилистике: «...город-призрак исчез под водами Рыбинского водохранилища, его развалины иногда появляются из-под воды и будоражат сознание».

Наконец, меняется иерархия символической значимости территорий. Приоритетное внимание, уделявшееся в публичном пространстве затоплению Мологско-Шекснинской низменности, во многом было связано с тем, что она представляет собой регион исторических городов и поселений, территориально близких к столице, важных для национальной истории и культуры. Затопление населенных пунктов в других регионах нередко считалось не столь бедственным, поскольку в иерархических представлениях прежней эпохи там под воду ушли ничем не примечательные «заурядные» села и деревни. Сегодня же новое краеведение, распространение микроисторической оптики в толковании прошлого создают иную систему приоритетов, пробуждают внимание к локальному, находящемуся в состоянии заброшенности и забвения.

Примечания

¹ В истории гидроэнергетического строительства известны примеры и с более шокирующими данными о количестве переселенцев: в КНР в ходе строительства одной только ГЭС «Три ущелья» из зоны водохранилища было переселено 1,1 млн человек (Энергетика...).

² Что касается крупнейшей гидротехнической стройки предвоенного СССР – ДнепроГЭСа – и воспоминаний о потерях земель и поселений при формировании этого гидроузла, то отчуждение территорий в ходе строительства в Запорожье не могло сравниться с катастрофическими последствиями подрыва этой крупнейшей плотины при отступлении советских войск в 1941 г.

Литература

Альметова Д.М. Исчезнувшие села Лёнва, Дедюхино и Веретия. Памятники архитектуры северного Урала // Старт в науке. 2018. № 5–7. С. 1067–1074.

Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Бурдин Е.А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: ИА Тухтаров, 2005.

Бурдин Е.А. Волжский каскад ГЭС. Триумф и трагедия России. М.: РОССПЭН, 2011

Бурдин Е.А. «На виду у жителей хоронили дорогие белоярцам места»: подготовка зоны затопления Куйбышевской ГЭС // Серия публикаций на портале Ульяновск – город новостей. URL: <http://ulgrad.ru/?p=140039>

Бурдин Е.А. Проект «Культурное наследие зон затопления Куйбышевской и Саратовской ГЭС на территории Ульяновской области. Научное обоснование и первые результаты // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2013. № 3. С. 135–139.

- Бурдин Е. Забытая экспедиция. URL: <https://www.ulspu.ru/upload/img/media-library/5ea/burdin.-zabytaya-ekspeditsiya.pdf>
- Бурдин Е.А. Спасск (Куйбышев): были и легенды Старого города. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2018.
- Вепрева А. Время (для) истории // Художественный журнал. 2018. № 104. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/72/article/1545>
- Воронина А.И. Нарратив музейного пространства в конструировании исторической памяти // Концепт: философия, религия, культура. 2021. № 1. С. 146–156.
- «Воспоминания были болезненными»: как волонтеры воскрешают память о затопленных городах и деревнях России. 21.03.2021. URL: <http://gorodskoyportal.ru/news/russia/68556298/>
- Глушков А.В. Создавая «Камское море»: как строительство ГЭС изменило Прикамье в середине XX века. 2019. URL: <https://properm.ru/news/society/166706/>
- Деревни, затопленные при строительстве Воткинской ГЭС (1956–1961). URL: <http://chaiklib.permculture.ru/затопленные-деревни.aspx>
- Затопленные святыни Мологского края. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/zatoplennye-svyatyni-mologskogo-kрая-0>
- Залепухин В.В. Развитие представлений об эколого-экономическом ущербе, наносимом созданием гидроузлов и водохранилищ // Современное экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты рационального природопользования. 2018. С. 1217–1233.
- Игоров О. Волго-Донской канал: путь варварства. URL: <https://beloedelo.com/researches/article/?853>
- Игоров О. Кама впадает в коммунизм. URL: <https://beloedelo.com/researches/article/?839>
- История Гидропроекта. 1930–2000. М., 2000.
- История и наследие водных путей Белозерья. Описание проекта 2017 г. на сайте президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=5bd82b88-91e4-4688-9cfe-e1fccbaf17c1>
- «История не должна уйти под воду»: как спасали руины храма в затопленном селе Крохино. 09.06.2021. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/19953-istoriya-ne-dolzha-uyti-pod-vodu-kak-spasali-ruiny-hrama-v-zatoplennom-sele-krohino/>
- Карта затопленных деревень. Что покоится на дне Обского моря. 16.05.2021. URL: <https://vn.ru/news-karta-zatoplennykh-dereven-cto-pokoitsya-na-dne-obskogo-morya/>
- Кежемское землячество. URL: <https://kezhemskoe-zemlyachestvo.ru/>
- Климина И. Переселенцы Рыбинского моря. URL: <https://newsvo.ru/press/111133>
- Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4. С. 81–87.
- Кузнецова О.В. Осуществление мероприятий по переселению жителей из зоны строительства Рыбинского водохранилища (сентябрь 1935 – июнь 1941 гг.) По документам Государственного архива Ярославской области. URL: <https://www.yar-archives.ru/action/reports/doklad-ovkuznetsovoj.html>
- Кузнецов Д. Русские Атлантиды. Кто и как сохраняет память о затопленных городах России. URL: <https://urokiistorii.ru/article/57624>
- Куроптев Ю. Электричество смотрит мне в лицо. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/16515-elektrichestvo-smotrit-mne-v-litso?page=172>
- Матищев Г.Г., Савельева О.С. Переселение жителей казачьих станиц из зоны затопления Цимлянского водохранилища: культурологический и социально-экономический аспекты // Наука юга России. 2019. № 2. С. 97–107.
- Мезилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2009.
- Музей Мологского края им. А.Н. Алексеева. URL: <https://www.rybmuseum.ru/ru/filialy/muzej-mologskogo-kрая>
- Музей незатопленных историй Белого озера. URL: <http://museum.pronasledie.ru/>

- Никифорова Н.В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 48–55.
- Новости Сибири. 13 декабря 2019. URL: <https://tass.ru/sibir-news/7339665>
- Орлова Т. В Усолье Строгановском восстановят затопленные города Дедюхин и Ленва. 22 августа 2020. URL: <https://59i.ru/novosti/novosti-permi-i-permskogo-kraja/v-usole-stroganovskoe-vosstanovjat-zatoplennye-goroda-dedyuhin-i-lyonva.html>
- Плотины и развитие: новая методическая основа для принятия решений. Отчет всемирной комиссии по плотинам. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2009. URL: <http://www.plotina.net/>
- Погребенные волнами. Тайна деревень, затопленных Красноярским морем // АиФ на Енисее. 09.04.2015. URL: <https://krsk.aif.ru/dosug/1489277>
- Разувалова А.И. Писатели – «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ, 2015.
- Русскую Атлантиду проще найти зимой. 16.01.2017. URL: https://hranitelinasledia.com/articles/zhiwaya-istoriya/russkuyu-atlantidu-proshche-nayti-zimoy/?sphrase_id=27735%20
- Рябов Ю.В. Переселение жителей и перенос строений из зоны затопления водохранилища Братской ГЭС // Вестник Иркутского государственного технического университета. Социально-экономические и общественные науки. 2014а. № 6. С. 226–230.
- Рябов Ю.В. Решение вопроса выплаты компенсаций населению в районах сооружения ангарских ГЭС // Вестник Иркутского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2014б. № 11. С. 358–361.
- Рябов Ю.В. История переселения населения из зон создания Ангарских водохранилищ (1950–1970-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2016.
- Рябов Ю.В. Образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода как отражение исторической эпохи // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3. С. 116–122.
- Сенчин Р. Зона затопления. М., 2015.
- Слива И.В. История гидроэнергетики России. Тверь: Тверская типография, 2014.
- Сотникова В. Сибирская Атлантида, или тайны Обского моря / работа школьницы 9 класса на сайте Русского географического общества. 2019. URL: <http://www.rgo-sib.ru/ca1/27.htm>
- Тайны затопленных деревень. 08.05.2019. URL: <http://t7-inform.ru/s/videonews/20190508121504>
- Тур на выходные. Русская Атлантида. URL: <https://tourvpoiske.ru/atlantisrus>
- Фостер Х. Архивный импульс // Художественный журнал. 2015. № 98. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/10/article/133>
- Цыпуштанов В. Город за Ленвинскими заливами. 04.03.2016. URL: <http://www.beriki.ru/2016/03/04/gorod-za-lenvinskimi-zalivami>
- Чепель М.А. Подготовка ложа водохранилища Братской ГЭС под затопление первой очереди (1956–1961 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 2. С. 50–59.
- Шенле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: НЛЮ, 2018.
- Энергетика: История, настоящее и будущее. Книга 5. Электроэнергетика и охрана окружающей среды. Функционирование энергетики в современном мире. URL: <http://energetika.in.ua/ru/books/book-5/part-3/section-4/4-2/4-2-2>
- Roelstraete D. The Way of the Shovel: On the Archeological Imaginary in Art // E-Flux Journal. 2009. №04 – March. URL: <https://www.e-flux.com/journal/04/68582/the-way-of-the-shovel-on-the-archeological-imaginary-in-art/>

Adverse effects of Soviet Hydropower Projects: Formats and Practices of Memorialization

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/9

Galina A. Yankovskaya, Perm State University (Perm, Russian Federation), Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: yank64@yandex.ru

The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia".

Abstract. The article examines the current situation with the commemoration of the negative consequences of hydropower projects implemented in Soviet and modern Russia (landscape change, mass resettlements, flooding of territories, destruction of historical and cultural heritage). In some regions, which faced problems of this kind in their time, a new memorial culture is being formed in the first decades of the 21st century. It is characterized by the following formats and trends: personal passionate activism, trans-regional interactions and group projects; visual designation of flooded territories and religious buildings in the form of memorial signs and structures; support of memorial projects by government agencies, charitable foundations, religious organizations; commercializing of memorial initiatives by transforming them into objects of tourist interest and the economy of impressions. Hydropower projects adverse effects commemoration involves representatives of contemporary art, who are interested in the fields of collective memory and oblivion. The wide availability of digital tools allows non-professional historians, witnesses and their descendants to be included in memorial work. Internet sites are becoming places of memory and communication for memorial communities.

Keywords: Hydroelectric Power Station, Flood Zone, Kama Sea, Memorial Culture, Soviet Atlantis, Memorial Communities

References

- Al'metova D.M. Ischeznuvshie sela Lenva, Dediukhino i Veretiia. Pamiatniki arkhitektury severnogo Urala [Disappeared villages Lyonva, Dedyuhino and Veretia. Architectural Monuments of the Northern Urals], *Start v nauke*, 2018, no. 5–7, pp. 1067–1074.
- Bauman Z. *Retrotopiia* [Retrotopia]. Moscow: VTsIOM, 2019.
- Burdin E.A. *Volzhskaa Atlantida: tragediia velikoi reki* [Volga Atlantis: the tragedy of the great river]. Ul'ianovsk: IA Tukhtarov, 2005.
- Burdin E.A. *Volzhskii kaskad GES. Triumf i tragediia Rossii* [Volga Hydroelectric Cascade. The Triumph and Tragedy of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Burdin E.A. «Na vidu u zhitel'ei khoronili dorogie beloiartsam mesta»: podgotovka zony zatopeniia Kuibyshevskoi GES ["In full view of the residents they buried places dear to Beloyarsk residents": preparation of the Kuibyshevskaya HPP flood zone], *Ul'ianovsk – gorod novostei*. Available at: <http://ulgrad.ru/?p=140039>
- Burdin E.A. Proekt «Kul'turnoe nasledie zon zatopeniia Kuibyshevskoi i Saratovskoi GES na territorii Ul'ianovskoi oblasti. Nauchnoe obosnovanie i pervye rezul'taty [Project "Cultural heritage of flood zones of Kuibyshev and Saratov hydroelectric power stations on the territory of the Ulyanovsk region. Scientific substantiation and first results], *Povolzhskii pedagogicheskii poisk (nauchnyi zhurnal)*, 2013, no. 3, pp. 135–139.
- Burdin E. *Zabytaia ekspeditsiia* [Forgotten expedition]. Available at: <https://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/5ea/burdin.-zabytaya-ekspeditsiya.pdf>
- Burdin E.A. *Spassk (Kuibyshev): byli i legendy Starogo goroda* [Spassk (Kuibyshev): stories and legends of the Old Town]. Ul'ianovsk: Izd-vo «Korporatsiia tekhnologii proizvodstva», 2018.

- Vepreva A. Vremia (dlia) istorii [Time (for) History]. *Khudozhestvennyi zhurnal*, 2018, no. 104. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/72/article/1545>
- Voronina A.I. Narrativ muzeinogo prostranstva v konstruirovani istoricheskoi pamiat [The Narrative of Museum Space in the Construction of Historical Memory], *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura*, 2021, no. 1, pp. 146–156.
- «Vospominaniia byli bolezennymi»: kak volonter voskreshaiut pamiat' o zatoplennykh gorodakh i derevniakh Rossii ["The memories were painful": how volunteers revive the memory of flooded towns and villages in Russia]. 21.03.2021. Available at: <http://gorodskoyportal.ru/news/russia/68556298/>
- Glushkov A.V. Sozdavaia «Kamskoe more»: kak stroitel'stvo GES izmenilo Prikam'e v sereдине XX veka [Creating the "Kamskoye Sea": How the Construction of Hydroelectric Power Plants Changed the Kama Region in the Mid-20th Century]. 2019. Available at: <https://properm.ru/news/society/166706/>
- Derevni, zatoplennye pri stroitel'stve Votkinskoi GES (1956-1961) [Villages flooded during the construction of the Votkinsk Hydroelectric Power Plant (1956-1961)]. Available at: <http://chaiklib.permculture.ru/затопленные-деревни.aspx>
- Zatoplennye sviatyni Mologskogo kraia [Flooded shrines of the Mologsky region]. Available at: <https://www.rgo.ru/ru/article/zatoplennye-sviatyni-mologskogo-kraia-0>
- Zalepukhin V.V. Razvitie predstavlenii ob ekologo-ekonomicheskom usherbe, nanosimom sozdaniem gidrouzlov i vodokhranilishch [Development of ideas about the environmental and economic damage caused by the creation of hydropower facilities and reservoirs]. In: Sovremennoe ekologicheskoe sostoianie prirodnoi sredy i nauchno-prakticheskie aspekty ratsional'nogo prirodopol'zovaniia [Current ecological state of the natural environment and scientific and practical aspects of environmental management]. 2018, pp. 1217–1233.
- Igorev O. Volgo-Donskii kanal: put' varvarstva [The Volga-Don Canal: The Way of Barbarism]. Available at: <https://beloedelo.com/researches/article/?853>
- Igorev O. Kama vpadaet v kommunizm [Kama falls into communism]. Available at: <https://beloedelo.com/researches/article/?839>
- Istoriia Gidroproekta. 1930–2000 [Hydroproject History. 1930-2000]. Moscow, 2000.
- Istoriia i nasledie vodnykh putei Beloz'er'ia. Opisanie proekta 2017 g. na saite prezidentskikh grantov [The history and heritage of the Belozero waterways. Description of the 2017 project on the Presidential Grants website]. Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=5bd82b88-91e4-4688-9cfe-e1fccbaf17c1>
- «Istoriia ne dolzhna uiti pod vodu»: kak spasali ruiny khrama v zatoplennom sele Krokhino ["History must not go under water": how the ruins of a church in the flooded village of Krohino were saved]. 09.06.2021. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/19953-istoriya-ne-dolzha-uyti-pod-vodu-kak-spasali-ruiny-hrama-v-zatoplennom-sele-krohino/>
- Karta zatoplennykh dereven'. Chto pokoitsia na dne Obskogo moria [Map of flooded villages. What rests at the bottom of the Ob Sea]. 16.05.2021. Available at: <https://vn.ru/news-karta-zatoplennykh-dereven-chto-pokoitsya-na-dne-obskogo-morya/>
- Kezhemskoe zemliachestvo [Kezhemsky community]. Available at: <https://kezhemskoe-zemlyachestvo.ru/>
- Klimina I. Pereselentsy Rybinskogo moria [Re-settlers of the Rybinsk Sea]. Available at: <https://newsvo.ru/press/111133>
- Kovtun N.V. Istoriizatsiia mifa: ot blagoslovennoi Matery k Pylevo... (ob avtorskom dialoge V. Rasputina i R. Senchina) [Historiorization of the Myth: From the Blessed Matery to Pylevo... (About the Author's Dialogue of V. Rasputin and R. Senchin)], *Vestnik OmGPU*, 2017, no. 4, pp. 81–87.
- Kuznetsova O.V. Osushchestvlenie meropriiati po pereseleniiu zhitelei iz zony stroitel'stva Rybinskogo vodokhranilishcha (sentiaбр' 1935–iiун' 1941 gg.) [Implementation of Measures to Resettle Residents from the Construction Zone of the Rybinsk Reservoir (September 1935 - June 1941)]. Po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Iaroslavskoi oblasti. Available at: <https://www.yar-archives.ru/action/reports/doklad-ovkuznetsovoj.html>

- Kuznetsov D. *Russkie Atlantidy. Kto i kak sokhraniaet pamiat' o zatoplennykh gorodakh Rossii* [Russian Atlantis. Who and how keeps the memory of flooded cities of Russia]. Available at: <https://urokiistorii.ru/article/57624>
- Kuroptev Iu. *Elektrichestvo smotrit mne v litso* [Electricity stares me in the face]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/art/16515-elektrichestvo-smotrit-mne-v-litso?page=172>
- Matishov G.G., Savel'eva O.S. *Pereselenie zhitelei kazach'ikh stanits iz zony zatopeniia Tsimlianskogo vodokhranilishcha: kul'turologicheskii i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty* [Resettlement of Residents of Cossack Villages From the Flood Zone of the Tsimlyansk Reservoir: Culturological and Socio-Economic Aspects], *Nauka iuga Rossii*, 2019, no. 2, pp. 97–107.
- Megill A. *Istoricheskaiia epistemologiia* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon+, 2009.
- Muzei Mologskogo kraia im. A.N. Alekseeva [Museum of Mologskiy kraj n.a. A.N. Alekseev]. Available at: <https://www.rybmuseum.ru/ru/filialy/muzej-mologskogo-kraia>
- Muzei nezatoplennykh istorii Belogo ozero [Museum of Unflooded History of the Lake Beloye]. Available at: <http://museum.pronasledie.ru/>
- Nikiforova N.V. *Prevrashchenie elektrichestva iz dikovinki v novinku. Podkhody k izucheniiu kul'turnoi istorii elektrifikatsii* [The transformation of electricity from a curiosity to a novelty. Approaches to studying the cultural history of electrification], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2016, no. 4, pp. 48–55.
- Novosti Sibiri*. 13 December 2019. Available at: <https://tass.ru/sibir-news/7339665>
- Orlova T. *V Usol'e Stroganovskom vosstanoviat zatoplennye goroda Dedyukhin i Lenva* [The flooded towns of Dedyukhin and Lenva will be restored in Usolye Stroganovskiy]. 22 avgusta 2020. Available at: <https://59i.ru/novosti/novosti-permi-i-permskogo-kraja/v-usole-stroganovskoe-vosstanovjat-zatoplennye-goroda-dedyuhin-i-lyonva.html>
- Plotiny i razvitie: novaia metodicheskaiia osnova dlia priniatiia reshenii. Otchet vsemirnoi komissii po plotinam* [Dams and development: a new methodological framework for decision-making. Report of the World Commission on Dams]. M. Vsemirnyi fond dikoi prirody (WWF), 2009. Plotina.Net. Available at: <http://www.plotina.net/>
- Pogrebennye volnami. *Taina dereven', zatoplennykh Krasnoyarskim morem* [Buried by the waves. The mystery of villages flooded by the Krasnoyarsk Sea], *AiF na Enisee*. 09.04.2015. Available at: <https://krsk.aif.ru/dosug/1489277>
- Razuvalova, A.I. *Pisateli – «derevenshchiki»: literatura i konservativnaia ideologiia 1970-kh godov* [Writers - "ruralists": Literature and Conservative Ideology in the 1970s]. Moscow: NLO, 2015.
- Russkuiu Atlantidu proshche naiti zimoi* [Russian Atlantis is easier to find in winter]. 16.01.2017. Available at: [https://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/russkuyu-atlantidu-proshche-nayti-zimoi/?sphrase_id=27735%20\[Videorolik%20c%20YouTube\]](https://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/russkuyu-atlantidu-proshche-nayti-zimoi/?sphrase_id=27735%20[Videorolik%20c%20YouTube])
- Riabov Iu.V. *Pereselenie zhitelei i perenos stroenii iz zony zatopeniia vodokhranilishcha Bratskoi GES* [Population Resettlement and Dwelling Removal from Flooded Area of Bratsk Hydroelectric Power Station Reservoir], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, no. 6, pp. 226–230.
- Riabov Iu.V. *Reshenie voprosa vyplaty kompensatsii naseleniiu v raionakh sooruzheniia angarskikh GES* [Solving the Problem of Paying Compensations to the Population in the Areas of Angara Hydropower Facility Construction], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 11, pp. 358–361.
- Riabov Iu.V. *Istoriia pereseleniia naseleniia iz zon sozdaniia Angarskikh vodokhranilishch (1950–1970-e gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [History of the Resettlement of Population from the Angara Reservoirs Creation Zones (1950s–1970s): PhD thesis in History]. Ulan-Ude, 2016.
- Riabov Iu.V. *Obrazy zatopeniia naselennykh punktov vodokhranilishchem GES v literaturnykh tekstakh sovetskogo perioda kak otrazhenie istoricheskoi epokhi* [Description of Flooding the Settlements, Laid in the Reservoir Bed of the Hydroelectric Power Plant, in

- the Literary Texts of the Soviet Period as a Reflection of the Historical Era], *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2020, no. 3, pp. 116–122.
- Senchin R. *Zona zatopleniia* [The flood zone]. Moscow, 2015.
- Sliva I.V. *Istoriia gidroenergetiki Rossii* [History of Hydropower in Russia]. Tver': Tverskaia tipografiia, 2014.
- Sotnikova V. *Sibirskaia Atlantida ili tainy Obskogo moria / rabota shkol'nitsy 9 klassa na saite Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Siberian Atlantis, or the Secrets of the Sea of Ob / work of a 9th grade schoolgirl on the website of the Russian Geographical Society]. 2019. Available at: <http://www.rgo-sib.ru/ca1/27.htm>
- Tainy zatoplennykh dereven'* [Secrets of flooded villages]. 08.05.2019. Available at: <http://t7-inform.ru/s/videonews/20190508121504>
- Tur na vykhodnye. Russkaia Atlantida* [Weekend tour. Russian Atlantis]. Available at: <https://tourvpoiske.ru/atlantisrus>
- Foster H. Arkhivnyi impul's [Archive Impulse], *Khudozhestvennyi zhurnal*, 2015, no. 98. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/10/article/133>
- Tsypushtanov V. *Gorod za Lenvinskimi zalivami* [The City Beyond the Lenvin Bays]. 04.03.2016. Available at: <http://www.beriki.ru/2016/03/04/gorod-za-lenvinskimi-zalivami>
- Chepel' M.A. Podgotovka lozha vodokhranilishcha Bratskoi GES pod zatoplenie pervoi ocheredi (1956–1961 gg.) [Preparing the Bed of Bratsk Hydro Power Plant Reservoir for Water-Flooding of a First Stage (1956–1961)], *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2014, no. 2, pp. 50–59.
- Schönle A. *Arkhitektura zabvenii: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni* [Architecture of oblivion. Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia]. Moscow: NLO, 2018.
- Energetika: Istoriia, nastoiashchee i budushchee. Kniga 5. Elektroenergetika i okhrana okruzhaiushchei sredy. Funktsionirovanie energetiki v sovremennom mire* [Energy: History, Present and Future. Book 5. Electric Power and Environmental Protection. The Functioning of Energy in the Modern World]. Available at: <http://energetika.in.ua/ru/books/book-5/part-3/section-4/4-2/4-2-2>.
- Roelstraete Dieter. The Way of the Shovel: On the Archeological Imaginary in Art, *E-Flux Journal*, 2009, no. 04 – March. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/04/68582/the-way-of-the-shovel-on-the-archeological-imaginary-in-art/>

УДК 821.161.12

DOI: 10.17223/2312461X/34/10

ЗАБЫТЬ, ЧТОБЫ ВСПОМНИТЬ (ПАМЯТЬ О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ В XXI в.)*

Светлана Геннадьевна Маслинская

Аннотация. Культ пионеров-героев в позднесоветский период опирался как на литературные репрезентации героизма детей, так и на ритуальные практики коммеморации. После упразднения пионерской организации в 1991 г. культ подвергся серьезной трансформации: ритуальная поддержка была утрачена, текстовая пережила период забвения. Начиная с 2000-х гг. наблюдается возрождение культа детского героизма, проявленного во время Великой Отечественной войны. В отсутствие ритуальной поддержки единственной восстановленной формой культа является тиражирование биографий пионеров-героев в книжной продукции и сети Интернет. Представлены результаты исследования как современной книжной продукции о пионерах-героях, так и материалов, размещенных на сайтах различных институциональных и неинституциональных (ностальгических) сообществ. Книжные издания в подавляющем большинстве опираются на советскую литературную традицию изображения пионеров-героев, за редким исключением (Э. Веркин «Облачный полк») их авторы (В. Воскобойников, А. Печерская, О. Бойко) транслируют позднесоветское понимание детского героизма. В кратких редакциях биографий пионеров-героев, опубликованных на различных интернет-ресурсах и также восходящих к советскому времени, сохраняются стилистические черты, присущие первоисточникам. Утрата ритуального контекста ведет к трансформации поэтики текстов. Установка на достоверность изображаемого детского героизма в советской детской литературе и публицистике сменяется в современных биографических «мемах» на эпическую дистанцию. Официальный нарратив о пионерах-героях, сжатый до кратких редакций их биографий, и индивидуальную ретроспекцию в пионерское детство объединяет лиро-эпическая модальность, которая задает рамки памяти, превращающие пионеров-героев в персонажей баллад и эпических легенд.

Ключевые слова: пионеры-герои, память о войне, символическая политика, культурный ресайклинг, Э. Веркин

Герои и героизм являются важной частью современной российской символической политики. Дети-герои, прославившиеся участием в Великой Отечественной войне, долгое время оставались важнейшими символическими фигурами для послевоенной политики памяти о войне. В настоящее время их культ переживает если не ренессанс, то определенный подъем, связанный с легитимацией нынешней властью, которая использует этот культ в пропагандистских целях. Символическая поли-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 19-18-00414, «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)»).

тика в первое двадцатилетие XXI в. в отношении детей заметно эволюционировала: от практически полного забвения и вытеснения пионеров-героев из публичного дискурса к возвращению. Важнейшую роль в смене вектора сыграла государственная политика в сфере военно-патриотического воспитания: если в 1990-е гг. патриотизм не был доминирующим концептом в организации воспитательной системы подрастающего поколения, то начиная с 2000-х гг. он им становится (см. специальные нормативные акты: «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» (2000), государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и мн. др.). В последние годы «интерес к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам, в том числе сохранение памяти о подвигах защитников Отечества» стал заметной частью патриотического воспитания молодежи (Патриотическое воспитание...).

Впрочем, разрыв в функционировании культа детей-героев, пришедшийся на 1990-е гг., и трансфигурация культовых практик привели к тому, что внимание к детям-героям проявляют не все агенты создания метанарратива о войне 1941–1945 гг., и устойчивость этого внимания тоже серьезно разнится.

От славы к забвению

Дети, совершившие героические поступки, в советское время именовались групповым термином *пионеры-герои* (каждый отдельный ребенок – *пионер-герой*). Содержание этих поступков находилось в прямой зависимости от меняющихся идеологических запросов и исторических обстоятельств: в начале 1930-х – борьба с кулаками, в середине 1930-х – борьба со шпионами, в 1940-е – борьба с фашистскими захватчиками¹ и т.д. Культ пионеров-героев был широко известен, поддерживался ритуальными практиками и различными средствами пропаганды. Эти средства были обращены как на взрослых, так и на детей. Пионерские отряды боролись за право носить имя героя, занимались поисковой деятельностью, чтобы восстановить обстоятельства жизни и смерти ребенка-героя, о пионерах-героях снимались фильмы и писались песни, в школах размещались стенды с изображениями наиболее известных пионеров-героев, их памяти посвящались торжественные сборы и «вахты у мемориалов» (комсомольские и пионерские почетные посты, приуроченные обычно ко Дню Победы). Еще одним каналом формирования и поддержания культа была художественная литература, адресованная детям и знакомящая их с подвигами юных героев.

Литература о пионерах-героях выходила как в специальных сериях, так и отдельными изданиями. Многие книги были заказаны известным советским литераторам и литературным функционерам (Виталий Губа-

рев, Лев Кассиль, Надежда Надеждина, Юрий Корольков, Антонина Голубева и др.), при этом немало книг было создано авторами, ничего другого практически не писавшими (Аэлита Гребенина, Людмила Козлова, Юрий Нечаев, Георгий Дубинский и мн. др.). Беллетризованные биографии пионеров-героев адресовались детям разного возраста: для читателей начальной школы выпускалась серия небольших по объему произведений в издательстве «Малыш» (Пионеры-герои 1967–1969), для тех, кто постарше, более объемные – в серии «Юные герои» издательства «Молодая гвардия» (напр., Луговой 1984; Надеждина 1985). Для среднего и старшего возраста печатались десятки жизнеописаний пионеров-героев как в отдельных изданиях, так и в сборниках. Книги о пионерах-героях выходили большими тиражами: например, выпуски серии «Пионеры-герои» вышли в 1974 г. тиражом 100 тыс. экз. каждый (Пионеры-герои 1974). Одновременно издавались краткие редакции жизнеописаний пионеров-героев, составленные методистами домов и дворцов пионеров для воспитательной работы с детьми, авторство этих брошюр не указывалось (Пионеры-герои 1982). Краткие редакции содержали основную информацию о подвиге пионера-героя и отдельные факты его биографии (место рождения, учебы, интересы). Такие редакции имели самое широкое распространение: печатались в виде буклетов с портретами героев, размещались на стендах в пионерских комнатах, вписывались детьми в так называемые пионерские дневники и пр. Таким образом, текстовая поддержка культа пионеров-героев была весьма разнообразной по жанрам, возрастной адресации и объему.

Однако с начала 1990-х гг., после упразднения пионерской организации в 1991 г., культ пионеров-героев подвергся ревизии. Прежде всего был пересмотрен состав пионеров-героев. Борцы с кулаками и шпионами, и в особенности пионер № 1 (под этим номером он вошел в «Книгу почета Всесоюзной пионерской организации») Павлик Морозов, были дискредитированы². Детей-героев Великой Отечественной войны эта кампания практически не коснулась³, хотя в начале 2000-х гг. было несколько заметных информационных поводов, подвергающих сомнению историчность пионеров-героев. Например, в 2001 г. в «Московском комсомольце» была опубликована статья с довольно провокационным названием «Пионер-герой оказался девочкой», в которой сообщалось, что фотообраз Лёни Голикова, создававшийся в 1958 г. спустя 15 лет после его гибели, недостоверный: в качестве модели выступила сестра героя (Гамаюн 2001); спустя три года заметка была републикована в том же издании, и в течение последующих 20 лет время от времени эта информация появляется в интернет-изданиях:

Как выяснилось, детских фотографий Леонида у его матери не сохранилось, поэтому, когда ему было присвоено звание Героя Советско-

го Союза, репортёры переодели в «партизана»... его младшую сестру, Лиду. Именно образ Лиды Голиковой стал «Лёней Голиковым» для миллионов советских пионеров (Сидорчик 2014).

В 2006 г. пионеров-героев объявили «диверсантами-карликами» – детьми, которые специально были подготовлены партией для организации подрывной деятельности на оккупированных территориях (Холодная 2006). Эта конспирологическая версия, к слову, оказалась востребована в искусстве: в 2009 г. на российские экраны вышел полнометражный мультфильм «Первый отряд» (режиссер Ёсихару Асино, сценаристы Михаил Шприц и Алексей Климов), в котором пионеры-герои являются членами диверсионной группы, состоящей из подростков и сформированной еще до начала войны. Фильм вызвал резко отрицательные отзывы у старшего поколения зрителей и положительные – у молодежи. Особенности такой рецепции этого аниме связаны с поколенческим и социально-культурным опытом зрителей (подробнее об этом см. (Маслинская 2011)). Поляризация зрителей свидетельствовала об имеющейся на тот момент у старшего поколения острой потребности воссоздать некогда единый непротиворечивый нарратив о пионерах-героях, разделяемый всеми, независимо от возраста. Важным свойством репрезентации этого нарратива в советское время была исключительно реалистическая форма письма (военно-историческая повесть), новые эстетические приемы (аниме) отпугнули старшее поколение, которое не было готово мириться с новациями в трансляции культа. Проявленный эстетический ригоризм сигнализировал о том, что культ пионеров-героев сохраняет высокий символический потенциал и стоит ожидать его репродуцирования в старых привычных формах. Что и произошло, несмотря на то что в течение 10 лет культ практически не поддерживался сверху (литература о пионерах-героях не издавалась, кинопродукция не выпускалась), а привычные коммеморативные практики не воспроизводились.

От забвения к припоминанию

Обеспокоенность старшего поколения, сопротивлявшегося уходу пионеров-героев из активной памяти взрослых россиян и подрастающего поколения, в сочетании с новой концепцией патриотического воспитания, которая начала внедряться государственными органами с 2001 г., дала определенные результаты – сейчас популяризация знаний о пионерах-героях в средствах массовой информации осуществляется в привычных старшему поколению нарративных формах. Прежде чем сосредоточиться на содержании и стилевых особенностях этого обновленного нарратива о пионерах-героях, стоит остановиться на этапах двадцатилетнего пути, которые демонстрируют его постепенную реставрацию.

Для первого десятилетия XXI в., когда распространение информации через сеть Интернет еще не было столь широким, носители культа остро нуждались в пропагандистской литературе. Среди них были представители не только старшего поколения, но и среднего – родители детей младшего и среднего школьного возраста. Среднее поколение воспитывалось на военно-исторической беллетристике о пионерах-героях в 1970–1980-е гг. Именно это поколение сформулировало запрос на возобновление «хорошо знакомых» изданий. Так, в ностальгическом сообществе «76_82» «Живого журнала» в 2011 г. было опубликовано объявление:

Ищу книги серии «Пионеры-герои». Помню из детства серию таких тонких книжек формата А4 с иллюстрациями для младшего школьного возраста. Зина Портнова, Марат Казей, Мяготин Коля... Было бы здорово, если бы кто-то отсканировал и выложил в сеть: хочу распечатать на цветном принтере, сверстать и читать своему сыну. Сейчас, к сожалению, такой литературы в продаже нет, а воспитывать ребенка на комиксах с человеком-пауком не хочется (Oslobyk).

Действительно, в 1990-е гг. и в самом начале 2000-х гг. советские книги о пионерах-героях не переиздавались, как и не создавались новые произведения. Отдельные публикации, посвященные малоизвестным детям-героям, выходили в периодических изданиях («Московский журнал», «Морской пехотинец»), в 2002 г. в издательстве газеты «Правда» вышли четыре книги о пионерах – героях Советского Союза (Андреев 2002; Борисов 2002; Леонтьев 2002; Сергеев 2002;). Тонкие брошюры, изданные на газетной бумаге, содержали плохо отредактированные биографические рассказы, авторы которых опирались на официальные советские биографии этих детей (так, Александр Сергеев в сокращенном виде перепечатывает повесть Бориса Костюковского «Нить Ариадны», опубликованную в 1975 г. (Костюковский 1975)).

С середины 2000-х гг. ситуация начинает принципиально меняться: в 2004 г. Алла Сухова издает книгу «о героических подвигах детей в годы Великой Отечественной войны» (Сухова 2004: 2); в 2004–2011 гг. шесть раз переиздается сборник рассказов о пионерах-героях «Дети – герои Великой Отечественной войны» под редакцией Анны Печерской (Печерская 2004)⁴. В нем девять рассказов о наиболее известных в советское время пионерах-героях. В 2011 г. выходит книга Александра Бондаренко «Юные герои Отечества» (Бондаренко 2011), ее содержание шире, чем в вышеупомянутом сборнике Печерской: она включает 33 рассказа о пионерах-героях. В нескольких вышедших в эти годы изданиях компилируются художественные произведения советских писателей о событиях военных лет (Михаил Зощенко «Храбрые дети», «Леночка»; Борис Дубровин «Восемнадцатилетний» и др.) и

«художественно-документальные» жизнеописания пионеров-героев (Юрий Корольков «Лёня Голиков», Вячеслав Морозов «Марат Казей», Григорий Набатов «Зина Портнова») (напр., (Рассказы... 2010)). Тиражи этих изданий невелики: от 2000 до 5000 экземпляров. Еще одним каналом распространения знания о пионерах-героях становятся детские журналы, впрочем, количество публикаций в них незначительно (Куличкин 2015; Клиентов 2018; Евсеев 2020; Кириллов 2020).

Содержательные и стилистические свойства публикуемых жизнеописаний пионеров-героев мало отличаются от тех, что можно обнаружить у их советских предшественников. Частью это дословное воспроизведение советских изданий биографий детей-героев⁵, частью переложения, близкие и по набору эпизодов, и по стилю изложения. Так, Валерий Воскобойников переставляет местами эпизоды в своем варианте жизнеописания Лёни Голикова (Рассказы... 2015). У Юрия Королькова, на которого опирается Воскобойников, повествование разворачивается в хронологической последовательности, тогда как Воскобойников начинает свой рассказ с эпизода захвата генерала и его чемодана с документами, а только затем обращается к изображению детства героя. При этом тексты очень близки. Сравним два отрывка в двух редакциях:

Эпизод 1: Лёня и отец

У Королькова:	У Воскобойникова:
Но вот однажды, когда Лёнька был уже пионером, в семье Голиковых случилось несчастье. Отец провалился в холодную воду, простудился и тяжело заболел. Он пролежал в постели много месяцев, а когда встал, не мог уже работать плотовщиком. Позвал он Лёньку, посадил перед собой и сказал: – Вот что, Леонид, надо тебе семье помогать. Плох я стал, болезнь совсем замучила, иди на работу... И отец устроил его учеником на подъёмном кране, который грузил на реке дрова, брёвна (Корольков 1980: 6).	Размеренная жизнь оборвалась, когда Лёне было двенадцать лет. Отец тяжело заболел, едва поднимался с постели и однажды, серьезно смотря в глаза сыну, сказал: – Детство твое, Леонид, закончилось. Теперь ты будешь в семье главным кормильцем. – И устроил Лёню на сплавпункт помощником крановщика (Рассказы... 2015: 116–117).

Эпизод 2: Лёня и генерал

У Королькова:	У Воскобойникова:
Машина подошла к мостику, притормозила, и Лёнька, размахнувшись, бросил в неё гранату. Грохнул взрыв. Лёнька увидел, как из автомобиля выскочил гитлеровец в белом кителе с красным портфелем и автоматом. Лёнька выстрелил, но не попал. Фашист убежал. Лёнька погнался за ним.	Перед мостиком через лесную речушку машина притормозила, и как раз на этих словах из-за кучи камней, возвышающихся над канавой, показалась чья-то рука и швырнула в машину гранату. Раздался оглушительный взрыв, машина резко дернулась и встала.

Офицер оглянулся и увидел, что за ним бежит какой-то мальчишка. Совсем маленький. Если бы их поставить рядом, мальчишка едва бы достал ему до пояса. Офицер остановился и выстрелил. Мальчишка упал. Фашист побежал дальше (Корольков 1980: 23).	13 августа 1942 года фашистский генерал Рихард фон Вирц из последних сил убежал от русских партизан по большой поляне к лесу. Оглянувшись, он увидел невозможное: за ним с автоматом в руках вместо бородатых мужиков гнался мальчишка в потрепанной одежде. Приостановившись, генерал дважды выстрелил в него из пистолета, но мальчишка успел упасть на землю, и пули пролетели мимо (Рассказы... 2015: 110).
--	---

В одном из интервью Валерий Воскобойников утверждает, что издательство «уговорило» его «преподнести эту тему по-новому». Писатель видит себя продолжателем литературной традиции изображения пионеров-героев: «...история этих рассказов началась в конце 1940-х годов. С тех пор стилистика и лексика сильно изменились, как и наши знания о подробностях тех событий». Он пишет, как и почему он «“подправил” эту историю» (Глезеров 2019: 5), стремясь отразить исторические факты: если у Королькова генерал Рихард фон Виртц был застрелен Лёней Голиковым, то у Воскобойникова генерал лишь притворился мертвым, что, по мнению современного автора, более соответствует исторической правде. «Бородатые мужики», «сплавпункт» и «помощник крановщика» – дань Воскобойникова современной лексике. Вопреки утверждениям писателя, сравнение текстов показывает, что речь идет лишь о незначительных, преимущественно стилистических изменениях.

Какие значимые различия в советских и в современных версиях жизнеописаний пионеров-героев можно обнаружить?

Во-первых, в современных редакциях значительно сокращены, если не сказать удалены, сцены насилия фашистов над детьми-героями. Например, в повести Василия Смирнова «Зина Портнова», опубликованной в 1980 г. в серии «Библиотека юного патриота. О Родине, подвигах, чести» (Смирнов 1980), фрагмент описания истязаний Зины Портновой изобилует натуралистическими подробностями:

...В начале января в полоцкой тюрьме стало известно, что юная партизанка приговорена к расстрелу.

Она знала, что утром ее расстреляют.

Вновь переведенная в одиночную камеру, свою последнюю ночь Зина провела в полузабытии.

Она уже ничего не видит. У нее выколоты глаза... Фашистские изверги отрезали ей уши... У нее вывернуты руки, раздроблены пальцы... Неужели когда-нибудь придет конец ее мукам!.. Завтра все должно кончиться. И все же эти палачи ничего от нее не добились. Она давала клятву в верности Родине и сдержала ее. Она клялась мстить беспощад-

но врагу за то горе, которое он принес советским людям. И она отомстила как смогла.

Мысль о сестренке снова и снова заставляла трепетать ее сердце. «Милая Галочка! Ты осталась одна... Вспоминай меня, если останешься в живых... Мамочка, отец, помните свою Зину».

Слезы, смешиваясь с кровью, вытекали из изувеченных глаз – плакать Зина еще могла... (Смирнов 1980).

У Аллы Суховой истязания перечисляются списком: «Гитлеровцы пытали юную партизанку изощренно и жестоко. Зину избивали, загоняли под ногти иголки, жгли каленым железом» (Сухова 2004: 28). В публикации Валерия Воскобойникова есть указание, что Зину «допрашивали, жестоко пытая», а в версии Дмитрия Пронина коротко констатируется, что «девушку пытали» (Пронин 2017: 21). Справедливости ради надо признать, что и в книге Григория Набатова, которая неоднократно переиздавалась с 1967 г. и была адресована младшему школьному возрасту, пытки не описывались. Тем не менее общая тенденция заметна: в книгах, изданных в последнее двадцатилетие, авторы избегают изображать физическое насилие над детьми-героями. Не является исключением и недавнее издание 2020 г., в котором пытки только упоминаются: «больше месяца девушку жестоко пытали» (Бойко 2020: 31).

Второе, чего сторонятся современные популяризаторы подвигов детей-героев, это упоминания их членства в пионерской организации. В советских вариантах биографий пионеры-герои очень трепетно относятся к своему званию пионера и пионерскому галстуку как основному атрибуту. Так, Володя Дубинин постоянно носил пионерский галстук, снимая его только «тогда, когда бывал недоволен собой и не заканчивал начатое дело» (Кассиль, Поляновский 1980: 5). В версии Григория Набатова начальник гестапо капитан Краузе проверяет принадлежность Зины Портновой к Коммунистической партии и получает прямой ответ:

– Я уверен, Портнова, – зашептал он, – что ты не коммунист, не комсомолка.

– Ошибаетесь, господин палач! – впервые за всё время допросов выкрикнула Зина. – Я была пионеркой. Сейчас – комсомолка (Набатов 1979: 17).

Этот диалог выпал из вариантов биографии Аллы Суховой, Валерия Воскобойникова и Дмитрия Пронина, как и в целом слово «пионер». Оно не встречается ни разу в названных произведениях.

С одной стороны, это дань историческим фактам: мало кто из прославленных детей-героев был пионером, большинство из них в ходе войны вышли из пионерского возраста (верхняя граница членства в пи-

онерской организации была 14 лет) и либо вступили в комсомол, как Лёня Голиков и Зина Портнова, либо просто не были членами молодежной партийной организации. С другой стороны, вытеснение «пионерской символики» из детской литературы – характерное свойство современной литературной продукции для детей. Когда речь идет о символически нагруженных текстах, связанных с привитием патриотизма и памяти о Великой Отечественной войне, принадлежность героев к пионерской организации может оказаться нерелевантной воспитательным задачам.

Таким образом, произведения о юных защитниках Родины, которые издавались в первое десятилетие XXI в., по большей части повторяют советские версии биографий пионеров-героев. Имеющиеся отличия (отказ от изображения телесного насилия над детьми и отсутствие акцента на членстве героя в пионерской организации) демонстрируют современные тенденции в изображении детства в литературе патриотического толка. Среди создателей культа детей, отдавших жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками, заметно стремление оградить 7–10-летних читателей от травмирующей информации (именно младшие школьники являются адресатами произведений Суховой и Воскобойникова). Охранительный дискурс сейчас в целом занимает довольно прочные позиции в дискуссиях о допустимости изображения насилия в детской литературе. Применительно к литературе о Великой Отечественной войне такая позиция приводит к сужению репертуара экспрессивных средств выразительности в произведениях. А вместе с этим снижается и эмоциональный отклик у читателей. Этот эффект, очевидно, соответствует задачам современных авторов, стремящихся скорее проинформировать юных читателей о существовании в XX в. детей-героев, чем сформировать эмоциональную сопричастность по отношению к ним, что было столь важно для советских текстов этого жанра. Так же значимо было и указание на членство в пионерской организации, которое в современных политических условиях выглядит излишней деталью, ничего не добавляющей к портрету ребенка-героя.

Право на забвение

Особое место в ряду разбираемых произведений о пионерах-героях занимает «Облачный полк» Эдуарда Веркина, изданный в 2012 г.⁶ В отличие от упомянутых выше рассказов, «Облачный полк» имеет жанровое определение – повесть. В этом жанре это единственное новое произведение о пионере-герое, изданное с середины 1980-х гг. Типологически «Облачный полк» соотносим с «Улицей младшего сына» Льва Кассиля и Макса Полиновского, «Партизанкой Ларой» Надежды Надеждиной и «Партизаном Лёней Голиковым» Юрия Королькова. С последней названной книгой эту повесть объединяет и главный герой.

Однако приемы изображения героя значительно отличаются от принятых в советской детской литературе. Новые способы создания образа пионера-героя кратко, но внятно представлены в небольшой критической статье Софьи Сапожниковой: овзросление героя (в повести Лёню зовут Саньчем), дегероизация смерти, дискредитация его военной доблести и др. (Сапожникова 2013). Во многих чертах Эдуард Веркин повторил фронтовую лирическую повесть: лирическое повествование от первого лица, натурализм в изображении войны и смерти, включение дополнительных индивидуальных точек зрения на войну за счет имитации личной переписки (детские письма в сумке фашистского фотокорреспондента), смерть молодой женщины Али, любви которой ищет юноша Саньч. Веркин таким образом обращается к традициям лейтенантской прозы. Для советской детской литературы использование этих приемов было нехарактерно, при декларированной в 1960–1980-е установке на психологичность детской литературы в военной прозе для детей она практически не была реализована: дети-герои пионерских житий не знают страха, не испытывают душевного потрясения, убивая человека/фашиста/карателя/полицая, они не показаны в своих слабостях и пристрастиях. Те приемы изображения человека на войне, что были разработаны в лейтенантской прозе, в 1950–1980-е гг. не использовались при создании произведений о войне для детей. Повесть Эдуарда Веркина, таким образом, демонстрирует, как детская литература в стилистическом отношении «догоняет» взрослую.

Важной чертой повести Веркина является и ее композиция: повествование имеет рамочную структуру. Рассказчик вспоминает о том, как он был адъютантом у Лёни Голикова, и делится своими воспоминаниями с правнуком. Фигура «вспоминающего прадеда» крайне важна для создания нового нарратива о войне. К аналогичному приему обращался Альберт Лиханов в своем романе «Мой генерал», впервые опубликованном в 1975 г. и затем неоднократно переиздававшемся. Как указано в аннотации издания 2002 г.: «Главный герой книги – сибиряк Антошка, ученик четвертого класса, которого называли в честь деда. Мальчик очень дружит со своим дедом – боевым генералом, воевавшим в Великую Отечественную войну, учится у него добру, справедливости, умению сопротивляться жизненным невзгодам и быть настоящим человеком» (Лиханов 2002: 4). Идиллические отношения с дедом у Лиханова показаны в модели постфигуративной культуры: внук видит в деде непререкаемый авторитет во всех этических и мировоззренческих вопросах. Поэтому он перенимает дедовскую точку зрения на войну и победу без каких бы то ни было размышлений. Дед предлагает внуку официальную версию войны: победа в войне искупает жертвы, ей принесенные (и сам генерал, и искалеченный друг генерала – герои, других легитимных ролевых моделей у Лиханова нет). Перенимает внук и «ор-

ден Отечественной войны, потому что наследникам по закону оставляет-ся только он, остальные сдаются государству» (Лиханов 2002: 134). Эмоциональная близость с дедом, идеальным наставником и товарищем, по Лиханову, становится залогом надежной трансмиссии памяти о войне.

Другая история у Веркина. Здесь, как и у Лиханова, прадед рассказывает правнуку о войне, но этот рассказчик – представитель младшего поколения воинов, он участвовал в войне подростком. Как пишет Софья Сапожникова, «Неслучайно его (Э. Веркина. – С.М.) рассказчик находит общий язык с обещанным гаджетами правнуком из XXI века, пропустив два ангажированных официальной версией войны поколения» (Сапожникова 2013). Казалось бы, этот прием подкрепляет достоверность нового рассказа, рассказа, лишенного официальных рамок, рассказа-исповеди. Однако нарратив о войне получается не таким стройным. Веркин показывает, что память изменяет рассказчику, который признается: «Мне все время что-то кажется, всю мою жизнь» (Веркин 2012: 28), размышляет, что память «работает до сих пор. Лет восемь назад работала» (Веркин 2012: 12). Забывать прадед научился еще на войне, он старательно вытеснил потрясение, пережитое в начале войны, когда у него на глазах во время бомбежки погибла сестра: «Я не помню и не хочу» (Веркин 2012: 219). Рассказчик – некогда ребенок-воин – отказывается помнить.

Но его правнук хочет знать о войне из первых уст. Вовка является инициатором разбора старья на антресолях, а потом и на чердаке. Выгребая старые вещи, он вынимает как бирюльки одну за другой вещи – зацепки памяти прадеда. Любовь правнука к «старинным вещам», как пишет Веркин, помогает выстроить диалог с прадедом. Правнук борется за материальное наследство (просит оставить старую папиросницу ему, а не другому правнуку Петьке, живо интересуется назначением разнообразного чердачного хлама), но речь идет не об орденах. Личные вещи ветерана – ремень и фотоаппарат – первый он купил после войны, второй сохранился с времен войны, иной природы, чем наградные медали и ордена. Вместе с вещами другого типа, иного символического качества, приходит и другая правда о войне. Вовка заявляет: «Вообще все вещи не надо выкидывать, они со временем только дорожают. Кроме того, старые вещи – это ведь память. Берешь какую-нибудь там ложку и вспоминаешь» (Веркин 2012: 24). Вспоминая о прошлом (не только военном), прадед сознательно привирает о возрасте вещей, об обстоятельствах их появления в его жизни. Рассказчик делает это, отдавая себе отчет в том, что вводит правнука в заблуждение. Такой тип повествователя сходен с «ненадежным рассказчиком» (Booth 1961) – читатель не может доверять ему ни в большом, ни в малом. И именно этот рассказчик, обращаясь к глубинной интроспекции, начинает вспоминать о Герое Советского Союза Леониде Голикове.

Более того, ненадежность человеческой памяти осложняется и «критикой источников», прежде всего визуальных. В повести несколько раз показана ситуация фотографирования: в противогазе на чердаке фотографируется правнук Вовка; военный корреспондент приезжает в партизанский отряд, чтобы сфотографировать Саныча; после войны писатель, создающий официальную биографию Лёни Голикова, фотографирует сестру Лёни Голикова (об этом эпизоде речь шла выше, Веркин прямо использует его в своем тексте). Во всех этих случаях достоверность изображения подвергается дискредитации⁷. Вовка в противогазе заявляет: «Я потом фоном биохазард прифотошоплю» (Веркин 2012: 22). Эпизод с фотографированием Саныча содержит ироническую рефлексию прославленного пионера-героя о достоверности фотоизображения:

– ...А там тебя корреспондент, между прочим, ищет. Фотографировать хочет. Ковалец кивнул в сторону штаба.

– Пусть вон Митьку сфотографирует, – Саныч ткнул меня в бок.

– Зачем? – не понял Ковалец. – Герой-то у нас ты. Вот когда он героем станет, то и его сфотографируют.

Ковалец подмигнул мне.

– А какая разница? – пожал плечами Саныч. – Все равно никто ведь не знает, как я выгляжу.

– Как это какая разница?! Это же документ эпохи! В штабе не дураки сидят, сказано сняться так и иди, снимайся!

– А давай ты за меня сфотографируешься, – предложил Саныч. – А что? Ты же, наверное, тоже готовился. Сапоги, гляжу, почистил, причёску причёсал. Вот и давай, разрешаю. Я не обижусь, честное слово!

Ковалец начал злиться. Он быстро злиться начинает, раньше работал плотогоном, любит поорать, умеет, а матерится так, что неосторожные комары замертво падают еще на полете. Только на Саныча ори не ори, матерись не матерись, его не пробить, он как трактор, как танк даже, знай, зевает.

– Разве это важно, кто на карточке будет? Главное, чтобы люди смотрели и говорили – от он, герой! Мужественный человек... (Веркин 2012: 47).

В повести Веркина, таким образом, оказываются дискредитированы не только воспоминания очевидцев, к которым принято апеллировать в современной историографии Великой Отечественной войны, но и «документы эпохи». Вслед за этим становится очевидно, что недостоверен и любой документ о прошлом – фото, письмо, дневник. Проблематизируется не только достоверность тех или иных источников, но и полнота исторической памяти. Уничтожение фактов о войне подается как право на забвение, которым обладают пережившие войну: Саныч уничтожает фотографии, найденные в сумке фашистского корреспондента, затем

засвечивает пленку в фотоаппарате фашиста, его адъютант пытается остановить его: «Это ведь не просто фотографии, это свидетельства. Документы эпохи, может, это следует сохранить, чтобы потом не говорили, что этого не было...» (Веркин 2012: 221). Однако Саныч сознательно предает забвению зафиксированные факты, вычеркивает их из истории.

То, что настоящее не поддается фиксации, – важнейший лейтмотив повести. Веркин дискредитирует вообще возможность референции: настоящей правды о войне не то что не узнать, ее нет как таковой. Любая фиксация искажает. Такой исторический релятивизм – характерная черта современной литературы о прошлом («все могло быть иначе»), особенно для жанра альтернативной истории. Вовка, рассуждая о засвеченной пленке военных лет, говорит прадеду: «Правильно, чтоохранишь, – кивает Вовка. – Сегодня нельзя проявить, а завтра можно будет, техника ведь на месте не стоит. Придумают новый сканер, глядишь, и увидим» (Веркин 2012: 24). Этот оптимизм не разделяет ни рассказчик, ни автор. Прошлое ускользает не потому, что стирается из памяти или истлевает в документах, а потому что нет онтологической возможности реконструировать его как событие.

Репликация мифа

Проблематика памяти, заявленная в повести Веркина, не получила развития в современной детской литературе. За редкими исключениями⁸ в ней продолжилась репликация советских биографий. Новой площадкой для трансляции официального нарратива о детях-героях стала сеть Интернет. Если обратиться к анализу электронных публикаций их жизнеописаний, то можно обнаружить ряд примечательных особенностей, для описания которых более всего подходят метафоры ресайклинга и гальванизации.

При сборе репрезентаций пионеров-героев за последнее десятилетие в сети Интернет, мною учитывался характер источника: библиотечный сайт, электронное СМИ, музейный сайт, сайт Дома творчества юных, ностальгическое сообщество и др. Собранные мною биографические тексты (219 кратких редакций) представляют собой где-то точные перепечатки советских кратких редакций жизнеописаний пионеров-героев, где-то их исправленные и дополненные версии⁹. Как правило, это подборки коротких текстов о детях-героях, собранные под одним заглавием, например, «Дети – Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 и их подвиги», «Семь самых известных пионеров-героев», «Юные герои Великой Отечественной войны и их подвиги», «Дети герои и их подвиги», «Семь известных пионеров-героев Второй мировой войны», «Большой подвиг маленьких героев», «Маленькие герои боль-

шой войны», «Мужали мальчишки в бою», «Твои ровесники сражались», «Наше детство огнём опалила война», «Война прошла по детским судьбам», «Дети войны: истории маленьких героев», «Дети – герои войны. Знаем. Помним», «Юные герои Великой Победы». В эти подборки входят 5–10 текстов. Самыми популярными персонажами новейших интернет-мартирологов являются широко известные в советское время Лёня Голиков, Марат Казей, Зина Портнова. Они героически погибли, им посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза. Их широкая в советское время известность способствовала тому, что при возвращении культа именно их биографии становятся наиболее популярными среди составителей новейших интернет-мартирологов.

Так, например, на сайтах различных общественных групп и культурных учреждений можно встретить практически идентичные краткие биографии Лёни Голикова, восходящие к советским брошюрам 1970–1980-х гг.:

Он рос обыкновенным деревенским парнишкой. Когда немецкие захватчики заняли его родную деревню Лукино, что в Ленинградской области, Лёня собрал на местах боев несколько винтовок, раздобыл у фашистов два мешка гранат, чтобы передать их партизанам. И сам остался в партизанском отряде. Воевал наравне со взрослыми. В свои 10 с небольшим лет Лёня в боях с оккупантами лично уничтожил 78 немецких солдат и офицеров, подорвал 9 автомашин с боеприпасами. Он участвовал в 27 боевых операциях, взрыве 2 железнодорожных и 12 шоссейных мостов. 15 августа 1942 г. юный партизан взорвал немецкую легковую машину, в которой находился важный гитлеровский генерал. Погиб Лёня Голиков весной 1943 г. в неравном бою. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза (Зажигаем звезды).

Такую биографию разместил у себя на сайте Центр развития творчества детей и юношества (Камчатский край). Как видно, особое внимание составители этого текста уделили количеству уничтоженных врагов и единиц техники. Напротив, интернет-газета БЕЗФОРМАТА придает подвигам Лёни Голикова эпический размах и акцентирует внимание на конкретном эпизоде схватки с врагом:

Рос в деревне Лукино, на берегу реки Поло, что впадает в легендарное Ильмень-озеро. Когда его родное село захватил враг, мальчик ушел к партизанам. Не раз он ходил в разведку, приносил важные сведения в партизанский отряд. И летели под откос вражеские поезда, машины, рушились мосты, горели вражеские склады... Был в его жизни бой, который Лёня вел один на один с фашистским генералом. Граната, брошенная мальчиком, подбила машину. Из нее выбрался гитлеровец с портфелем в руках и, отстреливаясь, бросился бежать. Лёня – за ним.

Почти километр преследовал он врага и, наконец, убил его. В портфеле оказались очень важные документы. Штаб партизан немедленно переправил их самолетом в Москву. Немало было еще боев в его недолгой жизни! И ни разу не дрогнул юный герой, сражавшийся плечом к плечу со взрослыми. Он погиб под селом Острая Лука зимой 1943 года, когда особенно лютовал враг, почувствовав, что горит под ногами у него земля, что не будет ему пощады... 2 апреля 1944 года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении пионеру-партизану Лёне Голикову звания Героя Советского Союза (БЕЗФОРМАТА).

Ностальгический сайт «Назад в прошлое» повествует о Лёне Голикове в гораздо более лирической манере, подчеркивает преждевременность гибели героя и агрессивность врага:

Леонид Голиков очень любил свою родную деревню Лукино в Псковской области. После прихода немцев Лёня стал партизаном. Мальчик ходил в разведку, принимал участие в диверсиях, взрывая мосты, эшелоны, железнодорожные пути. В одной из схваток Лёня гранатой подбил автомобиль, в котором был немецкий генерал с важными документами. Почти километр мальчик преследовал отстреливавшегося фашиста, пока не настиг его. Портфель с документами был немедленно отправлен самолетом в Москву. Пионер Лёня Голиков немало повоевал за свою короткую жизнь. Погиб он в 1943 году в бою под селом Острая, в тяжелые дни, когда захватчики особенно лютовали перед уходом с русской земли. Посмертно пионеру Лёне Голикову присвоили звание Героя Советского Союза. И это только часть героев. На долю таких обыкновенных до войны мальчиков и девочек выпало много тяжелых испытаний. Многие из них так и не возмужали, не встретили свою первую любовь, не стали матерями и отцами и не вырастили своих детей. Они навсегда остались юными. Какие бы перемены не совершались в нашей стране, как бы не менялась наша жизнь – нельзя забывать необыкновенных мальчишек и девчонок, спасавших свою страну (Назад в прошлое).

Приведенные примеры демонстрируют, что сайты СМИ в большей степени ориентируются на событийный приключенческий нарратив, а сайты ностальгических сообществ размещают лирические баллады о безвременно ушедших детях-героях. При этом в целом документально-регистрационная модальность встречается гораздо реже лиро-эпической. Именно последняя и была характерна для советского повествования о детях-героях. Лириэпика советского героического нарратива сочетала в себе изображение достоверных событий военной истории с эмоциональной оценкой происходящего.

Результаты статистического анализа содержания 219 современных кратких биографий обнаруживают ту же тенденцию. В биографиях, опубликованных на ностальгических сайтах¹⁰, заметно преобладают слова *ребенок*, *мальчик* и *подросток*. Так, последнее встречается в 6 раз

чаще¹¹, чем в биографиях, размещенных на институциональных ресурсах (музейные и библиотечные сайты, сайты детских образовательных и творческих учреждений)¹². Напротив, в публикациях на сайтах различных учреждений шире представлены лексемы, связанные с темой подвига и героизма, членства в пионерской организации: *пионер, герой, солдат, боец, бой, немец, отряд*. Для этой группы источников характерна и тема увековечивания памяти: речь идет о назывании улиц в честь героев.

Подобное расхождение в употреблении лексем может быть объяснено стремлением участников ностальгических сообществ избегать идеологизированной и одновременно анахронистической лексики. Можно допустить, что журналисты и чиновники образования, в свою очередь склонны попросту копировать советские биографии, именно поэтому их лексический состав больше согласуется с прежними риторическими стандартами. Реплицирование формульной речи советского героического нарратива может восприниматься «копипастерами» как более верное именно в силу своей архаичности, близости исходным образцам. Однако для тех, кто склонен ностальгировать о «героях былых времен», выхолощенный формульный язык плаката уже утратил свою пропагандистскую силу, и его обновление идет по пути снятия идеологически маркированной лексики и усиления лирического начала.

Так или иначе, стилистика современного нарратива о пионерах-героях складывается из сочетания героических и лирических элементов, проявленность которых зависит от типа источника, но общая диффузия тех и других элементов в целом придает современным версиям биографий пионеров-героев лиро-эпическую модальность.

Заключение

Детский героизм – пропагандистский материал, разнообразно применявшийся в формировании ценностной системы советского человека. Пропагандисты и ностальгирующие по стране, за которую готовы были погибнуть даже дети, возвращаются к привычному материалу после десятилетнего перерыва 1990-х гг. И в официальных интернет-изданиях, и в печатной продукции, адресованной детям, подчеркивается, что во время Великой Отечественной войны «тысячи мальчиков и девочек встали на защиту Родины, делая порой то, что было не под силу даже их старшим товарищам» (Бойко 2020: 2). В то же время взрослые, объединенные памятью о пионерах-героях, в своих попытках законсервировать знание о них, действуют исходя из разных мотивов. Если для одних взрослых пионеры-герои – часть повседневности детства (с ее пионерскими линейками и кострами) и, соответственно, памяти о детстве (а не о войне)¹³, то для других (педагогов и музейных работников) пионеры-

герои – материал для патриотического воспитания, в своих функциональных свойствах такой же, как герои Ледового побоища и Бородинского сражения.

Впрочем, современный ритуальный контекст этого материала совсем иной. Культовые практики, утраченные в 1990-е гг., не восстановлены в прежнем масштабе – нет регулярного ритуального оформления культа: борьбы за присвоение пионерскому отряду имени героя, школьных поездов к местам памяти пионеров-героев, «вахт памяти», трудовых рейдов, посвященных памяти пионеров-героев, театрализованных конкурсов и прочих форм, получивших в одной из педагогических диссертаций определение – «длительное воспитание на примере героя» (Пионова 1970: 17). В позднесоветский период в методических пособиях ритуальные практики расписывались поэтапно (Рекомендации... 1977), сейчас сопоставимых методических материалов нет, как нет в том же масштабе и самих практик. Сохраняется только ежегодная календарная приуроченность отдельных мнемонических приемов («уроки памяти», стенгазеты и пр.) к майским торжествам с использованием формульных, высоко клишированных текстов. Календарной приуроченности, равно как и тиражирования кратких биографий, иллюстрированных портретами пионеров-героев, в сети Интернет, по-видимому, недостаточно, чтобы культ вновь охватил широкие массы наших младших современников. Педагоги пытаются преодолеть фрагментарность «мем-трансляции» биографий пионеров-героев простейшими мнемоническими приемами (сеть Интернет полна тестов на знание имен пионеров-героев и их подвигов), но зубрежка не может обеспечить устойчивость памяти о детях-героях.

Трансляция знания о пионерах-героях осуществляется преимущественно за счет перепечатки или переработки советских биографий пионеров-героев (Воскобойников, Пронин, Печерская и др.). На рубеже первого десятилетия XXI в. было как минимум две попытки неортодоксального прочтения героического нарратива о пионерах-героях (Эдуард Веркин «Облачный полк» и анимэ «Первый отряд»), затем (в условиях расширения доступности сети Интернет) стало заметным стремление к репликации биографий пионеров-героев практически в первозданном виде. У создателей неканонических версий этих биографий не было последователей, напротив – количественное масштабирование позднесоветских литературных репрезентаций продолжает увеличиваться за счет тиражирования в Сети их кратких редакций.

Утрата ритуального контекста ведет к трансформации поэтики текстов. Установка на достоверность изображаемого детского героизма в советской детской литературе и публицистике сменяется на эпическую дистанцию в современных биографических «мемах». Способствует созданию дистанции и то, что современные авторы избегают использовать суггестивные приемы изображения мук и гибели пионеров-героев.

В целом официальный нарратив о пионерах-героях, сжатый до кратких редакций их биографий, и индивидуальную ретроспекцию в пионерское детство объединяет лиро-эпическая модальность, которая задает рамки памяти, превращающие пионеров-героев в персонажей баллад и преданий, сближая их с Ильей Муромцем, Иваном Сусаниным и другими легендарными защитниками земли русской.

Примечания

¹ Более подробно об эволюции пропаганды подвигов пионеров-героев см. (Леонтьева 2005; Maslinskaya 2020).

² Вышел ряд громких разоблачительных журналистских материалов, наиболее заметной была книга Ю. Дружникова «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова» (Дружников 1988).

³ За границами нашего исследования оставлены взрослые пародии и другие переработки произведений о пионерах-героях, адресованные взрослым, такие как набор «прото-мемов» студии Артемия Лебедева, вышедших в 2002 г. и состоящих из узнаваемых иллюстраций к биографиям пионеров-героев и краткими пародийными подписями – переработками текстов (Пионеры-герои 2002).

⁴ Этот же сборник вышел под названием «Юные герои Великой Отечественной войны» в 2015 г. и по-прежнему переиздается.

⁵ В отдельных случаях речь может идти о плагиате, как в случае с книгами Анны Печерской, которая перепечатывает под своим именем тексты Юрия Королькова и др.

⁶ Переиздан в 2014 г.

⁷ Ср. сходные наблюдения Т.В. Зверевой в статье (Зверева 2016).

⁸ К таким исключениям стоит отнести сборник рассказов о ленинградских детях, живших в городе во время блокады или погибших, защищая подступы к Ленинграду (Кудрявцева 2015). Впрочем, это по большей части рассказы о «рядовых» детях, никогда не имевших опубликованной героической биографии. Повествование Татьяны Кудрявцевой лишено патриотического начетничества, показывает различные модели не героического, но деятельного поведения на войне.

⁹ См., напр., масштабную энциклопедию «Дети-герои» (<https://www.deti-geroi.ru/deti.php>), инициированную в 2014 г. и постоянно пополняющуюся, которая содержит сотни имен детей-героев советского периода истории России.

¹⁰ Именуются в виду сайты, форумы, где пользователи сети Интернет общаются по поводу советского прошлого, например сайт ностальгического сообщества «Назад в СССР» (<https://back-in-ussr.com/2017/04/sem-samyh-izvestnyh-pionerov-geroev.html>).

¹¹ Три вхождения на 1 тыс. слов и в институциональных источниках – 0,5 вхождений на 1 тыс. слов. Слово «ребенок» встречается в 3 раза чаще, а мальчик – почти в 2,5 раза.

¹² Поскольку части собранного корпуса биографий неравного размера (институциональные источники – 50 (6 173 слова), ностальгические – 78 (10 378 слов)), я сравниваю не количество словоупотреблений, а нормализованную частотность употреблений лексем на тысячу слов.

¹³ Показателен фильм для взрослого зрителя «Пионеры-герои» (2015, реж. Н. Кудряшова), подвергающий рефлексии воспитательные следствия пропаганды героизма в позднем СССР.

Источники

Андреев Б. Валя Котик. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.

BEZФОРМАТА. URL: <https://voronej.bezformata.com/listnews/bolshoj-podvig-malenkih-geroev/31217193>

- Бойко О. Пионеры-герои. Ростов н/Д: Проф-пресс, 2020.
- Бондаренко А.Ю. Юные герои Отечества. М.: Кучково поле, 2011.
- Борисов Л. Лёня Голиков. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Веркин Э. Облачный полк. М.: КомпасГид, 2012.
- Гамаюн Е. Пионер-герой оказался девочкой // Московский комсомолец. № 1128. 2001. 5 апреля. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/06/15/110901-pionergeroy-okazalsya-devochkoy.html>
- Глезеров С. Пионеры-герои: переписывая заново // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 13 июня.
- Евсеев В. Невидимый фронт: как дети-партизаны приближали Победу // Маруся. 2020. № 4. С. 62–63.
- Зажигаем звезды. URL: <https://vilcrtdu.edusite.ru/p20aa1.html>
- Кассиль Л., Поляновский М. Володя Дубинин. М.: Малыш, 1980.
- Кириллов Л. Навсегда юные // Веселые картинки о природе. Филя. 2020. № 2. С. 2–3.
- Клиентов А. Юные герои // Детская энциклопедия АиФ. 2018. № 4. С. 1–56.
- Корольков Ю. Лёня Голиков. М.: Малыш, 1980.
- Костюковский Б. Нить Ариадны. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Куличкин С. Подвиг юных // Детская Роман-газета. 2015. № 5. С. 32–35.
- Леонтьев А. Зина Портнова. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Лиханов А. Мой генерал. М.: Астрель; АСТ, 2002.
- Луговой Н. Опаленное детство. М.: Молодая гвардия, 1984.
- Набатов Г. Зина Портнова. М.: Малыш, 1979.
- Надеждина Н. Партизанка Лара. М.: Молодая гвардия, 1985.
- Назад в прошлое. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/student_works/nazimova/pioneers.html
- Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 год. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
- Печерская А.Н. Дети – герои Великой Отечественной войны. М.: Дрофа-Плюс, 2004.
- Пионеры-герои: Альбом-выставка. М.: Малыш, 1967–1969.
- Пионеры-герои. Альбом-выставка: для младшего школьного возраста. М.: Малыш, 1974.
- Пионеры-герои: учебное пособие. М., 1982.
- Пионеры герои. 2002. URL: <https://www.tema.ru/gtg/pionery>
- Пионова Р.С. Формы и методы работы пионерской организации по патриотическому воспитанию на боевых традициях советского народа (на опыте школ Белорусской ССР): дис. ... канд. пед. наук. Минск, 1970.
- Рассказы о юных героях / сост. Р. Данкова. М.: Оникс, 2010.
- Рассказы о юных героях. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2015.
- Рекомендации по работе пионерских дружин и отрядов над именем героя. Таллин, 1977.
- Сергеев А. Марат Казей. М.: ЗАО «Газ. «Правда»», 2002.
- Сидорчик А. Герой, но не пионер. Реальная и мифическая истории Лёни Голикова // Аргументы и факты. 24.03.2014. URL: https://aif.ru/society/history/geroy_no_ne_pioner_realnaya_i_mificheskaya_istorii_leni_golikova
- Смирнов В.И. Зина Портнова. М.: Воениздат, 1980.
- Сухова А. Дети войны. М.: Звонница-МГ, 2004.
- Холодная Л. Пионеры-герои // Проза ру. 26.08.2006. URL: <https://proza.ru/diary/namlet/2006-08-26>
- Юта Бондаровская // Наш Филиппок. 2016. № 3. С. 12–15.
- Oslobyk. Ищу книги серии «Пионеры-герои» // Livejournal.com. URL: <https://76-82.livejournal.com/4962414.html>

Литература

- Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. London: Overseas Publications Ltd., 1988.
- Зверева Т.В. «Облачный полк» Эдуарда Веркина: между фотографией и картиной // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 3. С. 216–222.
- Леонтьева С.Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 89–123.
- Маслинская С.Г. «Жизнь после смерти»: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М.Р. Базиной, В.Г. Безрогова, С.Г. Маслинской, К.А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С. Шеридана. М.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 254–265.
- Капожникова С. «Облачный полк» // Стенгазета. 26.03.2013. URL: <https://stengazeta.net/?p=10009073>
- Booth W.C. The rhetoric of fiction. University of Chicago Press, 1961.
- Maslinskaya S. A Child Hero: Heroic Biographies in Children's Literature // The Brill Companion to Soviet Children's Literature and Film. Vol. 2 / ed. Olga Voronina. Leiden; Boston: Brill, 2020. Pp. 250–302.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

To forget to remember (memory of pioneer-heroes in the 21st century)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/10

Svetlana G. Maslinskaya, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences; Joint Department of the Pushkin House at the HSE University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: braunknopf@gmail.com

The research was supported by the Russian Science Foundation's project No 19-18-00414.

Abstract. The cult of pioneer heroes in the late Soviet period relied on both literary representations of children's heroism and the ritual practices of commemoration. After the abolition of the pioneer organization in 1991, the cult underwent a serious transformation: ritual support was lost, textual support went through a period of oblivion. Since the 2000s, there has been a revival of the cult of children heroes of the Great Patriotic War. In the absence of ritual support, the only restored form of the cult is the reproduction of the biographies of pioneer heroes in books and on the Internet. The article presents the results of a study of modern book products about pioneer heroes and materials posted on the websites of various institutional and non-institutional (nostalgic) communities. The overwhelming majority of book publications rely on the Soviet literary tradition of portraying pioneer heroes. With rare exceptions (E. Verkin "The Cloud Regiment"), their authors (Valery Voskoboinikov, Anna Pecherskaya, Oleg Boyko) replicate the late Soviet understanding of children's heroism. Short editions of the biographies of the pioneer heroes published on various Internet resources also preserve the stylistic features inherent in the original sources of the Soviet era. The loss of the ritual context leads to the transformation of the poetic devices used in the biographies. The focus on the authenticity of child heroism portrayed in Soviet children's literature and journalism is replaced in contemporary biographical "memes" by an epic distance. The official narrative of the pioneer heroes, condensed into short editions of their biographies, and the individual flashback into pioneer childhood are united by the lyrical and epic modality that sets the memory framework that transforms pioneer heroes into characters of ballads and epic legends.

Keywords: pioneer-heroes, memory of the Great Patriotic War, symbolic politics, cultural recycling, Eduard Verkin

References

- Andreev B. *Valia Kotik*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- BEZFORMATA. Available at: <https://voronej.bezformata.com/listnews/bolshoj-podvig-malenkih-geroev/31217193>
- Boiko O. *Pionery-geroi* [Pioneer Heroes]. Rostov-na-Donu: Izdatel'skii dom «Prof-press», 2020.
- Bondarenko A.Iu. *Iunye geroi Otechestva* [Young Heroes of the Motherland]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011.
- Borisov L. *Lenia Golikov*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- Verkin E. *Oblachnyi polk* [The Cloud Regiment]. Moscow: KompasGid, 2012.
- Gamaiun E. Pioner-geroi okazalsia devochkoi [The Pioneer Hero Turned Out to be a Girl], *Moskovskii komsomolets*. № 1128. 5 April 2001. Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/06/15/110901-pionergeroy-okazalsya-devochkoy.html>
- Glezerov S. Pionery-geroi: perepisyvaia zanovo [Pioneer Heroes: Rewriting the Story], *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 13 iyunia 2019.
- Evseev V. Nevidimyi front: kak deti-partizany priblizhali Pobedu [Invisible Front: How Partisan Children Brought Victory Closer], *Marusia*. 2020. № 4. S. 62–63.
- Zazhigaem zvezdy* [Lighting up the stars]. Available at: <https://vilcrtdu.edusite.ru/p20aa1.html>
- Kassil' L., Polianovskii M. *Volodia Dubinin*. Moscow: Malysh, 1980.
- Kirillov L. Navsegda iunye [Forever Young], *Veselye kartinki o prirode. Filia*. 2020, no. 2, pp. 2–3.
- Klientov A. Iunye geroi [Young Heroes], *Detskaia entsiklopediia AiF*, 2018, no. 4, pp. 1–56.
- Korol'kov Iu. *Lenia Golikov*. Moscow: Malysh, 1980.
- Kostiukovskii B. *Nit' Ariadny* [Ariadne's Thread]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1975.
- Kulichkin S. Podvig iunykh [Feat of the young], *Detskaia Roman-gazeta*, 2015, no. 5, pp. 32–35.
- Leont'ev A. *Zina Portnova*. Moscow: ZAO "Gaz. "Pravda", 2002.
- Likhanov A. *Moi general* [My General]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel»; OOO «Izdatel'stvo AST», 2002.
- Lugovoi N. *Opalennoe detstvo* [Scorched Childhood]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1984.
- Nabatov G. *Zina Portnova*. Moscow: Malysh, 1979.
- Nadezhkina N. *Partizanka Lara* [Partisan Lara]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1985.
- Nazad v proshloe* [Back to the Past]. Available at: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/student_works/nazimova/pioners.html
- Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016–2020 god* [Patriotic Education of the Citizens of the Russian Federation for 2016–2020]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
- Pecherskaia A.N. *Deti-geroi Velikoi Otechestvennoi voiny* [Children Heroes of the Great Patriotic War]. Moscow: Drofa-Plius, 2004.
- Pionery-geroi: Al'bom-vystavka* [Pioneer Heroes: Exhibition Album]. Moscow: Malysh, 1967–1969.
- Pionery-geroi. Al'bom-vystavka: Dlia ml. shkol'nogo vozrasta* [Pioneer Heroes: Exhibition Album For Primary Schoolers]. Moscow: Malysh, 1974.
- Pionery-geroi. Uchebnoe posobie* [Pioneer Heroes: A Schoolbook]. Moscow, 1982.
- Pionery geroi* [Pioneer Heroes]. 2002. URL: <https://www.tema.ru/trr/pionery>
- Pionova R.S. *Formy i metody raboty pionerskoi organizatsii po patrioticheskomu vospitaniiu na boevykh traditsiiakh sovetskogo naroda (na opyte shkol Belorusskoi SSR)*. diss. ... kand. ped. nauk [Forms and methods of work of the pioneer organization for patriotic education on the battle traditions of the Soviet people (on the experience of schools of the Belarussian SSR). diss. Candidate of pedagogical sciences]. Minsk, 1970.
- Rasskazy o iunykh geroiakh* [Stories About Young Heroes]. Compiled by R. Dankova. Moscow: Oniks, 2010.

- Rasskazy o iunykh geroiakh [Stories About Young Heroes]. Moscow: Makhaon, Azbuka-Attikus, 2015.
- Rekomendatsii po rabote pionerskikh družhin i otriadov nad imenem geroia [Recommendations for the Work of Pioneer Squads and Detachments on the Name of the Hero]. Tallin, 1977.
- Sergeev A. *Marat Kazei*. Moscow: ZAO «Gaz. "Pravda"», 2002.
- Sidorchik A. Geroi, no ne pioner. Real'naia i mificheskaia istorii Leni Golikova [A hero, but not a pioneer. The Real and Mythical Stories of Lenya Golikova], *Argumenty i fakty*. 24.03.2014. Available at: https://aif.ru/society/history/geroy_no_ne_pioner_realnaya_i_mificheskaya_istorii_leni_golikova
- Smirnov V.I. *Zina Portnova*. Moscow: Voenizdat, 1980.
- Sukhova A. *Deti voyny* [Children of War]. Moscow: Zvonitsa-MG, 2004.
- Kholodnaia Liza *Pionery-geroi* [Kholodnaia Liza. Pioneer Heroes], *Proza ru*. 26.08.2006. Available at: <https://proza.ru/diary/namlet/2006-08-26>
- Iuta Bondarovskaia, *Nash Filippok*, 2016, no. 3, pp. 12–15.
- Oslobyk 2011. Oslobyk Ishchu knigi serii “Pionery-geroi” [Looking for the Book Series “Pioneer Heroes”]. *Livejournal.com*. Available at: <https://76-82.livejournal.com/4962414.html>
- Druzhnikov Iu. *Donoschik 001, ili Voznesenie Pavlika Morozova* [Snitch 001, or the Ascension of Pavlik Morozov]. London: Overseas Publications Ltd., 1988.
- Zvereva T.V. “Oblachnyi polk” Eduarda Verkina: mezhdu fotografiei i kartinoi [“The Cloudy Regiment” of Eduard Verkin: Between the Photo and the Picture], *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Serii: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia, 2016, no. 3, pp. 216–222.
- Leont'eva S.G. Zhizneopisanie pionera-geroia: tekstovaia traditsiia i ritual'nyi kontekst [The Life of a Hero Pioneer: Textual Tradition and Ritual Context]. In: *Sovremennaia rossiiskaia mifologiiia* [Modern Russian Mythology]. Moscow: RGGU, 2005, pp. 89–123.
- Maslinskaia S.G. “Zhizn' posle smerti”: pionery-geroi v sovremennoi mul'tiplikatsii [“Life After Death”: Pioneer Heroes in Modern Cartooning.]. In: *Konstruiiua detskoe: filologiiia, istoriia, antropologiiia* [Constructing the Childhood: Philology, History, and Anthropology]. Ed. by M.R. Balina, V.G. Bezrogov, S.G. Maslinskaya, K.A. Maslinskii, M.V. Tendriakova, S. Sheridan. Moscow: Azimut; Nestor-Istoriia, 2011, pp. 254–265.
- Sapozhnikova S. “Oblachnyi polk” [“The Cloud Regiment”], *Stengazeta*. 26.03.2013. Available at: <https://stengazeta.net/?p=10009073>
- Booth, Wayne C. *The rhetoric of fiction*. University of Chicago Press, 1961.
- Maslinskaya S. A Child Hero: Heroic Biographies in Children's Literature. In: *The Brill Companion to Soviet Children's Literature and Film*. Volume: 2. Ed. Olga Voronina. Leiden; Boston: Brill, 2020, pp. 250–302.

УДК 304.2

DOI: 10.17223/2312461X/34/11

ВООБРАЖАЯ ПРОШЛОЕ, ПРЕОБРАЖАЯ НАСТОЯЩЕЕ: КУЛЬТУРНЫЙ РЕСАЙКЛИНГ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ДИСКУРСЕ ОСОЗНАННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ*

Юлия Андреевна Секушина

Аннотация. В статье рассматриваются «воспоминания» о «забытом» советском прошлом в дискурсе осознанного потребления с точки зрения концепции культурного ресайклинга. Ставшее не востребовавшимся прошлое перерабатывается и приобретает новую символическую и материальную ценность. Во время культурной переработки советское прошлое десемантизируется и деполитизируется, становясь при этом воображаемым. В зависимости от контекста советское дискурсивно превращается в экотренд или в семейную историю и традиции. Прагматика ресайклинга советского прошлого в дискурсе осознанного потребления заключается в том, чтобы вписать zero-waste-практики в современный российский контекст через их доместикацию и преодоление негативных ассоциаций с позднесоветскими бытовыми практиками. Однако помимо коммодификации советского прошлого и встраивания его в новую потребительскую модель дискурс осознанного потребления переопределяет отношения читателей с этим прошлым, делая его частью их личного настоящего.

Ключевые слова: культурный ресайклинг, дискурс осознанного потребления, советское прошлое, экопривычки

Для чего вспоминать «хорошо забытое старое»?

В 2019 г. в Казани в кафе «Тюбетей», где еда подается в одноразовой посуде, я случайно стала свидетельницей ситуации, заинтересовавшей меня. Посетительница, обедавшая в компании коллег, стала забирать с собой одноразовую посуду, на что ее коллеги отреагировали явным удивлением и иронией. Она же ответила им, что раньше сама смеялась над тем, как ее мама или бабушка «мыли целлофановые пакетики», а сейчас поступает так же. На этот комментарий коллеги со смехом отвечали: «Возраст». Девушка же без тени иронии возразила, что ей «просто жалко, что этот пластик потом плавает в океане и оказывается в желудках у рыб».

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 «Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы».

В приведенном примере современная экопривычка многоразового использования пластика сравнивается с мытьем целлофановых пакетов как специфической советской и постсоветской практикой старших родственников. Рассмотрению подобных параллелей между практиками осознанного потребления и советскими повседневными практиками посвящена настоящая статья.

Современное общество во многом обеспокоено вопросами экологии, глобального изменения климата и индивидуальной ответственности за спасение планеты. Одним из путей, которые предлагаются современным западным обществом для того, чтобы снизить личное влияние на природу, является осознанное потребление. Дискурс осознанного потребления становится важным как в общемировом масштабе, так и локально в современной России. Русскоязычный дискурс осознанного потребления формируется не только и не столько экологическими организациями и экоактивистскими объединениями, такими как «Greenpeace», но и отдельными экоблогерами и «зелеными» СМИ. Кроме того, осознанное потребление при его декларируемой экологичной ориентированности остается потреблением, а значит, включает в себя рыночные отношения между покупателем и продавцом. Поэтому тексты, касающиеся осознанного потребления, публикуют также сайты и сообщества экомagasинов в социальных сетях, онлайн-издания про город и моду и даже банки.

Однако в фокусе внимания статьи находится не столько сфера осознанного потребления и социальных практик, связанных с ним, сколько его дискурсивный срез. Во многих текстах об осознанном потреблении и экологичном образе жизни в медиа можно встретить отсылки к позднесоветским практикам потребления и позднесоветской повседневности¹. Вопрос, на который я постараюсь ответить в статье, можно сформулировать следующим образом: как дискурс осознанного потребления «вспоминает» советское прошлое, взаимодействует с ним, и в чем прагматика таких отсылок?

Для того чтобы начать отвечать на поставленный вопрос, отмечу следующую важную особенность отсылок к советскому. «Воспоминанию» о советских бытовых привычках, под которым в данном случае я понимаю их обсуждение в публичном поле, предшествовало забвение. Этот факт эксплицитно проговаривается и в самих текстах об осознанном потреблении («Такие бытовые привычки передавались из поколения в поколение, но в начале 21 века внезапно оказались забытыми» (Семь бытовых привычек... 2019); «Но, как известно, все новое – это хорошо (или не очень) забытое старое» (10 привычек из СССР... 2019)).

Советские потребительские практики постепенно (а порой и быстро) забывались вследствие ориентации на новую «западную норму» в позднесоветский период и в 1990-е гг. Так, практики сбора макулатуры,

металла и стеклянной тары стали маркировать бедность, а на смену «советским» авоськам, ассоциирующимся с очередями и дефицитом, пришли пластиковые пакеты (Vasilyeva 2019: 131). Однако в текстах, посвященных практикам осознанного потребления, советские привычки, напротив, становятся ценными и важными. Я считаю, что такой процесс вспоминания забытого и использование его в новом контексте можно объяснить с помощью концепции культурного ресайклинга. Мне близка формулировка этой концепции, предложенная антропологом Соней Лурман, в которой исследовательница делает акцент на ситуации «разрыва» и новой востребованности (Luehrmann 2005). Лурман в статье о десекуляризации в постсоветской республике Марий Эл определила концепцию культурного ресайклинга как метафору того, что «люди делают с теми способами мыслить и действовать, которые больше не работают, и с остатками той инфраструктуры, которая больше не эксплуатируется»² (Luehrmann 2005: 37).

Именно культурный ресайклинг как концепция подходит для анализа «вспоминаний» о советском прошлом в дискурсе осознанного потребления: ставшее на время символическим мусором советское прошлое вновь востребованно и ценно. Еще одна важная особенность, которую схватывает выбранная концептуальная рамка, заключается в том, что перерабатываемый материал (даже будучи нематериальным), подвергаясь ресайклингу, становится чем-то иным. Далее в статье будет продемонстрировано, во что превращается советское прошлое, проходя процесс культурной переработки.

Для начала рассмотрим подробнее те тексты, которые стали объектом моего исследования. Данные тексты тематически связаны с осознанным потреблением или экотематикой и содержат отсылки к советскому прошлому. Первые такие тексты, в частности материал в приложении «СбербанкОнлайн» под названием «Советские традиции превращаются в экотренды» (Советские традиции 2020), попались мне случайно. Именно тогда я задалась вопросом о том, что может значить появление советского в текстах об экопривычках. Впоследствии, чтобы собрать корпус текстов, я осуществляла конкретный поиск в блогах на экотематику и сообществах магазинов экотоваров в «ВКонтакте» по ключевым словам «советское» и «СССР». Однако большую часть текстов мне удалось найти через сплошной поиск в Google, совмещая фразы «эко», «осознанное потребление» и «советское», «СССР».

Собранные тексты условно можно разделить на следующие группы. Во-первых, тексты, размещенные в блогах экологической тематики, в которых встречаются эпизодические упоминания советского (например, (Как вырастить чайный гриб... 2020; «Месячные – наша суперсила» 2019)). Во-вторых, в сообществах экомгазинов «ВКонтакте» самыми частыми текстами, отсылающими к советскому, являются мате-

риалы об «истории происхождения» конкретных товаров. Например, статьи про авоську, которые в дальнейшем провоцируют дискуссию о том, какие еще советские практики помнят читатели (Откуда появилась авоська 2020; А как было раньше? 2020; Я помню те советские времена 2019). В-третьих, самый большой комплекс составляют тексты в медиа, не специализирующихся на экотематике, т.е. в средствах информации, рассчитанных на широкую аудиторию читателей, в том числе не включенных в дискурс осознанного потребления. В числе таких медиа, например, «The Village», «Мел», «Росбалт», «Мастера», истории в приложении «СбербанкОнлайн» и т.д. Интересно, что все эти тексты выстроены по определенному шаблону: они представляют собой сравнение современных экопривычек или практик осознанного потребления и советских привычек. Даже названия текстов сформулированы по одной и той же схеме, например: «10 привычек из СССР, которые стали экотрендами последних лет», «10 вещей, которые миллениалы спёрли у бабушек»; «7 бытовых привычек времён СССР, которые стали вновь актуальны»; «Неожиданные советские привычки стали новым трендом современной экологии»; «Эко-привычки советских людей, которые не грех бы и возродить»; «6 привычек из СССР, которые по-прежнему актуальны» (2021); «Всем по авоське: 7 советских привычек, которые нам нужно перенять, чтобы спасти планету» и др. Ряд текстов написан приглашенными экоблогерами, некоторые – авторами самого издания, какие-то перепечатаны из других ресурсов или скомпилированы из других текстов с указанием источника. На мой взгляд, важным в этом случае является не столько авторство или уникальность каждого текста, сколько их производство и воспроизводство, а соответственно, желание встраивать советское прошлое в производимый дискурс осознанного потребления.

Советское прошлое превращается...

Не случайно, говоря об обращении к советскому прошлому в текстах, я беру слова «вспоминается» и «воспоминания» в кавычки. Среди проанализированных текстов мне встретились те, которые написаны от первого лица (Эко-привычки советских людей... 2017)³, где автор вспоминает свой опыт, или те, где присутствуют прямые цитаты собеседников автора, рассказывающих о своем прошлом (Хорошо забытое старое... 2020). Однако в большинстве случаев статьи апеллируют к генерализованному опыту «советских людей» или старших родственников.

В текстах используются не только конкретные временные указания на советское прошлое (например, «для жителей Советского Союза», «в советское время»), но и более обобщенные обстоятельства времени,

такие как «раньше», «многие также любят вспоминать». Кроме того, обозначение советского как временного периода происходит в текстах в терминах семейного прошлого, например, «у наших родителей не было» или «наши родители умели». В текстах присутствует и обозначение времени через экономические отсылки, такие как «во времена дефицита». И наконец, через фразы, формирующие советское прошлое как более благоприятное время с точки зрения экологической обстановки: «во времена, когда не было пластика» (10 привычек из СССР... 2019); «думаю и каждый из нас помнит, что-то из прошлого “без пакетов”» (А как было раньше? 2020).

Что касается того опыта, который репрезентируется в дискурсе осознанного потребления как советский, то рассматриваемые тексты преимущественно определяют его как советские привычки или советские традиции, обобщая различные советские повседневные практики. Так, в качестве советских привычек в текстах упоминаются преимущественно те, что относятся к практикам потребления, например, поход в магазин с авоськой, использование возвратной тары, починка вещей своими руками, многоразовое использование вещей, консервирование овощей и фруктов, огород (на балконе). Кроме того, важными в этом контексте становятся практики, касающиеся утилизации отходов, такие как сдача макулатуры, стеклотары, металлолома, а также повседневные индивидуальные и коллективные практики, такие как субботники, утренняя зарядка и занятия спортом на свежем воздухе. Выбывающими из списка, но встречающимися не единожды, являются умение отключаться, или отключение от мира, и путешествия по стране.

И способ временного обозначения советского прошлого, и выбор советских привычек как его атрибутов, отраженные в текстах, позволяют сделать вывод о том, что «советское» в этих текстах является вообразимым. Но если в дискурсе осознанного потребления советское прошлое является вообразимым, то для последующего понимания прагматики такого воображения важно рассмотреть, как именно оно вообразается и во что превращается.

Процесс дискурсивного преобразования вообразимого советского прошлого можно наглядно проиллюстрировать заголовком экопросветительского материала «СбербанкОнлайн»: «Советские традиции превращаются в экотренды» (Советские традиции... 2020). На мой взгляд, слово «превращаются» в данном контексте фиксирует процесс трансформации и преобразования в публичном поле того, что названо советскими традициями, в то, что названо экотрендами. При этом выбранный глагол не только фиксирует этот процесс, но и делает заголовок очередной попыткой такого перформативного дискурсивного превращения. Желание и попытка символически превратить одно в другое, закольцевать процессы и соединить реалии советского образа жизни и

современные экотренды, по моему мнению, является наглядным примером того, как работает круговой процесс ресайклинга. Так, тема экологической осознанности, включающая в себя идеи ресайклинга в буквальном смысле (т.е. материальной переработки), одновременно становится платформой для культурного ресайклинга, где материалом переработки становится советское прошлое.

Превращение советского прошлого в воображаемое тесно связано с процессом его десемантизации. Для описания процесса десемантизации советского прошлого я воспользуюсь метафорой Ильи Калинина, который предложил термин «soviet-free Soviet» для обозначения такого «обессоветченного» советского, сравнивая его с кофе без кофеина или кока-колой без сахара (Kalinin 2011: 158). Илья Калинин в своей статье о ностальгической модернизации анализирует обращение к советскому в политическом дискурсе и замечает, что политики десемантизируют и ресемантизируют советское прошлое. Они представляют комплексный и противоречивый исторический и политический период как культурное наследие, солидаризирующее граждан (Kalinin 2011). В рассматриваемом мной кейсе советское также лишается социалистического или конкретного исторического наполнения, становясь, однако, не столько культурным наследием, сколько просто «наследием прошлого».

Еще одной особенностью, характерной для дискурса осознанного потребления, является воображение советского прошлого как семейной истории. Как я уже упоминала, отсылка к опыту родителей или бабушек и дедушек выполняет функцию обстоятельства (советского) времени. Так, материал на «Меле» приравняет описываемые привычки из СССР к «бабушкиным советам»: «7 бытовых привычек времен СССР, которые стали вновь актуальны. Пришло время воспользоваться бабушкиным советом!» (7 бытовых привычек... 2020). А материал на «The Village» отсылает к СССР как ко времени «наших родителей» и называется «10 привычек из СССР, которые стали экотрендами последних лет. Как мы заново учимся тому, что наши родители делали на автомате» (10 привычек из СССР... 2019). Интересно, что для обозначения настоящего времени (как противопоставленного прошлому) в текстах, превращающих советское в семейное, зачастую используется местоимение «мы», которое отсылает к целевой (молодой) аудитории как коллективному усредненному субъекту современности, который разделяет определенный набор ценностей и повседневных практик. Однако при этом «мы» и «наши» будто бы объединяет и авторов, и читателей как братьев и сестер, т.е. как детей одних и тех же воображаемых родителей и внуков и внучек одних и тех же бабушек и дедушек. Например, «Наши бабушки и дедушки привязывались к вещам, которые имели: хранили их как память, хвастались, перебирали в минуты грусти и ходили сдавать ненужное в пункты приема макулатуры и стекла» (7 бытовых привычек... 2020).

Советское, ставшее в текстах семейным, репрезентируется как что-то, что уже знакомо и близко и авторам, и читателям, так как находится в контексте их семьи (в том числе общей воображаемой семьи). В этом смысле уже упомянутый заголовок истории «СбербанкОнлайн» «Советские традиции превращаются в экотренды» (Советские традиции... 2020) раскрывает не одно дискурсивное преобразование советского (в экотренды), а сразу два. Советский повседневный опыт и советское прошлое в этом заголовке репрезентируется как «советские традиции», подразумевая преемственность, последовательность и передачу по наследству. В текстах, оформляющих советское прошлое как семейное, делается акцент не столько на социоэкономическом контексте рассматриваемых практик, но говорится об опыте родителей и бабушек и дедушек в терминах нормы, удобства и привычек. Таким образом, практики потребления из советского прошлого превращаются не только в традиции, но даже в автоматизированные инструментальные навыки, или своеобразные «техники тела», используя термин Марселя Мосса (Мосс 1996). В качестве примера можно привести следующие формулировки: «покупка товаров без упаковки во времена СССР была нормой» (А как было раньше? 2020); «делали на автомате» (10 привычек из СССР... 2019); «просто людям так было удобнее: пластиковые пакеты еще не изобрели, мусорные контейнеры у дома не поставили, а одежда и электроника в дефиците» (Хорошо забытое старое... 2020)).

Связь между современными экопривычками или практиками осознанного потребления и «советскими традициями» выстраивается чуть ли не в терминах «генетической» телесной памяти. Так, выражение «на автомате» в названии одного из текстов «...Как мы заново учимся тому, что наши родители делали на автомате» (10 привычек из СССР... 2019) – один из примеров того, что память о советских привычках дискурсивно оформляется как «знание, как», а не «знание, что» (в терминах Гилберта Райла (Райл 2000)). Процедурное знание о советских бытовых привычках будто бы уже содержится в теле читателей, потому что органически передалось им от родителей, бабушек и дедушек через рутинизированный семейный и телесный опыт.

С одной стороны, советские привычки описываются как «забытые», но в то же время тексты эксплицитно утверждают, что эти привычки можно и необходимо вспомнить, возродить и восстановить в памяти (например, «нам не мешало бы вспомнить и перенять некоторые из привычек советских людей» (Всем по авоське... 2018)). Способ же, с помощью которого в некоторых текстах предлагается «вспоминать» забытые привычки, – это коммуникация со старшими родственниками. Так, помимо готовых советов от обобщенных или конкретных (например, «с советами от Валентины Николаевны, которая готовит комбучу с 1979 года» (Как вырастить чайный гриб 2020)) родителей или бабушек

и дедушек читателям предлагают поговорить со своими родственниками, послушать их истории, узнать об их опыте и перенять этот опыт по возможности. Так, например, статья «10 привычек из СССР, которые стали экотрендами последних лет» на «The Village», как утверждают ее авторы в другом тексте, родилась как раз из такого разговора с родителями (О чем для разнообразия... 2019). В предыстории, которая является одновременно рекламой статьи в их телеграм-канале, экоблогеры подчеркивают, что вдохновлялись разговором с мамой: «Так что в течение нескольких дней мы донимали маму вопросами, а она ностальгировала и делилась смешными и не очень случаями из жизни» (О чем для разнообразия... 2019). Более того, авторы текста призывают и читателей к коммуникации со своими родителями и бабушками и дедушками, чтобы узнать их истории: «Мамины истории остались “за кадром”, но надеемся, что этот текст подтолкнёт вас пораспрашивать своих родителей и бабушек с дедушками о том, как они жили, и услышать ИХ смешные и не очень истории. Предлагаем заняться этим на ближайших выходных, например. Или во время грядущих новогодних праздников» (О чем для разнообразия... 2019).

Такие же явные или имплицитные приглашения к разговору с родителями встречаются и в других текстах. Например, в тексте на «Меле» предлагается позвонить бабушке, чтобы получить у нее поддержку и «сакральные знания»: «Возможно, вам понадобится поддержка и сакральные знания (вроде того, что высушенная и измельченная скорлупа – питательное удобрение для мини-огорода). Позвоните бабушке! У нее найдется еще множество советов» (7 бытовых привычек... 2020). А в тексте сообщества ВКонтакте магазина «В Авоську» предложение авторов узнать об экологичных «лайфхаках», направленное на создание дискуссии в комментариях, звучит следующим образом: «Думаю, если поинтересоваться у ваших родителей или бабушек с дедушками, они расскажут немало лайфхаков для жизни в концепции zerowaste. Или может что-то вы помните сами? Делитесь с нами этими рассказами, возможно, о чем-то мы еще и не догадываемся» (А как было раньше... 2020).

Любопытно, что такого рода предложения в текстах в действительности работают как перлокутивные речевые акты и достигают адресата, однако выполнение «задачи» адресаты интерпретируют по-своему. Так, текст с «The Village» вдохновил владельцев магазина «Пасека Юнга» создать серию постов на сайте магазина и в группе ВКонтакте. Авторы пишут пост по каждой упомянутой в прецедентном тексте привычке, однако, основываясь на своем опыте, а не на воспоминаниях своих родителей или бабушек и дедушек («10 привычек из СССР...» 2020 и др.). В комментариях под постом из сообщества «В Авоську» действительно появляются сообщения о «лайфхаках для жизни в концепции zerowaste», но читатели рассказывают, в том числе, о воспоминаниях,

выходящих за пределы советского. Например: «Я в детстве (это с 1997 и по 2005) очень много времени проводила в деревне во Владимирской области и помню как мы с бабушкой и дедушкой покупали на рынке подсолнечное масло в свою бутылку (из больших бочек и прям маслом пахло!!), молоко в бидон и яйца в металлическую сетку)) вроде и давно было, а вроде и вчера» (А как было раньше... 2020).

Последний пример раскрывает любопытную особенность: десемантизация и ресемантизация советского прошлого в процессе ресайклинга расширяет темпоральность «советского». Советское прошлое ассоциируется в текстах с конкретными практиками потребления, которые в свою очередь «сцепляются» не только с воспоминаниями родителей, бабушек и дедушек, но и детскими воспоминаниями читателей. Таким образом, сам детский опыт читателей, даже если он не является советским (в строгом смысле слова) и приходится на более позднее время, включается в воображаемое советское прошлое, раздвигая его временные рамки.

Прагматика ресайклинга

Как я уже упоминала, в ходе ресайклинга то, что подвергается этому процессу, перестает быть «мусором» и приобретает новую ценность, материальную или символическую. Можно выделить несколько взаимосвязанных эффектов, предполагающих наделение советского новой ценностью, поэтому, как и в предыдущем разделе, я начну с разбора дискурсивного превращения советских практик в экотренд и опишу, в чем заключается его прагматика.

На мой взгляд, десемантизация советского прошлого и последующая за ней ресемантизация через превращение его в экотренд способствует одновременной «реабилитации» и морализации советских повседневных практик и практик осознанного потребления. Антрополог Уэбб Кин пишет о том, что с точки зрения применения антропологии повседневной этики к экономическим практикам можно выявить те ситуации, когда экономическое поведение становится моральным и рассматривается как моральное, и с помощью этого проследить, как социальные нормы оказывают или не оказывают воздействие на реальное экономическое поведение людей (в своей статье он приводит примеры дарения подарков, донорства органов, оказания сексуальных услуг) (Keane 2019). Несмотря на то что в тексте Кина речь идет об экономических практиках, тогда как в настоящей статье – о дискурсе, я предполагаю, что дискурс осознанного потребления влияет на выстраивание социальных норм, касающихся экономического поведения включенных в этот дискурс индивидуумов. Тезис о том, что осознанное потребление дискурсивно морализуется, предлагая индивидуумам вносить личный

вклад в спасение планеты, меняя свои повседневные практики, уже далеко не новый (Sandilands 1993; Barendregt, Rivke 2020). Однако механизм и причины включения воображаемого советского прошлого в процесс морализации осознанного потребления являются неочевидными и требуют отдельного рассмотрения.

Упомянутая мной в самом начале статьи история прекрасно демонстрирует дискурсивный процесс моральной «реабилитации» и современной экопривычки (вторичного использования пластика) и советского и постсоветского опыта мытья пакетов. Вспомним, что посетительница, которая забрала пластик с собой, раньше высмеивала мытье пакетов, которое практиковали старшие родственники, а ее коллеги продолжают высмеивать подобные практики и сейчас. Однако, как только девушка погружает свое поведение в экологический контекст, говоря, что своим действием она спасает рыб в океане, действие перестает быть смешным и, напротив, становится морально значимым. При этом побочный эффект такой морализации заключается в том, что она распространяется и на прошлое, а следовательно, «советское» мытье пакетов так же перестает казаться абсурдным или негативно окрашенным в ретроспективе. Процесс легитимации и морализации современных практик осознанного потребления и советских бытовых практик, ассоциирующихся с ними, работает в обе стороны.

Простой запрос в Google по ключевым словам «советские привычки» выдает в большом количестве такие статьи о советских привычках, где они наделяются негативными коннотациями и описываются как «портящие жизнь», поэтому от них призывают избавиться⁴. Ассоциации с «советским» зачастую оказываются нежелательными и при адаптации новых «осознанных» практик. Достаточно вспомнить ироничную реакцию коллег посетительницы кафе, моющей пластик. Более очевидным примером являются негативные реакции на современную практику использования многоразовых гигиенических прокладок, где сравнения «как в СССР» и «как у бабушек» носят оттенок нежелательного возвращения в прошлое, оценочно противопоставленного современности (Как поменять многоразовую прокладку... 2020). В этом контексте «советское» оказывается настолько не современным, что даже перестает быть современным и приравнивается к Средневековью: «Конечно, было несколько комментариев в духе: “Уходите назад в своё средневековье! А то как же, будем мы опять стирать прокладки, как в СССР”» («Месячные – наша суперсила» 2019).

На мой взгляд, тексты про осознанное потребление, отсылающие к советскому, имеют такую же функцию, как и реплика про рыб в океане, произнесенная девушкой из кафе. Функцию взаимной реабилитации современных zero-waste-практик и воображаемых советских практик, ассоциации с которыми могут казаться нежелательными в данном кон-

тексте. Взаимная морализация необходима для того, чтобы если не устранить, то хотя бы сгладить негативные коннотации, связанные с описываемым советским бытовым опытом. Приведу в пример цитату из текста с сайта «Onedio», которая вторит рассмотренному выше сюжету: «Сегодня потомки тех, кто познал весь смак жизни в СССР, посмеиваются над тем, что было совершенно обыденными вещами. Однако справедливо будет заметить, что нам не мешало бы вспомнить и пере-нять некоторые из привычек советских людей, чтобы постараться спасти нашу планету от, чего уж там скрывать, экологической катастрофы» (Всем по авоське... 2018). В приведенной цитате говорится, что советские привычки в современных условиях могут казаться смешными, но при этом подчеркивается, что на самом деле они являются возможностью спасти планету от экологической катастрофы, что делает их морально значимыми и актуальными, т.е. современными.

Таким образом, прагматика ресайклинга советского прошлого в дискурсе осознанного потребления через превращение советских практик в экотренды (и в семейные традиции тоже, но об этом я скажу отдельно) заключается в переопределении советского и преодолении связанных с ним негативных коннотаций. Например: «Может, они и делают это в целях экономии, но в итоге совершают сразу два полезных дела. Даже неосознанно можно существовать в интересах экологии» (Неожиданные советские привычки... 2020)).

Однако я не зря назвала морализацию мытья пакетов побочным эффектом: несмотря на то что советские и современные практики описываются как морально значимые, между ними, тем не менее, выстраивается иерархия. Воображаемое советское прошлое представлено в виде забытых привычек, повседневных практик, однако воображаемая советская рутина и современная экорутину описываются по-разному. В случае с воображаемыми советскими практиками акцент делается на том, что некие родители, бабушки и дедушки или обобщенно советские люди совершали описываемые действия «на автомате», это не было для них «чем-то сложным», а было «нормой» и т.д. То есть привычки описываются как автоматизированное и нерелексируемое «знание как».

В свою очередь экопривычки, даже если они представлены как «вспомненные» советские, являются результатом релексивного выбора, им решают научиться заново. Поэтому в текстах они представляются, скорее, контринтуитивными и осознанными и именно поэтому ценными, а фраза «осознанные привычки» перестает звучать как оксюморон. Таким образом, в рассмотренных текстах, с одной стороны, происходит легитимация и морализация советского опыта, и читателей призывают «быть благодарными» за него. С другой стороны, внутри дискурса осознанного потребления выстраивается другая иерархия, в рамках которой осознанно выученная или вспомненная «техника тела» яв-

ляется более морально значимой, чем та же самая забытая советская. Так, в группах zero-waste магазинов «ВКонтакте» встречаются тексты о происхождении названия «авоська». В них объясняется, что советский гражданин брал авоську на авось (Откуда появилась авоська? 2020). Тогда как, говорится в других текстах, современный горожанин, делая то же самое, ведет себя осознанно и является «умным потребителем, думающим покупателем», который сможет изменить мир, начав с себя (Я помню те советские времена 2019).

Советские привычки и практики осознанного потребления, представленные как одинаковые, как выясняется, не являются на уровне дискурса идентичными. Однако у превращения советского прошлого в семейную историю или семейные традиции через описание его в терминах «генетической» и телесной памяти есть отдельный прагматический эффект. Восстановление подлинного «авторства» экопривычек и описание советского бытового опыта в терминах семейной истории и семейного «знания как» способствуют выстраиванию органической связи с осознанным потреблением. Дополнительный виток ресайклинга – превращение советского в семейное – приводит к тому, что новые экопривычки оказываются аутентичными для читателя, пусть и «хорошо забытыми», но «своими».

В рассматриваемых текстах происходит domestикация и zero-waste-практик, и дискурса осознанного потребления. В этом контексте ресайклинг советского прошлого создает круговорот «наследственного», или «генетического», опыта, в результате которого осознанное потребление становится не навязанной новой «западной нормой», а аутентичной, «своей». Как ни парадоксально, но советские практики потребления, постепенно забытые вследствие установки новой капиталистической западной потребительской «нормы» в позднесоветский период и в 1990-е гг., теперь используются для адаптации другой «нормы» – осознанного потребления. В этом смысле российский медиадискурс осознанного потребления выбирает другой путь, в отличие от германского дискурса «новой культуры ремонта», который, по словам исследовательницы Анны Тихомировой, ориентируется на современный англоязычный дискурс апсайклинга, а не на «собственное богатое в этом смысле ГДРовское прошлое» (Тихомирова 2014).

Выстроенная в текстах аутентичная связь между советскими привычками и практиками осознанного потребления, помещенная в контекст семьи, становится эмоционально нагруженной. Более того, она стремится выйти за пределы текста, если вспомнить, что авторы предлагают читателям поговорить со своими родителями или бабушками и дедушками и обменяться опытом. Таким образом, рассматриваемые тексты стараются создать эмоциональную связь между читателями и моделью осознанного потребления. Эмоциональная связь при этом возникает не за счет носталь-

гии по ушедшему времени, которую можно ожидать от появления в текстах советского, а за счет того, что воображаемое советское прошлое и новые практики осознанного потребления репрезентируются как платформа для объединения нескольких поколений семьи.

Такое одомашнивание и создание «аутентичности» осознанного потребления и его эмоционализация через семейное советское предполагают суггестивный эффект в виде желания встраиваться в описываемую в текстах потребительскую модель. В этом случае рассматриваемые тексты выполняют роль рекламных, а прагматический эффект ресайклинга советского прошлого в дискурсе осознанного потребления вписывается в концептуальную рамку, предложенную Евой Иллюз в книге «Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity» (Illous 2018). Иллюз обращает внимание на процесс со-производства эмоций (emotions) и предметов потребления (commodities), который приводит к тому, что «предметы потребления вызывают выражение и переживание эмоций, а эмоции конвертируются в предметы потребления» (Illous 2018: 7). Исследовательница предлагает обозначать и этот процесс, и его результаты термином «emodities» (эмоциональные товары).

Интересно, что в анализируемом мной контексте в качестве эмоциональных товаров можно рассматривать не отдельные предметы потребления или потребительские практики, но осознанное потребление как специфическую потребительскую модель целиком. Как уже было упомянуто, дискурс осознанного потребления может оказывать влияние на социальные нормы и практики экономического поведения, а значит, советское прошлое, встраиваясь в рассматриваемые тексты и участвуя в производстве осознанного потребления как emodity, опосредованно коммодифицируется. Так, помимо символической ценности, которую приобретает советский бытовой опыт в процессе ресайклинга, воображаемое советское прошлое приобретает и материальную ценность.

Иллюз предлагает типологию описываемых ею эмоциональных товаров, выделяя три группы: эмоциональный опыт и настроения, эмоции от отношений (relational emotions) и эмоциональную самотрансформацию (Illous 2018: 16). Осознанное потребление в рассматриваемых текстах с упоминанием семейного советского становится эмоциональным товаром (emodity), который можно отнести к категории «эмоций от отношений», так как оно предлагает солидаризацию с опытом старших родственников и выстраивание новых эмоциональных связей внутри семьи. Однако, что интересно, советское прошлое как семейный опыт функционирует в создании еще и такого типа emodites, как эмоциональная самотрансформация, связанного с психологическим комфортом и ментальным здоровьем.

Можно проследить этот процесс на одном из недавних текстов. Статья «7 бытовых привычек времен СССР, которые стали вновь актуальны. Пришло время воспользоваться бабушкиным советом!» была опубли-

ликована на «Меле» в марте 2020 г. во время пандемии (7 бытовых привычек... 2020). Авторами статьи являются создатели экологического проекта «Теперь так»⁵. Важно, что в статье осознанное потребление обозначается как бережное, потому что именно так называется «бесплатный курс бережного потребления “Теперь так”», который и «вспоминает советское прошлое» (7 бытовых привычек... 2020). Привычки из советского прошлого в тексте, дублирующем публикацию в сообществе «Теперь так» ВКонтакте, также называются бережными: «Какие бережные привычки были у наших бабушек и дедушек? Давайте вспоминать и пробовать их на самоизоляции!» (Какие бережные привычки... 2020). Слово «бережный» отсылает к современному психотерапевтическому дискурсу даже в большей степени, чем слово «осознанный», а в силу пандемийного контекста и вынужденной самоизоляции из рассматриваемой статьи совершенно уходит экологическая составляющая. Все описываемые в рамках текста практики «бережного потребления» описываются в терминах велнеса (wellness), т.е. здоровья, благополучия (в том числе семейного) и психологического комфорта. Например, вводный абзац статьи сформулирован следующим образом: «Бесплатный курс бережного потребления “Теперь так” вспоминает советское прошлое и рассказывает, как начать внимательнее относиться к себе и окружающему миру во время самоизоляции» (7 бытовых привычек... 2020).

Мишель Ривкин-Фиш и Юлия Лернер, в разговоре об эмоционализации публичной сферы, подчеркивают, что во время пандемии эмоционализация усилилась в разы, а акценты на здоровье (в том числе ментальном) и психологическом комфорте стали обязательными, и на них заметно вырос спрос (Lerner, Rivkin-Fish 2021). Вероятно, рассмотренный текст с сайта «Мел» является одним из возможных ответов или предложений дискурса осознанного потребления на этот спрос. Дискурс осознанного потребления оказывается чувствительным к изменению контекста (в данном случае к периоду пандемии), следовательно, и советское в нем воображается по-разному.

Любопытно, что в зависимости от того, как советское прошлое презентуется в рассматриваемых текстах, может меняться и прагматика ресайклинга советского, которая включает в себя и взаимную морализацию экопривычек и советских бытовых привычек, и domestikацию zero-waste-практик, и связанное с ней превращение осознанного потребления в *emodity*. Анализируя вариативность воображаемого советского прошлого в текстах про осознанное потребление, можно проследить, как вместе с трансформацией образа советского меняется и сам рассматриваемый дискурс.

Превращение советского прошлого в воображаемое, устранение из него социалистической семантики и исторического означаемого не только десемантизируют, но и деполитизируют это прошлое. Говоря о

деполитизации, я хочу сослаться на рассуждения антрополога Франциско Мартинеза в книге про остатки советского прошлого в Эстонии. Мартинез отмечает, что молодое поколение, родившееся на рубеже или после советского периода в Эстонии (в отличие от поколения их родителей), деполитизирует прошлое (в том числе остатки советского) и, напротив, реполитизирует повседневную жизнь в таких повестках как экология, гендерное равенство, миграция и др. (Martinez 2018: 213). И если в части деполитизации прошлого наблюдения исследователя созвучны тому, как функционирует советское прошлое в дискурсе осознанного потребления, то в части реполитизации в рассматриваемом кейсе есть значительное отличие.

Ряд советских практик, описываемых в выявленных мной статьях, осмыслялся в позднесоветское время (и до сих пор осмысляется) в личном опыте граждан и публичном дискурсе как производные дефицита, который, в свою очередь, был результатом плановой экономики. Так, например, Анна Иванова в своей статье рассматривает, как строилось изображение дефицита и дискурс о дефиците в советской культуре второй половине 1960-х – первой половины 1980-х гг. на примере опросов общественного мнения, кинофильмов и СМИ (Иванова 2011). Исследователи позднесоветского общества порой придерживаются той же логики, описывая такие советские практики, как, например, ремонт, в категориях дефицита (Герасимова, Чуйкина 2004). Важно, однако, заметить, что использование категории «дефицит» в качестве исследовательской может быть спорным. Так, антрополог Зинаида Васильева пишет, что понятие «дефицит» в социальных исследованиях постсоциалистических обществ не является инструментальным, а, скорее, демонстрирует применение (в том числе к самим себе) «западного взгляда» (“Western gaze”), конструирующего «норму» и отклонение от нее в виде «дефицита» (Vasilyeva 2019).

Напротив, в рассматриваемых текстах подобного противопоставления советской и западной «норм» не происходит, так как причины возникновения и бытования упоминаемых повседневных практик не подвергаются детальной рефлексии. Конечно, во многих анализируемых статьях делаются оговорки, что «экологичность» советских граждан была обусловлена контекстом времени. Но при этом и отсутствие одноразового пластика, и условия дефицита товаров, и «удобство» таких практик рассматриваются как равнозначные причины. Например: «да, это делалось не из любви к природе, а из экономии, но результат решал обе задачи» (Чебурашка и Гена сдают металлолом... 2020); «в СССР об экологии особо не думали» (Советские традиции... 2020); «просто людям так было удобнее» (Хорошо забытое старое... 2020).

Кроме того, отсылки к воображаемому советскому прошлому в рассматриваемых статьях в целом не нацелены на то, чтобы противопоста-

вить социалистическое и капиталистическое общество в логике международного экоактивистского дискурса. Критика перепотребления и перепроизводства как следствие капитализма присутствует в анализируемых статьях разве что в имплицитном виде и в незаостренных формулировках. Например: «Сейчас уже сложно представить дефицит товаров на полке, мы боремся с другой проблемой, что товаров очень много, это перепроизводство, которое, возможно, еще более губительно, чем дефицит. Не любим мы золотой середины» (Вы знаете, откуда... 2019). Эксплицитно же в рассматриваемых текстах, на мой взгляд, предпринимается последовательная попытка снять идеологический конфликт через представление советского прошлого как воображаемого, чтобы сделать «советские» практики частью современной потребительской модели. Следовательно, часть текстов про «советские экопривычки» дискурсивно деполитизируют не только советское прошлое, но и само осознанное потребление.

В зависимости от уровня деполитизации воображаемого советского прошлого меняется и уровень деполитизации самого дискурса осознанного потребления. Рассматриваемые тексты задействуют буквальную семантику, заложенную в корне «οἶκος» (др.-греч. жилище, местопребывание), от которого происходит слово «экология»⁶. Чем больше воображаемое советское превращается в семейные традиции и сводится к опыту родителей и бабушек и дедушек, тем больше «одомашнивается» сам дискурс осознанного потребления и сужается с масштабов заботы о планете до масштабов заботы о своем доме, своей семье и о своем психологическом комфорте. Следовательно, дискурс осознанного потребления оказывается чувствительным не только к ситуативным временным изменениям, связанным с пандемией, но и в принципе к контексту своего существования и к своей аудитории. Адаптация новых практик осознанного потребления «для широких масс» на русскоязычном пространстве совершается и через близкую к экоактивизму тему заботы о природе, и через вполне традиционалистский дискурс семейных ценностей, и через психотерапевтический дискурс заботы о себе.

Новые отношения с советским прошлым

Рассматривая «воспоминания» о советском прошлом в дискурсе осознанного потребления сквозь призму культурного ресайклинга, можно обнаружить, как десемантизируется, деполитизируется и во что превращается советское прошлое. Можно проследить, как советское прошлое встраивается в дискурсивную ткань и даже в социальную реальность осознанного потребления. Как оно, забытое и ненужное, становится важным и ценным и используется в новом контексте для создания аутентичности и моральной значимости zero-waste-образа жизни

и практик осознанного потребления. Можно, наконец, проследить, как все это приводит к тому, что советское прошлое коммодифицируется и встраивается в адаптацию и эмоциональную привязанность к новому, однако, не менее капиталистическому типу потребления.

Если в качестве основного вывода статьи выдвинуть тезис, что все упомянутые прагматические эффекты культурного ресайклинга так или иначе сводятся к одному, чтобы «продавать», в данном случае «продавать» осознанное потребление, то создается ощущение, что что-то важное оказывается упущенным и недосказанным.

На мой взгляд, коммодификация советского прошлого и встраивание его в потребительские отношения является частным примером процесса другого порядка – переопределений отношений с этим прошлым. Именно здесь открывается главный потенциал концепции культурного ресайклинга. Если вспомнить еще раз формулировку Сони Лурман и попробовать ее перефразировать, то культурный ресайклинг помогает объяснить, что люди делают с «ненужным» или «отвергнутым» прошлым. При этом такая концептуальная рамка схватывает не только причину и результат, но и, что важно, процесс и работу по превращению «ненужного» в «ценное».

Прекрасным примером анализа такого процесса и работы с «ненужным» прошлым является диссертация антрополога Зинаиды Васильевой, в которой исследовательница анализирует советские и постсоветские практики DIY (do it yourself), объясняя работу своих собеседников с материальностью и темпоральностью с точки зрения культурного ресайклинга (Vasilyeva 2019). Васильева пишет о том, что ее респонденты совершают символическую работу по переопределению и переработке прошлого и настоящего через взаимодействие с материальностью (Vasilyeva 2019). Вместе с «реассамбляжем» материального происходит «реассамбляж» дискурсов и опыта. Такая субъективная работа, по мнению З. Васильевой, становится ответом на происходящие социальные изменения и «комбинирует принятие прошлого (скорее, чем отвержение) и выражение “критического сопротивления” современному порядку» (Vasilyeva 2019: 281).

В рассматриваемом мной кейсе речь идет о дискурсе, а не о конкретных людях и их практиках. Однако, как мне кажется, даже в этом случае нельзя упускать из виду работу по переопределению отношений с советским прошлым, которая одновременно сопровождает и включает в себя (являясь своего рода зонтичным процессом) и его десемантизацию, и деполитизацию, и морализацию, и коммодификацию.

Хорошей иллюстрацией буквального переопределения отношений с прошлым является ироничный текст на сайте «Мастера» под названием «10 вещей, которые миллениалы сперли у бабушек» (10 вещей... 2019). Вводный абзац к нему выглядит следующим образом: «“Миллениалы

изобрели...” – шутка из соцсетей, которая часто относится вообще к поколению Z. Но мы собрали список вещей, которые как нельзя лучше подходят для продолжения фразы, – и все их на самом деле “изобрели” наши дедушки и бабушки еще в советское время» (10 вещей 2019). Этот текст рассказывает о практиках осознанного потребления (и не только о них), но ставит своей целью вернуть авторство создания некоторых товаров (например, авосек и комбучи) и практик (например, вторичное использование всего) «бабушкам и дедушкам» и советскому времени. С одной стороны, он точно так же рекламирует модные тренды и практики осознанного потребления, но с другой стороны, ироничным тоном критикует саму практику коммодификации прошлого и пытается как бы восстановить справедливость и переопределить отношение настоящего с советским прошлым. Удивительным образом потребление в этом тексте становится осознанным за счет рефлексии над «авторством» товаров и потребительских практик.

Проведенный анализ высвечивает важную особенность культурного ресайклинга в дискурсе осознанного потребления: вне зависимости от реальной прагматики текстов и интенций авторов все рассматриваемые тексты объединяет не только (и может быть, не столько) желание в итоге вписать практики осознанного потребления в российский контекст, но и попытка переопределить отношения настоящего с советским прошлым, а также имплицитный или эксплицитный призыв к читателям сделать то же самое.

Антрополог Майкл Ламбек определяет память как моральную практику, потому что любое воспоминание и запоминание, по его мнению, переопределяет и отношения с прошлым и настоящим, и социальные связи (Lambek 1996). По-видимому, в рассматриваемом мной кейсе культурный ресайклинг, работая с прошлым и в этом смысле имея общее с памятью, функционирует схожим образом. Так, люди переопределяют отношения с «ненужным» прошлым, даже если оно является воображаемым, и о котором они могут не иметь воспоминаний. «Забытые» советские привычки и само советское прошлое через тексты встраиваются не только в социальные отношения со старшими родственниками, но даже в тела читателей, которые на уровне автоматизированного «знания как» хранят это прошлое.

Примечания

¹ См., например: «Всем по авоске: 7 советских привычек, которые нам нужно перенять, чтобы спасти планету» (Onedio. URL: <https://onedio.ru/news/vsem-po-avoske-7-sovetskih-privyчек-kotorye-nam-nuzhno-perenyat-chtoby-spasti-planetu-39118> (дата обращения: 30.07.2021)); «Хорошо забытое старое: как экотренды СССР спасали страну от мусора» (Росбалт. URL: <https://narzur.ru/khorosho-zabytoe-staroe-kak-ehkotrendy-sssr-spasali-stranu-ot-musora> (дата обращения: 30.07.2021)); «Чебурашка и Гена сдают металлолом. Советская экология: как дефицит и экономия помогали заботиться об окру-

жающей среде в СССР» (It's My City. URL: <https://itsmycity.ru/2020-02-28/sovetskaya-ekologiya-kak-deficit-i-ekonomiya-pomogali-zabotitsya-ob-okruzhayushej-srede-vsss> (дата обращения: 30.07.2021)) и др.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

³ Необходимо сделать оговорку, что текст (Эко-привычки советских людей 2017) опубликован на русском языке, но является единственным из рассматриваемых текстов, не принадлежащим к российским медиа. Он опубликован в Facebook белорусского медиа-портала «Зеленый портал».

⁴ См., например, статьи: «15 привычек родом из СССР, от которых очень трудно избавиться» (Cosmopolitan. URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/zhizn-s-zhenoy-nova-ya-porciya-ochen-smeshnyh-kartinok-ot-muzha-illyustratora/> (дата обращения: 30.07.2021)); «10 советских привычек, которые портят вам жизнь» (Aqua-RMNT.com. URL: <https://aqua-rmnt.com/interesnoe/sovetskie-privychki-ot-kotoryh-pora-otkazatsya.html> (дата обращения: 30.07.2021)); «Советские пищевые привычки, которые портят жизнь вам и вашим детям» (Мел. URL: https://mel.fm/eda/1805429-eating_habits (дата обращения: 30.07.2021)) и др.

⁵ См. сайт проекта «ТеперьТак» (ТеперьТак. URL: <https://tepertak.ru/> (дата обращения: 30.07.2021)).

⁶ Подробнее о приставке «эко» и взаимосвязи слов «экология» и «экономика» см. (Graeber 2012).

Источники

«10 привычек из СССР, которые стали экотрендами последних лет» наткнулась на любопытную статью в The Village // Пасека Юнга. 2020. URL: <https://pasekayunga.tilda.ws/news/desyat-privyechek> (дата обращения: 30.07.2021).

«Месячные – наша суперсила» // Greenpeace. 2019. URL: <https://greenpeace.ru/stories/2019/01/16/mesjachnye-nasha-supersila/> (дата обращения: 30.07.2021).

10 вещей, которые миллениалы сперли у бабушек // Мастера. 2019. URL: <https://mastera.academy/millennials-back-to-ussr/> (дата обращения: 30.07.2021).

10 привычек из СССР, которые стали экотрендами последних лет // The Village. 2019. URL: <https://www.the-village.ru/service-shopping/style-guide/367607-eko-sssr> (дата обращения: 30.07.2021).

6 привычек из СССР, которые по-прежнему актуальны // Тонкости туриста. 2021. URL: https://tonkosti.ru/Журнал/6_привычек_из_СССР,_которые_по-прежнему_актуальны (дата обращения: 30.07.2021).

7 бытовых привычек времен СССР, которые стали вновь актуальны // Мел. 2020. URL: https://mel.fm/poleznyye-privychki/5013749-ussr_habits (дата обращения: 30.07.2021).

А как было раньше? // ВКонтакте. 2020. URL: https://m.vk.com/wall-180300129_1107?from=v_avosku%3Fq%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B5%25D1%2582%25D1%2581%25D0%25BA#comments (дата обращения: 30.07.2021).

Всем по авоське: 7 советских привычек, которые нам нужно перенять, чтобы спасти планету // Onedio. 2018. URL: <https://onedio.ru/news/vsem-po-avoske-7-sovetskih-privyechek-kotorye-nam-nuzhno-perenyat-chtoby-spasti-planetu-39118> (дата обращения: 30.07.2021).

Вы знаете, откуда пошло название «авоська»? // ВКонтакте. 2019. URL: https://vk.com/podrugomuspb?w=wall-166890600_2854 (дата обращения: 30.07.2021).

Как вырастить чайный гриб и сделать комбучу // Greenpeace. 2020. URL: <https://greenpeace.ru/how-to/2020/07/06/kak-vyrastit-chajnyj-grib-i-sdelat-kombuchu/> (дата обращения: 30.07.2021).

Как поменять многоразовую прокладку в общественном месте? // ВКонтакте. 2020. URL: https://m.vk.com/wall-153896889_5685?from=zero_waste_shop%3Fq%3D%25

- D1%2581%25D1%2581%25D1%2581%25D1%2580#comments (дата обращения: 30.07.2021).
- Какие бережливые привычки были у наших бабушек и дедушек? // ВКонтакте. 2020. URL: https://vk.com/wall-170357548_768 (дата обращения: 30.07.2021).
- Неожиданные советские привычки стали новым трендом современной экологии // Слово и дело. 2020. URL: <https://slovodel.com/579434-neozhidannye-sovetskie-privychki-stali-novym-trendom-sovremennoi-ekologii> (дата обращения: 30.07.2021).
- О чем для разнообразия поболтать с родителями // Телеграм-канал @EkoVolk. 2019. URL: <https://t.me/EkoVolk/375> (дата обращения: 30.07.2021).
- Откуда появилась авоська? // ВКонтакте. 2020. URL: https://m.vk.com/wall-153896889_6069 (дата обращения: 30.07.2021).
- Семь бытовых привычек из СССР, которые будут актуальны в новом году // В городе N. 2019. URL: <https://www.vgoroden.ru/statyi/sem-bytovyh-privyчек-iz-sssr-kotorye-budut-aktualny-v-novom-godu-2> (дата обращения: 30.07.2021).
- Советские традиции превращаются в экотренды // СбербанкОнлайн. 2020. Истории в приложении (сохранены в виде скриншотов).
- Хорошо забытое старое: как экотренды СССР спасали страну от мусора // Росбалт. 2020. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/02/07/1826846.html> (дата обращения: 30.07.2021).
- Чебурашка и Гена сдают металлолом. Советская экология: как дефицит и экономия помогали заботиться об окружающей среде в СССР // It's My City. 2020. URL: <https://itsmycity.ru/2020-02-28/sovetskaya-ekologiya-kak-deficit-i-ekonomiya-pomogali-zabotitsya-obokruzhayushej-srede-vsss> (дата обращения: 30.07.2021).
- Эко-привычки советских людей, которые не грех бы и возродить // Facebook. 2017. URL: <https://www.facebook.com/notes/1627566354081306/> (дата обращения: 30.07.2021).
- Я помню те советские времена // ВКонтакте. 2019. URL: https://m.vk.com/wall-180300129_3 (дата обращения: 30.07.2021).

Литература

- Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 34 (2). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/obshhestvo-remonta.html>
- Иванова А. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас. 2011. № 77 (3). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/izobrazhenie-deficita-v-sovetskoj-kulture-vtoroj-poloviny-1960-h-8211-pervoj-poloviny-1980-h-godov.html>
- Мосс М. Техники тела // Общества, обмен, личность. М.: Наука; Главная редакция вост. лит., 1996. С. 242–263.
- Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Тихомирова А. От трэша к тренду: бум продления и изменения жизни вещей в Германии 2010-х годов // Теория Моды. 2014. № 33 (3). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/33_tm_3_2014/article/11087/?sphrase_id=172578
- Barendregt B., Rivke J. The Paradoxes of Eco-Chic // Green Consumption: The Global Rise of Eco-Chic. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. P. 1–18.
- Graeber D. Afterword: The Apocalypse of Objects – Degradation, Redemption and Transcendence in the World of Consumer Goods // Economies of Recycling. London: Zed Books, 2012. P. 277–290.
- Illouz E. Introduction: Emotions or The Making of Emotional Commodities // Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity. London: Routledge, 2018. P. 1–30.
- Kalinin I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a «Historical Horizon» // Slavonica. 2011. Vol. 17, № 2. P. 156–166.

- Keane W. How Everyday Ethics Becomes a Moral Economy, and Vice Versa // *Economics: The Open Access, Open Assessment E-Journal*. 2019. Vol. 13, № 46. P. 1–25. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-46/html>
- Lambek M. *The Past Imperfect: Remembering As Moral Practice* // *Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory*. London; New York: Routledge, 1996. P. 235–254.
- Lerner J., Rivkin-Fish M. On Emotionalisation of Public Domains // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3, № 1. P. 3–14. URL: <https://doi.org/10.1332/263169021X16149420135743>
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Deseccularisation in Postsoviet Mari El // *Religion, State and Society*. 2005. № 33 (1). P. 35–56.
- Martinez F. *Remains of the Soviet Past in Estonia: An Anthropology of Forgetting, Repair and Urban Traces*. London: UCL Press, 2018.
- Sandilans C. On “Green” Consumerism Environmental Privatization and “Family Values” // *Canadian Woman Studies*. 1993. № 13 (3). P. 45–47.
- Vasilyeva Z. *From Skills to Selves: Recycling “Soviet DIY” in Post-Soviet Russia*: PhD Dissertation manuscript. Université de Neuchâtel, Neuchâtel. 2019.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

Imagining the past, transforming the present: cultural recycling of the Soviet past in the discourse of conscious consumption

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/11

Yulia A. Sekushina, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sekushina.yulya@gmail.ru

The research was supported by the Russian Science Foundation's project No 19-18-00414.

Abstract. The article is focused on the “memories” of the “forgotten” Soviet past in the discourse of conscious consumption from the perspective of the concept of cultural recycling. The unclaimed past is recycled and acquires new material and symbolic value. In the course of cultural recycling, the Soviet past is desecularized and depoliticized, and thus becomes imaginary. Depending on the context, the Soviet is discursively transformed into eco-trend or family history and tradition. Through cultural recycling, it discursively transforms to the eco-trend and the family past. The pragmatics of recycling of the Soviet past in the discourse of conscious consumption is to fit zero-waste practices into the contemporary Russian context through their domestication and overcoming negative associations with late Soviet domestic practices. But in addition to commodifying the Soviet past and incorporating it into a new consumerist model, the discourse of conscious consumption redefines readers' relationship to this past, making it part of their personal present.

Keywords: cultural recycling, conscious consumption discourse, green consumption, Soviet past

References

- «10 privychek iz SSSR, kotorye stali ekotrendami poslednikh let» natknulas' na lyubopytnuii stat'iu v The Village [“10 habits from the USSR that have become eco-trends in recent years” came across a curious article in The Village”], *Paseka Iun'ga*. 2020. Available at: <https://pasekayunga.tilda.ws/news/desyat-privychek> (Accessed 30.07.2021).
- «Mesiachnye – nasha supersila» [“Menstruation is our superpower”], *Greenpeace*. 2019. Available at: <https://greenpeace.ru/stories/2019/01/16/mesjachnye-nasha-supersila/> (Accessed 30.07.2021).
- 10 privychek iz SSSR, kotorye stali ekotrendami poslednikh let [10 habits from the USSR that have become eco-trends in recent years], *The Village*. 2019. Available at: <https://www.the-village.ru/service-shopping/style-guide/367607-eko-sssr> (Accessed 30.07.2021).

- 10 veshchei, kotorye millenialy sperli u babushek [10 things millennials stole from their grandmothers], *Mastera*. 2019. Available at: <https://mastera.academy/millennials-back-to-ussr/> (Accessed 30.07.2021).
- 6 privychek iz SSSR, kotorye po-prezhnemu aktual'ny [Six habits from the USSR that are still relevant], *Tonkosti turista*. 2021. Available at: https://tonkosti.ru/Zhurnal/6_privychek_iz_SSSR_kotorye_po-prezhnemu_aktual'ny (Accessed 30.07.2021).
- 7 bytovykh privychek vremen SSSR, kotorye stali vnov' aktual'ny [7 everyday habits from Soviet times that have become relevant again], *Mel*. 2020. Available at: https://mel.fm/poleznyye-privychki/5013749-ussr_habits (Accessed 30.07.2021).
- A kak bylo ran'she? [And what was it like before?] *VKontakte*. 2020. Available at: https://m.vk.com/wall-180300129_1107?from=v_avosku%3Fq%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B5%25D1%2582%25D1%2581%25D0%25BA#comments (Accessed 30.07.2021).
- Barendregt B., Rivke J. The Paradoxes of Eco-Chic. In: *Green Consumption: The Global Rise of Eco-Chic*. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020, pp. 1–18.
- Cheburashka i Gena sdaiut metallolom. Sovetskaia ekologiya: kak defitsit i ekonomiya pomogali zabotit'sia ob okruzhaiushchei srede v SSSR [Cheburashka and Gena are scrapping metal. Soviet Ecology: How Scarcity and Austerity Helped Take Care of the Environment in the USSR], *It's My City*. 2020. Available at: <https://itsmycity.ru/2020-02-28/sovetskaya-ekologiya-kak-deficit-iekonomiya-pomogali-zabotitsya-obokruzhayushej-srede-vsss> (Accessed 30.07.2021).
- Eko-privyчки sovetskikh liudei, kotorye ne grekh by i vozrodit' [Eco-habits of the Soviet people, which it would be a good idea to revive], *Facebook*. 2017. Available at: <https://www.facebook.com/notes/1627566354081306/> (data obrashcheniia: 30.07.2021).
- Gerasimova E., Chuikina S. Obshchestvo remonta [Society for repair], *Neprikosnovennyi zapas*, 2004, no. 34(2). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/obshchestvo-remonta.html>
- Graeber D. Afterword: The Apocalypse of Objects – Degradation, Redemption and Transcendence in the World of Consumer Goods. In: *Economies of Recycling*. London: Zed Books, 2012, pp. 277–290.
- Ia pomniu te sovetskie vremena [I remember those Soviet times], *VKontakte*. 2019. Available at: https://m.vk.com/wall-180300129_3 (Accessed 30.07.2021).
- Illouz E. Introduction: Emotions or The Making of Emotional Commodities. In: *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. London: Routledge, 2018, pp. 1–30.
- Ivanova A. Izobrazhenie defitsita v sovetskoi kul'ture vtoroi poloviny 1960-kh – pervoi poloviny 1980-kh godov [The portrayal of scarcity in Soviet culture in the second half of the 1960s and first half of the 1980s], *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, no. 77(3). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/izobrazhenie-deficizita-v-sovetskoy-kulture-vtoroj-poloviny-1960-h-8211-pervoj-poloviny-1980-h-godov.html>
- Kak pomeniat' mnogorazovuiu prokladku v obshchestvennom meste? [How do you change a reusable pad in a public place?], *VKontakte*. 2020. Available at: https://m.vk.com/wall-153896889_5685?from=zero_waste_shop%3Fq%3D%25D1%2581%25D1%2581%25D1%2581%25D1%2580#comments (Accessed 30.07.2021).
- Kak vyrastit' chainyi grib i sdelat' kombuchu [How to grow tea mushroom and make kombucha], *Greenpeace*. 2020. Available at: <https://greenpeace.ru/how-to/2020/07/06/kak-vyrastit-chajnyj-grib-i-sdelat-kombuchu/> (Accessed 30.07.2021).
- Kakie berezhnye privyчки byli u nashikh babushek i dedushek? [What careful habits did our grandparents have?], *VKontakte*. 2020. Available at: https://vk.com/wall-170357548_768 (Accessed 30.07.2021).
- Kalinin I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a «Historical Horizon», *Slavonica*, 2011, Vol. 17, no. 2, pp. 156–166.
- Keane W. How Everyday Ethics Becomes a Moral Economy, and Vice Versa, *Economics: The Open Access, Open Assessment E-Journal*, 2019, Vol. 13, no. 46, pp. 1–25. Available

- at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-46/html>
- Khorosho zabytoe staroe: kak ekotrendy SSSR spasali stranu ot musora [Well Forgotten Old Time: How USSR Eco-Trends Saved the Country from Garbage], *Rosbalt*. 2020. Available at: <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/02/07/1826846.html> (Accessed 30.07.2021).
- Lambek M. The Past Imperfect: Remembering As Moral Practice. In: *Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory*. London, New York, Routledge, 1996, pp. 235–254.
- Lerner J., Rivkin-Fish M. On Emotionalisation of Public Domains, *Emotions and Society*, 2021, Vol. 3, no. 1, pp. 3–14. Available at: <https://doi.org/10.1332/263169021X16149420135743>
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El, *Religion, State and Society*, 2005, no. 33(1), pp. 35–56.
- Martinez F. *Remains of the Soviet Past in Estonia: An Anthropology of Forgetting, Repair and Urban Traces*. London: UCL Press. 2018.
- Mauss M. Tekhniki tela [Les techniques du corps]. In: Mauss M. *Obshchestva, obmen, lichnost'* [Societies, exchange, personality]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1996, pp. 242–263.
- Neozhidannye sovetskie privychki stali novym trendom sovremennoi ekologii [Unexpected Soviet habits have become a new trend of modern ecology], *Slovo i delo*. 2020. Available at: <https://slovodel.com/579434-neozhidannye-sovetskie-privychki-stali-novym-trendom-sovremennoi-ekologii> (Accessed 30.07.2021).
- O chem dlia raznoobraziia poboltat' s roditeliami [Something to talk to your parents about for a change], *Telegram-kanal @EkoVolk*. 2019. Available at: <https://t.me/EkoVolk/375> (Accessed 30.07.2021).
- Otkuda poiavilas' avos'ka? [Where did the avos'ka (net-bag) come from?], *VKontakte*. 2020. Available at: https://m.vk.com/wall-153896889_6069 (Accessed 30.07.2021).
- Ryle G. Poniatie soznaniia [The Concept of Mind]. Moscow: Ideia-Press, Dom intelektual'noi knigi, 2000.
- Sandilans C. On “Green” Consumerism Environmental Privatization and “Family Values”, *Canadian Woman Studies*, 1993, no. 13(3), pp. 45–47.
- Sem' bytovykh privychek iz SSSR, kotorye budut aktual'ny v novom godu [Seven everyday habits from the USSR that will be relevant in the new year], *V gorode N*. 2019. Available at: <https://www.vgoroden.ru/statyi/sem-bytovyh-privychek-iz-sssr-kotorye-budut-aktualny-v-novom-godu-2> (Accessed 30.07.2021).
- Sovetskie traditsii prevrashchaiutsia v ekotrendy [Soviet traditions turn into eco-trends], *SberbankOnlain*. 2020. Istoriia v prilozhenii (sokhraneny v vide skrinshotov).
- Tikhomirova A. Ot tresha k trendu: bum prodleniia i izmeneniia zhizni veshchei v Germanii 2010-kh godov [From trash to trend: the life-extension and life-changing boom of the 2010s in Germany], *Teoriia Mody*, 2014, no. 33(3). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/33_tm_3_2014/article/11087/?sphrase_id=172578
- Vasilyeva Z. *From Skills to Selves: Recycling “Soviet DIY” in Post-Soviet Russia*. PhD Dissertation manuscript. Université de Neuchâtel, Neuchâtel, 2019.
- Vsem po avos'ke: 7 sovetskikh privychek, kotorye nam nuzhno pereniati, chtoby spasti planetu [A Net-Bag for Everyone: 7 Soviet Habits We Need to Adopt to Save the Planet], *Onedio*. 2018. Available at: <https://onedio.ru/news/vsem-po-avoske-7-sovetskikh-privychek-kotorye-nam-nuzhno-perenyat-chtoby-spasti-planetu-39118> (Accessed 30.07.2021).
- Vy znaete, otkuda poshlo nazvanie «avos'ka»? [Do you know where the name “avos'ka” comes from?], *VKontakte*. 2019. Available at: https://vk.com/podrugomuspb?w=wall-166890600_2854 (Accessed 30.07.2021).

MISCELLANEA

УДК 159.9.07:572.5

DOI: 10.17223/2312461X/34/12

COVID-19 И ВАКЦИНАЦИЯ: «ЧИПИРУЮТ» ИЛИ «УБИВАЮТ»?*

Валентина Ивановна Харитонова

Аннотация. Осмысливаются проблемы, возникшие (преимущественно в России) в связи с созданием, производством и распространением вакцин против вируса SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2; ранее 2019-nCoV – novel coronavirus), вызывающего заболевание COVID-19. Истоки сложившейся в стране ситуации с вакцинацией связываются с антивакцинаторским движением в целом и его российской спецификой. Исследование проводилось в период пандемии с позиций медико-антропологических подходов (с использованием «качественных» методов анализа) на материале интернет-источников, преимущественно сетевых, и опросов респондентов различного пола, возраста, социального и образовательного статуса. Выделенные проблемы можно сгруппировать в несколько блоков: оценка потенциальными потребителями производства отечественных вакцин – их качества, степени апробации перед выходом на рынок; выработка стратегии их использования (варьирование на различных этапах) – принятие идеи вакцинации или отказ от нее по разным причинам; выбор сроков вакцинирования и конкретной вакцины; реакции на последствия вакцинирования; отношение к кампании вакцинации (в том числе к законодательным посылам и агитации) на разных этапах. Все они в той или иной степени связаны с политическими, медицинскими и культурными контекстами; в любой из них были задействованы и специалисты (политики, медики разного уровня, в том числе крупнейшие ученые, а также деятели культуры), и простые граждане, оказавшиеся в сложной ситуации выбора и принятия решений. В статье, помимо общего осмысления проблем, предлагаются иллюстративные материалы, позволяющие оценить особенности отношения к вакцинации различных лиц и групп населения.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, вакцинация, антивакцинаторы (антиваксеры), вакцина Спутник-V, «биопартизанщина», медицинский / прививочный туризм

No one is safe from COVID-19 until everyone is safe.

Из документов ВОЗ

Каждый из нас в безопасности, когда в безопасности все.

Гузель Улдумбекова

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Введение

Вопрос о вакцинации, вызывавший с самого начала пандемии некоторые негативные информационные всплески в обществе, стал неожиданно ключевым в дискуссиях периодов третьей и четвертой волн (если считать таковыми пики июня и октября-ноября 2021 г.). Российская эпидемиологическая ситуация в этом отношении оказалась особенно сложной. Страна, где когда-то была прекрасная инфекционная служба и здравоохранение, которая справлялось с самыми мощными вызовами (напомню широко известный факт о том, как в СССР в 1959 г. за 19 дней предотвратили эпидемию натуральной оспы, привив практически 10 млн человек (Как в СССР... 2021; Михель 2021), где вакцина против вируса SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2; ранее 2019-nCoV – novel coronavirus), вызывающего заболевание COVID-19, появилась раньше, чем в других государствах, неожиданно продемонстрировала такое внутреннее сопротивление вроде бы разумному началу (ведь вакцинация – вполне привычный биомедицинский способ борьбы с инфекционными заболеваниями). Интересно, что антропологи даже стали использовать, а порой и изобретать для оценки сложившейся ситуации помимо уже привычных терминов – «война с вирусом» или «борьба с болезнью», «кликухи» – вроде «антиваксеры» и странные слова военного времени, например – *биопартизанищина*¹.

Проблема вакцинирования оказалась в итоге настолько многоаспектной и сложной, втянутой в политику, экономику, религию, миграционные процессы, современные информационные (или гибридные) войны и т.д., что она не только не решается, но, наоборот, «война на фронтах вакцинации» разгорается все с большей силой и во все более оригинальных, неожиданных вариантах. Важнейшие вопросы, *почему это случилось* и *как выйти из сложившейся ситуации*, требуют ответов. На них пытаются отреагировать и даже обстоятельно их объяснить многие специалисты, в том числе профильные (вирусологи и эпидемиологи), ученые иных областей знания, а также политики, чиновники, государственные деятели, журналисты и просто люди, каждого из которых вакцинация касается. Однако человечество не просто не приходит к единому мнению, но, наоборот, множит в своих размышлениях новые и новые предположения – от вполне реалистичных до откровенно маразматичных и мифологичных.

Цель данной статьи – рассмотреть материалы, связанные с проблемами вакцинирования, чтобы (без излишнего ажиотажа и крайностей) проанализировать особенности ситуации вакцинирования в первую очередь в нашей стране, повлекшие за собой столь разные толкования всего происходящего вокруг вакцин и прямо противоположное отношение как к самой вакцинации, так и к разговорам вокруг нее. По-

сколько исследование осуществляется в русле медицинской антропологии, оно основывается на методах включенного и приобщенного наблюдения, в том числе автоэтнографии, интервьюировании, анализе материалов СМИ, ТВ, сетевого контента.

Основной гипотезой (а она могла бы появиться в любом анализе российской ситуации с вакцинацией – не только антропологическом или социологическом, но даже политологическом или культурно-религиоведческом) является предположение о том, что вакцинация как кампания/процесс идет очень сложно, в первую очередь, из-за неточностей информирования населения на всевозможных уровнях, связанных с отсутствием знания о самих предметах (вирусе, вакцине, антивирусном вакцинировании) даже у специалистов; разумеется свое слово здесь сказало антивакцинаторское движение, достаточно распространенное в стране.

Доковидные антивакцинаторы

Антивакцинаторское движение, о чем теперь знают не только «узкие» специалисты, интересовавшиеся этими процессами в доковидные времена, возникло, конечно же, не в 2020 г. На самом деле, как это всегда бывает, отрицание появилось в те времена, когда возник сам предмет, который отрицается, поскольку феномен вакцины и процесс вакцинирования были не очень понятны и тогда, хотя авторы метода борьбы с инфекциями пытались объяснять свои действия достаточно доходчиво.

Впервые, как считается в медицинской науке, вакцинацию осуществил британский врач Эдвард Дженнер (Беркли) в 1796 г. (т.е. это произошло на сто лет раньше разработки вакцин Луи Пастера). Он попытался бороться с натуральной оспой, разработав прививку не опасным для человека вирусом коровьей оспы. Доктор Дженнер использовал субстанцию из нарыва на руке больной женщины. Медицинская антропология предполагает значительно более раннее зарождение самого принципа борьбы с болезнью, напоминая о том, что издревле пастухи и доярки, наблюдая феномен отсутствия заболевания в своей среде или более легкое течение болезни у тех, кто соприкасался с животными, от которых люди заражались, прибегали к методу вариоляции, предупреждая заболевания оспой. Известно, что Э. Дженнер не был первым прививочником: его как минимум опередил на 22 года фермер Бенджамин Джести и на 5 лет немецкий учитель Петер Плетта (они привили свои семьи). Метод, предложенный Э. Дженнером, не сразу был принят медицинским сообществом. В 1798 г., когда он, спустя 2 года после успешной прививки, рискнул заявить о своих исследованиях, Лондонское королевское общество отнеслось с сомнением к его результатам и отказалось публиковать его труд. Однако еще через два года, в 1800 г.,

метод Э. Дженнера взяли на вооружение: вакцинацию (слово предложил тот же Э. Дженнер, от *vacca* – корова) признали обязательной в английской армии и на флоте, а с 1853 г. проводилась уже обязательная вакцинация новорожденных (см., например: Кейжу 2015: 168–169).

Вполне естественно, что во времена Дженнера, использовавшего народные идеи вакцинирования и разработавшего метод научного предупреждения оспы с помощью вакцины, антивакцинаторское движение началось в русле религиозном. Но уже в XIX в. градус напряжения вырос, а активность противников вакцинирования как метода стала мотивироваться не только религиозными постулатами, но и, вполне закономерно для нового времени, наукой. Интересно, что среди новых противников вакцинации были сторонники альтернативной медицины, которым, казалось бы, логичнее было поддержать такие идеи, учитывая глубокую древность метода в народной среде.

Согласно веяниям времени, в последней трети XIX столетия были созданы информационные средства (журналы), распространявшие антивакцинаторские убеждения; кроме журналов издавалась и иная литература. И, конечно же, появились первые антивакцинаторские организации: в англоязычных странах – Национальная лига антивакцинации (National Anti-Vaccination League) была создана в Великобритании в 1866 г., а Американское общество антивакцинации (Anti-Vaccination Society of America) появилось в 1879 г. Помимо собственно научной практики борьбы с вакцинацией – обоснования ее неэффективности и небезопасности – в этих кругах были представлены и столь популярные у нынешних «антиваксеров» лозунги наступления на права человека, поскольку медицина уже в те времена требовала обязательной вакцинации для всех, обосновывая это тем, что иначе невозможно бороться с мощными инфекциями, порождающими массовые эпидемии (см., например: Пол Оффит 2017).

Интересно, что в XX в., а теперь и в XXI, не просто продолжилось противостояние поборников европейской медицины (со временем именно она стала определять себя как *научную* и *доказательную*), утверждавших необходимость и неизбежность вакцинирования как одной из важнейших возможностей борьбы с массовой заболеваемостью, и противников такого подхода. Это противостояние разрасталось, выявляя все новые акценты в аргументации «против», что вынуждены были опровергать приверженцы вакцинации, за которыми стояло и официальное здравоохранение разных стран мира (следовательно, правительства этих стран), а позже уже Всемирная организация здравоохранения (в 2019 г. ВОЗ включила недоверие к вакцинации в список десяти глобальных угроз для здоровья населения).

Среди важных особенностей антивакцинаторского движения часто указывается то, что они наиболее активны в развитых странах, где вы-

ше образовательный ценз населения, лучше условия жизни, имеются мощные системы здравоохранения, а медицина оказывается широко доступной даже в ее самых передовых достижениях. Кстати, Россия, согласно опросу «State of Vaccine Confidence» (см.: Калюжная и др. 2018), проведенному в 2016 г. в 67 странах мира, оказалась в группе стран-антивакцинаторов: в эту группу вошли, например, Франция и Япония, а также Украина, унаследовавшая традиции СССР, где это движение было развито. Надо заметить, что в конце XX в. на постсоветском пространстве антивакцинаторство, особенно в педиатрической среде, было широко распространено. Выделялось несколько лидеров этого движения, на которых ориентировались и некоторые представители медицины, и широкая публика (наибольшей популярностью пользовались вирусолог Г.П. Червонская (см.: Червонская 2004) и гомеопат А. Коток (см.: Коток 2008)). Все это происходило на фоне активизации КАМ (в более поздних переводах ДАМ) (комплементарной/дополнительной² и альтернативной медицины, которая в варианте *народного целительства*³ была официально зафиксирована в ст. 56 и 57 принятого в 1993 г. в РФ «Закона об охране здоровья граждан»).

Очевидно, что широкое распространение самих альтернативных практик и методов совпало с тяжелым экономическим периодом и временем осложнения политических, национальных, религиозных проблем (см. например: Харитоновна 2000). Поборниками антипрививочных идей (как это было всегда во всем мире) стали в первую очередь приверженцы КАМ, критиковавшие методы биомедицины (в их числе гомеопаты, фитотерапевты, хиропрактики). В движении оказались активно задействованы те, кто был связан с родовспоможением и педиатрией, но пропагандировал и распространял методы естественного родительства и воспитания детей в природной среде (Никитин 2001; Фомин 2005). Логика их аргументации шла «от противного»: они подчеркивали, что вакцинированные с рождения дети оказываются более ослабленными, указывали и на прямой вред вакцинации в конкретных случаях; отрицали действенность вакцин и ссылались на невозможность проверить это в разных ситуациях; при этом говорили о неточности медицинской статистики и высказывали недоверие к статистике вообще, поскольку она могла быть заказной – со стороны фармкомпаний, например; порой возникала и извечная идея «мирового заговора». Помимо того, часто шла речь о том, что вакцинация в современном обществе, где нет уже страшных массовых заболеваний вроде оспы или чумы, где побеждены (как они полагали) туберкулез, трахома, полиомиелит и т.д., не столь актуальна, от массового вакцинирования – как метода оздоровления популяции – надо отказаться. Это сыграло свою роль в ослаблении практики вакцинирования детей, равно как и повторной вакцинации взрослого населения. Поборники биомедицины забили тревогу, когда начали выявляться вспышки туберкулеза, полиомиелита и дру-

гих заболеваний, что в РФ связывали с завозом инфекций из бывших республик СССР, в первую очередь среднеазиатских.

Разделение на два противоборствующих лагеря было очевидным. В 2011 г., например, группа медицинской антропологии (позже преобразованная в ЦМА) по моей инициативе провела специальный семинар, посвященный анализу идей антипрививочников. Вполне нейтральный доклад канд. ист. наук А.А. Ожигановой вызвал бурю эмоций профессиональных медиков, которые «под горячую руку» начали обвинять в приверженности антипрививочному движению и саму докладчицу; она, кстати, позже опубликовала совершенно объективную статью на эту тему в журнале «Медицинская антропология и биоэтика», который начал в тот момент издаваться (Ожиганова 2011)⁴. Движение антипрививочников в России в последние годы не было особенно активным, хотя и не исчезало (по некоторым подсчетам, у нас не менее трети таковых). И оно, конечно же, особенно дало о себе знать в период пандемии.

COVID-19 как повод к вспышке антивакцинаторства

Появление нового ковидного вируса изначально давало повод обсуждать проблему мирового заговора против человечества, искусственность вируса, гибридные войны и т.п. Священный ужас, охвативший взрослое население, подстегивался тем, что к 2020 г. большинство проживающих в развитых странах людей имело возможность общаться в виртуальном пространстве и обмениваться новостями с небывалой скоростью. Распространение роликов про китайцев, которые якобы на ходу падают на улице и тут же погибают в жутких конвульсиях, только усиливало всеобщую нервозность; средства массовой информации какое-то время не могли грамотно опровергать распространяемую фальшивку, поскольку не обладали данными из достоверных источников. Вспомним, что сообщения из Китая шли с основательной задержкой, а параллельно в сетях публиковались различные истории о том, как еще в 2019 г. китайские ученые старались понять, что происходило с некоторыми умершими пациентами, и либо умирали сами, пытаясь достучаться до властей, чтобы предупредить о том, что произошло что-то необычное и страшное, либо бесследно исчезали. В начале пандемии активно обсуждалась идея искусственного происхождения вируса (она и сейчас периодически всплывает даже в новостных лентах со ссылками на очередные исследования вируса и на проведение проверок китайских лабораторий). Официально это в итоге не подтвердилось, но сама по себе идея искусственного происхождения вируса не исчезла вообще из обсуждений пандемии среди разных слоев населения, как и идея ведения современной гибридной войны с использованием биооружия, которым «мог быть» SARS-CoV-2. Изначально эти идеи не касались вакцинации, но определенно были с ней

взаимосвязаны: они способствовали зарождению мысли о том, что и с возможными вакцинами будет что-то не то.

Быстрота создания вакцин в разных странах мира – а их, естественно, очень ждали повсюду – также оказалась на руку антипрививочному движению: с точки зрения антипрививочников это означало, что «все было спланировано и подготовлено заранее» – для уничтожения человечества, разумеется. Высказывания Билла Гейтса с соответствующими комментариями (см., например: Вакцинация...) поддерживали эту уверенность. А открытость части информации об особенностях вакцин нового поколения породила не только мысли о «чипировании» ради подконтрольности тех, кого «оставят в живых», но и страх перед введением препарата, который может повести себя в организме непонятным образом. К этим размышлениям подключились также некоторые врачи и исследователи, в том числе иммунологи. Отложенные последствия пугали и пугают многих.

Почему вакцинация стала проблемой?

Еще одним моментом, насторожившим не только антивакцинаторов, стала, как отмечено выше, скорость появления новых вакцин. За разговорами о том, что они необходимы – необходимо организовать терапевтическое вакцинирование, и отслеживанием гонки их изготовления, апробации, получения разрешений на применение уделялось недостаточно внимания разъяснениям, что собой представляют вакцины мРНК/мРНК (матричная рибонуклеиновая кислота; о принципе работы см., например: Что такое mRNA (мРНК) вакцина...). В России стало известно о трех типах вакцин, а это дало повод для обсуждения, какую из них лучше использовать. Но когда «Спутник-V» (мРНК вакцина) первым был разрешен к применению и стал массово поступать в пункты вакцинации, в то время как две другие вакцины задерживались, а позже поступали в ограниченном количестве, то начались проблемы с тем, чтобы «доставать» именно их любыми путями. Привычное еще с советских времен толкование ситуации: если не хватает всем, значит, они лучше, их куда-то отправили и т.п., – вызывало некоторый ажиотаж, особенно по поводу «КовиВак» (цельновирусная вакцина, созданная на основе убитого вируса SARS-CoV-2), часть которой оказалась в платных клиниках, а кое-где предприимчивые медики начали приторговывать ею. Мои знакомые обзванивали клиники, переписывались друг с другом в поисках именно этой вакцины, уточняя, где она есть, сколько стоит, можно ли добиться, чтобы сделали прививку, если тебе более 60 лет (у «КовиВак» были возрастные ограничения).

Не обошлось без еще одного привычного нашему обществу мнения: зарубежное для нас часто воспринимается как лучшее в сравнении с

отечественным. Исследования 2020 г. показывали, что «на вопрос, вакцину какого производителя Вы бы предпочли, российского или зарубежного, – 22% выбрали вакцину российского производителя, а 23% респондентов выбрали зарубежного производителя. После обработки данных в программе *SPSS* (компьютерная программа для обработки статистических данных. – В.Х.) было выяснено, что 22% респондентов доверяют российской вакцине и готовы вакцинироваться в ближайшее время. А 23% респондентов тоже готовы вакцинироваться, но в том случае, если на фармацевтическом рынке России будут представлены зарубежные аналоги» (Пандемия... 2021: 227).

На первых этапах вакцинирования начал процветать и *медицинский/вакцинаторский туризм*: «Так, в финском городе Савонлинна есть клиники, которые работают с российскими гражданами, которые желают вакцинироваться препаратами, которые отсутствуют в продаже на территории России. Пандемия коронавирусной инфекции спровоцировала бум “вакцинного туризма”» (Пандемия... 2021: 221). Многие россияне, понимавшие, что речь должна идти не только о том, какие (чьи) препараты лучше, но и о том, с какими прививками будут открыты границы в другие страны, тоже пытались прибегнуть к медицинскому туризму, однако в европейских странах, например, вакцины было немного, на нее писались очереди; кроме того, там прививочные кампании были организованы с учетом возрастных границ, чтобы обеспечить прививками в первую очередь тех, кто оказался в наиболее уязвимых категориях. Надо заметить, что ажиотаж со спросом на «хорошие» прививки на начальных этапах вакцинации приводил и к различным казусам. Так, например, одна из моих респонденток, уехав к мужу в Германию, быстро привилась там (как она была уверена, вакциной «Пфайзер»: *Pfizer/BioNTech – вакцина на базе мРНК против COVID-19, совместная разработка немецкой и американской компаний*) и радостно сообщила о том, как все прекрасно – как всегда – у немцев, в отличие от нас: и записали на прививку сразу, и укол сделали только один (а в России заставляют делать дважды), ну и, разумеется, все были очень внимательны, не как наши врачи. В результате уточнений выяснилось, что она привилась по незнанию... от гриппа (ПМА 2020).

Надо заметить, что *медицинский / прививочный туризм* довольно быстро начал развиваться и в России, куда готовы были (из-за недостатка вакцин в других странах) ехать не только наши граждане, оказавшиеся за пределами родной страны, но и зарубежные, которые не прочь были прививаться нашей вакциной, понимая, что она – даже если ВОЗ никак не желает выпустить ее на западный рынок – вряд ли много хуже западных аналогов. Кстати, предприимчивые операторы прививочного туризма пытались организовывать специальные авиарейсы в Москву и другие города России.

Однако в самой России степень доверия к нашей вакцине и желание прививаться ею было не столь велико, как хотелось бы и Роспотребнадзору, и Минздраву, которые рассчитывали изначально уже к лету (или хотя бы к концу лета 2021 г.) привить не менее 60% наших граждан, чтобы обеспечить коллективный иммунитет. Но данные социологов уже в 2020 г. свидетельствовали о нереальности таких устремлений: «В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что 22% респондентов готовы привиться вакциной от коронавирусной инфекции в ближайшее время. Безусловно, это недостаточное количество россиян для создания популяционного иммунитета в стране. Вызывает беспокойство о безопасности и наличие побочных эффектов созданной в довольно короткие сроки вакцины» (Пандемия... 2021: 228).

О побочных эффектах вакцин многое сообщалось на уровне слухов или «достоверных» (на самом деле фейковых) пересылаемых роликов. Сетевой контент «зашкаливал» от негатива по поводу российских вакцин – трудно было понять, есть ли среди этого достоверная информация и сколько ее. Про официальные данные о побочных результатах вакцинирования западными вакцинами (Pfizer – мРНК вакцина одноименной компании из США («Пфайзер») и немецкой фирмы BioNTech («Байонтек»); AstraZeneca – разработана на основе модифицированного аденовируса шимпанзе, разработчик: британско-шведская фармацевтическая компания AstraZeneca и Оксфордский университет (Великобритания); Moderna – вакцина mRNA-1273 американской одноименной компании, для ее исследования и разработки использовались клетки из абортированного человеческого эмбриона, и др.) и даже о временных запретах их в некоторых странах сообщали новостные каналы, что подогревало ситуацию. В 2020 и первой половине 2021 г., к сожалению, это редко комментировалось специалистами для широкой публики; кроме того, наши граждане не привыкли верить официальной информации (еще с тех времен, когда анекдоты доносили до нас, что в газете «Правда» есть не более 5% правды), поэтому на сведения от Роспотребнадзора обращалось мало внимания. Публика искала правду преимущественно в интернете, СМИ, у блогеров. Современная ситуация позволяет организовать прямое общение на сетевых форумах, консультируясь по разным поводам друг у друга. Естественно, что сразу возникли и до сих пор формируются группы по интересам, где, надо отдать должное, часто есть профессиональные врачи, которые не отказывают в консультациях и корректируют различные нелепости, какими, естественно, быстро наполняется контент таких групп.

Многие не желали делать прививки (в первую очередь мРНК-вакциной), поскольку пошли разговоры о том, что такой тип вакцин может провоцировать аутоиммунные заболевания, но главное – какие-то из них сделаны на основе клеток обезьян, а другие – на клеточном

материале абортированных эмбрионов человека. Часто это возникало именно из-за отсутствия четкой информации о вакцинах и особенно вакцинирования против вирусных, в том числе непосредственно ковидных инфекций. Мне приходилось отвечать на многочисленные вопросы про абортивный материал и стволовые клетки от шимпанзе – вопросы поступали от публики весьма почтенной, в т.ч. ученых, которых задевало, что им будут вкалывать нечто подобное (срабатывал сказочный принцип «козленочком станешь» или включался страх антигуманизма). Судя по всему, это незначительная часть населения; неслучайно исследователи приходят к такому, например, выводу (опросы 2020 г.): «По данным опроса, была обнаружена зависимость между желанием вакцинироваться и уровнем образования. С повышением уровня образования доля желающих вакцинироваться возрастает. Как показали результаты исследования, готов вакцинироваться каждый третий респондент, имеющий высшее образование, каждый четвертый, имеющий неполное высшее и среднее образование, и каждый пятый, кто имеет основное общее образование» (Пандемия... 2021: 227).

Когда антивакцинаторство становится массовым...

Однако даже некоторые представители медицинской науки сомневались в правильности и необходимости использования вакцин мРНК; кое-кто из них советовал ждать поступления в пункты вакцинации препарата «КовиВак», создаваемого на основе наиболее апробированной методики. Кстати, третью вакцину, «ЭпиВакКорону», на которую изначально рассчитывали как на наиболее безопасную и рекомендовали возрастным группам (пептидная вакцина, т.е. содержащая части белков, а не сам белок вируса; не содержит аденовирусы, иммунитет к которым может повлиять на иммунизацию), позже причислили к «фуфломицинам» – выяснилась ее слабая эффективность: «По данным специалистов, среди привитых “Спутником V” заболели 1,8%, «КовиВаком» – 0,9%, «ЭпиВакКороной» – 6%» (см., например, комментарии К. Северинова: (Спутник V, ЭпиВакКорона...)). На начальных этапах вакцинации это спровоцировало высокий спрос на «КовиВак» – люди готовы были платить деньги за такую прививку вместо бесплатного «Спутник-V», в отношении которого распространялись слухи, будто части вируса, запускаемые с вакциной в организм, могут со временем сработать еще страшнее, чем сам вирус, а это приведет к развитию процессов, которые пока никто не может просчитать. Мои информанты были уверены в том, что «действие этой прививки непредсказуемо»; одна из знакомых дам, имеющая психологическое образование, писала мне, что даже от обычных прививок не известно, чего можно ждать, и приводила пример, что ее дочь несколько лет назад «ослепла после пяти прививок от бешенства», «мы ей еле зрение восстановили» (ПМА 2021, май).

По WhatsApp пользователи начали активно пересылать различные «разоблачающие» тексты. Ниже представлен пример из Instagram (подписан «(с) Александр Дубровский»), в котором приводятся выдержки из публикаций компании Moderna, как сообщает автор, где просматривается желание показать основную цель фармкомпаний:

«Moderna» призналась: мы не вакцинируем людей, мы их чипируем (подчеркнуто мной. – В.Х.). ...Материал взят с публичного сайта этого биотехнологического гиганта, основанного в 2010 году для разработки лекарств и вакцин на основе технологий работы с матричной РНК (мРНК). Компания стала известна нашему читателю ввиду выхода на рынок одноименной вакцины против вируса Covid-19.

Цитаты:

«Признавая широкий потенциал науки о мРНК, мы решили создать технологическую платформу для мРНК, которая очень похожа на операционную систему на компьютере. Она спроектирована так, что может подключаться и быть взаимозаменяемой с различными программами. В нашем случае «программа» или «приложение» – это наш препарат мРНК – уникальная последовательность мРНК, которая кодирует белок».

1 мая 2020 г. Moderna Inc и Lonza Ltd. сегодня объявила о 10-летнем стратегическом соглашении о сотрудничестве, чтобы обеспечить крупномасштабное производство мРНК вакцины Moderna (мРНК 1273) против нового коронавируса (SARS-Cov-2).

Первичный вывод следующий: так называемая вакцина Moderna совсем не похожа на традиционные вакцины, использующие живые или мертвые, естественные или сконструированные части РНК вируса, предназначенные для того, чтобы вызвать иммунный ответ и сформировать в организме антитела. То есть препарат «мРНК-1273» не есть вакцина против вируса. А есть на самом деле искусственный биопрограммный вирус.

Продолжим. Исходя из авторского определения платформы мРНК как аналога компьютерной операционной системы, следует, если придерживаться заявленной буквы, признать: препарат предназначен для (пере)программирования тела человека путем (пере)кодировки его белка. Другими словами, маски сброшены, платформа мРНК – это место, где Big Pharma объединяется с Big Tech, оправдывая самые мрачные прогнозы вчера еще фантастов, а сегодня – реалистов» (ПМА 2021).

Таким образом, идеи чипирования и разрушения организма в результате действия этих вакцин, которые непонятным образом будут сами работать неизвестно сколько и как, прижились на какое-то время и в сетях, и в обычных обывательских обсуждениях. Помимо чипирования довольно быстро стали распространяться слухи о том, что изобретенные препараты вызывают бесплодие (как у мужчин, так и у женщин). В публичном пространстве идея мирового заговора комментируется

вася (с разными акцентами) некоторыми биологами и медиками. Надо сказать, что в этом значительную роль сыграли антивакцинаторские выступления творческой интеллигенции. Тут нельзя не упомянуть бурную деятельность М.В. Шукшиной⁵. Актриса взяла на себя роль организатора борьбы с вакцинированием, роль эдакого общественного лидера-правдоборца, группируя вокруг себя разных специалистов, в том числе известных врачей и представителей медицинской и биологической науки, которые высказывали мысли о разрушении человека как биологического вида с помощью новых прививок. Круглые столы и конференции, которые она организовывала и с большим шумом проводила, тут же оказывались на YouTube и активно комментировались в социальных сетях. Говорившееся там на протяжении нескольких часов, «резалось» на мелкие цитаты, которые поступали в активный оборот на TikTok – всем известно, насколько быстро информация оттуда распространяется, например, через WhatsApp. Высказывания доктора медицинских наук, профессора Московской медицинской академии, председателя Московского городского научного общества терапевтов П.А. Воробьева (убежденный антивакцинатор – см., например: Нужно ли вакцинироваться?..) до сих пор люди пересылают друг другу; в основном это делают женщины, которые пытаются докопаться до истины в вопросе с прививками и опасаются их делать, ссылаясь на авторитетные имена, среди которых – еще более чем П.А. Воробьев – популярен советский и российский микробиолог, специалист в области молекулярной биологии и патогенных микроорганизмов, академик РАМН и академик РАН В.В. Зверев (см., например: Вирусолог о вакцинации...).

К чему приводит вакцинация?

Однако как только началась кампания по вакцинации, акценты сместились: стало понятно, что уколы не спасают от заражения. Мало того, тут же поползли слухи, основанные в том числе и на реальных фактах, что многие заболевают сразу после первого укола, а кто-то и после полной вакцинации. Очевидно, прививки не ограждали от ковида... Как только стало известно, что заражаются и те, кто привился дважды, что изначально предписывалось медиками для избавления от заболевания, ситуация значительно обострилась. Одна из моих информанток (52 года) писала мне 22.05.2021 о людях, попавших в ковидный госпиталь: «...онидохнут от прививки». «Это не фигня, – настойчиво повторяла она в своих смс. – Моя приятельница работает в ковидном госпитале. Никакие прививки не спасают от повторного заражения и от заражения первичного. Человеку делают прививку, а через пару дней он уже в реанимации с поражением легких 40%». Разумеется, заключение по поводу семьи было продиктовано ее восприятием происходящего:

«Мы не будем делать» (ПИМА 2021). Еще одна из моих собеседниц (36 лет) в августе 2021 г., когда была уже необходимость быть привитыми, чтобы оставаться на работе, жестко сказала мне: «Конечно не буду [прививаться] – любыми путями: у меня уже две знакомые умерли от прививки! Между прочим, Вашего возраста» (ПИМА 2021).

К чему все это привело в 2021 г., когда сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, прививка не является обязательной, с другой – без прививки стало невозможно не только отдыхать, но и работать (необязательность обернулась настойчивым предложением: либо прививайтесь, либо уходите, в лучшем случае на «удаленку», в худшем – ищите другую работу). И тут военизированное восприятие пандемии дополнилось «биопартизанщиной» (термин Ю.А. Исаевой¹): люди с введением сертификатов вакцинации стали их просто покупать у мошенников. Более того, где-то обман оказалось возможным организовать с помощью медиков: делались фальш-прививки (уничтожалась вакцина, а укол либо не делали, либо использовали для пущей достоверности физраствор). С этим явлением вскоре повсеместно началась официальная борьба (см.: Уголовная ответственность...; Уведомление об ответственности... и др.).

Очень жаль, что в нашем поле «врач – пациент», которое является достаточно напряженным (Харитонов 2020б), в этой чрезвычайной ситуации не сработала в силу разных обстоятельств возможность откровенного общения врачей и пациентов на темы вакцинации. Это было сложно и в силу обрушившейся на все звенья здравоохранения пандемии, но главное – в силу привычки ничего не объяснять пациенту, проявляя привычно патерналистское отношение к нему; разумеется, нельзя сбросить со счетов и слабую осведомленность самих медиков, большинство из которых оказались примерно в той же ситуации незнания, что и пациенты – и, естественно, также начали пользоваться «слухами и толками», разносившимися СМИ и ТВ.

В 2021 г., особенно во второй половине года, СМИ и ТВ несколько изменили свою политику: агитация за вакцинацию и необходимость QR-кодов стала более жесткой. С экранов пропали те, кто противоречил этому и обосновывал свою позицию против вакцинации; из некоторых студий во время ток-шоу даже выставляли таких людей, невзирая на должности и звания (особенно этим отличался А. Гордон)⁶. Вместе с тем эта агитация была уже более четкой и понятной зрителям. Собственно медицинские передачи регулярно говорить толковали не просто о коронавирусе, но о необходимости вакцинации. Однако многие зрители и активисты соцсетей полагают, что им по-прежнему не предоставляют реальных статистических данных по заболеваемости вакцинированных и смертности (называемые официальными лицами проценты не вызывают доверия, поскольку конкретные факты, слухи и

толки вокруг них воспринимаются как более правдивые). К сожалению, вопрос об особенностях осложнений в результате вакцинаций тоже мало комментируется – среди медотводов от прививок была в основном аллергия. Очевидно, это было связано с тем, что вакцина могла вызывать анафилактический шок, что могло произойти сразу после прививки. А население хотело бы знать о тромбозах, отложенных инфарктах и инсультах, вызываемых ими. Такие данные можно найти в СМИ лишь по западным вакцинам.

В обществе все более поднимался вопрос о том, зачем вакцинироваться, если все равно заболеешь? Предложенный на него официальный ответ (вакцинированные заражаются редко, а болеют очень легко) не подтверждался происходящим в клиниках, о чем люди, естественно, узнают из разных источников. Один из моих информантов долго смеялся, рассуждая по поводу официально предлагаемого утверждения о том, что вакцинированные меньше болеют, а в финале завершил свой ответ сентенцией: «Ну, конечно, мы вот с женой на своем примере поняли: пока не вакцинировались – почти два года жили нормально; когда прижали на работе и заставили уколиться (иммунитет, понятно, упал) – через некоторое время сначала она, потом я заболели. А еще – когда ее выписали с больничного, она пошла в поликлинику: ей сделали экспресс-тест и... обнаружили ковид – снова отправили домой на 14 дней! Короче: никто ничего не понимает в этой заразе!» (ПМА 2021, декабрь).

Или вот один из комментариев (к ролику на YouTube «Почему новый вирус...»; Коля Мичурин): «Жена была привита, в больнице на операции по замене тазобедренного сустава подцепила Ковид, увезли в Коммунарку, 11 дней и человека не стало. И где легкое протекание болезни?».

Пациент на распутье: так надо ли вакцинироваться?

Работа с контентом специализированных сетевых групп (например, «Вакцинация covid-19. International. Реальные отзывы» (11,7 тыс.), русская группа «Нетипичный коронавирус (постковид)» (42,6 тыс.) и др.), как и интервьюирование респондентов, показывают, что у многих людей возникает мысль, будто официальные данные о прививках и медицинские рекомендации по вакцинированию ни на чем не основаны – ведь «контрольной-то группы» нет: каждый случай индивидуален, а многие вообще не знают, переболели они ковидом или нет, так как болели чем-то, но тестов не делали (да и смысла в этом не видели, поскольку тесты, как они полагают, слишком часто дают ошибочный результат).

Таким образом, к пятой волне пандемии многие приходят с недоумением по поводу вакцинации: почему в странах, опережающих нас

по проценту вакцинированных и числу прививок, ситуация противоположная ранее предсказываемой – чем больше вакцинированных, тем выше заболеваемость (это демонстрируют на данном этапе западноевропейские государства)? И зачем при этом делать третью дозу вакцины – не будет ли после этого еще хуже? Если легче переносится новый штамм, зачем вообще вакцинироваться, тем более что его легко переносят и невакцинированные, как показывает опыт ЮАР, где сформировался, судя по официальным данным, омикрон. Эти и другие вопросы об особенностях вакцинации против ковидных вирусов необходимо подробно и грамотно разъяснять в самых разных источниках массовой информации, ведь агитация «от противного» уже идет.

Недавно на платформе Яндекс Дзен, где регулярно публикуется множество текстов на тему пандемии и конечно же вакцинации, появились сообщения о том, что новый штамм «Омикрон» вообще поражает преимущественно тех, кто прошел полную вакцинацию («Почему новый вирус поражает в первую очередь вакцинированных?» 14 декабря). Вот цитата из этого источника:

«...Но тут происходят странные вещи. 11 декабря шведская газета Dagens Nyheter со ссылкой на доклад датского Государственного института сывороток отметила, что из 1280 заразившихся в Дании 956 человек привиты два раза, 114 заразившихся получили три дозы вакцины. И это на фоне того, что процент трижды вакцинированных в Дании невелик, так что на практике получается, что с третьей вакцинацией вероятность поражения омикроном... возрастает». Далее автор пространно рассуждает о том, что «ЮАР, где минимальный процент вакцинированных и где появился новый штамм, нет высокой смертности – это дало западным врачам возможность говорить о слабости нового штамма при его высокой контагиозности, которая оказалась особенно велика в странах, где большой процент вакцинированных; мало того – здесь заболевшие начинают умирать...». В финале появляются религиозные идеи, оставляя читателю надежду: «Прорвемся, говорят пророчества!»⁷

Недавно официальные комментарии по ситуации с зараженными штаммом «Омикрон», прибывшими из стран Африки, дала А.В. Попова в отчетах Роспотребнадзора. Она подтвердила тот факт, что среди заразившихся преобладают вакцинированные ранее: из 16 заболевших 11 вакцинированных (Роспотребнадзор: «Омикроном» заражаются в основном вакцинированные / Новости Политика QR-код. 14.12.21).

В этих новостных сообщениях говорится о легком течении заболевания, особенно когда речь идет об омикроне, однако пользователи соцсетей и пишущие комментарии под официальными сообщениями по-прежнему сообщают о смертности, в том числе среди привитых.

Выводы

Получилось так, что с появлением вакцины, а тем более с началом вакцинации, на которую так надеялись и Роспотребнадзор, и Министерство здравоохранения, да и большая часть медицинских работников – именно они в это время прочувствовали ужасы эпидемии на себе и своих коллегах, публика была уже отчасти подготовлена активаторами к ее негативному восприятию. С другой, официальной, стороны на тот момент не было достаточно грамотного и активного информирования людей об особенностях вакцинирования. Надо отметить, что восприятие вакцины как таковой у большинства ассоциировалось с полной защитой от заболевания. Люди уверены (хотя многие просто не задумывались ранее над такими вопросами), что эпидемии чумы и оспы, полиомиелита, кори, туберкулеза были быстро остановлены именно вакцинацией. Публичные выступления, например, профессора П.А. Воробьева (см. выше), предлагающего иную трактовку проблем с вакцинированием: объясняющего исчезновение эпидемических ситуаций (об эпидемиях см., например: Васильев 2001; Михель 2009; Михель, Михель 2021) и самих заболеваний не воздействием вакцин, а экономическими, социальными причинами, развитием профилактирования и т.д., озадачивают далеких от медицины граждан, раньше не слышавших об этом.

Опасения получить в организм «чип» или плохой препарат, который повлечет за собой отложенные осложнения неизвестного характера, конкурировали у людей с желанием не подвергать себя тяжелейшему заболеванию, от которого легко можно умереть.

Возражать было сложно, ведь вся официальная реклама и пропаганда строились в 2020 г. и первой половине 2021 г. еще на разговорах о необходимости прививаться, чтобы не болеть ковидом вообще. Почему нельзя было изначально грамотно сообщать людям информацию об особенностях прививок от вирусных инфекций на примере гриппов, демонстрирующих частичную действенность препаратов, – непонятно. Сложно думать, что медицинские службы не знали, что антивирусная вакцинация от гриппа, например, не спасает фактически во многих случаях от самого заболевания, но – как считают приверженцы биомедицины – облегчает течение болезни, если организм не смог оказать должное сопротивление вирусу. Почему нельзя было изначально предоставить элементарные сведения об этом, равно как растолковать людям подробно, как именно надо вести себя до, в период и после вакцинации? Большинство заболевших после прививки, скорее всего, заражались или во время вакцинирования в поликлиниках, например, или вакцинировались на фоне уже полученного ковида; заболевали, видимо, в результате присущего нам пофигизма: если сделал укол – уже

обезопасил себя от вируса, а это значит, что можно маски снять, начать посещать массовые мероприятия, ходить в гости и т.д.

Смущает то, что официальные службы, которые должны были доносить правдивую и обоснованную информацию до людей либо честно признать то, что в этом процессе есть много неизвестного и недостаточно исследованного (а именно это требуется в первую очередь), работали в данной ситуации ничуть не лучше, чем в начале пандемии, когда по поводу масок и перчаток, выхода на улицу из квартиры и т.д. принимались разноплановые, часто необоснованные решения, а требования к их исполнению были чрезвычайно строги при минимуме разъяснительной работы (см., например: Буркова, Феденок 2020; Кукса 2020; Колдман 2020; Малькова 2020; Феденок, Буркова 2020; Харитонova 2020b, 2020a; Харитонova, Булдакова 2020 и др.).

Однако к отказу от вакцинации людей толкала и сама агитация за вакцинацию, ее качество: из призывов и телепередач далеко не всегда следовало, что при вакцинации есть довольно длительный период ослабления иммунитета, пока организм не выработает антитела; мало говорилось о том, что у кого-то антитела совсем не вырабатываются. Этот вопрос вообще странным образом комментировался со стороны ученых – они чаще всего говорили и писали, будто данные по антителам нужны больше для научных исследований. Впрочем, сейчас уже и чиновники, и даже сам Президент в своих выступлениях часто упоминают именно об антителах и их уровне, убеждая граждан последовать их собственному примеру и привиться.

Официальная точка зрения по проблеме вакцинации до настоящего времени остается традиционной, хотя многие специалисты понимают, что в ситуации с нынешним ковидом не все так просто: «Таким образом, стоит отметить, что необходимо вести пропаганду и информировать население о безопасности российской вакцины и необходимости ее применения против коронавирусной инфекции. Пандемия может закончиться при одном условии: либо *большая* часть населения будет привита, либо *большая* часть населения переболеет – при выборе последнего варианта жертвы неизбежны» (Пандемия... 2021: 229).

Нужна именно грамотная научная пропаганда – разъяснение по каждому вопросу на различных уровнях для всего спектра населения. Активная борьба с антивакцинаторами (а теперь этим занимается даже Facebook, см.: Алексей Алексеенко 2019), проявляющими себя в рамках правового поля, должна идти мирным путем. Иное дело – борьба с попытками вбрасывания фейков о качестве наших вакцин, уровне заболеваемости и смертности, качестве здравоохранения и т.п., чем занимаются органы безопасности.

Учитывая то, что среди антипрививочников эпохи пандемии довольно много специалистов-профильников высочайшего уровня, хоте-

лось бы, чтобы организовывались как можно чаще серьезные научные дискуссии ученых и практиков, выражающих прямо противоположные позиции. И это «поле сражений» должно быть этически выдержанным, позиции противников – научно обоснованными, сами противники терпимыми по отношению к выражающим иное мнение. Увы, мы идем другим путем: дискутируют (иногда просто хамят) в ранге решающих основной вопрос у нас журналисты, ведущие ток-шоу. Безапелляционно высказываются в своих передачах представители медицины, формулируя (повторяя) официальную позицию Минздрава и Роспотребнадзора. Профессиональные дискуссии иногда проходят на специализированных научных конференциях (разных по своим установкам, см., например: Ученые развенчали мифы...), однако до населения оттуда могут доноситься только отголоски чьих-то мнений обычно через новостную ленту или те же ролики, блуждающие в соцсетях, которые могут разносить вырванную из контекста и извращенную информацию.

Нынешние прививочники и антипрививочники (я имею в виду специалистов, которые пытаются обосновывать свою доказательную позицию, а не *антиваксеров* современного толка – ср., например: Зарабатывают, хайпуют...) представляют не просто два разных лагеря, но, можно сказать, два разных мировоззренческих подхода к человеку и возможностям его лечения – механистический и холистический; одни спасают *человечество* (и в нынешней ситуации их легко можно понять – особенно чиновников от здравоохранения: они в ответе за страну и человеческую популяцию в целом), другие хотят сделать здоровым *человека* (это их медицинское призвание и человеческое служение). И именно это, на мой взгляд, не позволяет им найти золотую середину в вопросе вакцинации. Особенно сейчас, во время пандемии: на войне как на войне. Кого же слушать простому пациенту – вопрос совсем не простой, особенно когда агрессия нарастает с обеих сторон...

Примечания

¹ Термин был использован Ю.А. Исаевой в ее докладе «Социальное тело во время эпидемии: биополитика и биопартизанщина в условиях контролируемой демократии» на IX Международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии» (18–20 ноября 2021 г., Москва: онлайн).

² Комплементарная/дополнительная и альтернативная медицина (КАМ/ДАМ) – неконвенциональные лечебно-оздоровительные системы, практики, методы, не включенные в нашу страну в официальное здравоохранение (в настоящее время по второму Закону об охране здоровья от 2011 г. (ст. 50) сюда входят традиционные медицинские системы, народная медицина и множественные частные методы профилактики и оздоровления).

³ Народное целительство – узаконенная в 1993 г. деятельность специалистов народной медицины, получающих официальные свидетельства об образовании и лицензии на трудовую деятельность.

⁴ «От редакции:

Тема вакцинации, актуализированная в последнее время предложением главы Роспотребнадзора Г.Г. Онищенко (январь 2011 г.) лишить родителей возможности решать вопрос о прививках их детям, дискутируется в СМИ и на ТВ сейчас особенно активно. Переведенная в сферу общественных дискуссий, она порой теряет научную обоснованность и конкретику. Проблема вакцинации не решена окончательно представителями медицинской науки. Среди них есть специалисты, придерживающиеся совершенно разных точек зрения: от авторитарно настойчивого требования поголовно прививать всех до полного отказа от прививок, как минимум детских по причине отсутствия от них прямой пользы и явного нанесения вреда растущему организму. Естественно, простые граждане также значимо колеблются в своих оценках» (Ожиганова 2011).

⁵ В ноябре 2021 г., когда борьба с антипрививочными высказываниями значимо усилилась и появились первые дела по распространению фейков, на деятельность известных личностей стали обращать внимание в официальных СМИ: «Среди российских звезд шоу-бизнеса и политиков действительно есть те, кто распространяют такие теории и отговаривает прививаться. Актриса Мария Шукшина не раз заявляла, что людей превращают в “цифровых рабов”. Певец Юрий Лоза сравнивает вакцину с просроченными продуктами и призывает отказаться от нее. На его страницах в соцсетях есть высказывания, например, о том, что после прививки у “доноров сперма пустая”» (До пяти лет...).

⁶ Так, например, А. Гордон удалил из студии известного правозащитника, юриста А.В. Саверского (см.: Торжество мракобесия...), возглавляющего много лет «Лигу защиты пациентов» и занимающегося анализом ситуации с пандемией с правовой позиции (см.: Как готовили...), пытающегося бороться с тем, что он считает противозаконным (Интервью Александра Саверского...).

⁷ В одной из хорошо аргументированных научно-популярных статей, посвященных антивакцинаторству (см.: Юлия Латынина 2021), которую есть смысл широко тиражировать, такие вопросы хорошо рассмотрены.

Источники

Алексей Алексеенко. Facebook вступил в борьбу с антипрививочным движением // Forbes. 14 февраля 2019. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/372375-facebook-vstupil-v-borbu-s-antiprivivochnym-dvizheniem>

Вакцинация для сокращения населения: Билл Гейтс (интервью доктору медицины Sanjay Gupta). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=79VEY-dw3Zo&t=1s>

Вирусолог о вакцинации: кто больше врет народу? (Интервью В.В. Зверева «Sputnik на русском»). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gfmSAkNBW4>

До пяти лет заключения: кого будут сажать за фейки о вакцинации. URL: <https://ria.ru/20211127/feyki-1760974303.html>

Зарабатывают, хайпуют и даже убивают: как выглядит типичный антиваксер. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/900288-zarabatyvaiut-khaipuiut-i-ubivaiut-kak-vygliadit-portret-antivaksera>

Интервью Александра Саверского после Верховного суда РФ «Ковид – не чума». 15 апреля 2021. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%A1%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B2+%D1%81%D1%82%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B8+%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B0&path=wizard&parent-reqid=1640499238524115-13323490652594240589-vla1-5375-vla-l7-balancer-8080-BAL-8010&wiz_type=vital&filmId=2383046014619809061&url=http%3A%2F%2Fvk.com%2Fvideo98662248_456240725

Как в СССР за 19 дней предотвратили эпидемию и привили 10 млн человек // Мультимедиа «Новый»: видео. 19 июля 2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/19/ospa-1959>

- Как готовили эту диверсию. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=woIIALgxDuQ&t=71s>
- Нужно ли вакцинироваться? (Павел Андреевич Воробьев, д.м.н., профессор). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2DKJXsj2dI0&t=673s>
- ПИМА – полевые материалы автора собирались в виде развернутых неформализованных интервью; в виде переписки и пересылки материалов из различных источников цитат из контента специализированных и иных групп на Fb и др. сетях и т.д.
- Спутник V, ЭпиВакКорона или КовиВак – чем лучше прививаться? URL: <https://novostom21.med.cap.ru/press/2021/5/25/sputnik-v-epivakkorona-ili-kovivak-chem-luchshe-pr>
- Торжество мракобесия // Док-ток. Выпуск от 22.11.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IExpGFZyA4>
- Уведомление об ответственности за незаконную реализацию, приобретение и использование поддельных документов о вакцинации против «Covid-19» и проведении ПЦР-тестов. URL: <https://verh-irmen.nso.ru/news/3724>
- Уголовная ответственность покупателей фальшивых сертификатов о вакцинации от COVID-19. URL: <https://mr-verhneviljujskij.sakha.gov.ru/informatsija-dlja-naselenija/prokuror-razyasnyat/ugolovnaja-otvetstvennost-pokupatelej-falshivyh-sertifikatov-o-vaktsinatsii-ot-covid-19>
- Ученые развенчали мифы о COVID-19 и вакцинации. URL: https://octagon.media/istorii/uchenye_razvenchali_mify_o_covid_19_i_vakcinacii.html
- Что такое mRNA (мРНК) вакцина от коронавируса и как она работает? URL: <https://deep-review.com/articles/what-is-mrna-vaccine-coronavirus/>
- Юлия Латынина. Бунт невежд // Новая газета. 7 августа 2021. URL: <https://novaya-gazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd>

Литература

- Буркова В.Н., Феденко Ю.Н. Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии COVID-19 (кросс-культурные аспекты) // Вестник антропологии. 2020. № 3. Ч. 74–91.
- Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.
- Кейджу Дж. Открытия, которые изменили мир: Как 10 величайших открытий в медицине спасли миллионы жизней и изменили наше видение мира. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 363 с.
- Калюжная Т.А., Федосеенко М.В., Намазова-Баранова Л.С., Гайворонская А.Г., Шахтахтинская Ф.Ч., Ткаченко Н.Е., Броева М.И., Привалова Т.Е., Вишинёва Е.А., Чематкина Д.С., Касаткина Ю.Ю., Гайворонская К.М. Преодоление антипрививочного скепсиса: поиски решения выхода из сложившейся ситуации // Педиатрическая фармакология. 2018. № 15 (2). С. 141–148. doi: 10.15690/pf.v15i2.1871
- Колдман С.Д. «Не убивайте мою маму!»: отношение к пожилым людям во время пандемии COVID-19 // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 2 (20). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=5005
- Коток А. Беспощадная иммунизация. Правда о прививках. Гомеопатическая книга: Новосибирск, 2008.
- Кукса Т.Л. Биополитические решения и правозащитный активизм в период распространения COVID-2019 в России: ограничения субъектности и новые границы взаимозависимости // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4825
- Малькова В.К. Коронавирус в российском информационном пространстве // Вестник антропологии. 2020. № 2. С. 206–224.
- Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 3. С. 295–312.

- Михель Д.В. Эпидемии и глобальная история. М.: Весь Мир, 2021. 296 с. ISBN 978-5-7777-0862-5
- Михель Д.В., Михель И.В. Эпидемия и история: разнообразие подходов к предмету // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, № 6. С. 5–21.
- Никитин Б.П. Здоровое детство без лекарств и прививок. М., 2001.
- Ожиганова А.А. Вакцинация в контексте биоэтики // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=741
- Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2021. 248 с.
- Пол Оффит. Смертельно опасный выбор. Чем борьба с прививками грозит нам всем. М. : АСТ, 2017. 368 с.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. DOI: 10.17223/2312461X/28/1
- Фомин М. Домашние роды – здоровый малыш. Практика духовного акушерства. М., 2005.
- Харитонов В.И. «Весна Средневековья» накануне III тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М. : ИЭА РАН, 2000. С. 262–282.
- Харитонов В.И. COVID-19: вторая волна // Медицинская антропология и биоэтика, 2020а. № 2 (20). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=5302
- Харитонов В.И. Пандемия COVID-19: идеи пациентоориентированности врача и мотивации пациента (по материалам интернет-источников) // Сибирские исторические исследования. 2020б. № 4. С. 217–239. DOI: 10.17223/2312461X/30/11
- Харитонов В.И. COVID-19: новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020в. № 1 (19). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4941
- Харитонов В.И., Булдакова Ю.Р. «Вирус новый, это – важно» (Мы в ситуации пандемии и (само)изоляции) // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4915
- Червонская Г.П. Прививки: мифы и реальность. М., 2004.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2021 г.

COVID-19 and Vaccination: Do They “Chip” or “Kill”?

Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/12

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Valkharit@iea.ras.ru

Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Abstract. The author of the article focuses on understanding the problems that have arisen (mainly in Russia) in connection with the creation, production and distribution of vaccines against the SARS-CoV-2 virus (Severe acute respiratory syndrome-related coronavirus 2; previously 2019-nCoV – novel coronavirus), which causes the coronavirus disease (COVID-19). The origins of the vaccination situation in the country are associated with the anti-vaccination movement in general and its Russian specifics. The study was carried out during a pandemic from the standpoint of medical and anthropological approaches (using “qualitative” methods of analysis) on the material of Internet sources, mainly networks, and surveys of respondents of different sex, age, social and educational status. The identified problems can be grouped into several blocks: assessment by potential consumers of the production of domestic vaccines – their quality, the degree of approbation before entering the market; devel-

opment of a strategy for their use (varying at different stages) – acceptance of the idea of vaccination or rejection of it for various reasons; the choice of the timing of vaccination and a specific vaccine; reactions to the consequences of vaccination; attitude towards the vaccination campaign (including legislative messages and campaigning) at different stages. All of them are in one way or another associated with political, medical and cultural contexts; any of them involved both specialists (politicians, doctors of various levels – including prominent scientists, as well as cultural figures), and ordinary citizens who found themselves in a difficult situation of choice and decision-making. The article, in addition to a general understanding of the problems, offers illustrative materials to assess the peculiarities of attitudes towards vaccination of various individuals and groups of the population.

Keywords: pandemic, COVID-19, vaccination, anti-vaccination (antivaxer), Sputnik-V vaccine, “biopartisanship”, medical / vaccination tourism

References

- Burkova V.N., Fedenok, Iu.N. Meditsinskaia maska kak sredstvo individual'noi i kollektivnoi zashchity v usloviakh pandemii COVID-19 (kross-kul'turnye aspekty) [Medical Mask as a Means of Personal and Collective Protection in the Context of the COVID-19 Pandemic (Cross-Cultural Aspects)], *Vestnik antropologii*, 2020, no. 3, pp. 74–91.
- Vasil'ev K.G. *Istoriia epidemii i bor'ba s nimi v Rossii v XX stoletii* [The history of epidemics and the fight against them in Russia in the 20th century]. Moscow, 2001.
- Queijo J. Otkrytiia, kotorye izmenili mir: Kak 10 velichaishikh otkrytii v meditsine spasli milliony zhiznei i izmenili nashe videnie mira [Breakthrough! How the 10 Greatest Discoveries in Medicine Saved Millions and Changed Our View of the World]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2015.
- Kaliuzhnaia T.A., Fedoseenko M.V., Namazova-Baranova L.S., Gaivoronskaia A.G., Shakh-taktinskaiia F.Ch., Tkachenko N.E., Broeva M.I., Privalova T.E., Vishneva E.A., Chema-kina D.S., Kasatkina Iu.Iu., Gaivoronskaia K.M. Preodolenie antiprivivocnogo skep-sisa: poiski resheniia vykhoda iz slozhivsheisya situatsii [Overcoming ‘Anti-Vaccination Scepticism’: Seeking a Solution to the Situation], *Pediatricheskaia farmakologiya*, 2018, no. 15(2), pp. 141–148. <https://doi.org/10.15690/pf.v15i2.1871>
- Koldman S.D. «Ne ubivaite moi mamu!»: otnoshenie k pozhilym liudiam vo vremia pandemii COVID-19 [“Don’t kill my mom!”: Attitude Towards the Elderly During the COVID-19 Pandemic], *Meditsinskaia antropologiya i bioetika*, 2020, no. 2(20). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=5005
- Kotok A. *Besposhchadnaia immunizatsiia. Pravda o privivkakh* [Ruthless immunization. The truth about vaccinations]. Novosibirsk, 2008.
- Kuksa T.L. Biopoliticheskie resheniia i pravozashchitnyi aktivizm v period rasprostraneniia COVID-2019 v Rossii: ogranicheniia sub"ektnosti i novye granitsy vzaimozavisimosti [Biopolitical Solutions and Human Rights Activism during the Spread of COVID-2019 in Russia: Limitations of Subjectivity and New Frontiers of Interdependence], *Meditsinskaia antropologiya i bioetika*, 2020, no. 1(19). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=4825
- Mal'kova V.K. Koronavirus v rossiiskom informatsionnom prostranstve [Coronavirus in the Russian Mass Media], *Vestnik antropologii*, 2020, no. 2, pp. 206–224.
- Mikhel' D.V. Sotsial'naia istoriia meditsiny: stanovlenie i problematika [Social History of Medicine: Development and Problems], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 2009, Vol. 7, no. 3, pp. 295–312.
- Mikhel' D.V. *Epidemii i global'naia istoriia* [Epidemics and Global History]. Moscow: Izdatel'stvo “Ves' Mir”, 2021.
- Mikhel' D.V., Mikhel' I.V. Epidemiia i istoriia: raznoobrazie podkhodov k predmetu [Epidemics and History: Multiple Approaches to the Subject], *Novaia i noveishaia istoriia*, 2021, Vol. 65, no. 6, pp. 5–21.

- Nikitin B.P. *Zdorovoe detstvo bez lekarstv i privivok* [Healthy Childhood Without Drugs and Vaccinations]. Moscow, 2001.
- Ozhiganova A.A. Vaksinatitsiia v kontekste bioetiki [Vaccination in the Context of Bioethics], *Meditssinskaia antropologiya i bioetika*, 2011, no. 1(1). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=741
- Pandemiia COVID-19: vyzovy, posledstviia, protivodeistvie* [COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction] A.V. Torkunov, S.V. Riazantsev, V.K. Levashov (et al.). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2021.
- Offit P. *Smertel'no opasnyi vybor. Chem bor'ba s privivkami grozit nam vsem* [Deadly Choices. How the Anti-Vaccine Movement Threatens Us All]. Moscow: ACT, 2017.
- Fedenok Iu.N., Burkova V.N. Sotsial'noe distantsirovanie kak al'truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social Distancing as Altruism in the Context of the Coronavirus Pandemic: A Cross-Cultural Study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020, no. 2. DOI: 10.17223/2312461X/28/1
- Fomin M. *Domashnie rody – zdorovy malysy. Praktika dukhovnogo akusherstva* [Home birth is a healthy baby. Practicing Spiritual Midwifery]. Moscow, 2005.
- Kharitonova V.I. Pandemiia COVID-19: idei patsientoorientirovannosti vracha i motivatsii patsienta (po materialam internet-istochnikov) [The COVID-19 Pandemic: Some Thoughts on Patient-Centred Healthcare and Patient Motivation], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020b, no. 4, pp. 217–239. DOI: 10.17223/2312461X/30/11
- Kharitonova V.I. «Vesna Srednevekov'ia» nakanune III tysiacheletiia (Magiko-misticheskaia praktika i «narodnoe tselitel'stvo» v Moskovskom regione) [“Spring of the Middle Ages” on the Eve of the III Millennium (Magic-Mystical Practice and “Folk Healing” in the Moscow Region)]. In: *Moskovskii region: etnokonfessional'naia situatsiia* [Moscow Region: Ethno-Confessional Situation]. Moscow: IEA RAN, 2000, pp. 262–282.
- Kharitonova V.I. COVID-19: vtoraia volna [COVID-19: The Second Wave], *Meditssinskaia antropologiya i bioetika*, 2020a, no. 2(20). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=5302
- Kharitonova V.I. COVID-19: novaia tema meditsinskoii antropologii [COVID-19: A New Theme for Medical Anthropology], *Meditssinskaia antropologiya i bioetika*, 2020, no. 1(19). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=4941
- Kharitonova V.I., Buldakova Iu.R. «Virus novyi, eto – vazhno» (My v situatsii pandemii i (samo)izoliatsii) [“The virus is new, and this is important” (We are in a situation of a pandemic and (self) isolation)], *Meditssinskaia antropologiya i bioetika*, 2020, no. 1(19). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=4915
- Chervonskaia G.P. *Privivki: mify i real'nost'* [Vaccines: myths and reality]. Moscow, 2004.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/34/13

ТЕХНИКА СКОЛА В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ОТБОЙНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК ДОЛИНЫ Р. ТОЛБОР, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Владимир Михайлович Харевич
Евгений Павладиевич Рыбин
Арина Михайловна Хаценович

Аннотация. В представленной статье авторы исследуют один из аспектов смены технологической парадигмы при переходе от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии, а именно критерии выделения различных типов отбойников. Процесс смены леваллуазского метода расщепления верхнепалеолитическим сопровождался изменением техники скалывания. Авторы анализируют проблему выделения критериев распознавания различных типов отбойников, использовавшихся для изготовления пластин в индустриях начального верхнего палеолита Северной Евразии, по материалам стоянок долины р. Их-Тулберийнгол. В качестве основного метода исследователями избрано экспериментальное моделирование. В ходе экспериментального расщепления разными типами отбойников (органическими и минеральными различной степени твердости) из сырья, идентичного использовавшемуся на стоянках толборской группы, была получена эталонная серия пластин (320 экз.). Анализ основных технологически значимых параметров сколов, а также группы метрических параметров позволил авторам разделить отбойники на четыре группы: мягкие роговые, мягкие каменные, «промежуточные» каменные и твердые каменные. Для мягких роговых отбойников характерно наличие вентрального карниза, отсутствие точки удара и изогнутый профиль скола, мягкие каменные отбойники характеризуются теми же признаками, но прямым профилем скола. Сколы, полученные «промежуточными» типами отбойников, обладают смешанными признаками. Половина из них имеет выраженный вентральный карниз, в то же время у трети сколов фиксируется точка удара, профиль сколов – преимущественно прямой. Сопоставление экспериментальных данных с археологическими материалами слоев начального верхнего палеолита со стоянок Толбор-4, гор 5а-5б, и Толбор-21, гор 4, позволило определить, что мягкие роговые и мягкие каменные отбойники могут быть исключены из инструментария, использовавшегося в этих индустриях. Наиболее близкие археологическим предметам признаки были проде-

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии».

монстрированы сколами, полученными «промежуточными» типами отбойников из метосоматита (габбро) и тонкозернистого метосоматита.

Ключевые слова: начальный верхний палеолит, Монголия, палеолит Центральной Азии, техника расщепления, экспериментальное расщепление

Введение

Индустрии начального верхнего палеолита (НВП) Южной Сибири и восточной части Центральной Азии характеризуются устойчивым набором узнаваемых и своеобразных методов редукции нуклеусов. На территории Горного Алтая, где эти комплексы имеют наиболее древние даты в регионе (около 45 000 – 49 000 кал. л.н., слой ВР2 стоянки Кара-Бом), ассамбляжи НВП, как правило, в стратиграфической последовательности располагаются непосредственно над среднепалеолитическими индустриями. Здесь происходит резкая смена технологий: на смену типично среднепалеолитическим редукционным цепочкам утилизации конвергентных плоскостных нуклеусов приходит подпризматическая пластинчатая технология расщепления. Вместе с этим меняется и техника скалывания, что нашло свое отражение в поисках оптимальных способов подготовки ударных площадок и зоны расщепления, а также поиске оптимальных для данной технологии отбойников.

Эти изменения связаны с широко распространившимся серийным производством нового основного скола-заготовки – крупных пластин стандартной формы. Изменившиеся предпочтения при производстве сколов могли влиять и на технические приемы, использовавшиеся древними мастерами.

Появление серийной технологии получения крупных и средних пластин с подпризматических нуклеусов стало важной ступенью широкого спектра изменений, связанных с формированием верхнего палеолита. В то время как технология производства пластин в начальном верхнем палеолите сохраняет определенные реминисценции среднего палеолита в редукционных последовательностях и технических приемах подготовки зоны расщепления (фасетирование ударных площадок, широкое использование связанного с ним приемом обратной редукции, заключающегося в фасетаже кромки ударных площадок, леваллуазская морфология острий и некоторых типов пластин) в целом, она является уже вполне сложившимся верхнепалеолитическим, хотя и специфическим методом получения удлиненных сколов. Ремонтажи и морфологическое изучение артефактов, относящихся к различным этапам операционной цепочки, позволяют реконструировать главные черты этой технологии. Вместе с тем до сих пор нераскрытым остается вопрос относительно потенциальных изменений в технике скола, а именно об использовании различных типов отбойников. На данный момент нет свидетельств, позволяющих предполагать наличие в каменных индустриях начального верхнего палеолита какой-либо техники скалывания, кроме

прямого удара. Однако конкретная реализация этого приема, включая такую определяющую переменную, как петрофизические свойства инденторов (артефактов, предназначенных для воздействия на расщепляемый субстрат с целью производства сколов), использовавшихся в индустриях начального верхнего палеолита Южной Сибири и восточной части Центральной Азии, и их возможное влияние на морфологию конечных продуктов, за исключением нескольких примеров, не обсуждались (Деревянко и др. 2007; Zwyns et al. 2012). Определение морфологических признаков сколов, говорящих об использовании тех или иных видов инденторов, базировалось на результатах, полученных на иных типах каменного сырья, чаще всего высококачественных меловых кремнях. При этом экспериментальные исследования техники скола в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии (за редким исключением) не проводились (Харевич и др. 2015).

В данной статье на основе анализа полученных в ходе экспериментального моделирования данных мы попытаемся установить типы отбойников и выявить потенциальное соответствие морфологических признаков сколов материалам используемых отбойников. Несомненно, что на конкретные морфологические проявления использования инденторов могли влиять различные факторы или их комбинация. Помимо индивидуальных особенностей отбойников, к ним относятся: личный опыт мастера, качество и размерность сырья, используемая технология и т.д. Целью данного исследования ставилось выявление признаков применения различных типов отбойников при получении крупных пластин на конкретном сырье, использовавшемся в каменных индустриях верхнепалеолитических стоянок долины р. Их-Тулбурийн-Гол (Толбор), правого притока среднего течения р. Селенги – Толбор-4, и Толбор-21 (Северная Монголия). Выбор этих объектов объясняется тем, что они относятся к начальному периоду формирования верхнепалеолитической традиции. Эти памятники хорошо датированы, относятся примерно к одному и тому же хронологическому интервалу, основываются на одном и том же типе сырья, в них использовались вариации одной и той же традиции производства крупных пластин начала верхнего палеолита. Другой целью исследования является определение принципиальной возможности точного воспроизведения палеотехнологии с помощью современного эксперимента, что может иметь методологическое значение для аналогичных исследований.

Морфологические признаки использования различных типов отбойников

Использование техники прямого удара предполагает использование трех основных видов инденторов: твердый каменный, мягкий каменный, органический (роговой, костяной или деревянный) отбойники. Кроме того, между каменными отбойниками (равно как и органически-

ми) могут присутствовать различные вариации и переходные ступени твердости и состояния поверхности.

К настоящему времени опубликовано большое число работ, посвященных выделению признаков (от трех-пяти до 23) для разграничения различных типов отбойников. Эти исследования носят как теоретический, так и экспериментальный характер (Семенов 1957; Щелинский 1983; Speth 1972, 1974, 1975; Dibble, Whittaker 1981; Cotterell, Kamminga 1987; Dibble, Pelcin 1995; Dibble 1997; Pelcin 1997; Crabtree 1968, 1979; Butler 2005; Inizan et al. 1999; Kooyman 2000, Харевиц и др. 2015). Одной из проблем всех исследований подобной направленности является относительность признаков – практически невозможно определить технику скола для конкретного изделия. При анализе же серий сколов, исходя из значений того или иного морфологического признака, с уверенностью можно определять разницу между наиболее крайними техниками скола, например раскалывание с помощью твердого отбойника и отжимного расщепления (Damlien 2015). На морфологию сколов может влиять сложный комплекс факторов; многие статистические значения атрибутов, предположительно характерных для того или иного вида отбойников, не имеют дискретных значений и перекрываются друг с другом. Эти факторы включают в себя не только твердость, но и воздействие веса и формы отбойника, силы и точки приложения удара, умения мастера и т.д. (Eren et al. 2016; Magnani et al. 2014; Lengyel, Chu 2016). Так, при анализе результатов экспериментов по расщеплению пластин различными мастерами утверждается, что некоторые морфологические атрибуты пластин существенно зависят от индивидуального поведения экспериментатора, и нет серьезной статистической разницы (за исключением длины сколов) между тремя различными типами отбойников (твердым, мягким и роговым) (Driscoll, García 2014). В то же время, по мнению данных авторов, практически нет корреляции между индивидуальным поведением мастера и типом отбойника, морфологические атрибуты сколов при учете этой вариации статистически не различаются.

Так или иначе, существует определенный с помощью серии экспериментов список морфологических признаков сколов, полученных в результате воздействия различных отбойников (Damlien 2015; Dibble, Rezek 2009; Dibble, Whittaker 1981; Inizan et al. 1999; Pelegrin 2000).

Прямой удар твердым минеральным отбойником характеризуется следующими признаками:

- угол между площадкой и поверхностью расщепления меньше 90°;
- имеется широкая ударная площадка;
- прослеживается крупный выраженный ударный бугорок;
- прослеживается след от удара отбойником на ударной площадке.

Прямой удар мягким органическим отбойником характеризуется следующими признаками:

- угол между площадкой и поверхностью расщепления от 70 до 80° (близок к 80°);
- наличие обязательного редуцирования рабочего края и его выравнивания (наиболее миниатюрные ударные площадки несут следы обработки абразивом);
- малая, но заметная глубина площадки (несколько миллиметров);
- отсутствие следа от контакта с отбойником на ударной площадке;
- выраженный вентральный карниз («губа»);
- наличие слабовыпуклого или плоского ударного бугорка;
- прослеживаются выраженные «реснички» (fissures) на ударном бугорке.

Прямой удар мягким минеральным отбойником характеризуется следующими признаками:

- угол между гладкой площадкой и поверхностью расщепления от 50 до 85°, но угол может быть тупым, если площадка фасетирована;
- наличие обязательного редуцирования рабочего края и его выравнивания;
- малая глубина площадки (около 1 мм);
- наличие следа от точки контакта (не более 1 мм) с отбойником на ударной площадке;
- обычно отсутствие вентрального карниза, в редких случаях, напротив, наблюдается выраженный вентральный карниз;
- возможно образование мелких трещин в проксимальной части вентральной поверхности скола;
- возможно образование изъязнца.

Материалы

Наибольшая концентрация палеолитических местонахождений на территории Монголии находится в долине реки Их-Тулбурийн-гол, правого притока Селенги. Здесь к настоящему моменту известно 45 объектов эпохи каменного века, из которых 6 стратифицированных стоянок либо уже были исследованы, либо исследуются в настоящее время (Gillam 2019). На основании этих стратифицированных комплексов была предварительно намечена хронологическая последовательность появления, существования и исчезновения культурных традиций начального, раннего и позднего верхнего палеолита от 45 000 до 13 000 радиоуглеродных лет назад, что является одной из наиболее протяженных летописей развития культуры верхнего палеолита в Центральной Азии (Рыбин и др. 2016). Нами рассматриваются материалы НВП ассамблежей из двух стоянок: Толбор-21 и Толбор-4.

Многослойный памятник Толбор-4 расположен на пологом предгорном шлейфе, сформированном коллювиальными и субаэральными

отложениями, в которых выявлено 6 культуросодержащих слоев. Основные раскопки производились в 2005–2006 гг. К начальному верхнему палеолиту на стоянке Толбор-4 отнесен археологический комплекс горизонтов 6 и 5, для которого получена серия радиоуглеродных датировок (здесь и далее приводятся некалиброванные значения): 37400 ± 2600 ^{14}C л. н. (AA-79314), 35230 ± 630 ^{14}C л. н. (AA-93141), 31210 ± 410 ^{14}C л. н. (AA-93140) и >41050 ^{14}C л. н. (AA-79326) (Гладышев и др. 2013). В качестве сырья для расщепления в индустрии горизонтов 6–5 использовались брусковидные отдельности кремнистых пород высокого качества, выходы которых расположены в 50–200 м от памятника.

Для каменной индустрии горизонтов 5 и 6 памятника Толбор-4 характерно сочетание бипродольного и однонаправленного параллельного расщепления плоскостных и подпризматических нуклеусов (Дервянко и др. 2007). Эта технология является классическим примером типичного для Южной Сибири и Центральной Азии метода расщепления. Редукция асимметричных подпризматических нуклеусов (нередко с подготовленным ретушью ребром) была ориентирована на получение крупных, массивных пластин правильной формы. Объемная концепция этих нуклеусов была ориентирована на утилизацию асимметричного треугольного объема нуклеуса, где основной фронт находился на узкой стороне заготовки, периодически смещаясь на его широкую плоскость. При бипродольном раскалывании или слабо конвергентном биполярном расщеплении с помощью попеременных или поочередных снятий пластин с противолежащих ударных площадок производились остроконечные пластины или сколы, напоминающие удлинённые леваллуазские острия. Ударные площадки чаще всего гладкие, реже – частично фасетированные/обратно-редуцированные (прием, характерный и для НВП Леванта) (Kadowaki 2017), двугранные или фасетированные выпуклые. В индустриях присутствуют элементы мелкопластинчатого производства – плоскостные нуклеусы и нуклеусы-резцы, при этом доля пластинок в материалах Толбора-4 относительно невелика.

На Толборе-21 на основе ассамбляжа из горизонта 4 выделяется комплекс начального верхнего палеолита с его типичной бипродольной редукцией подпризматических и торцовых нуклеусов с выделенным ребром латералью и наличием специфических для начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии орудийных форм, таких как скошенное острие с подтеской основания и листовидные бифасы (Рыбин и др. 2017а). Вместе с тем данный ассамбляж не может быть определен как классический начальный верхний палеолит, представленный в Северной Монголии комплексом горизонтов 6–5 стоянки Толбор-4. Хотя здесь доминирует та же, что и на Толборе-4, технология редукции нуклеусов, на Толборе-21 удельный вес пластин заметно ни-

же, максимальная длина пластин составляет 99 мм; их средняя ширина достигает 24 мм, что существенно меньше, чем в ассамбляжах Толбора-4, относительно редки крупные остроконечные пластины, нет характерных нуклеусов-резцов. По сумме этих признаков индустрия горизонта 3Б Толбора-21 может относиться к финалу начального верхнего палеолита и может отражать тенденции трансформации этого технокомплекса в направлении раннего верхнего палеолита. Возраст этого комплекса определяется ^{14}C датой $39\,240 \pm 360$ (MAMS-14936) (Гладышев и др. 2013), также для этого комплекса имеется серия неопубликованных дат, дающая календарный возраст в пределах 39 000 – 41 000 л.н. Выходы каменного сырья (такого же, как на Толборе-4) расположены в 200 м от стоянки, вместе с тем, судя по имеющимся размерам необработанных блоков сырья и размерам нуклеусов начальной стадии редукции, на территорию стоянки приносились блоки несколько меньшего, чем в комплексе Толбора-4, размера.

В 2017 г. для уточнения стратиграфии и актуализации данных в северной части раскопа 2006 г. Толбора-4 была заложена прирезка, вскрывшая культуросодержащие отложения раскопа (Рыбин и др. 2017б). В данной статье, согласно принятым для данного раскопа обозначениям слоев, использовались комплексы каменных артефактов из литологических слоев 5а и 5б, которые соответствуют культурным подразделениям, соответственно, гор. 5 и 6 классификации прежних годов раскопок, датирующиеся на основании неопубликованных радиоуглеродных дат в пределах 40 000 – 43 000 л.н. Для исследования привлекались целые, проксимальные и проксимально-медиальные фрагменты пластинчатых сколов, включавших в себя пластины, первичные и полупервичные пластины, различные разновидности реберчатых пластин. К анализу не привлекались пластинки – сколы, ширина которых составляла 12 мм и меньше. Общее количество изученных сколов составило 98 экз.

При анализе комплексов начального верхнего палеолита стоянки Толбор-21 привлекались материалы культурного горизонта 4 (старое обозначение 3В) Раскопа 2 памятника, изучавшегося в 2016–2017 гг. Анализировались те же самые группы пластинчатых сколов, что и в ассамбляже Толбора-4. Общее количество выборки составило 169 экз. каменных артефактов.

В ходе экспериментов было получено 320 пластин (отбирались целые пластины либо проксимальные и проксимально-медиальные фрагменты) с 47 нуклеусов. Посредством роговых отбойников было получено 107 пластин, каменными отбойниками № 3 и 4 – 90, № 5 и 6 – 97. Каменный отбойник №7 оказался малопригоден для получения пластин, им была сколото только небольшая серия изделий – 26 экз.

В сырьевой базе коллекций памятников Толборского археологического района, состав которой, согласно химическому элементному анализу

(проведен Ю.П. Колмогоровым), полностью соответствует представленным в долине породам, были выделены три группы: силициты (осадочные кремнистые породы) с криптокристаллической структурой халцедон-кварцевого состава, подразделяющиеся на девять типов пород; терригенно-вулканогенные породы с кремнистым цементом; туфы (до туфоалевролитов), включающие в себя три типа пород. Твердость осадочных пород зависит в основном от характера их цемента и определена значением 7 по шкале Мооса в достаточной степени условно¹.

Методика

Источником сырья для экспериментов служили выходы горных пород тулбурской свиты, расположенные по левому борту долины р. Толбор в непосредственной близости от памятников и эксплуатировавшиеся древним человеком. В данном случае отбор пригодных для расщепления конкреций производился к северу и востоку от площади раскопа памятника Толбор-21, на мощном коллювиальном шлейфе, примыкающем тыловым швом к скалам (рис. 1, А, Б). При отборе предпочтение отдавалось подквадратным и подтреугольным в сечении блокам, размером от 15×10×7 см до 30×15×15 см (рис. 1, В).

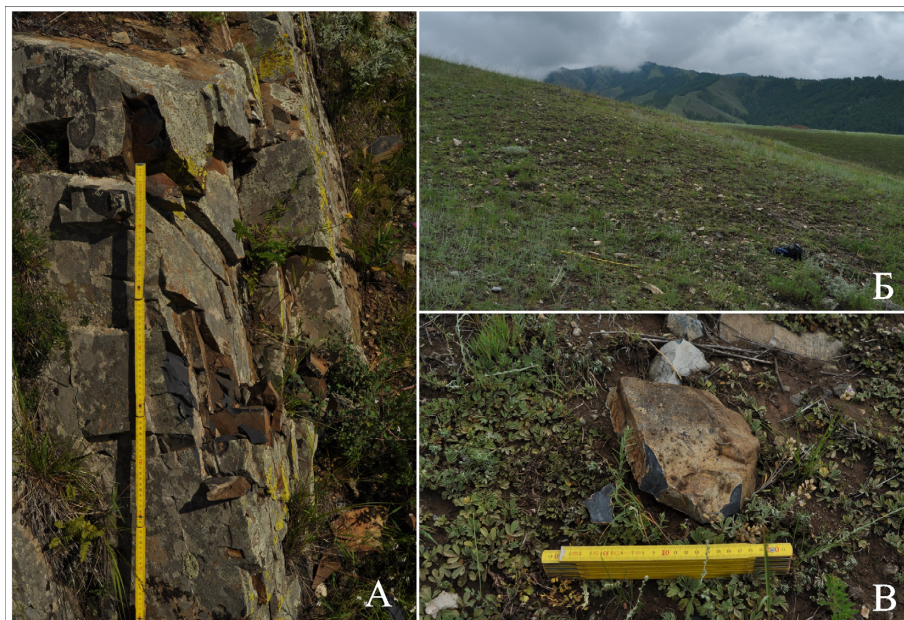

Рис. 1. Выходы сырья возле стоянки Толбор 21

Экспериментальное расщепление производилось опытным мастером, со стажем работы с расщеплением камня более пяти лет. При экс-

периментальном изготовлении пластин расщепление производилось в технике прямого удара. Было использовано семь различных отбойников. Роговые отбойники № 1 и 2 из рога лося массой 560 и 1 000 г соответственно. Каменный отбойник № 3 – галька тонкозернистой метасоматической горной породы, твердостью по шкале Мооса 6–6,5 и массой 900 г, найденная в аллювии р. Харганын-гол. Каменный отбойник № 4 – галька метасоматита (габбро), твердостью 6 и массой 900 г из аллювия р. Их-Тулбурийн-гол (рис. 2, А). Отбойник № 5 – галька песчаника массой 510 г, отбойник № 6 небольшой блок песчаника массой 460 г (рис. 2, Б), найденный в техногенном обнажении в непосредственной близости от стоянки Толбор-21, и отбойник № 7 – сиенитовая галька массой 680 г. По отношению к расщепляемому сырью каменные отбойники № 5 и 6 следует считать мягкими. Отбойники № 3 и № 4 по твердости сопоставимы с раскалываемым материалом, однако максимальное значение твердости обусловлено присутствием в их структуре зерен кварца, соединенных более мягким цементом. Отбойник № 7 можно охарактеризовать как твердый.

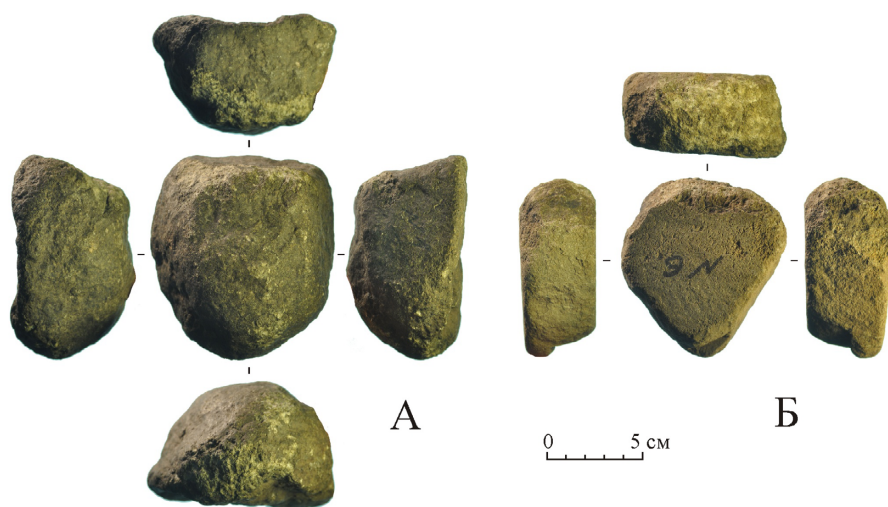

Рис. 2. Экспериментальные отбойники: А – отбойник № 4; Б – отбойник № 6

В ходе эксперимента использовалось параллельное и субпараллельное подпризматическое расщепление. Формообразование ядрища достигалось оформлением скошенных ударных площадок, полуреберчатых и реберчатых инициальных снятий и, при необходимости, усечением основания преформы. Далее следовала стадия серийного скалывания заготовок. В большинстве случаев зона расщепления ударных площадок пластин подготавливалась редуцированием, обратным редуцированием либо совместным использованием этих приемов. Активное ис-

пользование обратного редуцирования позволяло создать широкую ударную площадку, способную выдержать силовой импульс, необходимый для отделения крупного скола, но приводило к необходимости регулярно, целиком или частично «подживлять» ударную площадку снятиями отщепов со стороны фронта.

Типологически большинство экспериментальных ядрищ можно отнести к одно- и двухплощадочным подпризматическим нуклеусам. Однако следует учитывать, что степень выпуклости фронта конечной формы во многом обусловлена стадией расщепления, на которой нуклеус был оставлен. Причиной прекращения расщепления ядрищ было истощение либо возникновение ошибок расщепления, которые невозможно исправить.

Относительно особенностей использования различных типов отбойников можно высказать следующие наблюдения. Использование каменных отбойников (№ 3, 4, 5, 6, 7) гораздо чаще приводило к ошибкам расщепления, в первую очередь к образованию заломов, а следовательно, и к более частой выбраковке и, соответственно, оставлению нуклеусов на ранних стадиях редукции. Впрочем, относительно данного показателя следует отметить, что он мог зависеть от индивидуального опыта и навыков мастера.

В данном исследовании мы оперируем следующими технологически значимыми признаками, характеризующими использование различных типов отбойников. Поскольку в нашем исследовании изначально предполагался ограниченный ряд возможных техник (например, не рассматривалась возможность использования отжимной техники либо опосредованного удара), ряд признаков, таких как форма ударной площадки и регулярность огранки дорсальной поверхности, нами не фиксировались.

Первая группа признаков – метрические параметры, а именно длина пластин, толщина и ширина ударных площадок, индекс массивности пластин (толщина скола / ширина скола $\times 100$) и угол скалывания. В качестве угла скалывания учитывался угол между плоскостью ударной площадки и дорсальной поверхностью. Если этот угол составлял от 85° до 90° , то его относили к прямым, $85\text{--}70^\circ$ – к скошенным, менее 70° – к сильно скошенным. Вторая группа признаков включает в себя наличие губы (вентрального карниза), выраженной точки удара, ударного бугорка и изгиб профиля скола. Вентральный карниз учитывался только в том случае, если он был четко визуальным выражен (рис. 3, 9, 11, 12). Под точкой удара нами понималась выщербина, разрушавшая край сопряжения плоскости ударной площадки с вентральной поверхностью (рис. 3, 7, 16), либо кольцевая микротрещина (рис. 3, 4). Изгиб профиля фиксировался только для целых пластин, как максимальное расстояние между прямой, соединяющей концы скола, и брюшком (Гиря 1997).

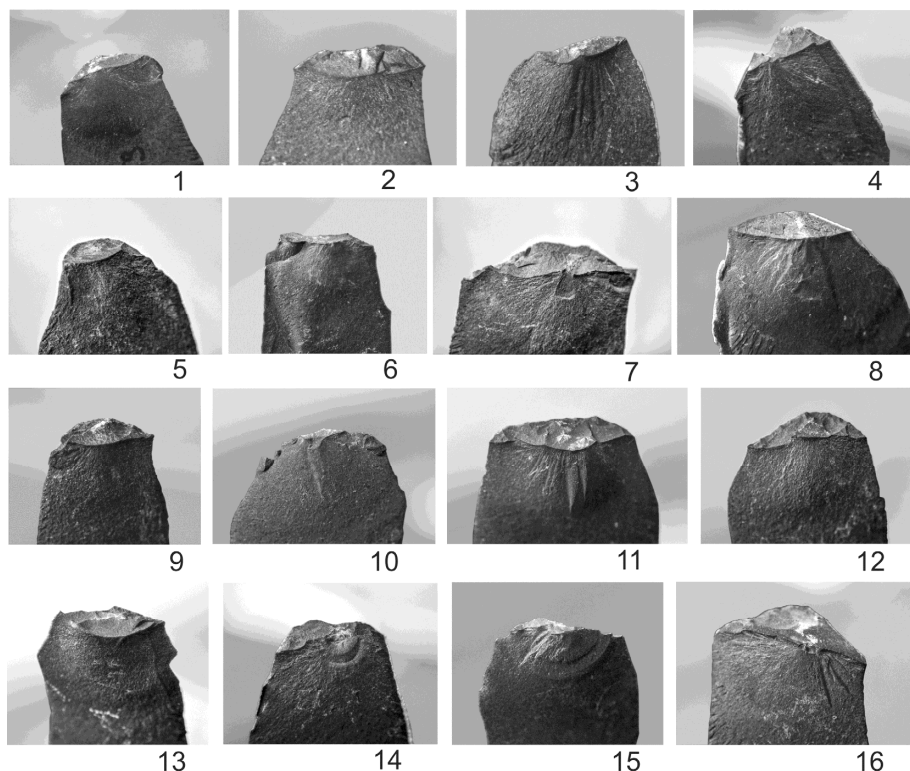

Рис. 3. Ударные площадки экспериментальных пластин: 1–4 – каменный отбойник № 3; 5–8 – каменный отбойник № 4; 9–12 – роговые отбойники; 13–16 – каменный отбойник № 7; 17–20 – каменный отбойник № 6

Пластины, имеющие изгиб от 0 до 1 относились к сколам с прямым и слабо изогнутым профилем, 2–4 мм – изогнутым, более 5 мм к сильно изогнутым. По наличию ударного бугорка сколы-заготовки подразделялись на изделия без бугорка, со слабо выраженным и выраженным бугорками.

Результаты экспериментального расщепления

Длина основной массы целых пластин, полученных каменными и роговыми отбойниками, варьируется в пределах 56–125 мм. Однако небольшая часть пластин, полученных роговыми отбойниками и отбойниками № 5 и 6, имеет длину более 125 мм.

Значения индекса массивности основной доли сколов, полученных роговыми отбойниками, располагаются в пределах от 16 до 35. Для пластин, сколотых каменными отбойниками № 3 и 4, этот пик приходится на значения 26–45, отбойниками № 5 и 6 – на значения 21–35 (табл. 1).

Таблица 1

Значения индекса массивности

Индекс массивности	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1–5	1	0,9	—	—	—	—	—	0	—	—
6–10	1	0,9	—	—	—	—	—	0	—	—
11–15	2	1,9	—	—	—	—	2	2,1	2	1,2
16–20	14	13,1	3	3,3	3	3,1	4	4,1	12	7,5
21–25	20	18,7	8	8,9	11	11,3	8	8,2	30	18,6
26–30	25	23,4	13	14,4	16	16,5	20	20,6	36	22,4
31–35	14	13,1	17	18,9	22	22,7	24	24,7	23	14,3
36–40	11	10,3	10	11,1	9	9,3	17	17,5	16	9,9
41–45	8	7,5	12	13,3	8	8,2	7	7,2	9	5,6
46–50	4	3,7	6	6,7	9	9,3	8	8,2	11	6,8
51–55	3	2,8	8	8,9	7	7,2	5	5,2	6	3,7
56–60	3	2,8	4	4,4	5	5,2	—	—	4	2,5
61–65	—	—	2	2,2	1	1,0	1	1	2	1,2
66–70	—	—	4	4,4	1	1,0	—	—	1	0,6
71–75	1	0,9	1	1,1	2	2,1	—	—	4	2,5
76–80	—	—	—	—	—	0,0	—	—	2	1,2
81–85	—	—	—	—	2	2,1	—	—	1	0,6
86–90	—	—	1	1,1	—	—	—	—	—	0
91–95	—	—	1	1,1	1	1,0	—	—	1	0,6
96–100	—	—	—	—	—	—	1	—	—	0
110–115	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
116–120	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,6
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100,0	97	100	161	100

Разница в значениях индекса массивности отражается в глубине и ширине ударных площадок пластин. Для пластин, полученных отбойниками № 3 и 4, основная масса ударных площадок имеет глубину 4–9 мм и ширину 14–25 мм, отбойниками № 5, 6 – 4–9 мм и 10–19 мм. При использовании роговых отбойников этот показатель составил 2–7 мм и 6–17 мм соответственно (табл. 2, 3).

Существенная разница отмечается в значениях кривизны профиля. Более половины пластин, полученных отбойниками № 3 и 4, имеют прямой или слабоизогнутый профиль. Близкие показатели демонстрируют пластины, сколотые отбойниками № 5 и 6. Среди пластин, снятых роговыми отбойниками, сколы, имеющие прямой, изогнутый, а также слабо- и сильноизогнутый профиль, представлены в примерно равных долях (табл. 4). Для использования всех типов отбойников характерно преобладание скошенных ударных площадок, хотя доля прямых площадок у пластин, полученных отбойниками № 5 и 6, заметно выше (табл. 5).

Таблица 2

Глубина ударных площадок

Глубина ударных площадок, мм	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4,1
2	10	9,3	3	3,3	—	—	7	7,9	21	14,4
3	21	19,6	8	8,9	2	2,1	15	16,9	21	14,4
4	23	21,5	9	10,0	14	14,4	10	11,2	15	10,3
5	10	9,3	12	13,3	18	18,6	15	16,9	27	18,5
6	11	10,3	13	14,4	18	18,6	9	10,1	9	6,2
7	10	9,3	10	11,1	13	13,4	4	4,5	11	7,5
8	6	5,6	10	11,1	13	13,4	9	10,1	8	5,5
9	8	7,5	9	10,0	9	9,3	5	5,6	6	4,1
10	2	1,9	5	5,6	5	5,2	2	2,2	2	1,4
11	3	2,8	3	3,3	2	2,1	3	3,4	7	4,8
12	—	—	3	3,3	1	1,0	5	5,6	1	0,7
13	2	1,9	1	1,1	—	—	2	2,2	1	0,7
14	—	—	—	—	1	1,0	1	1,1	1	0,7
15	1	0,9	2	2,2	—	—	—	—	4	2,7
16	—	—	1	1,1	—	—	—	—	1	0,7
17	—	—	—	—	1	1,0	1	1,1	1	0,7
18	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,4
19	—	—	—	—	—	—	1	1,1	2	1,4
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	—	—	1	1,1	—	—	—	—	—	—
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100	89	100,0	140	100,0

Таблица 3

Ширина ударных площадок

Ширина ударной площадки, мм	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
4–5	4	3,7	1	1,1	—	—	9	10,1	15	10,3
6–7	14	13,1	3	3,3	2	2,1	4	4,5	18	12,3
8–9	15	14,0	5	5,6	4	4,1	14	15,7	15	10,3
10–11	11	10,3	7	7,8	10	10,3	12	13,5	15	10,3
12–13	5	4,7	6	6,7	15	15,5	13	14,6	18	12,3
14–15	7	6,5	10	11,1	17	17,5	6	6,7	12	8,2
16–17	12	11,2	8	8,9	12	12,4	5	5,6	10	6,8
18–19	5	4,7	14	15,6	14	14,4	8	9,0	11	7,5
20–21	5	4,7	16	17,8	7	7,2	5	5,6	7	4,8
22–23	4	3,7	2	2,2	3	3,1	2	2,2	5	3,4
24–25	3	2,8	9	10,0	6	6,2	2	2,2	3	2,1
26–27	5	4,7	3	3,3	2	2,1	7	7,9	1	0,7
28–29	3	2,8	—	0,0	2	2,1	—	—	4	2,7

Ширина ударной площадки, мм	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
30–31	4	3,7	2	2,2	2	2,1	1	1,1	3	2,1
32–33		0,0	2	2,2	1	1,0	—	—	1	0,7
34–35	1	0,9		0,0	—	—	—	—	3	2,1
36–37	2	1,9	2	2,2	—	—	—	—	1	0,7
38–39	5	4,7	—	—	—	—	—	—	1	0,7
40–41	—	—	—	—	—	—	1	1,1	2	1,4
42–43	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,7
55	1	0,9	—	—	—	—	—	—	—	—
104	1	0,9	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100,0	89	100,0	146	100,0

Т а б л и ц а 4

Изгиб профиля

Изгиб профиля	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Прямой	32	29,9	61	67,8	53	54,6	25	56,8	34	49,3
Изогнутый	41	38,3	17	18,9	25	25,8	8	18,2	21	30,4
Сильно изогнутый	34	31,8	12	13,3	19	19,6	11	25,0	14	20,3
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100,0	44	100,0	69	100,0

Т а б л и ц а 5

Угол скалывания

Угол скалывания	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Близкий к прямому	3	2,8	8	8,9	29	29,9	24	34,8	25	17,4
Скошенный	99	92,5	74	82,2	67	69,1	42	60,9	106	73,6
Сильно скошенный	5	4,7	8	8,9	1	1	3	4,3	13	9,0
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100	69	100,0	144	100,0

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает сопоставление признаков, характеризующих проксимальную часть скола. В первую очередь это наличие или отсутствие вентрального карниза и точки удара. Из пластин, полученных роговыми отбойниками, губа фиксируется у 56,1% снятий (рис. 3, 9, 11, 12), а точка удара только у 1,9% (табл. 5, 6). Среди сколов, полученных отбойниками № 3 и 4, губа присутствует у 44,4% (рис. 3, 2, 3, 5), точка удара – у 33,3% (рис. 3, 1, 4, 6, 7).

У 39,2% заготовок, сколотых отбойниками № 5 и 6, отмечена губа, в то время как площадки с точкой удара отсутствуют. Пластин, полученных каменным отбойником № 5, явно недостаточно для статистических построений, однако можно отметить определенные тенденции. Так, только 4 из 26 экз. имеют губу (рис. 2, 13), а точка удара отмечается у половины сколов (рис. 3, 14–16) (табл. 6, 7). По степени выраженности ударного бугорка пластины, полученные разными типами отбойников, практически не различаются (табл. 8).

Таблица 6

Наличие вентрального карниза

Вентральный карниз	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Отсутствует	47	43,9	50	55,6	59	60,8	72	80,0	119	76,8
Присутствует	60	56,1	40	44,4	38	39,2	18	20,0	36	23,2
Итого	107	100,0	90	100,0	97	100,0	90	100,0	155	100,0

Таблица 7

Наличие точки удара

Точка удара	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Отсутствует	106	99,1	60	66,7	97	100,0	73	85,9	113	75,8
Присутствует	1	0,9	30	33,3	—	—	12	14,1	36	24,2

Таблица 8

Морфология ударного бугорка

Ударный бугорок	Роговые отбойники № 1, 2		Каменные отбойники № 3, 4		Каменные отбойники № 5, 6		Толбор-4, сл. 5a-5b		Толбор-21, гор. 4	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Отсутствует	6	5,6	15	16,7	15	15,5	27	28,1	31	29,0
Слабо выраженный	54	50,5	46	51,1	52	53,6	34	35,4	35	32,7
Выраженный	47	43,9	29	32,2	30	30,9	35	36,5	41	38,3
Итого	107	100	90	100,0	97	100,0	96	100,0	107	100,0

Проведя сравнительный анализ сколов, полученных различными типами мягких отбойников на сырье, идентичном использованному в каменных индустриях стоянок Толборской группы, можно выделить четыре типа отбойников. К первому типу относятся мягкие роговые отбойники, ко второму – мягкие каменные (№ 5 и 6), к третьему – «промежуточные», т.е. обладающие смешенными признаками, каменные отбойники

(№ 3, 4) и к четвертому – твердые отбойники (№ 7). В зависимости от типа отбойника, метрические параметры сколов заготовок и технологически значимые признаки распределяются следующим образом.

Метрические параметры (ширина и глубина ударных площадок, индекс массивности) демонстрируют увеличение значений при повышении твердости отбойника.

Вентральный карниз (губа) фиксируется у половины – одной трети заготовок, полученных мягкими и «промежуточными» типами отбойников. Губа также отмечена у небольшой доли пластин, полученных твердым каменным отбойником. Как видно, данный критерий не является однозначным, использование его также осложняется довольно высокой степенью субъективизма в определении.

Точка удара не образуется при использовании мягких отбойников и отмечается у трети пластин, снятых промежуточными отбойниками.

Изгиб профиля. Анализ сколов-заготовок, получаемых с однотипных ядрищ, показал, что пластины, снятые мягкими роговыми отбойниками, отличается разная степень кривизны профиля – от прямого до сильно изогнутого. В то время как для пластин, полученных разными типами каменных отбойников, видна однозначная тенденция к преобладанию сколов с прямым профилем.

Ударный бугорок, видимо, мало зависит от типа используемого отбойника и скорее связан с силой ударного импульса.

Угол скалывания в рамках различных вариантов ударных техник, видимо, не может служить весомым критерием определения типа используемого отбойника.

Малочисленность пластин, полученных каменным отбойником № 7, не позволяет оперировать статистическими показателями, однако эксперимент показал, что использование галек твердых однородных пород типа гранитов и сиенитов для получения удлиненных заготовок не эффективно.

Сопоставление результатов эксперимента с археологическими коллекциями

Рассмотрим выборку пластин со стоянок Толбор-4 гор. 5а-5b и Толбор-21 гор. 4 согласно выделенным критериям.

Как видно из табл. 3, ширина ударных площадок основной массы пластин археологических коллекций, как и пластин, сколотых каменными отбойниками, пересекается лишь отчасти, в пределах значений 6–13 мм. Для глубины ударных площадок эти пределы составляют от 4 до 6 мм (см. табл. 2). Распределение значений индекса массивности не дает какой-либо однозначной картины (см. табл. 1).

Угол скалывания пластин археологических коллекций, как и экспериментальных, преимущественно скошенный, хотя доля сколов, снятых под прямым углом, несколько выше.

У пластин Толбора-4 и Толбора-21 вентральный карниз фиксируется реже, чем у экспериментальных, полученных роговыми и каменными отбойниками (№ 3, 4, 5, 6) (см. табл. 5). По такому параметру, как наличие точки удара, заготовки археологической коллекции ближе всего к пластинам, сколотым каменными отбойниками № 3 и 4 (см. табл. 6). Схожая картина отмечается и в отношении изгиба профиля. У пластин, снятых каменными отбойниками, и заготовок Толбора-4 и Толбора-21 преобладают изделия с прямым профилем.

Рис. 4. Отбойник. Стоянка Толбор-4, слой 5b

Ударный бугорок у большей части как археологических, так и экспериментальных пластин слабо выражен, хотя доля изделий без бугорка из коллекций Толбора-4 и Толбора-21 несколько выше.

Сопоставив сколы экспериментальной и археологической коллекций, можно утверждать, что пластины Толбора-4 и Толбора-21 не были получены посредством роговых отбойников. Следует исключить и однозначно мягкие каменные отбойники, аналогичные отбойникам № 5 и 6, так как при их использовании не образовывалась точка удара. Из экспериментальных пластин наиболее близки археологическим изделиям заготовки, снятые посредством каменных отбойников № 3 и 4. Эти гальки, найденные в аллювии Их-Тулбурийн-гола и Харганын-гола, по своим свойствам занимают промежуточное положение между однозначно твердыми и мягкими отбойниками. Подобные свойства обеспечиваются особенностями структуры горной породы, в которой твердые зерна соединены мягким цементом. Двойственность свойств горной породы отражается в смешанном характере технологически значимых признаков сколов-заготовок.

В свете экспериментальных данных крайне интересна находка отбойника в слое 5b стоянки Толбор-4 в 2017 г. (см. рис. 3). Отбойник представляет собой подпрямоугольную гальку габбро (10,9×9,9×87 см) с забитостями на противоположных концах и на узкой плоскости, а по своим параметрам очень близок экспериментальному отбойнику № 4. Данная находка подтверждает выдвинутую в ходе экспериментального

расщепления гипотезу о применении отбойника «промежуточного» типа для получения крупных пластин в индустриях начального верхнего палеолита Монголии.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что универсальных критериев разделения различных типов отбойников, применимых ко всему многообразию каменного сырья, видимо, не существует. Для различных типов горных пород необходимо проверять весь комплекс признаков, выявленных ранее. Необходимым условием установления типа отбойника является получение эталонной экспериментальной коллекции на сырье аналогичном использовавшемуся в исследуемой каменной индустрии. На основании макроскопических признаков артефактов можно описать только соотношение тех или иных морфологических атрибутов техники скола; при существенных различиях в частоте встречаемости этих атрибутов для различных ансамблей памятника можно предположить существование вариаций в технике скола. Если говорить о практическом приложении полученных данных, можно предполагать, что пластины стоянок Толбор-4 гор. 5а-5b и Толбор-21 гор. 4, относящиеся к хронологическому промежутку от 39 000 до 41 000 л.н., получены посредством каменных отбойников, выполненных из пород, по своим свойствам близких тонкозернистому метосоматиту и габбро и занимающих промежуточное положение между выраженными мягкими и твердыми отбойниками. Также следует отметить высокий градиент распределения тех морфологических признаков пластин из археологических коллекций, которые определялись использованием различных типов инденторов. Очевидно, что техника скола в периоде начального верхнего палеолита, связанная со становлением типично верхнепалеолитических методов редукции, может быть определена как период поиска оптимальных способов получения пластинчатых сколов.

В связи с использованием древним населением долины Их-Тулбурийн-гола одного и того же типа каменного сырья, а также наличия обширных археологических коллекций крайне интересным становится сопоставление полученных данных с материалами различных стадий верхнего палеолита того же региона. Широкий анализ этих материалов позволит выявить динамику или отсутствие таковой в изменении инструментария расщепления, используемого древним человеком.

Примечание

¹ Шкала Мооса применяется для оценки твердости отдельных минералов. Для осадочных пород она может быть определена в значительной степени условно и для каждого образца отдельно, в силу значительных вариаций в составе и содержании цемента и обломков.

Литература

- Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1997. Ч. 2.
- Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Джалл Э.Д., Доганджич Т., Звинс Н.П., Олсен Д.В., Ричардс М.П., Табарев А.В., Таламо С. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 44–49.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 16–38.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсүрэн Б., Пэйн, К., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Харевич В.М., Одсүрен Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Стратиграфия и культурная последовательность стоянки Толбор-21 (Северная Монголия): итоги работ 2014–2016 годов и дальнейшие перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017а. Т. 15, № 4 (20). С. 158–168.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Пэйн, К., Болорбат Ц., Одсүрен Д., Звинс Н., Лхундэв Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017б. Т. XXIII. С. 202–205.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего – позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 16. С. 3–23.
- Семенов С.А. Первообытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Технология производства пластин в каменной индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // *Stratum plus*. 2015. № 1. С. 321–331.
- Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита / отв. ред. А.Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1983. С. 72–133.
- Butler C. Prehistoric Flintwork. Stroud: Tempus Publishing, 2005.
- Cotterell B., Kamminga J. The Formation of Flakes // *American Antiquity*. 1987. Vol. 52. P. 675–708.
- Crabtree D.E. Mesoamerican Polyhedral Cores and Prismatic Blades // *American Antiquity*. 1968. Vol. 33. P. 446–478.
- Damlien H. Striking a difference? The effect of knapping techniques on blade attributes // *Journal of Archaeological Science*. 2015. Vol. 63. P. 122–135.
- Dibble H.L. Platform Variability and flake Morphology: A Comparison of Experimental and Archaeological Data and Implications for Interpreting Prehistoric Lithic Technological Strategies // *Lithic Technology*. 1997. Vol. 22, № 2. P. 150–170.
- Dibble H.L., Pelcin A. The Effect of Hammer Mass and Velocity on Flake Mass // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 429–439.
- Dibble H.L., Whittaker J.C. New Experimental Evidence on the Relation Between Percussion Flaking and Flake Variation // *Journal of Archaeological Science*. 1981. Vol. 8. P. 283–298.
- Dibble H.L., Rezek Z. Introducing a new experimental design for controlled studies of flake formation: results for exterior platform angle, platform depth, angle of blow, velocity, and force // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36. P. 1945–1954.
- Driscoll K., García Rojas M. Their lips are sealed: identifying hard stone, soft stone, and antler hammer direct percussion in Palaeolithic prismatic blade production // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 47. P. 134–141.

- Eren M.I., Lycett S.J., Patten R.J., Buchanan B., Pargeter J., O'Brien M.J. Test, model, and method validation: the role of experimental stone artifact replication in hypothesis-driven archaeology // *Ethnoarchaeology*. 2016. Vol. 8. P. 103–136.
- Gillam J.C. Upper Paleolithic Cultural Landscapes of the Selenge Tributaries, Northern Mongolia // Individual abstracts of the SAA 84th annual meeting, 2019. P. 271. URL: https://documents.saa.org/container/docs/default-source/doc-annualmeeting/abstract/2019-abstracts/individual-level-abstracts-e-h_2019-final.pdf?sfvrsn=f858e7ad_2
- Inizan M.L., Reduron-Ballinger M., Roche G., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone (Prehistoire de la Pierre Taillee, 5). Nanterre: CREP, 1999.
- Kadowaki, S. Technology of striking platform preparation on lithic debitage from Wadi Aghar, southern Jordan, and its relevance to the initial upper Palaeolithic technology in the Levant // *AL-RAFIDAN XXXVIII*. 2017. P. 23–32.
- Kooyman B. P. Understanding Stone Tools and Archaeological Sites. Calgary: Univ. of Calgary Press, 2000.
- Lengyel G., Chu W. Long thin blade production and Late Gravettian hunter-gatherer mobility in Eastern Central Europe // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406. P. 166–173.
- Magnani M., Rezek Z., Lin S.C., Chan A., Dibble H.L. Flake variation in relation to the application of force // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 46. P. 37–49.
- Pelcin A. The Effect of Indentor Type on Flake Attributes: Evidence from a Controlled Experiment // *Journal of Archaeological Science*. 1997. Vol. 24. P. 613–621.
- Pelegri J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // *L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde de Nemours, 14–16 mai 1997, Nemours. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F., 2000. P. 73–86. (Mémoires du Musée de préhistoire d'Ile-de-France; № 7).*
- Speth J.D. Experimental Investigations of Hard-Hammer Percussion Flaking // *Tebiwa*. 1974. Vol. 17. P. 7–36.
- Speth J.D. Mechanical Basis of Percussion Flaking // *American Antiquity*. 1972. Vol. 37 (1). P. 34–60.
- Speth J.D. Miscellaneous Studies in Hard-Hammer Percussion Flaking: the Effects of Oblique Impact // *American Antiquity*. 1975. Vol. 40. P. 203–207.
- Zwyns N., Hublin J.-J., Rybin E.P., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequences in the initial upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny Altai, Siberia) // *Quaternary International*. 2012. Vol. 259. P. 33–47.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2020 г.

Chipping techniques in the Early Upper Paleolithic: experimental criteria for identifying different types of chippers (based on materials from the settlements of the Tolbor River Valley, Northern Mongolia)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/13

Vladimir M. Kharevich, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: miha-lich84@mail.ru

Evgeny P. Rybin, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rybep@yandex.ru

Arina M. Khatsenovich, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ada1985@yandex.ru

This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation's project № 19-18-00198 "Early Upper Paleolithic Cultural Formation in East Central Asia and South

Siberia: Polycentrism or the Transfer of Cultural Traditions along the Northern Route of Homo sapiens in Asia".

Abstract. In this article, the authors investigate one aspect of the technological paradigm change during the transition from Middle to Upper Paleolithic in Northern Eurasia, namely, the criteria for distinguishing different types of chipping. The process of changing the Levallois method of cleavage to the Upper Paleolithic was accompanied by a change in the cleavage technique. The authors analyze the problem of identifying the criteria for different types of slab cutters used for plate making in the Early Upper Paleolithic of Northern Eurasia, based on the materials of the Ich-Tulberiin-Gol valley sites. Experimental modeling was chosen by the researchers as the main method. In the course of experimental splitting with different types of chippings (organic and mineral with different degrees of hardness), a reference series of plates (320 specimens) was obtained from raw materials identical to those used at the sites of the Tolbor group. The analysis of the main technologically significant parameters of the chipping as well as the group of metric parameters allowed the authors to divide the slugs into four groups: soft hornblende, soft stone, "intermediate" stone and hard stone. Soft hornblende boulders are characterized by the presence of a ventral ledge, the absence of a point of impact and a curved profile of a chip; soft stone boulders are characterized by the same features, but a straight profile of a chip. Chips obtained by "intermediate" types of boulders have mixed features. Half of them have a pronounced ventral cornice, and, at the same time, one third of the chips have a point of impact, and the profile of the chips is predominantly straight. Comparison of the experimental data with the archaeological materials of the Early Upper Paleolithic layers from sites Tolbor 4, mountains 5a-5b, and Tolbor 21, mountains 4 allowed us to determine that soft horn and soft stone chippers may be excluded from the tools used in these industries. The features closest to the archaeological objects were demonstrated by the chips obtained by the "intermediate" types of boulders from metasomatite (gabbro) and fine-grained metasomatite.

Keywords: Early Upper Paleolithic, Paleolithic of Mongolia, knapping technique, experimental knapping

References

- Butler C. *Prehistoric Flintwork*. Stroud: Tempus Publishing, 2005.
- Cotterell B., Kamminga J. The Formation of Flakes, *American Antiquity*, 1987, Vol. 52, pp. 675–708.
- Crabtree D.E. Mesoamerican Polyhedral Cores and Prismatic Blades, *American Antiquity*, 1968, Vol. 33, pp. 446–478.
- Damlien H. Striking a difference? The effect of knapping techniques on blade attributes, *Journal of Archaeological Science*, 2015, Vol. 63, pp. 122–135.
- Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen D., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. Tekhnologiia rasshchepleniia kamnia na rannem etape verkhnego paleolita Severnoi Mongolii [The Technology of Early Upper Paleolithic Lithic Reduction in Northern Mongolia: the Tolbor-4 Site], *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2007, no. 1, pp. 16–38.
- Dibble H.L., Rezek Z. Introducing a new experimental design for controlled studies of flake formation: results for exterior platform angle, platform depth, angle of blow, velocity, and force, *Journal of Archaeological Science*, 2009, Vol. 36, pp. 1945–1954.
- Dibble H.L. Platform Variability and flake Morphology: A Comparison of Experimental and Archaeological Data and Implications for Interpreting Prehistoric Lithic Technological Strategies, *Lithic Technology*, 1997, Vol. 22, no. 2, pp. 150–170.
- Dibble H.L., Pelcin A. The Effect of Hammer Mass and Velocity on Flake Mass, *Journal of Archaeological Science*, 1995, Vol. 22, pp. 429–439.
- Dibble H.L., Whittaker J.C. New Experimental Evidence on the Relation Between Percussion Flaking and Flake Variation, *Journal of Archaeological Science*, 1981, Vol. 8, pp. 283–298.

- Driscoll, K., García Rojas, M. Their lips are sealed: identifying hard stone, soft stone, and antler hammer direct percussion in Palaeolithic prismatic blade production, *Journal of Archaeological Science*, 2014, Vol. 47, pp. 134–141.
- Eren MI, Lycett SJ, Patten RJ, Buchanan B, Pargeter J, O'Brien MJ. Test, model, and method validation: the role of experimental stone artifact replication in hypothesis-driven archaeology, *Ethnoarchaeology*, 2016, Vol. 8, pp. 103–136.
- Gillam J.C. Upper Paleolithic Cultural Landscapes of the Selenge Tributaries, Northern Mongolia, *Individual abstracts of the SAA 84th annual meeting*, 2019, pp. 271. URL: https://documents.saa.org/container/docs/default-source/doc-annualmeeting/abstract/2019-abstracts/individual-level-abstracts-e-h_2019-final.pdf?sfvrsn=f858e7ad_2
- Giria E.Iu. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda* [Technological analysis of stone industries. Methodology of micro-macroanalysis of ancient implements]. Book 2. RAN. IIMK. St. Petersburg, 1997.
- Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Dzhall E.D., Dogandzhich T., Zvins N.P., Olsen D.V., Richards M.P., Tabarev A.V., Talamo S. Radiouglerodnoe datirovanie paleoliticheskikh stoianok v doline r. Ikh-Tulberiin-Gol v Severnoi Mongolii [Radiocarbon Dating of the Paleolithic Sites in Ikh-Tulberiin-Gool River Valley, Northern Mongolia], *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*, 2013, Vol. 12, no. 5. Archeology and ethnography, pp. 44–49.
- Inizan M.L., Reduron-Ballinger M., Roche G., Tixier J. *Technology and Terminology of Knapped Stone (Préhistoire de la Pierre Taillée, 5)*. Nanterre: CREP, 1999.
- Kadowaki, S. Technology of striking platform preparation on lithic debitage from Wadi-Aghar, southern Jordan, and its relevance to the initial upper Palaeolithic technology in the Levant, *AL-RAFIDAN XXXVIII*, 2017, pp. 23–32.
- Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasiuk I.V., Tomilova E.A. Tekhnologiya proizvodstva platin v kamennoi industrii kul'turnogo sloia 19 stoianki Listvenka [Blade Production Technology in the Industry of Layer 19 of the Listvenka Site], *Stratum plus*, 2015, no. 1, pp. 321–331.
- Kooyman B.P. *Understanding Stone Tools and Archaeological Sites*. Calgary: Univ. of Calgary Press, 2000.
- Lengyel, G., Chu, W. Long thin blade production and Late Gravettian hunter-gatherer mobility in Eastern Central Europe, *Quaternary International*, 2016, Vol. 406, pp. 166–173.
- Magnani M, Rezek Z, Lin SC, Chan A, Dibble H.L. Flake variation in relation to the application of force, *Journal of Archaeological Science*, 2014, Vol. 46, pp. 37–49.
- Pelcin A. The Effect of Indentor Type on Flake Attributes: Evidence from a Controlled Experiment, *Journal of Archaeological Science*, 1997, Vol. 24, pp. 613–621.
- Pelegriin J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions. In: *L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde de Nemours*, 14–16 mai 1997, Nemours. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F., 2000, pp. 73–86. (Mémoires du Musée de préhistoire d'Ile-de-France; № 7).
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Pein, K., Bolorbat Ts., Odsuren D., Zvins N., Lkhundev G., Margad-Erdene G. Khronostratigraficheskie issledovaniia stoianki Tolbor-4 (Severnaia Mongoliia) [Chronostratigraphic Research at the Tolbor-4 Site (Northern Mongolia)], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2017b. T. XXIII. S. 202–205.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D. Posledovatel'nost' razvitiia industrii ranнего – pozdnego verkhnego paleolita Mongolii [The Sequence of Cultural Development of the Early – Late Upper Paleolithic Industries in Mongolia], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, Vol. 16, pp. 3–23.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zvins N., Gunchinsuren B., Pein, K., Bolorbat Ts., Anoikin A.A., Kharevich V.M., Odsuren D., Margad-Erdene G. Stratigrafiia i kul'turnaia posledovatel'nost' stoianki Tolbor-21 (Severnaia Mongoliia): itogi rabot 2014–

- 2016 godov i dal'neishie perspektivy issledovaniia [Stratigraphy and Cultural Sequence of the Tolbor 21 Site (Northern Mongolia): The Results of the 2014-2016 Excavation Campaigns and Perspectives of Further Investigations], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*, 2017a, Vol. 15, no. 4(20), pp. 158–168.
- Semenov S.A. *Pervobytnaia tekhnika (Opyt izucheniia drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty)* [Primitive Technique (Experience of the Study of the Most Ancient Tools and Articles from the Traces of Work)]. Moscow; Leningrad: Izd-vo ANSSSR, 1957.
- Shchelinskii V.E. K izucheniiu tekhniki, tekhnologii izgotovleniia i funktsii orudii must'erskoi epokhi [Toward a Study of the Technique, Technology, and Function of Mousterian Tools]. In: *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita* [Manufacturing technology in the Paleolithic Age]. Ed. by A.N. Rogachev. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 72–133.
- Speth J.D. Experimental Investigations of Hard-Hammer Percussion Flaking, *Tebiwa*, 1974, Vol. 17, pp. 7–36.
- Speth J.D. Mechanical Basis of Percussion Flaking, *American Antiquity*, 1972, Vol. 37(1), pp. 34–60.
- Speth J.D. Miscellaneous Studies in Hard-Hammer Percussion Flaking: the Effects of Oblique Impact, *American Antiquity*, 1975, Vol. 40, pp. 203–207.
- Zwyns, N., Hublin, J.-J., Rybin, E.P., Derevianko, A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequences in the initial upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny Altai, Siberia), *Quaternary International*, 2012, Vol. 259, pp. 33–47.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/34/14

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КУРАЙКА-2 (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ): НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ТЮРОК В ЭПОХУ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА*

Никита Александрович Константинов
Николай Николаевич Серегин

Аннотация. В статье представлены результаты изучения и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок на погребально-поминальном комплексе Курайка-2. Данный памятник расположен в Юго-Восточном Алтае и исследовался экспедицией Горно-Алтайского госуниверситета в 2016 г. Анализ особенностей наземных и внутримогильных конструкций кургана 1 и оградки 2, а также зафиксированных элементов обрядовой практики позволил отнести эти объекты к археологической культуре раннесредневековых тюрок. Изучение сопроводительного инвентаря, включающего, главным образом, предметы конского снаряжения и украшения, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования стали основанием для определения хронологии раскопанных сооружений в рамках середины – второй половины VIII в. н.э. Материалы комплекса Курайка-2 подтверждают сделанные ранее заключения о том, что тюрки продолжали проживать на Алтае после крушения Второго Восточнотюркского каганата, а обозначенный регион не был включен в державу уйгуров. Исследованное женское погребение, в котором обнаружены довольно ценные предметы тюревтики из цветных металлов, демонстрирует сохранение отдельными группами тюрок достаточно высокого статуса в системе социально-политической иерархии кочевников центрально-азиатского региона в обозначенный период. Очевидно, одна из таких групп кочевников проживала в Юго-Восточном Алтае, о чем свидетельствуют как публикуемые материалы, так и результаты раскопок других памятников на данной территории. Детализация различных аспектов истории тюрок Алтая в уйгурское время связана как с самыми последними полевыми исследованиями, так и с публикацией материалов раскопок прошлых лет, часть которых введена в научный оборот весьма фрагментарно.

Ключевые слова: тюрки, уйгурское время, археологический комплекс, Юго-Восточный Алтай, раннее средневековье

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности». Технико-технологическая характеристика публикуемых предметов выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 20-78-00035 «Хозяйственные системы и способы использования горных долин Центрального и Юго-Восточного Алтая в претюркское время и средневековье».

Введение

В настоящее время Алтай является ключевой территорией для изучения истории раннесредневековых тюрок на основании материалов археологических памятников. В обозначенном регионе раскопано не многим менее 200 погребений и свыше 300 поминальных комплексов, демонстрирующих различные стороны обрядовой практики кочевников во второй половине I – начале II тыс. н.э. Усилиями нескольких поколений ученых сформирован значительный опыт интерпретации этих данных, представленный в многочисленных статьях и серии обобщающих монографий. Вместе с тем очевидны перспективы дальнейших изысканий, связанных как с проведением полевых работ в конкретных частях Алтая, так и с раскопками объектов определенных хронологических периодов в истории тюрок. Кроме того, весьма актуальными являются исследования археологических комплексов на современном уровне с использованием методов естественных наук. В настоящей статье представлены результаты раскопок и разноплановой интерпретации объектов комплекса Курайка-2 в Юго-Восточном Алтае в контексте изучения истории тюрок в уйгурское время.

Характеристика результатов раскопок

Археологический комплекс Курайка-2 расположен в северной части Курайской котловины, на краю левобережной террасы реки Курайка, в 2 км к северо-востоку от села Курай Кош-Агачского района Республики Алтай (рис. 1, а, б). Объекты в данной местности были отмечены Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым (1941: 77). Тогда исследователи насчитали всего 45 курганов вдоль левого берега реки Курайка. Вероятно, в число этих сооружений были включены также и некоторые объекты могильника Курайка-2. Проведение раскопок экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи на данном некрополе в 2016 г. было связано с разрушением серии объектов, о котором стало известно после сообщения главы села Курай А.П. Кордоева. На момент исследований на памятнике зафиксировано 14 отдельных каменных конструкций. В аварийном состоянии находились два объекта в западной и один в южной части могильника (рис. 1, в). Два таких сооружения (курган 1 и оградка 2) располагались между действующим руслом реки и старым. Результаты раскопок этих объектов представлены далее.

Курган 1 расположен в западной части комплекса, на краю левобережной террасы реки Курайка (рис. 1, в). Западная пола кургана находилась почти вплотную к краю обрыва берега. С южной стороны кургана выявлена оградка 2, причем развал насыпи кургана зафиксирован вплотную к оградке.

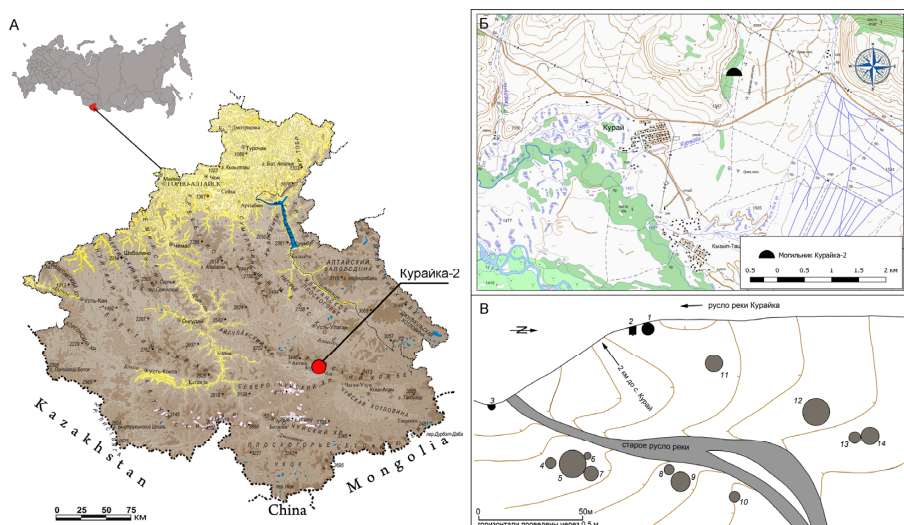

Рис. 1. Местонахождение и план могильника Курайка-2

Объект имел округлую форму и западину в центре, в которой росла небольшая лиственница. Размеры насыпи – $6,5 \times 6$ м, высота 0,4 м (рис. 2, 1). После разборки насыпи кургана выявлена крепида округлой формы, размером $5,5 \times 5,8$ м, сложенная из каменных блоков и окатанных камней.

Внутри крепиды выявлено пятно могильной ямы, смещенное от центра в северную часть. Могильная яма округлой формы имела размеры $1,65 \times 1,9$ м, глубину 0,77 м и немного сужалась ко дну. В нижней западной части ямы, в области ступней погребенного, выявлено небольшое расширение (до 0,15 м). На дне могилы, в ее северной половине находилось погребение человека (судя по инвентарю, женщины), уложенного вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 2, 2). С правой стороны черепа выявлено железное изделие плохой сохранности (очевидно, фрагмент ножа). Также с правой стороны под головой обнаружен скомканный фрагмент ткани (шелк?), внутри которого находилась бронзовая серьга. Второе такое изделие найдено при очистке черепа в камеральных условиях, с левой стороны, в слое прикипевшего грунта с войлочным (?) тленом и фрагментами ткани.

В южной половине могилы, в 0,45 м от умершего человека находилось сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на животе, с подогнутыми конечностями, и ориентировано в противоположную от человека сторону – на юго-запад. С правой стороны таза и у ребер лошади обнаружены 13 круглых и две фигурные бронзовые бляхи. С обоих боков животного находились два железных стремена. В районе спины коня обнаружены две костяные подпружные пряжки с

подвижным язычком, две костяные цурки (застежки от пут), небольшая железная пряжка, бронзовая обойма-рамка. Рядом с передней левой лопаткой зачищена узкая вытянутая фигурная бронзовая бляха (вероятно, наконечник подщечного ремня узды).

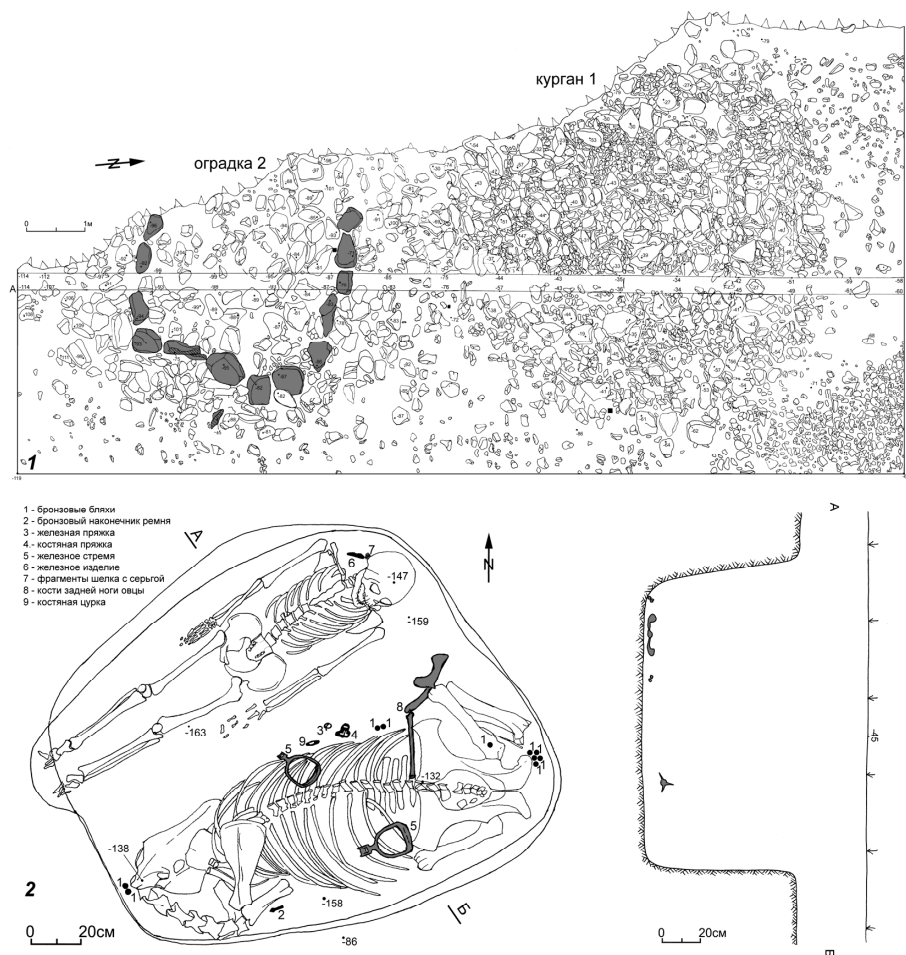

Рис. 2. Могильник Курайка-2. План насыпей исследованных объектов (1), план и разрез погребения в кургане 1 (2)

Под черепом лошади найдены четыре круглые бронзовые бляхи, две фигурные бронзовые бляхи, прямоугольная бронзовая рамка и овальная бронзовая обойма. В районе затылка находились две круглые бронзовые бляхи. В челюстях лошади зачищены железные удила с псалиями. В районе крупа животного, с правой стороны, выявлены лежащие в анатомическом порядке кости ноги овцы.

Ограда 2 расположена в западной части комплекса, на краю лево-бережной террасы реки Курайка, вплотную к южной части развала насыпи кургана 1. Объект имел подквадратную форму и был сложен из крупных окатанных каменных блоков (рис. 2, 1). Размеры ограды составляют 1,8×1,8 м. Внутренняя площадь сооружения заполнена камнями средних размеров. С восточной стороны ограды установлена стела – вертикальная каменная плита, ориентированная длинной гранью по линии восток–юго-восток – запад–северо-запад. Размеры стелы – 0,5×0,37×0,18 м. В ходе зачистки внутренней площади ограды в центре выявлена ямка округлой формы, размеры которой составили 0,95×1 м, глубина – 0,68 м. В заполнении ямки найден фрагмент кости животного, а на ее дне обнаружена железная восьмерковидная петля. У восточной стенки ограды зафиксирован тлен от деревянного столбика шириной около 2 см. В юго-западной части объекта найдены два разъединенных звена сильно поврежденных железных удил с восьмерковидной петлей, а у восточной стенки – фрагмент конского копыта.

Культурно-хронологическая интерпретация комплекса

Основаниями для определения культурной принадлежности и уточнения хронологии раскопанных объектов памятника Курайка-2 являются результаты анализа зафиксированных особенностей обрядовой практики, предметного комплекса, а также данные, полученные в ходе радиоуглеродного датирования.

Погребальный обряд, реализованный в процессе возведения кургана 1, отражает «стандартные» нормы похоронной практики раннесредневековых тюрок. Подобные объекты получили широкое распространение на обширных пространствах центрально-азиатского региона во второй половине I тыс. н.э. Наземная конструкция в виде округлой каменной насыпи с крипидой выявлена в ходе раскопок более 20% курганов тюрок Алтая. Такая конструкция характерна и для синхронных комплексов на сопредельных территориях (Серегин, Матренин 2016: 94–96). Набор показателей ритуала, включающий ориентировку умершего человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от человека, представляет собой «классическую» характеристику обряда раннесредневековых тюрок Алтая, Тувы и Монголии, характерную для более 50% захоронений (Серегин, Матренин 2016: 116–118). В целом подобные погребальные комплексы получили распространение начиная со второй половины VI в. н.э. и вплоть до конца I тыс. н.э.

Ограда 2 характеризуется подквадратной формой, традиционной для «поминальных» объектов тюрок центрально-азиатского региона. «Классическими» являются и такие элементы конструкций, как неглу-

бокая ямка в центре и стала к востоку. Подобные признаки не показательны с точки зрения определения хронологии комплекса и зафиксированы в ходе раскопок тюркских оградок, датирующихся в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Несколько нетипичной чертой можно считать возведение стенок объекта не из плит, а из обычных камней. Такая характеристика, выявленная в ходе раскопок небольшой серии оградок на Алтае (Семибратов, Матренин 2008, рис. 3, 5; Суразаков, Тишкин, Шелепова 2008, рис. 10–12), вероятно, объясняется отсутствием материалов для строительства сооружения.

Предметный комплекс, зафиксированный в ходе раскопок кургана 1 и оградки 2, включает несколько категорий изделий – главным образом, различные элементы конского снаряжения, а также украшения и орудия труда. Рассмотрим эти находки более подробно.

Основная часть рассматриваемых предметов представлена изделиями, связанными со снаряжением лошади. С точки зрения хронологической интерпретации объектов показательными являются железные пластинчатые *стремена* (рис. 3, 4, 5).

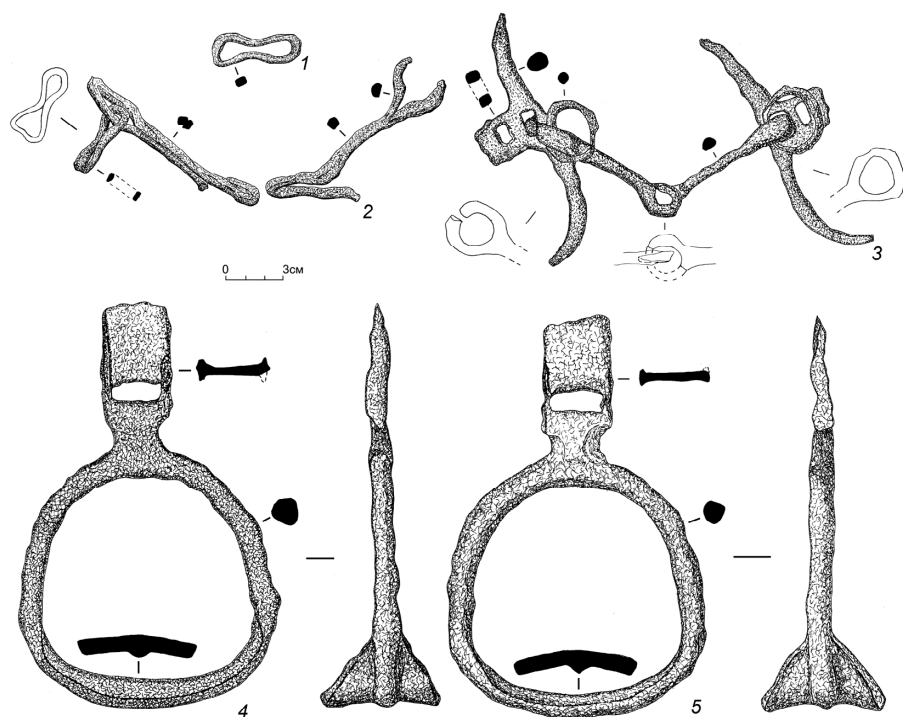

Рис. 3. Могильник Курайка-2. Конское снаряжение. 1, 2 – оградка 1; 3–5 – курган 1

Характерными признаками экземпляров, обнаруженных в погребении кургана 1, являются широкая подножка (более 6 см) с нервюрой,

высокая пластина и довольно значительные общие размеры изделий (высота – более 21 см, ширина – свыше 13 см). Подобные предметы получили распространение в археологических комплексах Алтая и сопредельных территорий главным образом в VIII в. н.э. (Евтюхова 1957, рис. 7, 1–2; Савинов 1982, рис. 4, 12–13; Кубарев 2005, табл. 127, 13–14). Схожие хронологические границы бытования имеют железные **удила** с дополнительным кольцом, а также S-видные **псалии** с заостренными окончаниями и плоскими подпрямоугольными скобами (рис. 3, 3). Судя по имеющимся материалам, предметы с такими характеристиками оформления появились во второй половине VII в. н.э., но большее распространение получили с VIII в. н.э. (Серегин, 2018: 176–178). Менее показательными являются поврежденные железные удила из оградки 1 (рис. 3, 2), время изготовления которых может быть определено в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Восьмерковидные железные петли со сжатием в центральной части, зафиксированные в анализируемом объекте, встречаются в памятниках Алтая жужанского и раннетюркского периодов (Кубарев 2005, табл. 31, 8; Тишкин, Серегин 2011, рис. 1, 11–12; Матренин 2018, рис. 1, 3–5), и существовали вплоть до кыргызского времени (Савинов 1980, рис. 1).

Снаряжение лошади, помещенной рядом с умершим человеком, было украшено бронзовыми бляхами-накладками и наконечниками ремней. Весьма редкими для тюрок Алтая являются округлые сферические **бляхи-накладки** со шпеньковым креплением (рис. 4, 2, 3, 7–12, 14–19, 21–26; 5, 1–4). Подобные изделия, использованные для оформления узды и пояса, встречаются в ходе раскопок ряда комплексов VIII–X вв. н.э. на сопредельных территориях (Вайнштейн 1966, табл. IX, 2; Ахинжанов и др. 1987, рис. 81, 17; Савинов, Павлов, Паульс 1988, рис. 8, 1; Трифонов 2013, табл. XX, 3а). Также довольно специфичным является вытянутый фигурный **наконечник ремня** (рис. 4, 1; 6, 3), имеющий ближайшие аналогии в комплексах VII–VIII вв. н.э. с наборами изделий, оформленных в геральдическом стиле (Троицкая, Новиков 1998, рис. 26, 32; Абдулганеев 2001, рис. 1, 15; Горбунов, Рудометов 2003, рис. 1, 21–23). Более характерны для материальной культуры раннесредневекового населения Алтая неорнаментированные овально-прямоугольные короткие **наконечники ремней** с ровным бортиком, полуовальным или слегка заостренным носиком и фигурноскобчатым основанием (рис. 4, 6, 13, 20, 27; 5, 5, 6). Судя по имеющимся материалам, такие изделия появились в памятниках горной и лесостепной частей обозначенного региона во второй половине VII в. н.э. и получили распространение в VIII – начале IX в. н.э. (Савинов 1982, рис. 13, 1; Могильников 2002, рис. 15, 3; Кубарев 2005, табл. 128, 10; Горбунова, Тишкин, Хаврин 2009, рис. 21). В комплексах этого же периода встречаются бронзовые прямоугольные и подовальные **обоймы** (рис. 4, 4, 5, 26; 5, 7, 8), использованные для

оформления ремней пояса и узды (Савинов 1982, рис. 13, 7; Кубарев 2005, табл. 129, 5).

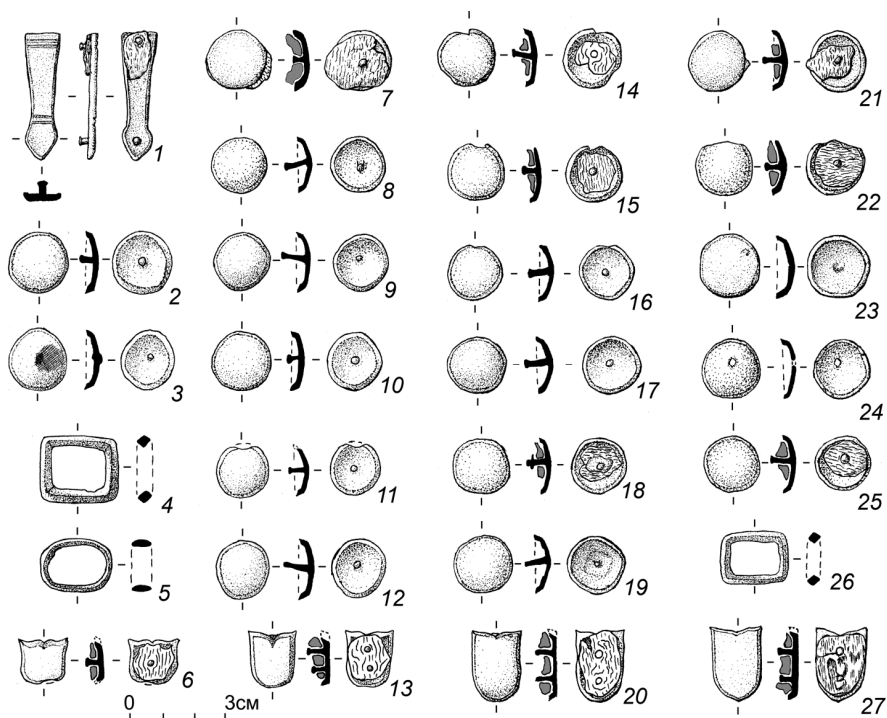

Рис. 4. Могильник Курайка-2, курган 1. Украшения конского снаряжения

К предметам конского снаряжения из погребения кургана 1 относятся также две костяные **подпружные пряжки** (рис. 7, 4, 5). Оба изделия имеют схожие морфологические характеристики – выделенную рамку, заостренную дужку (окончание) и костяной язычок. Отличие наблюдается в оформлении выреза для крепления язычка и продевания ремня – первое изделие имеет Т-образный верхний и горизонтальный нижний вырез, а второе – сплошной вырез. Костяные (роговые) подпружные пряжки в целом не являются узко датирующими находками. Вместе с тем заостренную дужку можно считать поздним типологическим признаком подобных предметов, в основном встреченным в комплексах, относящихся к последней четверти I тыс. н.э. (Неверов 1985: 200–203). Еще менее хронологически выразительными являются костяные **застежки от пут** и железная безщитковая округлая **подпружная пряжка** (рис. 7, 6–8), подобные многочисленным изделиям, получившим широкое распространение в памятниках Алтая и сопредельных территорий второй половины I тыс. н.э.

Рис. 5. Могильник Курайка-2, курган 1. Украшения узды

Рис. 6. Могильник Курайка-2, курган 1. Серьги (1, 2) и наконечник ремня узды (?) (3)

Учитывая весьма представительный набор предметов конского снаряжения, заметна фрагментарность состава изделий, предназначенных для умершего человека. Основную часть таких находок составляют две бронзовые *серьги*, обнаруженные у головы погребенного (рис. 6, 1, 2; 7, 2, 3). Оба изделия характеризуются округлой формой и длинной подвеской из серебряной (?) проволоки с двумя парами миниатюрных серебряных (?) колечек, спаянных из нескольких шариков, между которыми помещена бронзовая «бусина». На конце подвески закреплен бронзовый шарик. У одной из серег в верхней части имеется шпенек, у второй – бронзовый шарик. Судя по имеющимся материалам, предметы такого типа, изготовленные из цветных и драгоценных металлов и демонстрирующие вариативность оформления различных деталей кон-

струкции, получили распространение в тюркских комплексах Алтая и сопредельных территорий в конце VII – первой половине IX в. н.э. (Евтюхова 1957, рис. 4, 2; Баяр 2004, рис. 15; Кубарев 2005, табл. 46, 10–11, 130, 3).

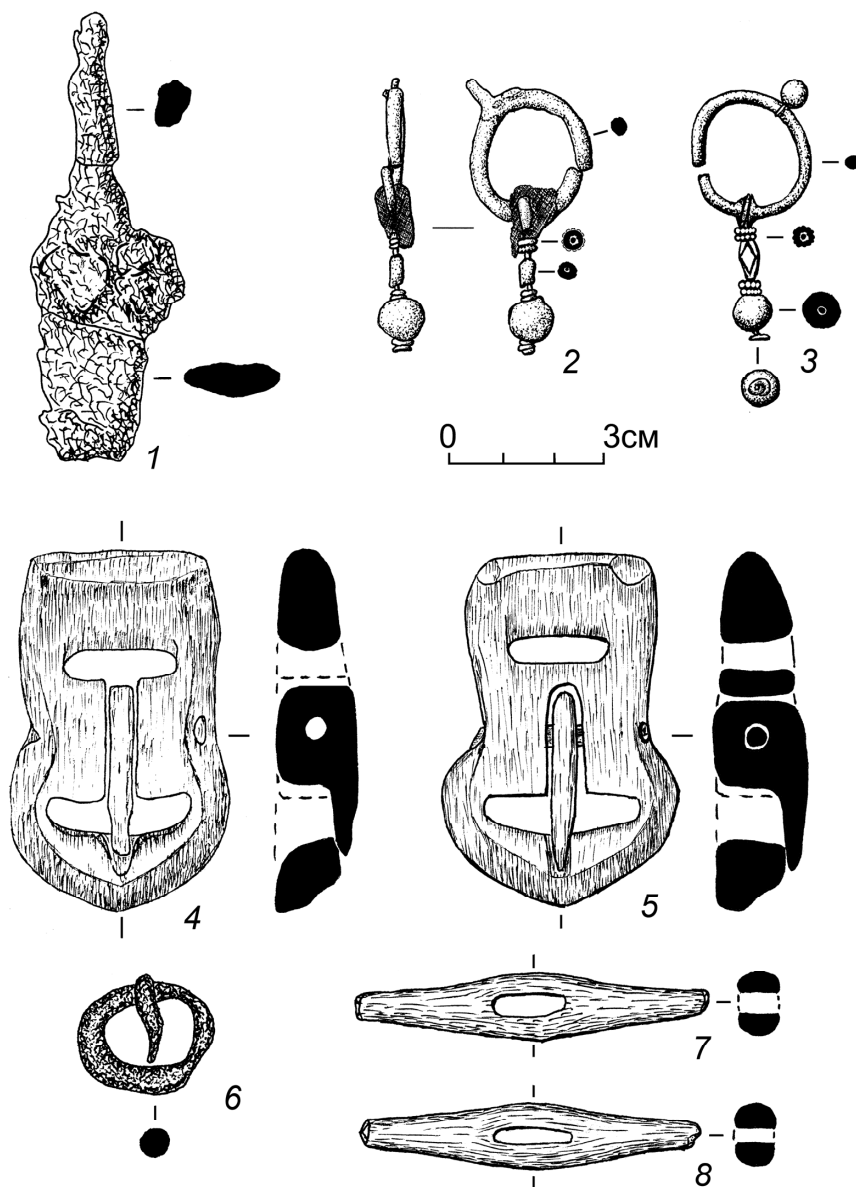

Рис. 7. Могильник Курайка-2, курган 1. Предметы, найденные у черепа погребенного (1–3), и детали конского снаряжения (4–8)

Для уточнения времени совершения захоронения в кургане 1 комплекса Курайка-2 осуществлено радиоуглеродное датирование костей человека и лошади. Данная работа была проведена в лаборатории 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания) (14CHRONO Centre, Queens University, Belfast, аналитик С.В. Святко). Приводимые калибровочные показатели получены при использовании программы (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM CALIB REV7.0.0). Представим полученные результаты проведенного AMS-датирования.

UBA-40780. Курайка-2, курган 1, кости человека. Радиоуглеродный возраст – 1206 ± 22 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 789–831 (0.526); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 768–887 (0.971).

UBA-40781. Курайка-2, курган 1, кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1356 ± 27 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 650–672 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 634–694 (0.971).

Таким образом, анализ особенностей погребального обряда и предметного комплекса указывает на возможность определения времени сооружения кургана 1 комплекса Курайка-2 в широких рамках второй половины VII – первой половины IX в. н.э. В данном объекте присутствуют как вещи, получившие распространение на начальном этапе обозначенного периода, так и предметы, характерные для более позднего времени. Результаты радиоуглеродного анализа показали довольно противоречивую картину, которую пока сложно объяснить: учитывая возможность резервуарного эффекта, можно было ожидать «удревнения» датировки по костям человека, но полученные данные демонстрируют обратную ситуацию. В целом корреляция имеющихся сведений дает основания для «сужения» границ датировки рассматриваемого комплекса до рамок середины – второй половины VIII в. н.э. Вероятно, оградка 2 относится к этому же периоду, демонстрируя редкий случай возведения рядом синхронных погребальных и поминальных объектов раннесредневековыми тюрками Алтая.

Обсуждение результатов

Представленная хронология раскопанных объектов погребально-поминального комплекса Курайка-2 свидетельствует о времени сооружения кургана и оградки в начальный период существования Уйгурского каганата. Историко-культурные процессы, происходившие в это время на Алтае и в сопредельных регионах, исследованы довольно фрагментарно. Ключевым обстоятельством, определяющим сложность интерпретации имеющихся археологических материалов, является отсутствие единой позиции по поводу определения памятников уйгуров.

На сегодняшний день большинством специалистов признается уйгурская принадлежность городищ, раскопанных или выявленных на территории Монголии и Тувы (Данилов 2004: 150–153; Эрдэнэбат, Хюттель, Цэвээндорж 2010; Крадин 2011). Идентификация же погребальных комплексов до сих пор остается неоднозначной.

Одной из первых захоронения раннесредневековых уйгуров выделила Л.А. Евтюхова по материалам исследований на территории Монголии. К памятникам номадов данной общности археолог отнесла изученные ею погребения комплекса Орхон-Дель (Евтюхова, 1957: 220–225). Сильная ограбленность объектов не позволила Л.А. Евтюховой выделить черты обряда населения, оставившего обозначенные объекты. Спустя некоторое время Ю.С. Худяков, анализируя материалы раскопок комплекса Орхон-Дель, высказал предположение, что в исследованных могилах находились захоронения людей по обряду ингумации, в сопровождении шкуры коня (Худяков 1990). Данная концепция, за редким исключением (Ковычев, Беломестнов 1986; Амзараков и др. 2015: 158), не получила поддержки среди специалистов. Это связано не столько со сравнительно небольшим количеством раннесредневековых захоронений со шкурой лошади (Ховалыг 2010: 48), сколько с дискуссионностью этнокультурной интерпретации подобных объектов. Данное обстоятельство довольно подробно представлено С.П. Нестеровым (1990: 63–67), который обратил внимание на то, что захоронения со шкурой лошади появились в Алтае-Саянском регионе по крайней мере со скифской эпохи, а также отметил возможность рассмотрения подобных объектов, датирующихся второй половиной I тыс. н.э., как результат модификации обряда тюрок.

Альтернативная точка зрения по поводу выделения погребальных комплексов раннесредневековых уйгуров, получившая довольно широкое распространение, сформулирована Л.Р. Кызласовым и представлена в фундаментальном издании из серии «Археология СССР», а также в ряде публикаций исследователя (Кызласов 1969: 56–87; 1981). По его мнению, к рассматриваемой общности должны быть отнесены захоронения в катакомбах могильников Чааты-I и II в Туве. Вместе с тем в работах целого ряда исследователей обоснована дискуссионность подобной хронологической и культурной интерпретации обозначенных комплексов, не предполагающая возможность отнесения их к уйгурам (Варламов 1987, Азбелев 1991; Савинов 2006).

В последнее десятилетие в результате исследований монгольских археологов в центральной части страны получены довольно оригинальные материалы, демонстрирующие особую группу раннесредневековых памятников. По мнению специалистов, они могут быть соотнесены с культурой уйгуров (Очир и др. 2008; Ochir et al. 2010; Эрдэнэбат, Батсайхан, Дашдорж 2012). Следует отметить, что большую часть рас-

смаатриваемых комплексов составляют явно «элитные» объекты, на основании которых сложно судить о погребальных традициях уйгуров в целом. Монгольские археологи отмечают несколько разновидностей этих сложных конструкций. В большинстве случаев объект представлял собой подземный склеп из кирпичей, к которому вел ступенчатый дромос. Это сооружение окружалось валом и рвом. В центре ограды на глиняной платформе возводилось некое подобие субургана или храма с крышей, украшенной черепицей. Вероятно, наземная конструкция предназначалась для жертвоприношений. Нельзя не отметить, что по ряду конструктивных характеристик, а также по наличию росписей эти объекты близки традициям китайской похоронной обрядности.

Важно подчеркнуть, что объектов с подобным набором характеристик на Алтае не известно. Также отсутствуют свидетельства какого-либо системного влияния на население Алтая в области обрядовой практики и материальной культуры, которые можно было бы связывать с уйгурами. Анализ материалов раскопок небольшой серии археологических объектов второй половины VIII – первой половины IX в. н.э., раскопанных на рассматриваемой территории, позволил исследователям прийти к выводу о том, что данный регион не был включен в состав Уйгурского каганата (Кубарев 1998: 292; Тишкин 2007: 199). Вероятно, после крушения империи в 744 г. тюрки продолжали проживать на Алтае, сохраняя известную степень независимости в бурных процессах политической истории Центральной Азии.

Материалы раскопок комплекса Курайка-2 подтверждают представленные заключения. Исследованное погребение демонстрирует стандартные характеристики обрядовой практики тюрков. Зафиксированный представительный комплекс изделий, включающий предметы торевтики из цветных металлов, свидетельствует о довольно высоком прижизненном социальном статусе умершей женщины, а также о самой возможности распространения подобных комплексов на Алтае в уйгурское время.

Возвращаясь к характеристике истории Алтая во второй половине VIII – первой половине IX в. н.э., отметим, что количество памятников раннесредневековых тюрков данного периода, по сравнению с предшествующим этапом их истории, довольно резко снижается. К настоящему времени такие объекты раскопаны на нескольких погребальных и поминальных комплексах, локализованных в разных частях региона (Бике-IV, Джолин-I, Катанда-II, Кер-Кечу, Курай-II, Туэкта, Узунтал-VI, VIII, Юстыд-XIV и др.). Очевидно, ключевым фактором, определившим данную ситуацию, стало крушение Второго Восточнотюркского каганата. Одним из последствий являлся отток тюркского населения из Алтая и сопредельных территорий в Верхнее Приобье, приведший к формированию сrostкинской археологической культуры (Неверов, Горбунов 2001: 177–178).

Заключение

Материалы раскопок погребально-поминального памятника Курай-ка-2 расширяют имеющиеся сведения об особенностях истории населения Алтая в эпоху Уйгурского каганата. Анализ особенностей устройства кургана 1 и оградки 2 позволил заключить, что исследованные объекты относятся к культуре раннесредневековых тюрок. Изучение предметного комплекса и корреляция полученных данных с результатами радиоуглеродного датирования свидетельствуют о сооружении этих объектов в середине – второй половине VIII в. н.э. Полученные данные подтверждают тезис о том, что после крушения Второго Восточнотюркского каганата кочевники данной общности продолжали проживать на Алтае, сохраняя значительную степень политической независимости. На памятниках этого периода, исследованных в разных частях региона, выявлены погребения с представительным составом инвентаря, включающим «престижные» изделия из цветных и драгоценных металлов и отражающим высокий социальный статус их владельцев. Отметим, что серия показательных комплексов уйгурского времени локализована в Юго-Восточном Алтае, что может свидетельствовать о расположении на данной территории одного из центров объединения тюрок.

Детализация различных аспектов истории тюрок Алтая в уйгурское время связана как с дальнейшими полевыми исследованиями, так и с публикацией материалов раскопок прошлых лет, часть которых введена в научный оборот весьма фрагментарно. В частности, большое значение имеет изучение и интерпретация на современном уровне ярких результатов работ Саяно-Алтайской экспедиции в Курайской степи (Евтюхова, Киселев, 1941). Часть этих материалов относится к последней четверти I тыс. н.э. и является опорной при характеристике сложных процессов этнокультурной и социально-политической истории тюрок в период их существования в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

Литература

- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 128–131.
- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чааты I–II // *Проблемы хронологии и периодизации в археологии*. Л.: ЛГУ, 1991. С. 61–68.
- Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.
- Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Тамагабетов Ж.К., Трифионов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шуйбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987.

- Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73–84.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Варламов О.Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КеМГУ, 1987. Ч. II. С. 181–183.
- Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Исследования в бассейне р. Онон // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1986. С. 151–154.
- Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2011. Вып. 72 (1–2). С. 330–351.
- Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 290–298.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 52–54. (Археология СССР).
- Матренин С.С. Удила и псалии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 67–71.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002.
- Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Оdbaатар Ц., Анхбаяр Б. Уйгуры и язгууртны бунхант булш // Археологийн суудал. 2008. Т. XXVI. С. 328–368.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–169.
- Савинов Д.Г. Потомки кокэлыцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 44–50.

- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Серегин Н.Н. Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 174–181.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 13–114.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998.
- Ховалыг У.Т. Проблемы истории и культуры древних уйгуров Центральной Азии в археологических исследованиях // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 42–50.
- Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.
- Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашидорж Б. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олондовд 2011 онд явуулсан археологийн судалгаа // Археологийн суудлал. 2012. Т. XXXII. С. 229–258.
- Эрдэнэбат У., Хюнтель Х.-Г., Цэвээндорж Д. Уйгурын нийслэл Хаар Балгасыг археологийн талаар шинжлэн судалсан тойм // Археологийн судлал. 2010. Т. XXIX. С. 302–324.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 16–26.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2020 г.

Kuraika-2 funeral-memorial complex in South-Eastern Altai: new materials for the history of the Turks in the Uyghur Kaganate time

Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/14

Nikita A. Konstantinov, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: nikita.knstantinov@yandex.ru

Nikolay N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

This research was funded by the state assignment of the Altai State University, project no. 748715F.99.1.BB97AA00002 "The Turkic-Mongolian world of the Great Altai: unity and diversity in history and modernity". The technical and technological characteristics of the

published objects were performed within the framework of the project of the Russian Science Foundation № 20-78-00035 "Economic systems and ways of use of mountain valleys of the Central and South-Eastern Altai in the pre-Turkic time and Middle Ages".

Abstract. The article presents the results of the study and cultural and chronological interpretation of excavations at the Kuraika-2 burial-memorial complex. This monument is located in South-Eastern Altai and was studied by the expedition of Gorno-Altai State University in 2016. The analysis of the features of the above-ground and intra-grave structures of the barrow 1 and fence 2 as well as the recorded elements of ritual practices allowed us to attribute these objects to the archaeological culture of the Early Medieval Turks. The study of the accompanying inventory, including mainly horse harness and jewelry items, as well as the results of radiocarbon dating have provided a basis for determining the chronology of the excavated structures within the framework of the middle-second half of the 8th century A.D. The materials of the Kuraika-2 complex confirm the earlier conclusions that the Turks continued to live in Altai after the collapse of the Second East Turkic Kaganate and the designated region was not included in the Uigur state. The investigated woman's burial which contains rather valuable non-ferrous metal items demonstrates the preservation by separate groups of Turks of a rather high status in the system of socio-political hierarchy of the nomads of the Central Asian region during the investigated period. Apparently one of such groups of nomads lived in Southeastern Altai, as evidenced both by the published materials and by the results of excavations of other monuments in this territory. The detailing of various aspects of the history of the Altai Turks in the Uigur time is connected both with the further field studies, and with the publication of the materials of the past years' excavations, some of which were introduced into the scientific circle rather fragmentarily.

Keywords: Turks, Uyghur period, archaeological complex, Southeast Altai, early Middle Ages

References

- Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi 10 – pamiatnik drevnetiurkskoi epokhi v severnykh predgor'iax Altaia [Gorny 10 Graveyard - a monument of the ancient Turkic era in the northern foothills of Altai]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaia Sibir' i sopredel'nye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2001, pp. 128–131.
- Azbelev P.P. K issledovaniuu kul'tury mogil'nikov Chaaty I–II [To the study of the culture of the cemeteries of Chaata I–II]. In: *Problemy khronologii i periodizatsii v arkheologii* [Problems of Chronology and Periodization in Archaeology]. Leningrad: LGU, 1991, pp. 61–68.
- Amzarakov P.B., Lazaretov I.P., Mit'ko O.A., Poliakov A.V. Etnokul'turnaia prinadlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniia so shkuroi konia v doline reki Idzhim v Zapadnom Saiane [Ethno-Cultural Attribution of the Medieval Burial with Horse Skin from the Idzhim River Valley in the Western Sayan], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriia, filologiya*, 2015, Vol. 14, no. 7: Archeology and Ethnography, pp. 151–164.
- Akhinzhanov S.M., Ermolaeva A.S., Maksimova A.G., Samashev Z.S., Tamagabetov Zh.K., Trifonov Iu.I. *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi GES* [Archaeological monuments in the flood zone of the Shul'binsk Hydroelectric Power Plant]. Alma-Ata: Nauka, 1987.
- Baiar D. Novye arkheologicheskie raskopki na pamiatnike Bil'ge kagana [New archaeological excavations at the Bilge Kagan monument], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2004, no. 4(20), pp. 73–84.
- Vainshtein S.I. Pamiatniki vtoroi poloviny I tysiacheletiia v Zapadnoi Tuve [Monuments of the second half of the first millennium in Western Tuva]. In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi*

- arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Vol. II, pp. 292–334.
- Varlamov O.B. O datirovke «uigurskikh» pogrebenii Tuvy [On the dating of "Uyghur" burials in Tuva]. In: *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* [Problems of the Archaeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo: KemGU, 1987. Book II, pp. 181–183.
- Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Srednevekovye pamiatniki v okrestnostyakh s. Kiprino [Medieval monuments in the vicinity of the village Kiprino]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Barnaul: BGPU, 2003, Vol. XIII, pp. 52–57.
- Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V. *Srednevekovye ukrasheniia konskogo snariazheniia na Altae: morfologicheskii analiz, tekhnologii izgotovleniia, sostav splavov* [Medieval horse harness jewelry in the Altai: morphological analysis, manufacturing technology, alloy composition]. Barnaul: Azbuka, 2009.
- Danilov S.V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii* [Cities in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2004.
- Evtiukhova L.A. O plemenakh Tsentral'noi Mongolii v IX v. [On the Tribes of Central Mongolia in the 9th Century]. *Sovetskaiia arkheologiia*, 1957, no. 2, pp. 207–217.
- Evtiukhova L.A., Kiselev S.V. Otchet o rabotakh Saiano-Altayskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g. [Report on the works of the Sayan-Altay archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 1941, Vol. 16, pp. 75–117.
- Kovychev E.V., Belomestnov G.I. Issledovaniia v basseine r. Onon [Studies in the Onon River Basin]. In: *Pamiatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of the Ancient Cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 151–154.
- Kradin N.N. Goroda v srednevekovykh kochevykh imperiiakh mongol'skikh stepei [Cities in medieval nomadic empires of the Mongolian steppes]. In: *Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni* [Middle Ages. Studies in the History of the Middle Ages and Early Modernity]. Vol. 72(1–2). Moscow: Nauka, 2011, pp. 330–351.
- Kubarev G.V. K etnopoliticheskoi situatsii na territorii Altaia v VI–XI vv. n.e. [To the Ethnopolitical Situation in the Altai Territory in the VI–XI Centuries AD]. In: *Sibir' v panorame tysiacheletii* [Siberia in the panorama of the millennia]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998, Vol. I, pp. 290–298.
- Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005.
- Kyzlasov L.R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Izd-vo MGU, 1969.
- Kyzlasov L.R. Kul'tura drevnikh uigur (VIII–IX vv.) [The Culture of the Ancient Uyghurs (VIII–IX centuries)]. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1981, pp. 52–54.
- Matrenin S.S. Udila i psalii kochevnikov Altaia sian'biisko-zhuzhanskogo vremeni [The Prongs and Psalms of the Altai Nomads of the Xianbi Zhuzhan Time]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaia* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia, and Northern China]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2018, Vol. 2, pp. 67–71.
- Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [Nomads of the Northwest Foothills of Altai in the IX–XI Centuries]. Moscow: Nauka, 2002.
- Neverov S.V. Kostiane priazhki srostkinskoi kul'tury (VIII–X vv.) [Bone buckles of the Srostka culture (8th–10th centuries)]. In: *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla* [Altai in the Stone and Early Metal Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1985, pp. 192–206.
- Neverov S.V., Gorbunov V.V. Srostkinskaia kul'tura (periodizatsiia, areal, komponenty) [Srostka culture (periodization, areal, components)]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskoi izmerenii. Zapadnaia Sibir' i sopredel'nye territorii* [The

- Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2001, pp. 176–178.
- Nesterov S.P. *Kon' v kul'takh tiurkoiazыchnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia* [The Horse in the Cults of Turkic-speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990.
- Ochir A., Erdenebold L., Odbaatar Ts., Ankhbaatar B. Uiguryн iazguurny bunkhant bulsh [Tomb of an Uyghur aristocrat]. *Arkheologiiн suudlal*, 2008, Vol. XXVI, pp. 328–368.
- Savinov D.G. Drevnetiurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury) [Ancient Turkic burial mounds of Uzuntal (to the question of distinguishing the Kurai culture)]. In: *Arkheologiiа Severnoi Azii* [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1982, pp. 102–122.
- Savinov D.G. Pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov v Gornom Altae [Monuments of the Yenisei Kyrgyz in the Altai Mountains]. In: *Voprosy istorii Gornogo Altaia* [History of the Altai Mountains]. Gorno-Altai: GANIИaL, 1980, Vol. 1, pp. 161–169.
- Savinov D.G. Potomki kokel'tsev na strazhe uigurskikh gorodishch [Descendants of the Kokhels on guard of Uyghur towns]. In: *Arkheologiiа Iuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Letopis', 2006, Vol. 24, pp. 44–50.
- Savinov D.G., Pavlov P.G., Paul's E.D. Rannesrednevekovye vpusknye pogrebeniia na iuge Khakassii [Early Medieval Inlet Burials in the South of Khakassia]. In: *Pamiatniki arkheologii v zonakh melioratsii Iuzhnoi Sibiri (po materialam raskopok 1980–1984 gg.)* [Archaeological monuments in the reclamation zones of South Siberia (on the materials of excavations 1980–1984)]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 83–103.
- Semibratov V.P., Matrenin S.S. Issledovanie pogrebal'nykh i pominal'nykh pamiatnikov tiurkskoi kul'tury v zone stroitel'stva Altaiskoi GES v 2007 g. [Study of funerary and memorial monuments of the Turkic culture in the area of the Altai hydropower plant construction in 2007]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniі*, 2008, Vol. 4, pp. 54–66.
- Seregin N.N. Udila i psalii iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tiurok Mongolii [Horse-Bits and Cheek-Pieces from Early Medieval Turkic Burials of Mongolia]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoricheskie nauki i arkheologiya, 2018, no. 2(100), pp. 174–181.
- Seregin N.N., Matrenin S.S. *Pogrebal'nyi obriad kochevnikov Altaia vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The funeral rites of the nomads of the Altai in the II century BC. - XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016.
- Surazakov A.S., Tishkin A.A., Shelepova E.V. *Arkheologicheskii kompleks Kotyr-Tas na Altae* [Kotyr-Tas Archaeological Complex in Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008.
- Tishkin A.A. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaiа kontseptsiiа izucheniа drevnikh i srednevekovykh narodov Altaia* [Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of the Study of Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007.
- Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyi kompleks iz pamiatnikov kyzyl-tashskogo etapa tiurkskoi kul'tury (2-ia polovina V – 1-ia polovina VI vv. n.e.): traditsii i novatsii [The Object Complex from the Monuments of the Kyzyl-Tash Stage of the Turkic Culture (2nd Half of the 5th-1st Half of the 6th Century A.D.): Traditions and Innovations]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniі*, 2011, Vol. 6, pp. 14–32.
- Trifonov Iu.I. Pamiatniki drevnetiurkskogo vremeni v Tsentral'noi Tuve [Monuments of Old Turkic times in Central Tuva]. In: *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)* [Ancient Turks in Central Tuva (based on the materials of the Sayan-Tuva expedition)]. St. Petersburg: ElekSis, 2013, pp. 13–114.
- Troitskaia T.N., Novikov A.V. *Verkhneobskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Upper Ob Culture in the Novosibirsk Priob'ye]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998.

- Khovalyg U.T. Problemy istorii i kul'tury drevnikh uigurov Tsentral'noi Azii v arkheologicheskikh issledovaniiax [Problems of History and Culture of Ancient Uigurs of Central Asia in the Archaeological Studies], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoriia, filologiia, 2010, Vol. 9, no. 3: Archeology and Ethnography, pp. 42–50.
- Khudiakov Iu.S. Pamiatniki uigurskoi kul'tury v Mongolii [Monuments of Uyghur Culture in Mongolia]. In: *Tsentral'naia Aziia i sosednie territorii v srednie veka* [Central Asia and Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 84–89.
- Erdenebat U., Batsaikhan Z., Dashdorzh B. Arkhangai aimgiin Khotont sumyn nutag Olondovd 2011 ond iavuulsan arkheologiin sudalgaa [Archaeological survey conducted in 2011 in Olon Dov, Khotont soum, Arkhangai aimag], *Arkheologiin suudlal*, 2012, Vol. XXXII, pp. 229–258.
- Erdenebat U., Khiuttel' Kh.-G., Tseveendorzh D. Uiguryн niislel Khaar Balgasyg arkheologiin talaar shinzhlen sudalsan toim [An overview of the archeological study of the Uighur capital, Haar Balgas], *Arkheologiin sudlal*, 2010, Vol. XXIX, pp. 302–324.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia, *The Silk Road*, 2010, Vol. 8, pp. 16–26.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.3:316.77

DOI: 10.17223/2312461X/34/15

ГЕОВЛАСТЬ, ЭКСТРАКТИВИЗМ И ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ЭССЕ О «ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» В СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Э. ПОВИНЕЛЛИ И К. ЮСОФФ)*

Данная эссе-рецензия посвящена «геологическому повороту» в социальной антропологии – новому направлению, которое объединяет аналитический аппарат критической социальной теории, классическую методологию этнографического исследования, проблематику гуманитарной географии, историю и философию геологического познания. В широком значении предметом геологической антропологии являются взаимоотношения между социальными и геологическими процессами. Под «геологией» в данном случае имеется в виду не столько одноименная дисциплина, сколько специфическая оптика изучения социальных процессов в эпоху антропоцена (Bobbette, Donovan 2019).

Под антропоценом неформально принято понимать современную геологическую эпоху, для которой характерно значительное воздействие человеческой деятельности на геологические процессы и окружающую среду (Malhi 2017). У исследователей антропоцена нет однозначного ответа, какое событие в человеческой истории послужило отправной точкой для наступления этой эпохи. Одним из возможных «кандидатов» на эту роль является промышленная революция в Англии XVIII в., в ходе которой произошел переход на машинный способ производства. Этот переход инициировал широкомасштабное использование богатых залежей каменного угля, что, в свою очередь, значительно повлияло на климатические изменения и запустило процесс накопления «ископаемого» капитала за счет экстрактивизма ресурсов в позднем либерализме, который некоторые исследователи (Moore 2017) обозначают термином «капиталоцен».

Дебаты вокруг теории антропоцена в социальных науках стимулировали возникновение ряда направлений, критикующих центральное

* Работа написана в рамках проекта РНФ № 20-68-46043 «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (рук. Д.А. Функ).

положение антропо́са (человека) в планетарных процессах. К числу таких направлений можно отнести и геологический поворот в социальных науках. Этот поворот способствовал появлению целого ряда исследований, посвященных рассмотрению понятия «геос» (неживая материя) в изучении взаимодействия между социальными процессами, политикой и практиками экстрактивизма. Например, Стюарт Элден (Elden 2013) показывает, как внимание к геологии и ее методам картографирования «подземных пространств» помогает переосмыслить обыденное представление о территории лишь как о поверхности. Ранее эта идея обсуждалась на примере концепции «вертикальной территории» (Braun 2000) и «колонияльного подземелья» (Scott 2008). Кларк и Юсофф (Clark, Yusoff 2017) опубликовали подборку статей, в которых исследуется разнообразие ролей геологической материи и ее осмысление в теории антропоцена. Наконец, Джерри К. Джека (Jacks 2018) предлагает термин «минеральный век» для определения взаимосвязи человечества с подземными минеральными ресурсами. Он подчеркивает то огромное влияние, которое органические и минеральные вещества оказывают на жизнь современного человечества.

Исследователи также отмечают важность учета альтернативных геологических теорий. Так, в коллективной монографии под редакцией Боббетт и Донован (Bobbette, Donovan 2019) исследуются незападные/индигенные геологические теории строения и происхождения Земли, а также материальное измерение геополитики и отношения между геологическими традициями и политикой в разных сообществах, включая коренные народы мира. Кроме того, ученые обращают внимание на взаимосвязи между политическими и геологическими процессами, включая историю принятия политических решений в связи с экстрактивизмом.

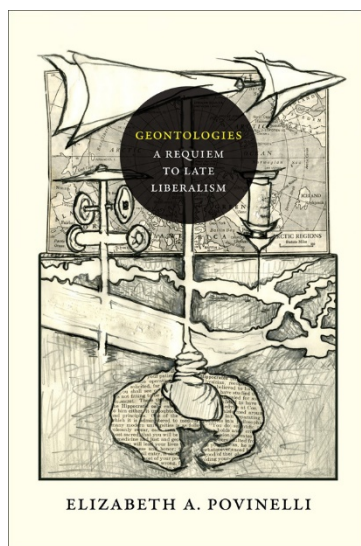
Геополитическое измерение экстрактивизма также обсуждается в работе Жюли Клинге под названием «Границы редкоземельных элементов: от подземных недр к лунным ландшафтам» (Klinger 2017) на примере редкоземельных металлов. Клинге отмечает, что география распределения редкоземельных элементов геологически условна: металлы не знают границ национальных государств. Следовательно, эти границы создаются искусственно в целях установления геополитических властных отношений. Дискурс «редкоземельности» служит хорошим оправданием экономической конкуренции, которая часто имеет мало общего с самими редкоземельными металлами. Таким образом, как пишет Клинге, речь идет не о добыче редкоземельных металлов, а скорее о демонстрации прав на исторически оспариваемые и геополитически значимые пространства. В своем исследовании Клинге обращается к понятию «высшее благо», утилитарному подходу в экономике, согласно которому наилучшим экономическим результатом является

ся тот, который приносит максимальную пользу как можно большему количеству людей. Этот подход часто используется для оправдания нанесения вреда в местах разработки полезных ископаемых, которые исследовательница определяет как «зоны, приносимые в жертву» (*sacrifice zones*) для всеобщего блага.

Эти и многие другие работы заложили фундамент нового направления социальных исследований, которое неформально называется «геологическая антропология». В этом эссе я подробнее проанализирую два ключевых текста, которые значительно повлияли на развитие теоретической базы этого направления: работы Элизабет Повинелли и Кэтрин Юсофф.

Геонтологии Элизабет Повинелли

Povinelli, Elizabeth. *Geontologies: a Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press, 2016.

Профессор Колумбийского университета, социальный антрополог, философ и режиссер Элизабет Повинелли является одной из ведущих исследовательниц концепции «геос». В своей книге «Геонтологии: реквием по позднему либерализму» она предлагает концепцию геонтовласти, под которой понимает способ управления, объединяющий дискурсы и практики, определяющие отношения и границы живого и неживого (Povinelli 2016). Согласно Повинелли, геонтовласть – это способ управления «существованием» (existence) с помощью концептуального различия между «жизнью» (Life или *биос*) и «не-жизнью» (Non-Life или *геос*), появившийся в позднем либерализме, к которому Повинелли относит и неолиберализм. Важно отметить, что идея не-жизни (*геос*) не тождественна идеи смерти (*танатос*), так как смерть – это атрибут

жизни, а сущности, попадающие в категорию «геос», онтологически изначально мертвы. Повинелли подчеркивает, что раскрытие проблематики искусственного разделения жизни и смерти, а также жизни и нежизни происходит вследствие дебатов о вымирании (исчезновении) человечества и всех планетарных сущностей в эпоху антропоцена. Она отмечает, что признание теории антропоцена знаменует момент, когда человеческое существование стало определенной формой планетарного существования, злокачественной по отношению ко всем другим формам бытия. Ответственность людей за гибель планеты становится доминирующим дискурсом в современных дебатах о климатических изменениях, при этом убийства отдельных человеческих популяций и массовые переселения занимают пропорционально меньше места в социальной повестке и политическом дискурсе. Фукодианская концепция биовласти неспособна, по мнению Повинелли, описать происходящие изменения. Для их осмысления она и предлагает концепцию геонтовласти.

Здесь нужно сказать несколько слов о «биовласти». Под «биовластью» французский философ Мишель Фуко понимал взаимоотношения между сувереном и подданным, основанные на взимании с последнего тех или иных ресурсов, включая право на его жизнь. Он также подчеркивал отличие суверенной власти от дисциплинарной. Последняя не заинтересована в физическом устранении в качестве наказания, а оперирует с помощью дисциплинарного контроля над телом человека как разновидности биологического вида, что составляет основу биополитики. Именно управление жизнью является основной функцией дисциплинарной власти, с помощью которой она осуществляет свой контроль над популяцией. Почему концепция Фуко перестает работать в эпоху антропоцена? Повинелли отвечает на этот вопрос следующим образом: потому что появляется идея «исчезновения» (extinction), которая дискурсивно переносится на все формы жизни. Антропос остается элементом в этом «наборе жизни» только постольку, поскольку «жизнь» сохраняет свое отличие и от смерти или исчезновения, и от нежизни. Таким образом, основное отличие предложенной Повинелли концепции геонтовласти от биовласти заключается в проблематизации самих понятий «живое» и «неживое», которые она критически анализирует в своей работе «Геонтологии».

Повинелли отмечает, что сторонники антропоцена неверно противопоставляют человека как действующего субъекта остальным биологическим, метеорологическим и геологическим акторам. В подобной картине мира человек (the Human) оказывается абстракцией, отделенной от категории нечеловеческих субъектов (the Nonhuman). Однако такой способ классификации имеет смысл только в «дисциплинарной логике геологии», опирающейся на идею классификации, основанной на четком различии между различными формами жизни и не-жизни. При этом Пови-

нелли не стремится поставить знак равенства между человеком и другими сущностями (или существованиями). Напротив, для нее подобная идея является лишь одной из форм дискурсивного оформления теории антропоцена, которую она критикует, о чем будет сказано далее.

Работа Повинелли начинается с обсуждения австралийского кейса 2013 г., когда коренное население Северной Территории через Управление по защите территорий аборигенов Австралии подало иск против компании OM Manganese Ltd. за причинение вреда коренному населению вследствие умышленного осквернения священного места под названием «Две сидящие женщины», находящемся на марганцевом руднике Буту-Крик. Это место связано с мифом, отсылающему к двум предкам аборигенов: бандикуту и крысе. Согласно мифу, у бандикута было только двое детей, в то время как у крысы их было много. Бандикут попыталась забрать одного из крысиных детей, что привело к драке с крысой. Миф заключает, что выход марганца в этом священном месте является кровью этих двух предков, пролитой во время их драки. Управление выиграло данное судебное дело на пике увеличения производства марганца в Австралии. Сразу после такого неожиданного успеха правительство Северной Территории попыталось изменить устав Управления, упразднить независимость его совета и включить Управление под юрисдикцию кабинета министров. Правительство также предложило закон, согласно которому слово «священный» трактовалось бы как «относящийся к религиозным верованиям, нежели к месту, связанному с мифологическими историями, песнями и поверьями». При этом Повинелли заключает, что суд, рассмотревший дело об осквернении священного места, не принял во внимание то, чего желал или намеревался сделать сам памятник природы. Суд не заботился о том, хочет ли он остаться на месте, покончить жизнь самоубийством в качестве политического заявления или претерпеть трансформацию в марганец, чтобы австралийские поселенцы смогли извлечь больше капитала с земель коренных народов. Суд априори исходил из того, что не-жизнь не способна намереваться и желать, а само дело сводится к религиозным представлениям аборигенов.

Анализируя этот кейс, Повинелли не стремится занять одну из сторон конфликта или выступить в роли активистки, борющейся за права памятника или аборигенов. Она пытается увидеть корень проблемы, который, на ее взгляд, лежит в области онтологии. В своих поисках она обращается не только к индигенным метафизикам, но и переосмысливает корпус западной философии, начиная с Аристотеля, исследующей проблемы живой и неживой материи. Согласно учению Аристотеля, живое отличается от неживого наличием души и потенциальностью, т.е. стремлением к изменению в целях достижения своей формы или внутренней сущности. Сила, которая вызывает эти изменения, присуща

самим вещам, и на уровне живой материи выражается в концепции души. Живое отличается от неживого тем, что оно может изменяться самостоятельно через внутреннее побуждение. Неживое, напротив, не имеет потенциальности, а его движение зависит от внешних сил. Если на неживую вещь не действуют внешние стимулы, то она покоится. В этом отношении камни и геологические породы, например марганец, пребывают в своей актуальности, так как представляют собой практически чистую форму, чья сущность завершена: они «покоятся» на месте, т.е. онтологически изначально не живы.

Повинелли считает, что фиксация на «жизни» – проблема фактически всей западной философии, и Аристотель в этом отношении был первым «анимистом». Равно и для судьи «Две сидящие женщины» априори есть не что иное, как неживая материя, так как этот памятник лишен возможности передвигаться, целенаправленно воздействовать на окружающую среду и не имеет души. «Две сидящие женщины» – воплощенная бездушная экзистенция, находящаяся, что особенно важно в свете работы Повинелли, вне поля человеческой этики и права. В связи с этим, если компания разрушит данный памятник в целях извлечения марганца для нужд глобального рынка, то это действие не будет считаться убийством: ведь смерть – это атрибут жизни, а памятник изначально мертв. Само разделение между жизнью и не-жизнью интересует Повинелли постольку, поскольку оно затрагивает сферу политического, из которой не-жизнь полностью исключена. Такая же логика прослеживается в стереотипном описании австралийских аборигенов как людей каменного века, т.е. относящихся к категории «геос», а не «биос», за пределами «нашего» времени и пространства. Это, в свою очередь, ведет к конкретным политическим решениям, влияющим на жизнь коренного населения. Однако чтобы понять, как устроено управление жизнью, нам нужно понять, каким образом разграничение между жизнью и не-жизнью вообще оказалось возможным.

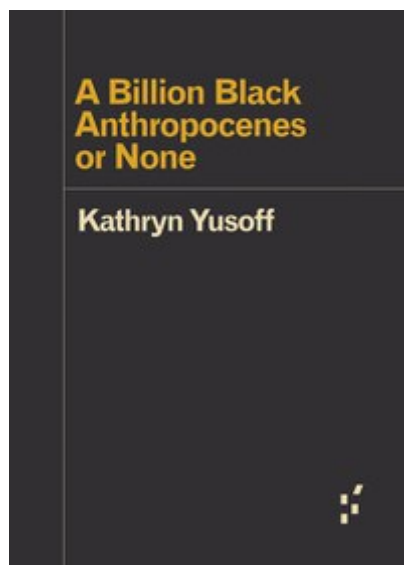
На уровне материи «Две сидящие женщины» состоят из марганца, а марганец имеет решающее значение для производства железа и стали, алюминия и меди. Играя роль в мировом производстве, этот памятник вносит свою лепту в продуцирование смога и изменение климата, политических процессов и общественных движений. Но самое главное – он порождает движение капитала, оперирующего посредством различия между жизнью и не-жизнью. Показывая ограниченность и даже несостоятельность различия между этими категориями, Повинелли обращается к трем фигурам антропоцена: Пустыня, Анимист и Вирус. Эти три фигуры отсылают к четырем фигурам Фуко (истерическая женщина, мастурбирующий ребенок, мальтузианская пара и извращенный взрослый), связанных с четырьмя типами дискурса, с помощью которых государство применяет различные формы контроля и наказания. Фигура Пустыни здесь олицетворяет

не-жизнь, Анимист утверждает, что все есть жизнь (тотальный витализм), а Вирус отрицает и то и другое. Для Вируса категории жизни и не-жизни не имеют значения, так как они не определяют его онтологию: вирус не является ни живым, ни неживым. Он использует это различие, передвигаясь от одного конца континуума к другому, лишь с единственной целью – расширить себя. Таким образом Капитал оказывается схожим с Вирусом: его единственная цель – извлечение все большей прибыли, чего он добивается посредством манипулирования границами и отношениями между жизнью и не-жизнью. При этом Капитал, как и трикстер, может выступать и в роли Анимиста, провозглашая вездесущую витальность прибыли и эксплуатируя дискурс прогресса, но в конечном счете движение Капитала направлено на объективизацию и дальнейшее потребление. Он является, по выражению Повинелли, Пустыней в одеянии Анимиста (the Desert in Animist Clothing).

Таким образом, основная идея работы Повинелли заключается не в перенесении категории «жизни» на нечеловеческие сущности, что делают исследователи, работающие в рамках онтологического поворота, а в проблематизации категорий «жизни» и «не-жизни», высвечивании их дискурсивности, гибридности, противоречивости и неопределенности, расшатывании устоявшихся представлений о жизни, не-жизни и смерти, а также, что особенно важно, в деконструкции неосознанных или, напротив, целенаправленных манипуляций этими категориями в целях извлечения капитала в позднем либерализме.

Черный антропоцен Кэтрин Юсофф

Yusoff, Kathryn. A Billion Black Anthropocenes or None. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018.

В своей книге под названием «Миллиард черных антропоценов или ни одного», вышедшей через два года после книги Повинелли, британский географ, социальный антрополог и философ Кэтрин Юсофф исследует то, каким образом имперская геология создает свой объект изучения с помощью своеобразного языка описания и номенклатуры, устанавливает границы, отделяющие живые сущности от неживых, а также превращает «минералы» в безжизненные ресурсы для дальнейшего их распределения и потребления на мировом рынке (Yusoff 2018). Во введении к своей работе Юсофф отмечает, что исследователи антропоцена, провозгласившие новый этап геологического развития человечества, недостаточно внимания уделили проблеме насильственного лишения земель коренных народов под эгидой колониальной «геологии» (*geo-logics*), не заметили они и «грамматик извлечения ресурсов» (*extractive grammars*), которые продолжают создавать инструменты и диктовать правила, по которым функционируют исторически сложившиеся колониальные нарративы, влияющие на практики вытеснения и исключения колонизованных субъектов. Юсофф также отмечает, что, признавая «всеобщность» геологической истории, исследователи антропоцена тем самым обходят стороной историю расизма, который зародился в том числе с помощью регуляторной структуры (*regulatory structure*), лежащей в основе геологических отношений. В частности, она подчеркивает связь между ресурсным освоением Нового Света и возникновением расовой категории «черные», рабовладением и лишением коренного населения их земель.

Каким образом категория «черноты» (*blackness*) семантически оказалась когнатом категории «ресурсы»? Юсофф пишет о том, что в логике колониального экстрактивизма такие категории, как «рабы» и, например, «золото», должны быть материальными объектами и эпистемически содержать идею извлечения их «не-человеческих свойств». Иными словами, обе категории объединены понятием «ресурсы», которые можно обменивать, продать, переместить или распределить. Проблематика концептуализации этого понятия с точки зрения расовой теории является одним из ключевых направлений исследований Юсофф. Как расовые условия и предпосылки добычи ресурсов исторически и материально организованы? Каким образом можно осмыслить «воплощенную» (*embodied*) геологию и ее пространственные отношения, выраженные в институализированных формах расы? Как ведущие геологи своего времени академически фреймировали понятие «раса», прибегая к геологизации языка описания? Эти и многие другие вопросы Юсофф исследует в своей работе. При этом в рамках ее теоретического подхода геология понимается не столько как дисциплина, сколько как оптика и определенная материальная практика властных взаимоотношений в сфере извлечения ресурсов. Юсофф определяет эти отношения с помо-

щью концепции «геовласти», а колониальные практики геологии называет «белой геологией» по аналогии с «белым супремасизмом». Для того чтобы лучше понять, что именно Юсофф подразумевает под геовластью и «белой геологией», я процитирую следующий абзац из ее книги (перевод мой. – Н.М.):

Дело не только в том, что геология является означающим для извлечения (ресурсов), но и в том, что трансмутация материи происходит внутри этого означивания (сигнификации), в рамках которого материя превращается в ее свойство, что создает раздел между ее агентностью (способностью воздействовать) и бездействием; это, в свою очередь, делает стабильным разделение (букв., разрез) собственности и предписывает удаление материи из ее образующих отношений и как субъекта, и как минерала, включенного в социологические и экологические поля знаний. Таким образом, я утверждаю, что семиотика белой геологии создает вневременную материальность, смещенную в пространственно-временном отношении, – мифологию диссоциации в формировании материи, независимую от языков ее описания и исторической конституции социальных отношений (Yusoff 2018).

В данном абзаце Юсофф, искусно сочетая языки семиотики и геологии, показывает, что «означаемое» здесь – это не только полезные ископаемые, но и все остальные биополитические категории, включая рабов. Их объединяющим критерием является отсутствие агентности, т.е. способности воздействовать на окружающую среду. Более того, создаваемая белой геологией материальность не независима от академического языка описания, но является ее продуктом, а также создается с помощью конкретных социальных отношений. Вместо субъектов, наделенных агентностью, здесь фигурируют извлеченные свойства материи, имеющие для их обладателей какие-либо полезные качества, которые можно обменять на эквивалентные ресурсы. Перемещение людей, например рабов, является еще одной формой пространственного изъятия ресурсов по аналогии с добычей полезных ископаемых, во время которой «материя» изымается из своего пространственного окружения. Юсофф называет этот процесс «заземленной некрополитикой» (*grounding necropolitics*), заимствуя термин у камерунского философа Ачилла Мбембе. Согласно Мбембе, некрополитика – это система мер, с помощью которых государство определяет, кто должен жить, а кто умереть. Некрополитика включает разные формы уничтожения или лишения субъектности, к которым Мбембе относит, например, апартеид, расизм и колониализм. Для Юсофф экстрактивизм – это форма некрополитики, которая ведет к извлечению, смещению, колониализму и уничтожению, прямо или косвенно.

В рамках подобной геологической черные рабы и минералы рассматриваются в качестве обладателей определенных ценностей, а извлечение

их свойств создает тот самый излишек прибыли, который лежит в основе экономической мотивации экстрактивизма. В этом отношении категория «черные» является «пустым означающим», точно так же, как и золото и другие имеющие ценность ископаемые и ресурсы, где стоимость обмена устанавливается с помощью описательных маркеров, а предметы обмена рассматриваются как набор каких-либо свойств, имеющих меновую стоимость в конкретную историческую эпоху. При этом Юсофф пишет о том, что процесс символической материализации, направленный на создание материи как ценности, преобразует субъекты этого процесса с помощью «цветовой экономики», онтологически отличной от человеческой с ее правами, свободами и собственностью. Юсофф метафорически отмечает, что в зависимости от вашего цвета на геологическом спектре геология может выступать и как способ накопления собственности, и как способ ее лишения.

Обращаясь к конкретным примерам белой геологии, Юсофф исследует работы известных геологов XIX в. в свете их представлений о человеческих расах, показывая, как академическая геология заложила основы расовой теории. В частности, она обращается к фигуре Чарльза Лайеля, основателя британской геологии, и его работе «Основные начала геологии», повлиявшей на теорию эволюции Чарльза Дарвина. Представления Лайеля о человеческой расе были выражены с помощью языка академической геологии – той науки, родоначальником которой он во многом является. Лайель сформулировал проблематику рас в тех же терминах, что и стратификацию горных пород. Лайель считал, что «чернокожие» – это отличный от «белых» временной вид, т.е. основным их отличием служит время формирования. Идея «расового прогресса», т.е. превращение черных в «людей», согласно Лайелю, – это также дело времени. Юсофф подчеркивает, что контекст рабства и практики белой геологии как науки об извлечении полезных ископаемых создали единую канву для колониального проекта по описанию как земли в целом, так и «места» для различных людей внутри нее/на ней.

Идеи Лайеля и его геологические сравнения не являлись исключительными для своего времени, а скорее были вписаны в более широкий контекст осмысления расы через язык геологии – на тот момент еще зарождавшейся дисциплины. Другой известный геолог и палеонтолог, критик Дарвина, Луи Агассис заявлял, что «черные» в принципе не могут быть потомками детей Ноя, а являются неким деградировавшим видом, вне нашего времени и пространства, дожившей окаменелостью. Юсофф обращает внимание на то, как геологическое время в этих примерах используется для закрепления колониального дискурса: раса как еще одна формация, процесс и продукт геологии (земли). Это положение имело колоссальный эффект на черное население Америки, которое было исключено из категории «граждане» (иными словами «лю-

ди)), но по-прежнему рассматривалось как население, находящееся внутри государственных границ, не имеющее право голоса и возможности свободно передвигаться. Как и «Две сидящие женщины» Повинелли, они были обречены на то, чтобы пребывать в неподвижности своей внечеловеческой материальности, лишенной агентности, языка (права голоса), воли и права.

Подводя итог, отмечу, что данное эссе раскрывает лишь незначительную часть идей, обсужденных на страницах рассмотренных работ. Основной моей целью было показать, как антропология может анализировать геологическое знание, переосмысливать наследие академической геологии и представления о геологических процессах через призму критической теории, включая расовую теорию и проблемы колониализма. В этом отношении работы Повинелли и Юсофф, безусловно, являются ключевыми.

Источники

Yusoff K. A billion black anthropocenes or none. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. URL: www.manifold.umn.edu/projects/a-billion-black-anthropocenes-or-none.

Литература

- Bobbette A., Donovan* (eds.). Political geology: active stratigraphies and the making of life. Cham: Palgrave Macmillan US, 2019.
- Braun B.* Producing vertical territory: geology and governmentality in late Victorian Canada // *Ecumene*. 2000. № 7 (1). P. 7–46.
- Clark N., Yusoff K.* (eds.) Special Issue: Geosocial Formations and the Anthropocene // *Theory, Culture & Society*. 2017. № 34 (2–3).
- Elden S.* Secure the volume: vertical geopolitics and the depth of power // *Political Geography*. 2013. № 34. P. 35–51.
- Jacka J.K.* The anthropology of mining: The social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age // *Annual Review of Anthropology*. 2018. № 48. P. 61–77.
- Klinger J.M.* Rare earth frontiers: from terrestrial subsoils to Lunar landscape. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017.
- Malhi Y.* The concept of the Anthropocene // *Annual Review of Environment and Resources*. 2017. № 42. P. 77–104.
- Moore J.W.* The Capitalocene, Part I: on the nature and origins of our ecological crisis // *The Journal of Peasant Studies*. 2017. № 44 (3). P. 594–630.
- Povinelli E.* Geontologies: a requiem to late liberalism. Durham: Duke University Press, 2016.
- Scott H.V.* Colonialism, landscape and the subterranean // *Geography Compass*. 2008. № 2 (6). P. 1853–1869.

Надежда Александровна Мамонтова
Университет Северной Британской Колумбии,
Институт этнологии и антропологии РАН

Текст поступил в редакцию 17 сентября 2021 г.

Nadezhda A. Mamontova, University of Northern British Columbia (Prince George, Canada),
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: mamontova@unbc.ca

Geo-power, extractivism and vertical territories: an essay on the “geological turn” in social anthropology (on the example of the works of E. Povinelli and K. Yusoff)

DOI: 10.17223/2312461X/34/15

The work was written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 20-68-46043 “Anthropology of Extractivism: Research and Design of Social Change in Resource-type Regions” (supervised by D.A. Funk).

References

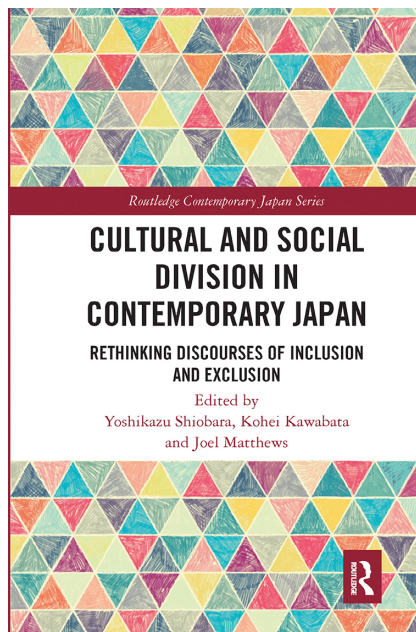
- Bobbette, Adam & Donovan, Amy (eds.). Political geology: active stratigraphies and the making of life. Cham: Palgrave Macmillan US, 2019.
- Braun, Bruce. Producing vertical territory: geology and governmentality in late Victorian Canada, *Ecumene*, 2000, no. 7(1), pp. 7–46.
- Clark, Nigel & Yusoff, Kathryn (eds.) *Special Issue: Geosocial Formations and the Anthropocene, Theory, Culture & Society*, 2017, no. 34 (2–3).
- Elden, Stuart. Secure the volume: vertical geopolitics and the depth of power, *Political Geography*, 2013, no. 34, pp. 35–51.
- Jacka, Jerry K. The anthropology of mining: The social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age, *Annual Review of Anthropology*, 2018, no. 48, pp. 61–77.
- Klinger, Julie M. *Rare earth frontiers: from terrestrial subsoils to Lunar landscape*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017.
- Malhi, Yadvinder. The concept of the Anthropocene, *Annual Review of Environment and Resources*, 2017, no. 42, pp. 77–104.
- Moore, Jason W. The Capitalocene, Part I: on the nature and origins of our ecological crisis, *The Journal of Peasant Studies*, 2017, no. 44(3), pp. 594–630.
- Povinelli, Elizabeth. *Geontologies: a requiem to late liberalism*. Durham: Duke University Press, 2016.
- Scott, Heidi V. Colonialism, landscape and the subterranean, *Geography Compass*, 2008, no. 2(6), pp. 1853–1869.

УДК 316.423.6

DOI: 10.17223/2312461X/34/16

ГРАНИЦЫ И ЭКСКЛЮЗИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Cultural and Social Division in Contemporary Japan: Rethinking Discourses of Inclusion and Exclusion. Edited by Yoshikazu Shiobara, Kohei Kawabata, Joel Matthews. Routledge Contemporary Japan Series. Routledge, 2019. 286 p. ISBN 9781138310391

В пережившей уже пять изданий классической работе «Знакомство с японским обществом» Сугимото Ёсио писал, что Япония часто изображается как уникальное гомогенное общество и в расовом аспекте, и в этническом. Десятилетиями японское правительство пропагандировало идею расовой чистоты и этнического превосходства, которую также поддерживала легенда о непрерывности японской императорской династии. В годы экономического роста, начиная с 1960-х гг., многие авторы объясняли японское экономическое чудо и политическую стабильность расовой и этнической гомогенностью (Sugimoto 2020).

* Работа выполнена в рамках проекта «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски» в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (рук. – Д.А. Функ).

Нужно отметить, что истоки подобного концепта относятся еще к XIX в. Бэфу Харуми, эмерит-профессор Стэнфордского университета, указывает на его ярко выраженный контруктивистский характер: в эпоху Мэйдзи центральное правительство определило «настоящую» японскость, взяв за основу культуру региона Канто-Кансэй и стандартизированный токийский диалект, и попыталось переплавить японцев из периферийных регионов и неэтнических японцев в эту определенную форму. Важную роль в формировании данной концепции сыграл *нихондзинрон* – комплекс представлений об исключительности японцев и японской культуры, стремящийся охватить биологические аспекты, культурные достижения, язык, искусство, социальные отношения и черты индивидуального характера (Befu 2021).

Что не так с образом гомогенной Японии? Он не принимает во внимание, что японское общество мозаично и обладает слоями доминирующих и миноритарных культур. В числе последних присутствуют не только большие группы айнов, рюкюсцев, корейцев-дзайнити и буракуминов, но и многочисленные категории с двусмысленным статусом, как то натурализованные корейцы и китайцы, принявшие японские фамилии; дети от смешанных браков; потомки японцев, оставшихся в Маньчжурии после отхода Квантунской армии; потерявшие гражданство японки, вышедшие замуж за корейцев до 1952 г., и их дети; лица с двойным гражданством.

Различным меньшинствам внутри японского общества и феномену эксклюзионизма и посвящена рассматриваемая монография «Социальное и культурное разделение в современной Японии: переосмысление дискурсов об инклюзии и эксклюзии». Ее главный редактор, профессор университета Кэйо, Сиобара Ёсикадзу называет эксклюзионизмом аргументы, практики и движения, направленные на физическое/символическое исключение других из персонального/социального/национального пространства (напр., личных отношений, школ и сообществ). Он полагает, что эксклюзионизм возникает как следствие социальных изменений в поздней современности (*late modernity*), а в современной Японии он появился в результате неолиберальной политики и вызванной глобализацией трансграничной миграции, усилившейся угрозы мирового терроризма, напряженных отношений между странами Восточной Азии из-за исторических и территориальных конфликтов и взлетом исторического ревизионизма в Японии.

Книга состоит из пятнадцати глав, которые сгруппированы в четыре раздела: «Контекст и история вопроса», «Эксклюзионизм и этнические меньшинства», «Эксклюзионизм и социальные меньшинства», «Теоретические альтернативы преодоления эксклюзионизма». Так как настоящая рецензия написана в рамках проекта «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к

гражданству, миграционные риски», я остановлюсь на главах, анализирующих проблемы групповых идентичностей «классических» для историографии меньшинств, но помимо этого затрону и «традиционную» тему социальной дискриминации в Японии – эксклюзию по отношению к буракуминам.

В вводной главе Сиобара отмечает, что в рамках представленного в книге исследовательского проекта авторы считают разделенность (*бундан*) ключевой характеристикой современного японского общества, в связи с чем намерены изучить процесс возникновения эксклюзионизма (*хайгайсюги*) в разделенном социальном и экономическом неравенством обществе Японии 2010-х гг. Гипотезу данного исследования Сиобара формулирует следующим образом: отсутствие признания прав меньшинств на институциональном уровне порождает представления о них как об «аморальном другом» (*immoral other*), что через соответствующую риторику закрепляется в «эксклюзионистском сознании», направленном против меньшинств. Он указывает, что источником этого сознания является характеризующая современное общество уязвимость в социоэкономическом положении, вызванная конкуренцией на мировом рынке, упадком системы социального обеспечения, изменениями на рынке труда, бедствиями, войнами, терроризмом и экологическим кризисом. Когда представители меньшинств не получают от государства закрепления собственных прав и подтверждения своей гражданской принадлежности, они становятся более подвержены антагонизму со стороны большинства.

Самое большое этническое меньшинство иностранного происхождения в современной Японии – это корейцы-дзайнити. После того, как Япония аннексировала Корейский полуостров в 1910 г., многие корейцы мигрировали в Японию в поисках лучшей жизни. Более того, во время Второй мировой войны многие корейцы были переправлены в Японию для принудительного труда. Несмотря на то, что значительное число корейцев вернулось на родину после 1945 г., были и те, кто остался в Японии. Слово *дзайнити* обозначает не всех корейских мигрантов, а только тех, кто переселился в Японию до 1945 г., и их потомков. У этой группы есть постоянный статус резидентов, и в 2019 г. число корейцев-дзайнити насчитывало 446 тыс. человек (Иммиграционное бюро Японии 2020).

Глава Джозла Мэттьюса посвящена именно им. Сам он характеризует корейцев-дзайнити как самое большое колониальное меньшинство в Японии и как основную цель современных ксенофобских риторик и практик. Мэттьюс прослеживает историю изменения правового статуса этой этнической группы, а также ищет истоки их активной эксклюзии. Для объяснения этого феномена Мэттьюс использует концепцию Гассана Хаге о «параноидальном национализме» (Хаге 2003).

«Паранойя» по Хаге – это патологическая форма страха, базирующаяся на концепции субъекта как чрезвычайно уязвимого и постоянно находящегося под угрозой. Хаге полагает, что паранойя происходит от страха потери привилегий, обеспеченных структурой колониального владычества, и базируется на процессе расиализации, которая рассматривает колонизируемые народы как низшие, а колонизаторов – как высшие. Мэттьюс указывает, что в случае Японии модель колониального расизма работает несколько иначе, чем в странах Европы: из-за близости в географическом и расовом отношении Японии и ее бывших колоний, нынешние корейцы-дзайнити неотличимы от основного населения. Этим и объясняется, как полагает Мэттьюс, беспокойство доверенной японской администрации о регистрации корейцев и наблюдении за ними, что еще больше усилилось в послевоенные годы, «когда японцы не были “защищены” структурными привилегиями имперского закона и его расовыми иерархиями».

Глава Пак-Ким Уги посвящена «корейским школам» в Японии и дискриминации их как «сверху», со стороны правительства, так и «снизу», со стороны ультранационалистов. «Корейские школы» – это образовательные учреждения для корейцев-дзайнити, где общая школьная программа сопровождается изучением корейского языка, культуры и истории. История «корейских школ», как показывает ее Пак-Ким, это история противостояния с японским правительством, которое с 1946 по 1955 г. пыталось их запрещать. Особенно важный для автора эпизод в этой истории относится к 1948 г., когда страны антигитлеровской коалиции, которые Пак-Ким, ярко демонстрируя свою позицию, называет союзными оккупантами (the Allied Occupiers), помешали сообществу корейцев-дзайнити добиться от японских властей прекращения закрытия «корейских школ», отменив уже принятое решение о приостановке этой процедуры. С 1965 г. корейские школы также не входят в систему государственного финансирования, что накладывает определенные финансовые проблемы на родителей-корейцев, желающих, чтобы их дети знали корейский язык и культуру. Более того, говоря о дискриминации «снизу», автор указывает, что с 1980-х до 2000-х гг. повторялись инциденты, когда в поездах школьницам портили их особую «корейскую» школьную форму, а учащиеся младших классов страдали от оскорблений и насилия со стороны националистов.

Точно так же дискриминации подвергаются и айны – индигенное население земель, омываемых Охотским морем, и, говоря о территории современной Японии, – острова Хоккайдо. Автор главы об айнах, Марк Винчестер, указывает, что нынешнее их положение продолжает характеризоваться переселением и ассимиляцией, осуществленным еще японским колониальным правительством, и до сих пор айны являются одной из наиболее бедных групп в японском обществе. Однако этот

факт не защищает их от риторики ненависти и исторического ревизионизма, которые Винчестер считает выражением современного японского колониализма. Он пишет, что с момента ратификации Японией Декларации о правах коренных народов ООН в 2007 г. и последующего признания айнов индигенным народом Парламентом Японии в 2008 г., началась кампания по отрицанию аборигенного статуса айнов, которая была поддержана отдельными антропологами и популяризирована публичными личностями, в том числе политиками и мангаками. Кульминацией этого движения он считает выступление в августе 2014 г. члена городского собрания Саппоро, который отрицал существование айнов как отдельной этнической группы, что привело к всплеску риторики ненависти в интернет-пространстве и в конечном итоге к антиайнской демонстрации в Токио. Помимо этого, он упоминает факт пересмотра учебников для средней школы издательства *Ниппон Бункё: Сюппан*, где «экспроприация земли у айнов» была заменена на «передача земли айнами», а также открытые письма расистского содержания к Музею Хоккайдо и губернатору Хоккайдо, Такахаси Харуми, в мае 2016 г.

Все эти проблемы Винчестер блестяще описывает в своей главе об айнах, однако оформление ее вызывает вопросы. Глава в итоге представляет собой перечень имен публичных фигур, ведущих расистскую политику по отношению к айнам, и краткое описание их «заслуг», что в целом напоминает проскрипционный список. Тем не менее заканчивает Винчестер на мажорной ноте, указывая в постскриптуме, что в начале 2019 года кабинет министров Японии представил парламенту новый законопроект «Постановление о продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айнов». Винчестер еще не знает о судьбе этого закона, однако его опасения, что этот закон будет слишком умозрительным, подтвердились: в ходе пресс-конференции 1 марта 2019 г. активисты айнского движения отметили, что «в разработке нового законодательства не принимали участия сами представители народа, а также то, что в законопроекте не представлены конкретные меры по реализации поставленных в нем целей» (Пресс-конференция 2019). Профессор университета Тюкё Осакада Юко отмечает, что законопроект не гарантирует айнам коллективных прав, указанных в Декларации о правах коренных народов ООН, и приводит аргументы из обсуждения законопроекта в Парламенте Японии, когда были подняты вопросы о праве на самоопределение айнов и возвращении им полных прав на экспроприированные территории и их ресурсы, которые, однако, не получили внятного ответа (Osakada 2020: 1060–1061).

К традиционным «этническим» меньшинствам Японии часто причисляются и жители группы островов Рюкю, и в данной монографии за проблематику населения Рюкю «отвечает» глава Такахаси Синноскэ о вопросах «окинавской идентичности». Ключевой аналитической категорией для

Такахаси становится «локальность». Он замечает, что «так называемая окинавская идентичность – это концепт не самоочевидный, а созданный и сформированный различными проявлениями локальности». Тем не менее открытого ответа на то, что же такое «локальность», автор не дает, указывая, что ее определение зависит от контекста, но в то же время и сама локальность «является решающей для контекстуализации и нарративизации природы, культуры и людей», и поэтому, по его мнению, значение этого термина связано с политическими процессами эксклюзии и инклюзии, однако само объяснение кажется достаточно умозрительным.

Примеров локальностей, формирующих ту самую «окинавскую идентичность», Такахаси приводит два: это «Общество против вертолетной площадки» деревни Такаэ, символом которого выступает лес Ямбару как культурный ресурс, который необходимо сохранять; и организация «Единство народов Окинавы и Кореи», которая объединяет политических активистов из Окинавы и Южной Кореи. Такахаси считает, что эти два примера демонстрируют две траектории, формирующие чувство принадлежности: это локализация, как в случае деревни Такаэ, где природный ландшафт конструирует коллективную идентичность, и регионализация, как в случае «Единства народов Окинавы и Кореи», когда активисты анализируют ситуацию вокруг авиабаз на Окинаве в контексте всего региона Восточной Азии. По замыслу автора главы, эти два примера показывают, что локальность может означать не только эксклюзию, но и инклюзию, и социальную кооперацию, и что для понимания окинавской идентичности за пределами политики эссенциализма нужно анализировать практики местных локальностей.

Последний очерк, о котором пойдет речь в данной рецензии, касается также классической ситуации дискриминации. Речь идет о буракуминах – от термина *бураку*, обозначавшего «поселение, деревня, община», и *буракумин* – это люди, которые живут в таких поселениях. Они подвергаются дискриминации из-за распространенного предубеждения, что их предки в феодальный период входили в социальную категорию париев (*эта* и *хинин*). Сегрегированные сообщества начали возникать в XVI в. и были институционализированы с усилением классовой системы феодального режима Токугава. Государственная система классифицировала население в четыре группы: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, но приписываемые буракуминам «предки» были вынесены за рамки этой системы и даже ограничены в выборе мест для поселения, отсюда и их общее название.

Помимо генеалогического «признака», дискриминация буракуминов также осуществляется по принципу проживания (якобы буракумины живут в закрытых сообществах, расположенных на тех же местах, что и в период Эдо) и по роду деятельности (якобы буракумины работают только в мясной промышленности и в кожевенном производстве).

В своей главе Исикава Матико выходит за рамки просто обзора нынешней ситуации дискриминации буракуминов. Она привлекает письменные источники, созданные самими буракуминами, и фокусируется на их опыте дискриминации. Исикава пишет о движении за образование буракуминов (в 1993 г. среди буракумин безграмотных было 3,8%, в 19 раз больше, чем в целом по Японии (Aoki 2009: 196)); о знаменитом инциденте в Саяма, когда было доказано, что дело о буракумине, приговоренном к 31 году тюрьмы якобы за убийство девушки, было начато именно из-за предубежденного отношения к буракуминам полицейских и представителей судебной власти. Исикава также привлекает материал о громких инцидентах, связанных с дискриминацией в 2010-е гг., в том числе упоминает о продолжении печальной традиции публикации списков с указанием фамилий и места жительства людей, причисляемых к буракуминам.

В 1970-е гг. некоторые компании покупали копии документов с прописанными в них местами жительства буракуминов. Во время подачи заявки на должность претендент должен был приложить документы-косэки, на которых был указан адрес, и таким образом заинтересованные в эксклюзии буракуминов компании имели возможность сверять адрес претендента со списком адресов буракуминов. В 1970–1980 гг. таких списков на черном рынке насчитывалось по крайней мере десять. После протестов буракуминов правила приема на работу изменились, и теперь требуется прописывать только свою префектуру.

В этой связи Исикава рассматривает кейс с группой *Тоттори-лун*, известной своей дискриминационной активностью против буракуминов. В 2016 г. они опубликовали в издательстве *Дзигэнся* копию полугосударственного отчета 1936 г. о буракуминах в Японии. Годом позже судебным запретом эта книга была выведена из продажи, группе было запрещено публиковать эти сведения на своем сайте, однако они до сих пор существуют на его многочисленных «зеркалах». Все вышеперечисленное, по мнению Исикава, является новой формой дискриминации буракуминов, против которой в 2016 г. японским парламентом был принят закон о продвижении запрета дискриминации буракуминов, однако, как и в случае с айнами, коренных перемен он не вызвал.

В рассматриваемой монографии существуют и спорные пассажи, как, например, основная идея первой главы, написанной совместно Ноем МакКормаком и Кавабата Кохэй. Критикуя тезис об «идеальной гомогенной Японии», превалирующий в историографии 1960–1980-х гг., авторы закономерно указывают на его несостоятельность. Они пишут о том, что он может быть вписан в концепт «встроенного либерализма» Дэвида Харви (Harvey 2005), и указывают, что фокус на социальной защищенности означал эксклюзию тех, кто по каким-то признакам – из-за гендера, возраста, этнической принадлежности, физических или мен-

тальных особенностей и т.д. – не может претендовать на полное трудоустройство. Именно в это время возникают различные движения, «участники которых считают себя членами определенной группы и понимают, что именно восприятие их как членов этой группы ведет к риску или к уже существующим негативным факторам, таким как насилие, дискриминация и эксклюзия», которые объединяют усилия участников по преодолению стереотипов и налаживанию позитивного восприятия.

МакКормак и Кавабата обозначают такие движения термином «политика идентичности», которая, по их мнению, сменяется парадигмой неолиберализма. Именно неолиберализм, как представляют авторы, ведет к росту индивидуализации и уменьшению контроля за рынком труда, что приводит к индивидуальной ответственности за собственные успехи и неудачи и перестает связываться с дискриминацией по коллективному признаку. Авторы полагают, что «политика идентичности» привела к необходимым результатам, но в настоящее время солидарность групп меньшинств падает, равно как и уменьшаются эксклюзия и предубеждение. Именно эта часть концепции кажется наиболее слабой. Аргументация МакКормака и Кавабата строится на том, что общность проблем неким образом аннулирует те из них, которые были непосредственно вызваны дискриминацией: например, сейчас многие японские мужчины, как и женщины, работают не полный рабочий день и не по трудовому договору. Не очень понятно в таком случае, как это решает проблемы женщин: оттого, что у мужчин возникают трудности с устройством на работу, у женщин они не исчезают и не становятся меньше, так как изначально вызваны совершенно другой причиной: эксклюзией по гендерному принципу.

Точно так же странной кажется критика авторов нежелания исследователей разных меньшинств изучать их связь друг с другом: «...это порождает сложности на создании пути, который бы объединил всех людей, потенциально принадлежащих к социальному меньшинству (have the potential to belong to a social minority), с людьми, которые на самом деле подвергаются дискриминации (actually minoritized)». Помимо сомнительного выбора слов, подразумевающего, что существуют те, кто не дискриминируются «на самом деле», нужно отметить пример, которым иллюстрируется этот пассаж: речь идет о том, что исследователи не берутся за изучение якобы существующей тесной связи корейцев-дзайнити и сообщества людей с ментальными особенностями, так как эти исследования стигматизированы внутри сообщества корейцев-дзайнити. Последнее не кажется странным – корейцы-дзайнити сейчас являются излюбленной мишенью для японских националистов, и вес двойной дискриминации, неизбежно возникший бы в таком случае, в нынешней ситуации представляется чрезмерной ношей, которую при-

шлось бы нести конкретным людям ради каких-то абстрактных идеалов будущего.

В целом монография ярко демонстрирует усилившиеся в последнее десятилетие в японском обществе негативные тенденции: администрация Абэ Синдзо, известного своими правыми взглядами даже в консервативной Либерально-демократической партии, привела к всплеску националистических тенденций – обострились территориальные споры с Китаем об архипелаге Сенкаку, расцвел исторический ревизионизм, сторонники которого отрицают военные преступления Императорской армии Японии, в том числе существование «женщин для утешения», все громче зазвучала риторика ненависти как в интернет-пространстве, так и в митингах на улицах крупных городов. Расцвет национализма пагубно сказался на всех меньшинствах Японии, так как нынешний его вариант, который авторы данной монографии называют «эксклюзивистским», ставит себе целью исключение других не только физически, но и легально, и символически, отрицая их место в составе нации. В случае невозможности устранения своих жертв из национального пространства, национализм становится идеологией, оправдывающей доминацию внутри национального и социального пространства и стигматизирующей других как стоящих на более низких позициях. Национализм касается даже сограждан, не входящих ни в какое меньшинство: они оказываются «предателями», которые якобы действуют против национального интереса из-за своего эгоизма. Эта ненависть к избранным японцам соседствует с любовью ко всей нации, потому что националисты идеализируют историю страны и ее выдающихся личностей.

Практически все достижения по борьбе с дискриминацией в Японии можно отнести к заслуге общественных движений, представляющих интересы тех или иных меньшинств, и именно благодаря этим институтам гражданского общества баланс между националистической линией правительства и правами меньшинств все еще сохраняется.

Монографию «Социальное и культурное разделение в современной Японии» можно порекомендовать всем, кто хочет быть в курсе современного состояния японского общества и его главных проблем. Помимо акцента на события последнего десятилетия, монография дает базовые знания об истории социальных и этнических меньшинств в Японии, а также многочисленных группах и категориях, которые страдают от эксклюзивизма, но обычно остаются в тени и не получают большого освещения в литературе.

Благодарности

Автор приносит благодарность эксперту РИСИ Р.Н. Лобову за транслитерацию корейских имен и названий.

Примечание

Написание японских и корейских имен собственных приведено в соответствие с принятым порядком: сначала фамилия, потом имя. Написание всех остальных имен приведено в соответствие с международными правилами в обратном порядке.

Источники

Иммиграционное бюро Японии. 2020. URL: <https://www.moj.go.jp/isa/content/001335868.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

Пресс-конференция «Неужели айнов в Японии, наконец-то, признают?». URL: <http://ihaefe.org/files/news/2019/12-03/press-conf-rus.pdf> (дата обращения: 10.11.2021)..

Литература

Aoki H. Buraku culture // *The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture*. Cambridge University Press, 2009. P. 182–198.

Befu H. Hegemony of homogeneity: An anthropological analysis of nihonjinron. Trans Pacific Press, 2021.

Hage G. Against paranoid nationalism: searching for hope in a shrinking society. Pluto Press, 2003.

Harvey D. A brief history of Neoliberalism. Oxford University Press, 2005.

Osakada Y. An examination of arguments over the Ainu Policy Promotion Act of Japan based on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples // *The International Journal of Human Rights*. 2020. № 25 (6). P. 1053–1069. DOI: 10.1080/13642987.2020.1811692

Sugimoto Y. An Introduction to Japanese Society. Cambridge University Press, 2020. 5th ed.

Дарья Александровна Трынкина

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 ноября 2021 г.

Daria A. Trynkina, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: uwvalo@iea.ras.ru

Division and exclusionism in contemporary Japanese society

Review of *Cultural and Social Division in Contemporary Japan: Rethinking Discourses of Inclusion and Exclusion*. Edited by Yoshikazu Shiobara, Kohei Kawabata, Joel Matthews. Routledge Contemporary Japan Series. Routledge, 2019. 286 p. ISBN 9781138310391
DOI: 10.17223/2312461X/34/16

This work was conducted as part of the project "Population of Border Territories of Russia: Dynamics of Group Identities, Attitudes toward Citizenship, and Migration Risks" as part of the Basic and Applied Scientific Research Program on "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening All-Russian Identity".

References

Aoki H. Buraku culture. In: *The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture*. Cambridge University Press, 2009, pp. 182–198.

-
- Befu H. *Hegemony of homogeneity: An anthropological analysis of nihonjinron*. Trans Pacific Press, 2021.
- Hage G. *Against paranoid nationalism: searching for hope in a shrinking society*. Pluto Press, 2003.
- Harvey D. *A brief history of Neoliberalism*. Oxford University Press, 2005.
- Osakada Y. An examination of arguments over the Ainu Policy Promotion Act of Japan based on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, *The International Journal of Human Rights*, 2020, no. 25(6), pp. 1053–1069. DOI: 10.1080/13642987.2020.1811692
- Sugimoto Y. *An Introduction to Japanese Society*. Cambridge University Press, 2020. 5th edition.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАТЭ Виржини – Национальный центр научных исследований Франции, Группа «Общества, Религии, Секулярность» (EPHE/PSL University), г. Париж (Франция).
E-mail: virginie.vate-klein@cncrs.fr

ГРЕЙ Пэтти А. – PhD, независимый исследователь и редактор.
E-mail: pattyagray@tutamail.com

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – PhD, кандидат социологических наук, зам. директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия); научный сотрудник, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Анадырь (Россия).
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

ДАВЫДОВА Елена Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия); научный сотрудник, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Анадырь (Россия).
E-mail: elenav0202@gmail.com

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия); профессор Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: k.b.klokov@gmail.com

КОНСТАНТИНОВ Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия).
E-mail: nikita.knstantnv@yandex.ru

КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru

МАМОНТОВА Надежда Александровна – научный сотрудник (постдок) факультета географии, исследований земли и окружающей среды Университета Северной Британской Колумбии (Канада); ведущий ученый проекта РНФ, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: mamontova@unbc.ca

МАСЛИНСКАЯ Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; доцент базовой кафедры ИРЛИ НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: braunknopf@gmail.com

РЫБИН Евгений Павладиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).
E-mail: ryber@yandex.ru

СЕКУШИНА Юлия Андреевна – младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: sekushina.yulya@gmail.ru

СЕРЕГИН Николай Николаевич – доктор исторических наук, заместитель проректора по научному и инновационному развитию, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия).

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: annadsokolova@gmail.com

ТРЫНКИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: uwwalo@iea.ras.ru

ХАРЕВИЧ Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: mihalich84@mail.ru

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, руководитель Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН; президент Ассоциации медицинских антропологов, г. Москва (Россия).

E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

ХАЦЕНОВИЧ Арина Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: ada1985@yandex.ru

ЯНКОВСКАЯ Галина Александровна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Россия); в.н.с. Лаборатории междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (Россия).

E-mail: yank64@yandex.ru

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Анадырь (Россия).

E-mail: jarzut@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Rotapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (*please note that **the author's last name is to be given on the title page only**. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

- Academic degree, academic title;
- Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;
- E-mail;
- Postal address;
- Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

- Title of paper in both Russian and English;
- Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);
- Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2021. № 4

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид, А.А. Цыганкова
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.В. Хлыновская-Рокхилл

Подписано в печать 29.12.2021 г.
Формат 70х108¹/₁₆. Печ. л. 15,8. Усл. печ. л. 20,6. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4846. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.01.2022 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru